

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ
КАРТА
ТЕРРИТОРИИ
УКРАИНСКОЙ ССР
В I ТЫС. Н.Э.

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1985

В монографии посредством картографирования памятников уточнена территория распространения археологических культур I тыс. н. э. и намечены контактные зоны между смежными регионами. Большое внимание уделено вопросам хронологической взаимосвязи культур, что позволило определить стабильную линию развития древнего славянского населения. Рассматриваются также культуры других этнических образований, находившихся в контактах со славянскими племенами на территории Украины.

Помимо вопросов этнокультурного и социально-экономического характера содержится основная информация по археологии Украинской ССР I тыс. н. э. Монография снабжена картами, где отражены ареалы распространения культур, и таблицами, показывающими основные категории археологического материала, размещенного по хронологическому и синхронистическому принципу.

Для археологов, историков, преподавателей, студентов исторических факультетов.

Авторы

В. Д. Баран, Е. В. Максимов, А. Т. Смиленко, Л. В. Вакуленко, Д. Н. Козак, В. В. Магомедов, Р. С. Орлов, О. В. Пархоменко, С. П. Пачкова, О. М. Приходнюк, О. В. Сухобоков, Р. В. Терпиловский, С. П. Юренко

Редакционная коллегия

В. Д. Баран (ответственный редактор), Р. В. Терпиловский (ответственный секретарь), Е. В. Максимов

Рецензенты

И. С. Винокур, М. П. Кучера, В. А. Петрашенко

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран, археологии
и документалистике

Э 050700000-434 БЗ-9-7-85
М221(04)-85

© Издательство «Наукова думка», 1985

ВСТУПЛЕНИЕ

Археологические исследования 60—80-х годов в области раннеславянской археологии на территории Украинской GGP характеризуются значительной масштабностью, совершенством методики, раскопками, охватывающими всю площадь исследуемых памятников, а в районах новостроек — и значительных их групп. Наряду с продолжением традиционного изучения таких широко известных культур, как зарубинецкая, черняховская, карпатских курганов, раннесредневековых древностей славян, открытых археологами еще в конце XIX — начале XX в., значительное внимание уделяется исследованиям памятников поенешти-лукашевской, пшеворской, киевской, вельбарской и балкано-дунайской культур. Выделены новые группы поселений II в. н. э., интегрирующие элементы более ранних культур, а в памятниках римского и раннесредневекового времени — комплексы V в., заполняющие лакуны в хронологической шкале древностей I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы. Огромный археологический материал дает качественно новую информацию, в значительной мере изменяющую прежние представления об этнокультурных процессах в Юго-Восточной Европе I тыс. н. э., и является основой для углубленного изучения социально-экономических структур древних обществ.

Все это поставило перед археологами-славистами задачи четкой хронологической классификации древностей I тыс. н. э. на территории Украины, определения их культурного, а по возможности и этнического содержа-

ния, границ распространения, создания карт культурных ареалов и синхронистических таблиц.

Основной объем исследования посвящен подведению итогов многолетних полевых и теоретических изысканий в области восточнославянского этногенеза с учетом новейших полевых и теоретических достижений в этой области знаний.

При определении и уточнении территории распространения культурных ареалов важную роль сыграло картографирование памятников, а детальная проработка археологических источников позволила наметить контактные зоны между территориально смежными регионами.

Следующий этап исследования, который определяется кругом вопросов о взаимосвязи хронологически смежных культур, потребовал детальной разработки единых принципов классификации археологических источников. Это позволило эффективно применить ретроспективный метод, посредством которого удалось четко наметить стабильную линию развития археологических культур от несомненно славянских, относящихся ко второй половине I тыс. н. э. (пражской, пеньковской, Луки-Райковецкой и др.), к более ранним, первой половины I тыс. н. э. (киевской, части черняховской, зарубинецкой и др.). В этом отношении огромную роль сыграли новейшие открытия украинскими археологами древностей киевского типа и переходных памятников V в. н. э. (Теремцы, Рашков III, Сокол, Лука-Каветчинская, Кодын и др.). Эти памятники заполнили хронологическую

лакуну между древностями Украины позднеримского и раннесредневекового времени.

Вместе с тем славянский этнический массив территории Восточной Европы не был изолированным явлением. Археологические материалы фиксируют процесс внедрения на восточнославянские территории культур гето-дакийского облика (типа Поенешти — Лукашевки и Липицы) и готских элементов вельбарской культуры. В районах, непосредственно граничащих со степью, наметились контакты между кочевниками и оседлым населением славян. Поэтому, значительное место уделено рассмотрению сарматских, салтовских и некоторых других памятников.

Настоящая коллективная монография является исчерпывающим справочником по археологии УССР I тыс. н. э. Кроме основного текста, важная роль принадлежит иллюстративному материалу — картам и таблицам, в которых синтезированы ареалы распространения культур, отражены основные категории археологических находок, сгруппированных в хронологических и синхронистических таблицах.

Следует отметить, что работа включает ряд сложных дискуссионных вопросов, касающихся хронологического

и территориального соотношения культур I тыс. н. э. и их культурной интерпретации, решение которых требует дальнейших полевых исследований и теоретических разработок. В определенной мере в ней отражено состояние изученности археологических культур I тыс. н. э. на территории Украины и взгляды коллектива авторов на проблемы этнокультурного развития Юго-Восточной Европы в этот период.

В написании монографии приняли участие сотрудники отдела археологии ранних славян, а также отдела древнерусской и средневековой археологии Института археологии АН УССР:

В. Д. Баран (вступление, § 1 гл. III, заключение), Е. В. Максимов (§ 1, 2 гл. I), С. П. Пачкова (§ 3 гл. I), Д. Н. Козак (§ 1 гл. I, § 4 гл. II), Р. В. Терпиловский (§ 2 гл. II, § 3 гл. III, гл. V), Л. В. Вакуленко (§ 3 гл. II), О. М. Приходнюк (§ 2 гл. III), Р. С. Орлов (§ 4 гл. III), А. Т. Смиленко (§ 1 гл. IV), С. П. Юренко (§ 2 гл. IV), О. В. Сухобокос (§ 3 гл. IV), О. В. Пархоменко (§ 4 гл. IV), В. Д. Баран, Б. В. Магомедов (§ 1 гл. II).

Иллюстративный материал подготовили старшие лаборанты отдела археологии ранних славян А. Н. Некрасова и И. Б. Зелепецкая.

І. ПОЗДНЕЛАТЕНСКОЕ И РАННЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ НА УКРАИНЕ

1. Сарматы на Украине

Заметными вехами в древней истории Украины являются скифский и сарматский периоды, в течение которых на берегах Черного моря существовали греческие города-государства: Тира, Ольвия, Херсонес, а также Боспорское царство.

Что касается скифов, то некогда могущественное Скифское государство, возникшее в VI в. до н. э., к III в. до н. э. вступило в полосу глубокого кризиса и вскоре прекратило свое существование. Известен рассказ греческого автора I в. до н. э. Диодора Сицилийского о том, что сарматы опустошили значительную часть Скифии, поголовно уничтожив побежденных, достоверность которого весьма сомнительна. Несомненно, в это время имели место скифо-сарматские войны (сообщения Лукиана Самосатского, Поллена и других авторов II в. до н. э.), однако главной причиной упадка Скифии следует считать социально-экономические и, возможно, экологические факторы, в частности наступление аридного периода.

После распада Скифского государства часть его населения сконцентрировалась на берегах Нижнего Днепра, где возникло до полутора десятка городищ — Золотая Балка, Знаменка, Любимовка и др., а часть переселилась в Крым, где образовала Скифское царство, или Малую Скифию, со столицей в Неаполисе.

К рубежу нашей эры античные государства Северного Причерноморья также переживают значительные трудности, вызванные изменением социально-экономической обстановки и внеш-

ними обстоятельствами — ухудшением положения греческой метрополии, с которой Северное Причерноморье связывали тесные торгово-экономические узы, и военной опасностью со стороны различных воинственных племен, в числе которых были и сарматы.

История сарматов разделяется на четыре периода: савроматский (VI — V вв. до н. э.), ранний сарматский (IV — III вв. до н. э.), средне- (II в. до н. э. — I в. н. э.) и позднесарматский (II — IV вв. н. э.) [Смирнов, 1964, с. 5—7]. В течение VI—III вв. до н. э. сарматы занимали степи Южного Поволжья и Приуралья, а также Западного Казахстана, составляя вместе со скифами и саками обширную группу североиранского кочевого этнического массива.

На территории Украины сарматы появились в конце IV в. до н. э. в результате переселения со своих исконных земель. Причины переселения выяснены недостаточно, вероятно, основными факторами были рост населения и вызванный им недостаток пастбищ.

О сарматах этого времени на западной территории Дона свидетельствуют только литературные источники (Псевдо-Скилак). Наиболее ранние археологические памятники относятся к III — II вв. до н. э. Это отдельные небольшие по размеру курганы, в которых находились погребения рядовых кочевников. Захоронения совершались и в насыпях более древних курганов. Богатые погребения, относящиеся в основном к более позднему времени, единичны. Типичное сарматское погребение II в. до н. э. с диагонально расположенным труположением и бронзовыми наконечниками стрел обнаружено

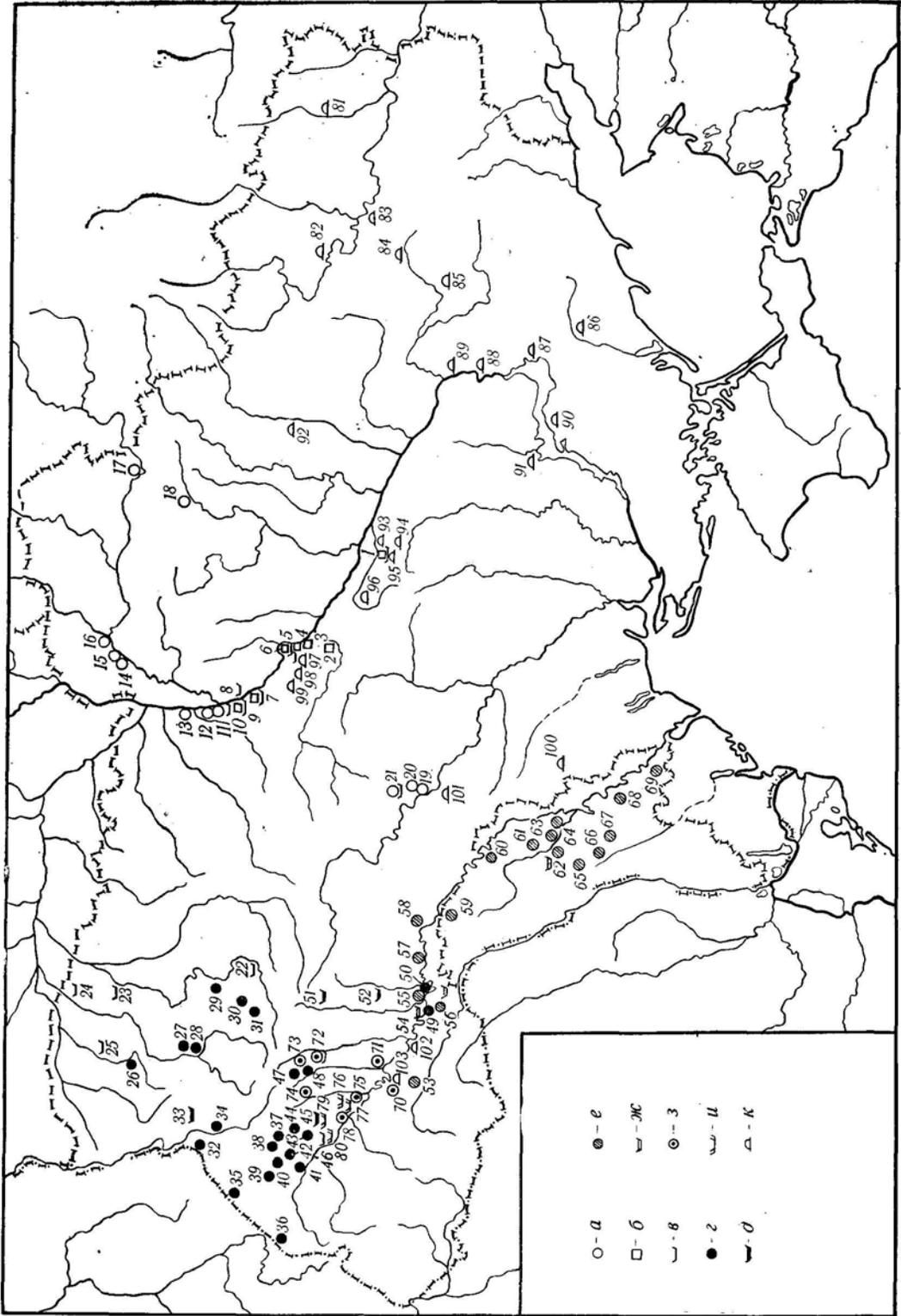

Рис. 1. Основные памятники рубежа — первой четверти I тыс. н. э. за территории УССР.

Условные обозначения: *a* — поселения зарубицкой культуры; *b* — городища и *e* — могильники зарубицкой культуры; *z* — поселения и *d* — могильники пшеворской культуры; *e* — поселения и *ж* — могильники лукашевой культуры; *з* — поселения; и — могильники липицкой культуры; *к* — погребения сарматов.

Памятники зарубицкой культуры: 1 — Суботов, 2 — Сахновка, 3 — Пящиченкова Гора, 4 — Бабина Гора, Дедов Шпиль, 5 — Зарубинца, 6 — Монастырек, 7 — Триполье, Девич Гора, 8 — Вишненя, 9 — Цирюк, 10 — Корчеватое, 11 — Оболонь, 12 — Лютеж, 13 — Козаровичи (уроч. Выгон Цетельня), 14 — Таблевка, 15 — Шестовина, 16 — Киселевка, 17 — Харьвенка, 18 — Басовка, 19 — Мярняновка, 20 — Носовичи, 21 — Рахны, 22 — Могильяны, 23 — Зеленица, 24 — Иванчицы, 25 — Черск.

Памятники пшеворской культуры: 26 — Подроже, 27 — Боратин, 28 — Горская Полянка I, 29 — Хоров, 30 — Дила, 31 — Остров-Варковецкий, 32 — Белз, 33 — Бендюга, 34 — Святая, 35 — Поповичи, 36 — Нижанковичи, 37 — Подберецце, 38 — Чышки, 39 — Пасеки-Зубрецькие, 40 — Соколыны I, 41 — Березец, рецце, 42 — Чышки, 39 — Пасеки-Зубрецькие, 40 — Соколыны I, 41 — Березец,

Памятники липицкой культуры: 70 — Независко, 71 — Зеленый Гай, 72 — Верхний Липица, 73 — Ремесовца, 74 — Лагод, 75 — Бовшев, 76 — Волотня, 77 — Колоколин, 78 — Залески, 79 — Гринев, 80 — Звенигород.

Памятники сармат: 81 — Старобельск, 82 — Балаклея, 83 — Яремовка, 84 — Славинск, 85 — Богодар, 86 — Аккермень, Новофилиповка, 87 — Алчерак, 88 — Михайловка, 89 — Борона, 90 — Ушковка, 91 — Усть-Каменка, Кут, Грушевка, 92 — Катемирова, 93 — Колонтаев, 94 — Цретново, 95 — Ружичанка, 96 — Раггород, 97 — Емиха, 98 — Маслова, 99 — Кагарлык, 100 — Кошары, рецце, 38 — Чышки, 39 — Пасеки-Зубрецькие, 40 — Соколыны I, 41 — Березец, 101 — Троины, 102 — Киселев, 103 — Островец.

на Левобережье — у с. Ворона недалеко от Днепропетровска.

На Левобережье сарматы пребывали вплоть до III в. н. э., на что указывают памятники Северского Донца и Молочной. Всего в бассейне Северского Донца известно около 30 погребений, а в Приазовье, кроме отдельных захоронений, на р. Молочной исследовано два сарматских могильника — Аккермень и Новофилиповка, где обнаружено более 60 могил. Около 20 погребений открыто на могильнике Усть-Каменка, расположенном на левом берегу Нижнего Днепра (рис. 1; 2).

На Правобережье сарматские курганы концентрируются в бассейне р. Базавлук (могильники Грушевка и Кут), вблизи древней переправы через Днепр у г. Никополя. Они относятся в основном к I в. н. э.

Другим средоточием сарматских памятников на Правобережье являются междуречье Тясмина и Стугны, где известно около 30 единичных захоронений I в. н. э., и Каянтаевский могильник на Днестре (42 погребения).

На Поднестровье обнаружены отдельные сарматские памятники этого времени, а также могильники у сел Островец (14 погребений) и Киселев (5 погребений).

К позднесарматскому (аланскому) периоду относятся единичные захоронения, разбросанные по всему пространству от Северского Донца (Славянск) до Днестра (Ленковцы), обычно впущенные в курганы более ранних эпох.

Сарматские могилы с труположениями типологически близки между собой. Однако они имеют и местные особенности, обусловленные местонахождением и временем памятников. Так, для Северского Донца характерны прямоугольные могилы, форма и инвентарь которых близки к сарматским памятникам Дона и Кубани, приазовские курганы р. Молочной отражают большую племенную пестроту и связи с античным миром, начиная с рубежа н. э. Правобережные лесостепные погребения свидетельствуют об определенном процессе ассимиляции так же, как и погребения Поднестровья, что, в частности, выразилось в смене курганного обряда бескурганном.

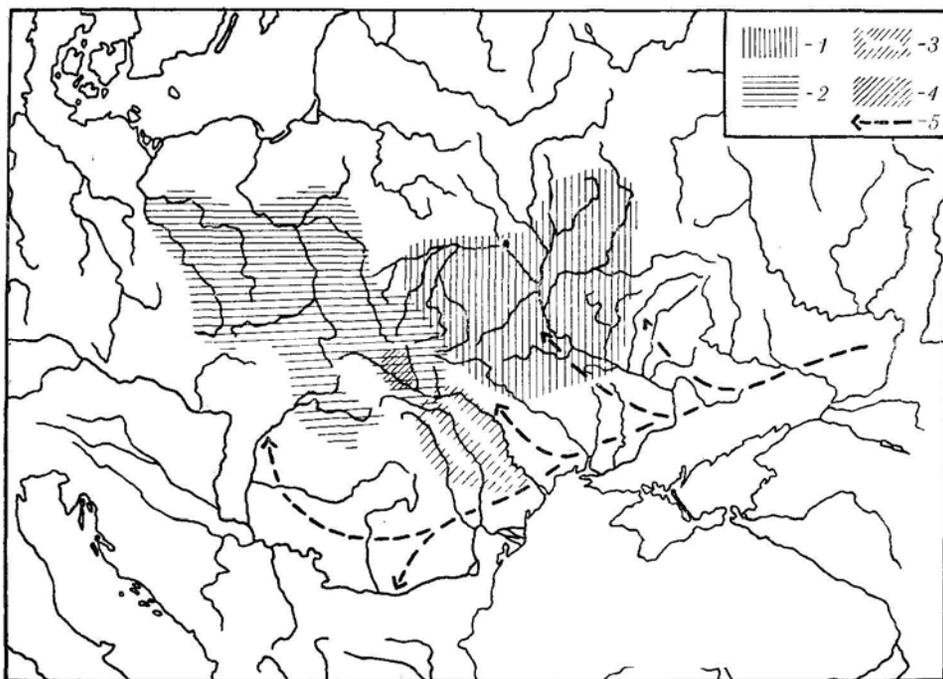

Рис. 2. Ареал археологических культур рубежа — первой четверти I тыс. н. э.
Условные обозначения: 1 — зарубинцевская, 2 — пшеворская, 3 — культура Поенешти-Лукашевка, 4 — липицкая, 5 — направление миграции сарматов.

Погребения в основном одиночные, обряд — труположение на спине с вытянутыми конечностями, головой на север. Однако известны южная, восточная и западная ориентировки, встречаются погребения и с таким положением: ноги, согнутые в коленях и скрещенные, руки на тазу или груди.

Локализацию известных на территории Украины по письменным источникам сарматских племен языгов, роксолан и западная ориентировки, встречаются погребения и с таким положением: ноги, согнутые в коленях и скрещенные, руки на тазу или груди. Однако по тем же источникам известно, что роксоланы обитали в Приазовье; вместе с ними находились, по-видимому, и другие племена, о чем свидетельствует разнообразие погребального обряда. Языгам принадлежали впускные погребения II в. до н. э., в том числе и на Правобережье. Для алан характерны обряд погребения в катакомбах и обычай деформации черепов.

Погребальный инвентарь дает возможность представить уровень материальной культуры сарматов. В могилах встречены оружие и предметы конской сбруи, посуда, вещи личного

убора и туалета, предметы культа [Вязьмитина, 1975, с. 195—207].

Орудий труда немного. Это железные ножи и каменные точильные бруски, прясла биконической и яйцевидной форм, каменные зернотерки, бронзовые иголки, железные шилья.

Оружие представлено железными мечами и кинжалами, колчанными наборами наконечников стрел. Ранние и поздние мечи имеют длину до 1 м, а мечи-кинжалы среднесарматского времени — до 0,5 м, прямое перекрестье, кольцевое навершие. Для поздних мечей характерно навершие из цветного камня. Наконечники стрел III—II вв. до н. э., как и позднескифские, изготовлены из бронзы, трехгранные, втульчатые. Для I в. до н. э.— I в. н. э., характерны маленькие железные трехлопастные черенковые наконечники, а со II в. н. э. распространяется тяжелый лук с крупными железными наконечниками стрел.

Лепная сарматская посуда представлена горшками, корчагами, кувшинами и мисками серого цвета, часто с подощенной поверхностью. Для горшков

и корчаг свойственны низкие плечики, широкие горло и дно, крупный, плавно отогнутый венчик. В тесте содержатся примеси дресвы. У кувшинов грушевидный или биконический корпус, цилиндрическая шейка, петельчатая ручка. Миски конической или полусферической формы встречаются редко.

Обязательной принадлежностью погребального инвентаря сарматских могил с рубежа н. э. и в I—II вв. является античная керамика, представленная разнообразными типами красноглиняных сосудов, реже — краснолаковых и сероглиняных. Амфоры встречаются очень редко. По количеству находок красноглиняной посуды преобладают кувшины, затем следуют миски, чаши, блюда, килики, лагиносы, кружки с ручками, канфары, лекифы, изготовленные в основном в мастерских Боспора, Херсонеса и Ольвии.

Другие предметы античного производства представлены единичными находками металлической посуды (бронзовая гидрия и ковш, серебряная чаша II—I вв. до н. э. из с. Цветково Черкасской обл.), а также многочисленными вещами личного убора, туалета и украшениями. К ним относятся бронзовые проволочные фибулы среднелатенской схемы I в. до н. э., позднелатенские фибулы I в. н. э., раннеримские фибулы типа Авцисса и фибулы-броши I в. н. э., боспорские круглые фибулы полихромного стиля I в. н. э. и др.; стеклянные и алебастровые флаконы для благовоний II в. н. э., разнообразные бусы, главным образом из стекла и пасты, а также из полудрагоценных камней, коралла, гешира, янтаря; известны золотые подвески и медальоны, серебряные фалары.

Наличие разнообразных предметов античного производства указывает на существование тесных связей сарматов с Боспором, Херсонесом, Ольвией и Тирой. Причерноморские города в обмен на рабов и скот снабжали сарматов изделиями своего ремесла и были посредниками в торговле сарматов с античной метрополией. Располагая кочевья вблизи античных поселений, сарматы постепенно попадали под влияние античной культуры, что в свою очередь приводило к сарматизации причерно-

морской античной культуры, особенно ощущавшейся на Боспоре, где сарматы вошли в состав правящей династии и где отчетливо заметно их воздействие на экономику и общественную жизнь, приемы военной тактики, распространение новых типов оружия, костюма, полихромного стиля в ювелирном деле и т. д.

Не прошло бесследно и соседство сарматов с земледельческим населением Лесостепной Украины.

Жители зарубинецких поселений Среднего Поднепровья впервые столкнулись с сарматскими военными отрядами в конце I в. до н. э. Результаты сарматских набегов четко фиксируют остатки сожженных зарубинецких укреплений и находки на них сарматских железных трехлопастных наконечников стрел, обнаруженных при раскопках Ходосовки, Бабиной Горы, Монастырька и других зарубинецких памятников этого времени [Максимов, 1982, с. 78].

Постоянная военная угроза со стороны сарматов, которые в I в. п. а. обосновались в глубинной части Лесостепного Поднепровья, между Тясмином и Стугной, привели к переселению зарубинецкого населения со Среднего Поднепровья в более спокойные и отдаленные районы — в основном на территорию Верхнего Подесенья.

Что касается сарматов Среднего Поднепровья, то имеющиеся материалы (более 70 погребений в 30 пунктах, в том числе довольно крупный Калантаевский могильник) свидетельствуют о том, что в I в. н. э. здесь находилось место постоянного обитания одного из сарматских племен, вероятно, роксоланов. Находки оружия почти в половине этих погребений указывают на типичный для сарматского кочевого общества военизированный образ жизни, а наличие в некоторых погребениях злоторых украшений — на начало социально-имущественной дифференциации [Симоненко, 1981, с. 69].

В отношениях сарматов и носителей Черняховской культуры во II—IV вв. н. э. сложилась совершенно иная ситуация, чем в сарматско-зарубинецких. В настоящее время не вызывает сомнения факт участия сарматского населения

II—III вв. н. э. в сложении юго-западного региона Черняховской культуры. Этому способствовал постепенный переход сарматов к оседлости, что привело к появлению у них поселений, подобных черняховским [Рикман, 1975, с. 319], к усилению контактов и связей сарматов и оседлого, жившего рядом с ними земледельческого населения. Показательны наличие сходных черт в погребальном обряде — существование одинаковых по форме и устройству могильных ям с уступами (заплечиками и подбоями — Переяслав-Хмельницкий и др.); распространение гробов и колод и северная ориентировка погребенных, характерные для поздних сарматов и ранних черняховцев; положение рук на тазе и груди; наличие скорченных скелетов (Черняхов, Касаново и др.). На поселении Леськи и в Масловском Черняховском могильнике обнаружены сарматские зеркала. К сарматским элементам погребального ритуала в Черняховских могилах следует также отнести красную краску, следы бараньего мяса, остатки лошадиной туши, ножи и т. д. Данные антропологии, полученные при исследовании юго-западных ареалов Черняховской культуры [Рикман, 1975, с. 321], свидетельствуют, что наряду с гетским антропологическим типом (мезодолхокраны) встречается и сарматский (брахиокранный) тип. Естественно, что в других Черняховских ареалах величина сарматского этнического типа среди материалов Черняховских могильников могла быть менее ощутимой или же вовсе отсутствовать [Кондукторова, 1979, с. 67], как, например, на Нижнем Днепре. Но в других Черняховских областях она выступает вполне определенно, как и вклад сарматской культуры в создание черняховской культуры в целом [Баран, 1981, с. 154, 161].

Характерным датированным материалом среди предметов, найденных в сарматских погребениях, являются: сарматское оружие (мечи, кинжалы, наконечники стрел, хронология которых разрабатывалась П. Рау, Б. Н. Граковым и др. и может считаться твердо установленной); предметы античного импорта — прежде всего, красноглиняная керамика, наиболее часто встречающаяся

в сарматском инвентаре, а также редкие амфоры, фибулы античного производства, бусы и др.; сарматские бронзовые зеркала.

Следует отметить, что большая часть датированных предметов относится к I в. до н. э., скорее к I в. н. э., когда сарматские племена на территории Украины были наиболее активны и многочисленны.

2. Зарубинецкая культура

Первый памятник зарубинецкой культуры был открыт на Среднем Поднепровье киевским археологом В. В. Хвойкой в 1899 г. Это был сильно разрушенный могильник — сохранились три погребения — близ с. Зарубинцы Каневского уезда Киевской губернии [Хвойка, 1901, с. 182—184]. Масштабные раскопки были предприняты лишь в канун Великой Отечественной войны, когда И. М. Самойловский у с. Корчеватое близ Киева раскопал более ста зарубинецких погребений. Однако широкое изучение зарубинецкой культуры развернулось лишь в послевоенные годы [П. Н. Третьяков, Ю. В. Кухаренко, К. В. Каспарова, Л. Д. Поболь, Е. В. Максимов и др.].

В настоящее время известно более 500 поселений и могильников, из которых около 70 в той или иной мере раскопаны, на них обнаружено приблизительно 1000 погребений и 150 жилищ.

Зарубинецкие памятники появились вначале в бассейне Днепра, располагаясь в Полесье и в Лесостепи, от рек Припяти и Березны на севере до Тясмина на юге (см. рис. 1). Позднее они распространились на Сож и Десну и Южный Буг.

Обширная территория зарубинецкой культуры разделяется на пять отдельных регионов (см. рис. 2). Первый из них занимает Среднее Поднепровье — от устья Десны до Тясмина. Здесь раскапывались поселения: Пилипенкова Гора, Оболонь, Бабина Гора, Лютеж, могильники Пирогов, Корчеватое, Дедов Шпиль, Вишенки, Суботов.

Второй регион находится в Припятском Полесье, где зарубинецкие памятники занимают среднее течение При-

пяти и низовья ее притоков Горыни и Стыри. Здесь наиболее полно исследованы могильники Велемичи I и II, Отвержици и Воронино.

Третий регион — Верхнеднепровский. Он занимает Юго-Восточную Белоруссию по течению Днепра, до устья Припяти, а также берега Сожа и Друти. Наиболее известными памятниками этого региона являются городище и могильники у с. Чаплин Гомельской обл. Работы велись также на городищах Милоград, Горошков и некоторых других.

Четвертый регион находится в Верхнем Подесенье, где раскапывались поздние поселения у г. Почеп и у с. Синьково Брянской обл.

Пятый регион расположен в среднем течении Южного Буга. Здесь исследованы поселения Марьяновка и Носовцы, позднее — поселение и могильник Рахны и др.

Поселения были мысовыми и пойменными, занимали площадь от 0,1 до 2 га. Мысовые поселения имели укрепления — земляные рвы и валы с частоколом. Поселения располагались небольшими группами (гнездами), по 10—15 поселений в каждом «гнезде».

Жилища площадью 12—20 м² имели квадратную или прямоугольную форму. На Среднем Поднепровье, Южном Побужье и Верхнем Подесенье полы жилищ находились в верхней части материка на глубине 0,3—0,8 м от современной поверхности. Стены были каркасно-плетневые [Максимов, 1982, с. 166]. Очаг — участок пола диаметром до 1 м, огражденный каменной или глиняной стенкой, — располагался у стены или в центральной части жилища.

В Верхнем Поднепровье сооружались наземные жилища [Третьяков, 1959, с. 124—126]. Их основой служили столбы, вкопанные вдоль стен. Бревна стен по концам затесывались и впускались в вертикальные пазы столбов. На Припяти найдены остатки полуземлянок глубиной до 1 м. Крыши были двухскатные, для кровли использовали солому и глину.

Возле жилищ, реже — внутри них, находились хозяйственные ямы диаметром и глубиной до 1 м.

Могильники не имели внешних со-

оружий. Известно пять типов погребений: трупосожжения в яме с пережженными костями и инвентарем (керамикой, фибулами, булавками и др.), не побывавшим в огне (ямные трупосожжения); трупосожжения с остатками кремации в сосуде-урне и инвентарем (урновые трупосожжения); трупосожжения смешанные, в которых кости и инвентарь помещались в урне и на дне могилы; единичные труположения; кенотафы — могилы без костей, но с инвентарем. Кремация совершалась на окраине могильника [Максимов, 1972, с. 100].

Погребения совершались в неглубоких ямах, дно которых находилось в верхней части материка, на глубине 0,2—1,2 м от современной поверхности. У ямных трупосожжений ямы прямоугольной или овальной формы, длиной 1,2—1,6, шириной 0,6—1,0 м. Форма ям урновых погребений круглая или квадратная, размером до 1 м. Удлиненные могилы на Среднем Поднепровье ориентированы перпендикулярно к берегу реки, на Верхнем Поднепровье и на Припяти — параллельно. Количество пережженных костей невелико. Кости очищались от золы и углей. Инвентарь и кости в ямных погребениях находились в противоположных частях могилы.

Погребальный инвентарь состоит из чернлощенных горшков, мисок и кружек, реже — кухонных нелощеных горшков. Встречаются фибулы, булавки, кольца, бусы, кости домашних животных (остатки ритуальной пищи).

Керамика подразделяется на лощеную и нелощеную (шероховатую). Она представлена горшками, корчагами, крышками к ним, дисками-лепешницами, мисками, кувшинами, вазами и стопками.

Орнаментацию посуды составляют ямки или насечки по краю венчика кухонных горшков, корчаг и крышек, невысокий, расчлененный ямками валик, проходящий по плечу корчаг, круговой уступ у основания шейки и рельефные подковообразные псевдоушки у лощеных горшков.

Горшки — наиболее многочисленная группа керамики (рис. 3, 1, 6, 11, 13). Они имеют четко выраженное

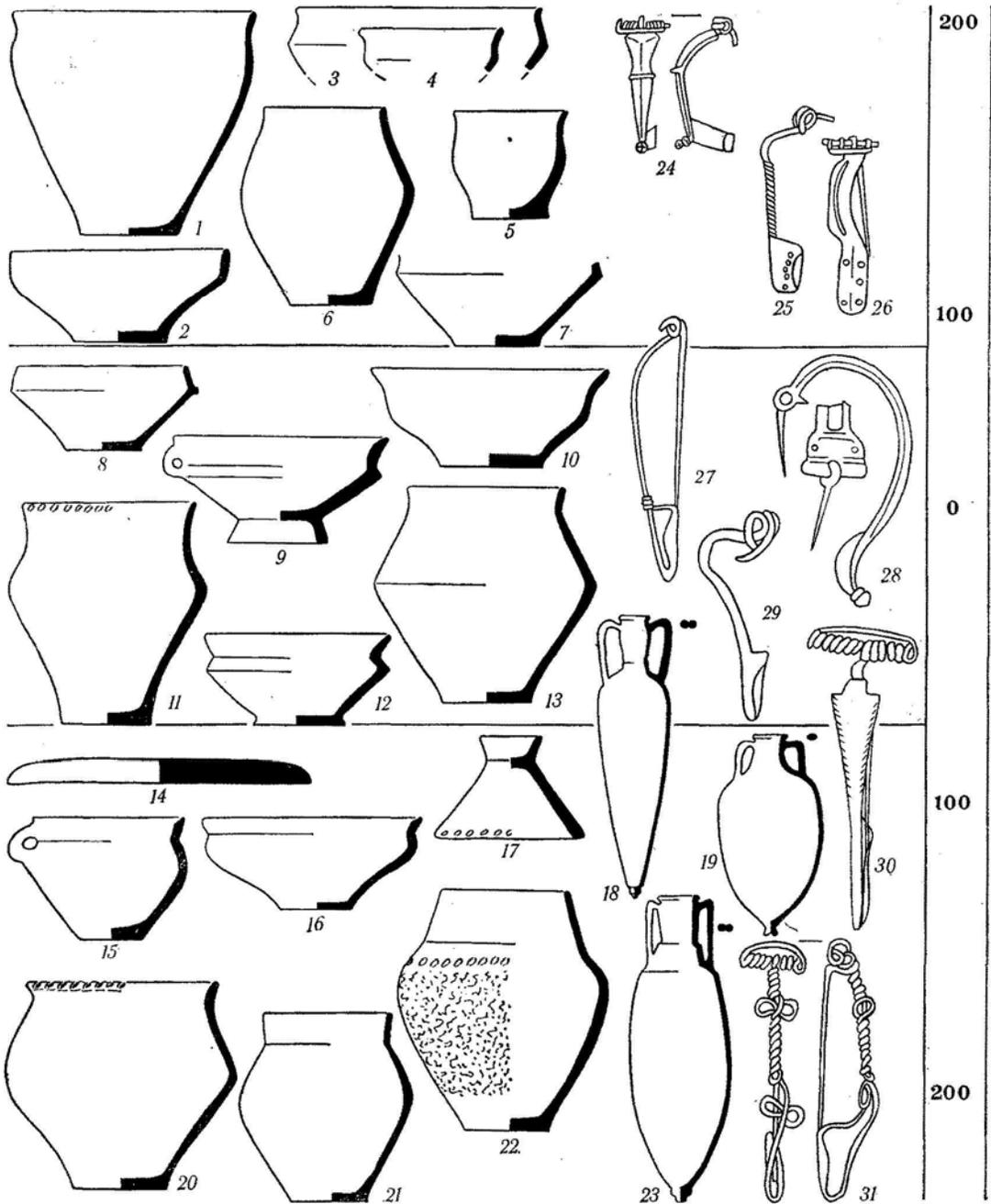

Рис. 3. Зарубинецкая культура. Основные этапы развития:

1 — Грини; 2, 6 — Рахны; 3, 4, 7 — Киеелевка; 5 — Чудатово; 8 — Корчеватое; 9, 10, 12, 13 — Пирогов; 11 — Лютеж; 19, 23 — Пилипенкова Гора, Суботов, Сахновка, Московка, Селище, Монастырек, Новые Безрадици, Великие Дмитриевича, Юрковица, Басовка, Горошков, Чаплин (реконструкции); 14, 17, 32 — Пилипенкова Гора; 15 — Зарубинцы; гв. 20, 21 — Пирогов; 18 — Суботов, Бабина Гора, Монастырей, Гребени, Таценки, Ходосовка, Носовцы, Марьяновка (реконструкции); 24 — Рудяки; 25 — Коржи, Почеп; ге — Лютеж, Таценки, Зарубинцы; 27 — Девич Гора; 28 — Рахны; 29 — Таценки, Оболонь; 30 — Зарубивцы, Пирогов, Корчеватое, Монастырек, Великие Дмитриевичи, Дедов Шпиль, Чаплин, Велемичи, Отвержичи, Пархомовка; 31 — Пирогов, Воронино.

Таблица 1. Датирующие предметы по регионам зарубинецкой культуры

Регион	Амфоры		Фибулы				Количество признаков	Датировка региона
	эллинистиче-ские	раннерим-ские	расчленен-ные	зарубинец-кие	раннерим-ские	поздние		
Среднее Поднепровье	+	+	+	+	+	+	6	Конец III в. до н. э. — середина II в. н. э.
Припятское Полесье	+	—	+	+	+	—	3	Рубеж III—II вв. до н. э. — конец I в. н. э.
Верхнее Поднепровье	?	—	—	+	+	+	3	Рубеж III — II вв. до н. э. — начало II в. н. э.
Южное Побужье	—	+	—	+	—	+	3	Вторая половина I в. до н. э.—II в. н. э.
Верхнее Поддесенье	—	—	—	—	+	+	2	Вторая половина I в. до н. э. — II в. н. э.

плечико. По этому признаку их можно разделить на типы: округлобокие и ребристые со средним плечиком, округлобокие с высоким плечиком.

Корчаги повторяют форму горшков, но имеют большую вместимость (рис. 3, 20, 22).

Миски по количеству находок занимают второе место. По особенностям профилировки корпуса они разделяются на полусферические, округло- и остроплечие (рис. 3, 2—4, 8—10, 12, 16).

Крышки конической формы изготовлены из грубой керамической массы (рис. 3, 17). Корпус оканчивался высокой полой центральной ручкой цилиндрической формы.

Другие виды керамики встречаются реже.

Орудия труда представлены небольшими железными ножами, изредка встречаются небольшие серпы с боковой ручкой, косы латенского типа, топоры с вертикальной втулкой, долота, массивные рыболовные крючки, остроги, иглы с ушками, шилья, струги, сверла, ложки.

Из предметов убора были распространены бронзовые, реже железные фибулы, всего их известно около 700. Большая часть фибул — изделия местного производства. Фибулы разделяются на несколько типов: латенские, провинциально-римские, причерноморские, подвязные, глазчатые. Из фибул латенского типа три четверти состав-

ляют фибулы среднелатенские, из которых более половины являются местными фибулами зарубинецкого типа с треугольной спинкой (рис. 3, 24—28, 30, 31).

Найдены также немногочисленные бронзовые булавки, бронзовые и железные браслеты и кольца, поясные наборы и пряжки, бронзовые подвески и серьги, стеклянные бусы.

Из привозных изделий наиболее многочисленны греческие амфоры для вина, фрагменты которых найдены на всех поселениях Среднего Поднепровья (рис. 3, 18, 19, 23).

Изделия из стекла представлены бусами разного цвета и формы. Единичные находки бус известны на многих памятниках, а в большом количестве (около 1200 шт.) они найдены лишь в Чаплине. В Суботове и Почепе обнаружены фигурные подвески из стекловидной египетской пасты.

Основой для установления хронологии явился датирующий материал импортного происхождения — обломки античных амфор из поселений Среднего Поднепровья и Южного Побужья, а также фибулы. В меньшей мере для этой цели использованы керамика и бусы.

Эти датирующие материалы отражают реальную хронологию каждого региона. Они показывают, что на Среднем Поднепровье зарубинецкие поселения типа Пилипенковой Горы и

могильники типа Пирогова существовали уже в конце III в. до н. э. (табл. 1).

Ранняя дата зарубинецких поселений этого региона устанавливается на основании находок повсеместно встречаемых здесь фрагментов эллинистических амфор. Показательны в этом отношении материалы Пилипенковой Горы — наиболее полно исследованного среднеднепровского городища. Здесь на площади около 3000 м² обнаружено свыше 2000 обломков, из них около 150 составляют ручки, венчики и ножки амфор, время и место производства которых обычно четко определяются. Наиболее ранним из них — 230—220 гг. до н. э., является фрагмент верхней части (горла, плечика, ручек) клейменной косской амфоры. Кроме косских, здесь найдены также обломки амфор (в том числе и с клеймами) других античных винодельческих центров — Фасоса, Родоса, Пароса, Синопы, функционировавших на рубеже III и II вв. до н. э. и позднее (рис. 3, 19, 23).

Этим же временем датируются зарубинецкие захоронения на Среднем Поднепровье — погребения № 26 и 129 Пироговского могильника, где были обнаружены расчлененные среднелатенские фибулы. Опубликованная фибула из погребения № 26 (рис. 3, 31) [Кубышев, Максимов, 1969, рис. 4, 1] на основании центральноевропейских аналогий датирована рубежом III/II вв. до н. э. или же началом II в. до н. э. [Оломский, 1983, табл. 3].

Таким образом, начальная дата зарубинецкой культуры на Среднем Поднепровье, определяемая по амфорам из поселений (конец III в. до н. э. или же рубеж III/II в. до н. э.) и фибулам из могильников, приходится на рубеж с III/II в. до н. э.

Однако если допустить существование в самом начале зарубинецкой культуры короткого отрезка времени, когда фибул еще не было [Максимов, 1969, с. 18], то возникновение здесь зарубинецких поселений и могильников в конце III в. до н. э. представляется вполне закономерным.

Поздние памятники этого региона, сохранившие черты зарубинецкой культуры (Лютезж, Таценки-Довжик, Девич-Гора, Пасечная, Рудяки и др.),

продолжали функционировать до конца I — середины или конца II в. н. э. Датированными предметами являются: подвязная фибула погребения 12 могильника Девич-Гора конца I в. н. э. (рис. 3, 27), римская монета — денарий Антонина Пия конца II в. н. э. из Таценок-Довжика, а также глазчатые фибулы середины II в. н. э. из Таценок и Лютезжа [Максимов, 1982, табл. IV], двухчленные «паннонские» фибулы II в. н. э. из Пасечной и Рудяков (рис. 3, 24).

На Припятском Полесье зарубинецкие могильники появляются не позднее рубежа III—II в. до н. э., если судить по находкам расчлененных среднелатенских фибул этого времени, аналогичных фибулам, встреченным на Среднем Днепре, — фибуле из погребения № 25 могильника Воронино и № 108 могильника Велемичи I. Первая относится к тому же типу, что и восьмеркообразная фибула из Пироговского могильника, время появления которой определяется рубежом III/II вв. до н. э.; вторая — с шариками на ножке, тождественна по времени фибулам с восьмеркообразной ножкой [Обломский, 1983, табл. 3]. Поздние комплексы Припятского региона, которые исследователи [Каспарова, 1976] датируют 40—70-ми годами I в. н. э. на основании фибул «воинского» типа (рис. 3, 29). Другие авторы [Амброз, 1966, с. 23—25] полагают, что «воинские» фибулы могли функционировать на протяжении I в. н. э., поэтому конец I в. н. э. следует считать наиболее вероятной поздней датой зарубинецких памятников бассейна Припяти.

Памятники Верхнего Поднепровья не имеют твердо датированных импортных предметов для определения времени начала местной зарубинецкой культуры. Но, принимая во внимание изредка встречающиеся здесь единичные обломки эллинистических амфор, архаичский вид местной кухонной керамики, наличие в Чаплинском могильнике самых ранних вариантов фибул с треугольным щитком [Поболь, 1971, с. 89], а также единство исторического процесса для всей области распространения зарубинецкой культуры, можно

отнести возникновение зарубинецкой культуры к тому же времени, что и на Среднем Поднепровье и Припятском Полесье.

Позднюю дату Верхнеднепровского региона — конец I или начало II в. н. э. — определяют «воинские» фибулы и фибулы с подвязной ножкой, найденные в погребениях Чаплина.

Появление зарубинецкой культуры на Верхнем Подесенье соотносят с позднелатенскими фибулами с прогнутым корпусом, ранняя дата которых определяется второй половиной I в. до н. э. Позднюю дату деснянских памятников определяют концом II в. н. э., именно к этому времени относятся позднелатенские фибулы со скрученной спинкой (рис. 3, 25) и фибулы с подвязной приемником, найденные в Почепе, глазчатая фибула из Синьковки, а также импортная керамика, встречаемая на Почепском поселении [Заверняев, 1969, с. 114].

Время возникновения Южнобугского региона определяется фрагментами амфор из светлой и красной глин и сероглиняными мисками на кольцевой ножке I в. до н. э. — I в. н. э. (Марьяновка, Носовцы). Принимая во внимание особенности исторической обстановки, а именно нашествие сарматов в Среднее Поднепровье, появление зарубинецких памятников на Южном Буге следует относить к второй половине I в. до н. э. (рис. 3, 28). Поздняя дата для этого региона устанавливается на основании материалов могильника Рахны: глазчатых фибул первой половины II в. н. э. (рис. 3, 26) и одночленных с плоской орнаментированной спинкой II в. н. э. [Амброз, 1966, с. 35, 43].

Для всей зарубинецкой культуры обобщенной ранней датой будет конец III — рубеж III/II вв. до н. э. Именно в этот период на Среднем и Верхнем Поднепровье и в Припятском Полесье появляются зарубинецкие поселения и могильники, где они существуют до конца I в. н. э. Эта дата завершает существование зарубинецких памятников классического типа. В более позднее время они или неизвестны (Припять), или встречаются в несколько видоизмененной форме вплоть до начала

II (Верхнее Поднепровье), середины (Среднее Поднепровье) или конца II в. н. э. (Верхнее Подесенье, Южное Побужье).

Периодизация зарубинецких памятников основана на фиксации изменений элементов материальной культуры населения — топографии поселений и могильников, устройства оборонительных сооружений, появлении новых типов фибул, чернолощенной и импортной керамики и др., которые были вызваны социально-экономическим развитием самого зарубинецкого общества, контактами с соседними племенами, военными столкновениями.

В многовековом существовании зарубинецкой культуры выделяются три периода: ранний, средний и поздний.

К раннему периоду относятся памятники, датируемые концом III — концом I в. до н. э. Они встречаются только на Среднем и Верхнем Поднепровье и в Припятском Полесье. Ранний период был временем становления зарубинецкого общества, роста его сельского хозяйства и ремесла, обменной торговли с соседями, основанной на мирных отношениях с ними.

Средний период охватывает время с конца I в. до н. э. по конец I в. н. э. В этот период происходят серьезные изменения во всех сферах жизни зарубинецкого населения Среднего Поднепровья и Припятского Полесья, вызванные экспансией гетов и сарматов в конце I в. до н. э., а также гетов и других племен Повисленья. Верхнеднепровский регион эти события непосредственно не затронули. На Среднем Поднепровье в связи с военной угрозой с юга повсеместно укрепляются старые поселения (Пилипенкова Гора, Монастырей), сооружаются новые укрепленные поселения (Ходосовка, Бабина Гора). В результате напряженной обстановки часть населения вынуждена переселиться в труднодоступные места поймы (Таценки, Оболонь) или в глухие районы Верхнего Подесенья и Южного Побужья, что привело к образованию здесь новых регионов зарубинецкой оседлости. Под давлением северо-западных племен во второй половине I в. н. э. Припятское Полесье было оставлено населением зарубинецкой

культуры, которое отошло на юг — на Волинь и Подолию, где в это время появляются зарубинецкие памятники (Могиляны) и материалы припятского облика (Ремезовцы, Майдан Гологорский и др.).

Изменения в материальной культуре четко прослеживаются в чернолощеной керамике, среди которой в это время ведущее место занимают остроугольные формы. Появляются новые (позднелатенские) типы фибул, заметно уменьшается античный импорт.

Поздний период зарубинецкой культуры приходится в основном на II в. н. э. В Припятском Полесье зарубинецкая культура к этому времени прекращает свое существование. На Среднем Поднепровье и Южном Побужье зарубинецкие памятники существуют в большинстве своем до середины или конца II в. н. э. (Грини, Вовки, Лютеж, Таценки-Довжик, памятники Трубежа, Рахны). С конца I в. н. э. здесь располагаются сарматские могильники. В керамике зарубинецких памятников появляются некоторые элементы пшеворской культуры (Вишенки, Таценки) и культуры штрихованной керамики (Грини, Вовки). Исчезают зарубинецкие фибулы с треугольным щитком (рис. 3, 30), их место занимают фибулы европейских типов — глазчатые, причерноморские, паннонские. На Средний Днепр с территории римских дунайских провинций начинают поступать серебряные римские денарии.

Со второй половины II в. н. э. в южной части Среднего Поднепровья началось формирование нового исторического образования — Черняховской культуры; в этом процессе участвовало и местное позднезарубинецкое население [Баран, 1981, с. 149, 162]. На Верхнем Поднепровье, в северной части Среднего Поднепровья и Верхнем Подесенье с середины II в. на базе зарубинецких памятников этого времени происходит процесс становления киевской культуры.

Возникновение и формирование зарубинецкой культуры — явление сложное. В нем принимали участие местное население Поднепровья и Полесья и различные центральноевропей-

ские племена — носители подклошевой и позднепоморской культур, которые продвигались на юго-восток в бассейн Днестра, Прута и Днепра.

В результате смешения местных и пришлых племен на обширной территории Средней и Восточной Европы в конце III или на рубеже III / II вв. до н. э. образовались внешне похожие (по обрядам кремации, элементам материальной культуры — чернолощеной керамике, фибулам латенских типов), но различные по этническому составу культуры — пшеворская на Висле, поенешти-лукашевская на Днестре и Пруте и зарубинецкая в бассейне Днепра.

При выявлении особенностей зарубинецкой культуры важно определить ее истоки в предшествующих местных культурах Поднепровья и вклад пришлых культур, поскольку каждая из них имела свои формы домостроительства, свою керамику и погребальный обряд, свои типы фибул.

Местные культуры предшествующего времени у каждого из трех раннезарубинецких регионов были разными. Так, западная часть бассейна Припяти представляла собой окраину позднелужицкой культуры. На Верхнем Поднепровье обитали многочисленные милогородские, а в Среднем Поднепровье — подгорцевские (на Киевщине) и сколотские (на Тясмине и в Поросье) племена.

Что касается пришлых культур, то на Припяти прослеживаются черты позднепоморской культуры, на Среднем Поднепровье отчетливее выступают элементы подклошевой культуры.

Следовательно, особенности раннезарубинецких регионов — это результат культурного наследия жившего здесь ранее населения, переплетенного с элементами позднепоморской, подклошевой и других культур, проявивших себя неодинаково — в зависимости от местных условий.

Таким образом, зарубинецкую культуру следует рассматривать не как продукт дальнейшего поступательного развития одной из местных или пришлых культур, она представляет собой новое историческое образование, последующий этап в эволюции местно-

го населения Поднепровья и переселившихся сюда племен, определяемый исторической обстановкой, сложившейся во второй половине III в. до н. э. в Средней и Восточной Европе.

Для выяснения этнического содержания зарубинецкой культуры можно использовать археологические данные, но не в узко типологическом плане, пытаясь вывести зарубинецкую культуру из какой-либо более ранней культуры, этнос которой (германский, балтский или славянский) считается установленным.

Такой разработки не привели и не могут привести к положительному результату, поскольку зарубинецкая культура не стала модификацией определенной предшествующей культуры, а вобрала в себя элементы нескольких различных культур — позднепоморско-подкляшевой, сколотской и милоградской, из которых лишь среднеднепровскую сколотскую культуру более или менее определенно можно отнести к праславянской.

Ценные сведения для освещения этнической проблемы дает также языкознание. При сопоставлении карт гидронимов и зарубинецких памятников видна концентрация славянских речных названий на территории Среднеднепровского и Полесского регионов зарубинецкой культуры, в то время как германские или иранские гидронимы не встречены на всем пространстве между Днестром и Днестром [Трубачев, 1968, с. 214].

Для определения этноса зарубинцев важное значение имеет и киевская культура III-V вв. Наиболее ранние из ее памятников (Козаровичи, Сушки, Обухов, Колодезный Бугор, Абидня и др.) генетически связаны с поздними зарубинецкими памятниками Поднепровья и Подесенья, такими, как Грини, Лютеж, Вовки, Почеп и др. Это видно из совпадения типов кухонных горшков, чернолощенных мисок, бронзовых украшений, из устройства жилищ, прослеживается в некоторых чертах погребального обряда. С течением времени эти черты в киевской культуре ослабевают, а затем и исчезают, преобладают же те ее особенности, которые сближают эту культуру с ранними па-

мятниками пеньковской, колочинской и пражской культур VI—VII вв. В керамике эта тенденция проявляется в преобладании биконических горшков и появлении горшков цилиндрически-конической формы; в погребальном обряде — в почти полном отсутствии ритуального инвентаря; в домостроительстве — в господстве конструкций с центральным опорным столбом. Такие изменения в облике киевской культуры были естественными в процессе смены исторических эпох, когда повсюду в Европе исчезали латенско-римские черты, а приобретали силу черты раннего средневековья. Наличие несомненных генетических связей киевской культуры с зарубинецкой, с одной стороны, и раннеславянскими древностями наряду с другими фактами позволяет считать зарубинецкую культуру праславянской.

3. Культура Поенешти — Лукашевка

Памятники культуры Поенешти — Лукашевка на территории Украинской ССР расположены в междуречье Прута и Днестра. Исследование их началось раскопками поселения и погребения у с. Круглик Хотинского р-на Черновицкой обл. в конце 50-х годов [Тимошук, Винокур, 1962, с. 73—76]. К настоящему времени известно около 40 пунктов, которые лишь предварительно можно отнести к памятникам культуры Поенешти — Лукашевка. Кроме поселения и погребения у с. Круглик в Черновицкой обл. раскапывались поселения у сел Перебыковцы, Завалье и Острица (уроч. Кодын); в Хмельницкой обл. — поселение у с. Сокол и погребение у с. Гринчук (см. рис. 1).

Основная территория распространения культуры находится за пределами Украинской ССР — на территории Молдавской ССР и Социалистической Республики Румынии (см. рис. 2). Поэтому, вопросы, связанные с характеристикой и интерпретацией памятников культуры Поенешти — Лукашевка, расположенных на территории Украины, могут рассматриваться только на фоне памятников всего ареала культуры, охватывающего Карпато-Дне-

стровский регион. Границы его проходят от северных подножий Восточных Карпат по территории Румынской Молдовы к югу до г. Пятра-Нямц, затем на юго-восток по линии, пересекающей р. Сирет между городами Бакэу и Роман и р. Прут у г. Леово, далее по территории Молдавской ССР к р. Днестр на восток к г. Бендеры. Восточная и северная границы определяются долиной Днестра на территории Украины и Молдавии. Самыми северными пунктами культуры являются Сокол и Гринчук на левом берегу Днестра, самым южным — Пуркары, западным — Тирпешти на правом берегу р. Сирет.

Первый памятник поенешти-лукашевской культуры был открыт в 1936 г. на территории Румынии. Это могильник Поенешти, расположенный у г. Васлуй. Раскопки его были проведены в 1949 г. Р. Вульпе [Vulpe, 1953, p. 310—506]. В 1953 г. на территории Молдавской ССР был исследован второй могильник этой культуры у с. Лукашевка Оргеевского р-на [Федоров, 1957, с. 51]. За последующие годы число исследованных памятников возросло. На территории Молдавии, по данным М. А. Романовской, известно 16 пунктов, в том числе могильник, 14 поселений и отдельное погребение [Лапушнян, Никулицэ, Романовская, 1974, с. 74—85]. На территории Румынии, главным образом в центральной части северной Молдовы, по данным М. Бабеша, имеется 76 пунктов (66 поселений, 7 могильников, в трех пунктах отдельные погребения) [Babeş, 1978, p. 3—11].

Поселения поенешти-лукашевской культуры располагались вблизи источников воды. По топографии они мысовые с четкими естественными границами (Круглик) или открытого пойменного типа (Сокол). Оборонительные сооружения и планировка застройки по раскопкам не прослежены. Поселения не велики по площади, культурный слой на них незначительный. Жилые постройки представлены наземными домами, основания стен которых находились на уровне материка, и полужемлянками, врезанными в материк на 0,5 м и глубже. Жилища имели подпрямоугольную форму, площадью до 20 м², а отдельные наземные дома достигали 48 м². Завалы

глиняной обмазки и следы столбовых ям в жилищах (Круглик, Лукашевка II) свидетельствуют о том, что стены наземных и полужемляночных жилищ имели плетнево-каркасную конструкцию. Отапливались помещения глинобитными печами или открытыми очагами. Вблизи жилищ зафиксированы надворные очаги и хозяйственные ямы, разнообразные по форме и назначению. Открыты также производственные сооружения: на поселении Ульма постройка с остатками горна для переплавки бронзы, в Бранештах постройка с печью для обжига керамики.

Могильники располагались вблизи поселений в сходных с ними топографических условиях. Наиболее исследованными являются Лукашевка (Молдавская ССР) — 21, Поенешти — 54, Боросешти (Румыния) — 117 погребений. К сожалению, материалы из Боросешти не опубликованы. На территории Украины известны единичные погребения — у сел Гринчук и Круглик на Поднестровье.

Основным погребальным обрядом у племен поенешти-лукашевской культуры являлось трупосожжение, совершенное на стороне. Прах сожженного, тщательно очищенный от остатков погребального костра, помещали в урну и накрывали крышкой. Урнами служили различной формы сосуды: миски, горшки, кувшины, а крышками — как правило, миски. В отдельных случаях зафиксирован отход от этого обряда: известны урновые погребения без крышки, погребения с небольшими остатками погребального костра и т. д. Изредка встречались ямные трупосожжения и кенотафы.

В погребениях выявлен сопровождающий материал. Чаще всего это фибулы, бусы, браслеты, пронизи, детали поясного набора, т. е. принадлежности костюма и украшения, как правило, со следами пребывания в погребальном костре. Но есть и предметы, положенные после свершения кремации, — это ножи, пряслица, иглы, шилья, т. е. орудия труда. На всех исследованных могильниках открыты и безынвентарные погребения.

Вещественный материал, полученный при раскопках памятников культуры

Поенешти — Лукашевка, представлен орудиями труда, предметами бытового назначения, украшениями, на основании которых можно судить о культурном и социально-экономическом уровне развития этих племен, их идеологических представлениях.

Вопросом датировки поенешти-лукашевских памятников занимались многие исследователи культуры. Существуют разные мнения, иногда исключаящие друг друга. Если суммировать их, то общий хронологический диапазон поенешти-лукашевской культуры укладывается в период от конца III в. до н. э. до рубежа н. э. Наличие различных мнений объясняется тем, что датировка базируется на отдельных категориях предметов, в частности фибулах, абсолютная хронология которых периодически пересматривается. К тому же датировка конкретного памятника часто переносится на культуру в целом. В действительности же не все памятники культуры одновременны, а потому общие рамки существования культуры в целом могут быть шире хронологии отдельного памятника.

Наиболее исследованные и опубликованные памятники этой культуры — это могильники Поенешти и Лукашевка, датировка которых основана на фибулах.

Первый интерпретатор могильника Поенешти Р. Вульпе разделил фибулы из него на четыре группы и определил хронологические рамки могильника II—I вв. до н. э. [Vulpe, 1953, p. 491—506]. В связи с разработкой хронологии предримского времени в Средней и Северной Европе к материалам могильника Поенешти обратился Р. Хахман. Он датировал могильник коротким промежутком времени — ранней фазой позднего предримского периода, т. е. около 120/110—90/70 гг. до н. э., разделив все фибулы могильника на три группы, но ошибочно зачислил гладкие проволочные фибулы среднелатенской схемы к вариантам Д/Е, по Ю. Костшевскому [Nachmann, 1961, S. 118—123]. На эту ошибку обратил внимание Д. А. Мачинский, но, в свою очередь, гладкие проволочные фибулы из могильника отнес к варианту В и определил время функционирования

Поенешти концом II — серединой или третьей четвертью I в. до н. э., разделив его на два хронологических периода [Мачинский, 1966, с. 84]. Г. Б. Федоров и Р. Хахман могильник Поенешти считали синхронным Лукашевскому. Г. Б. Федоров датировал Лукашевский могильник II—I вв. до н. э., отмечая, что он функционировал вплоть до рубежа нашей эры [Федоров, 1960, с. 44]. При датировке он ошибочно полагал, что в Лукашевском могильнике зафиксированы две разновидности фибул: средне- и позднелатенской схем. Его ошибку исправили последующие интерпретаторы материалов могильника, правильно определив, что все фибулы из этого памятника относятся к фибулам только среднелатенской схемы варианта В [Nachmann, 1961, S. 118—120; Романовская, 1968, с. 1—21]. Д. А. Мачинский ограничивал этот могильник I в. до н. э., а К. Такенберг — лишь второй половиной I в. до н. э. [Мачинский, 1966, с. 80—86; Tackenberg, 1963, S. 423]. Одним из последних интерпретаторов рассматриваемых могильников является румынский археолог М. Бабеш. Он считает, что в целом оба могильника синхронны и укладываются в рамки 150—70 гг. до н. э., а различия в инвентаре объясняются разными его истоками [Babeş, 1978, p. 15—20].

При исследовании вопросов хронологии и периодизации этих могильников нами пересмотрена классификация их фибул и керамических комплексов. Сделаны интересные наблюдения над материалами из могильника Поенешти, так как в нем более широкий набор фибул и разнообразный ассортимент посуды, чем в Лукашевке. На могильнике найдены фибулы двух схем: средне- и позднелатенские, но различных видов. Среднелатенская схема представлена расчлененными железными фибулами с бронзовыми шариками на ножке и спинке. Фибулы с шариками, по данным исследований последних лет, возможно, появились еще в конце III в. до н. э., но наибольшее распространение в среде кельтов и культур ясторфского круга получили во II в. до н. э. [Domanski, 1975, s. 6; Todorovic, 1965, s. 51-54].

К среднелатенским относятся также гладкие проволочные фибулы нескольких вариантов, из них наибольшим количеством представлены фибулы, близкие варианту В, по Ю. Костшевскому, различающиеся между собой формой загиба ножки. У большинства фибул ножка плавно загнута назад к спинке, у некоторых — резко, образуя фигуру в виде трапеции. К последним близки железные фибулы с длинной спиралью из погребений 108 и 147, у которых прямая спинка согнута под прямым углом к головке и к ножке, а изгиб ножки образует прямоугольную рамку приемника и конец ее крепится у головки. Фибулы такой формы имеют аналоги в Средней Германии в могильнике Каммер [Nachmann, 1961, Taf. 2, 41]. Судя по описанию и рисунку в публикации Р. Вульпе, на могильнике Поенешти был выявлен еще один вариант гладких проволочных фибул — фибула из погребения 148, которая по характеру изгиба спинки и диаметру витков пружины может быть отнесена к варианту Д, по Ю. Костшевскому.

Гладкие проволочные фибулы среднелатенской схемы имеют не только широкий ареал распространения, но и большой хронологический диапазон. На территории Средней Европы в первой половине II в. до н. э. они (вариант А) сосуществуют, а во второй половине II в. до н. э. (вариант В) сменяют расчленение фибулы и в различных модификациях (варианты В-Ж) бытуют в I в. до н. э. Разновидности этих фибул, обнаруженных в материалах могильника Поенешти, в культурах кельтского и ясторфского круга не выходят за пределы ранней фазы и раннего этапа средней фазы позднего предримского периода по Р. Хахману [Nachmann, 1961, S. 258, Taf. 1) или латена С₂ и Д₁ по К. Годлевскому, которые соответствуют концу первой и второй фазе его же хронологического членения позднего предримского периода, что в абсолютных датах отвечает концу II — первой половине I в. до н. э. [Godłowski, 1977, s. 58-61].

Фибулы позднелатенской схемы найдены в погребениях 261 и 328. Судя по публикации⁴ трудно определить тип этих фибул. Но Р. Вульпе приводит в

качестве аналогий ранние фибулы позднелатенской схемы (вариант К) из памятников Польши, Силезии и Богемии [Vulpe, 1953, p. 391, 424]. Время функционирования этих фибул ограничено в Средней Европе ранним этапом средней фазы позднего предримского периода [Nachmann, 1961, Taf. 1].

Таким образом, хронологические рамки могильника Поенешти по фибулам, вероятно, можно заключить в пределах рубежа III/II вв. или начала II — первой половины I в. до н. э.

Корреляция фибул и керамики позволила выделить две группы погребений, которые, судя по набору фибул, отвечают двум хронологическим этапам существования могильника.

Для первого, раннего, этапа характерны погребения, сопровождающиеся расчлененными фибулами или сочетанием расчлененных с гладкими проволочными фибулами варианта В. Урнами в этих погребениях служили низкие, реже средние по пропорциям горшки с сильно выпуклым, близким к шарообразному, корпусом узкой конической формы или несколько отогнутой наружу горловиной; кувшины с ручкой (рис. 4, 16-18, 24, 25, 31, 34),

Для второго, более позднего, этапа характерны погребения, сопровождающиеся гладкими проволочными среднелатенскими фибулами вариантов В и Д и ранними фибулами позднелатенской схемы варианта К. Урнами в них служили горшки с ручками, кружки, но чаще всего высокие миски с ручкой (рис. 4, 4, 5).

Крышками в погребениях обеих периодов были низкие, в отдельных случаях средние и высокие, открытого типа миски с маленькими Х-видными ручками.

В могильнике Лукашевка во всех открытых погребениях зафиксирован один тип фибул — гладкие проволочные железные фибулы среднелатенской схемы варианта В по Ю. Костшевскому. Но погребения различаются по характеру урн. Выделяется небольшая группа погребений, в которых урнами служили кувшины с ручками. Встречаются погребения, в которых урнами были высокие миски или горшки со среднепрофилированными плечиками.

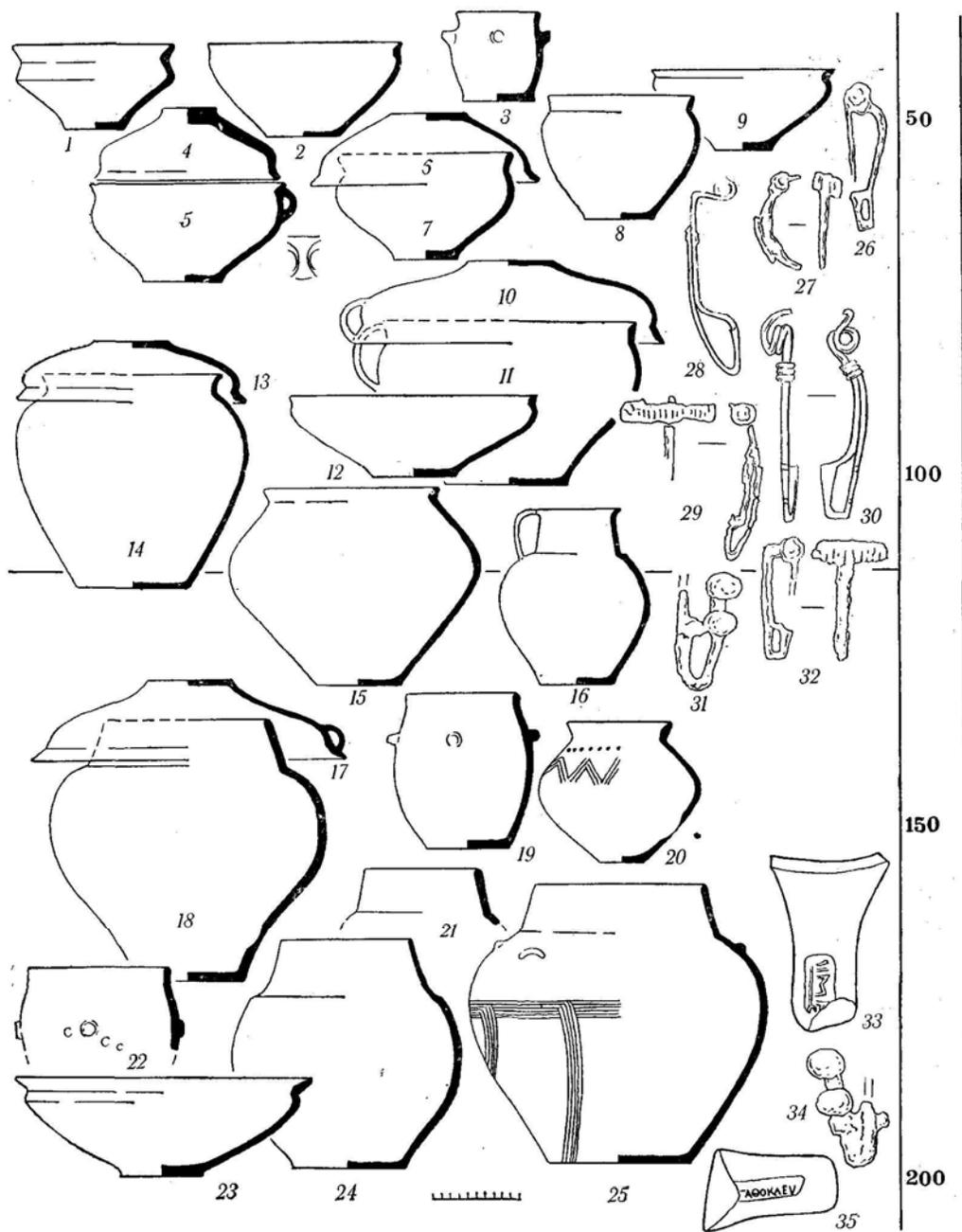

Рис. 4. Культура Поенешти-Лукашевка. Основные этапы развития:

1, 3, 26 — Круглик, жилище № 3; 2, 6—9, 12—14, 28 — Лукашевка, погребения № 1 (13, 4), 0 (28), 12 (6, 7), 14 (8, 9), 15 (12), 19 (2); 4, 5, 10, 11, 16—18, 24, 25, 27, 20—32, 34 — Поенешти, погребения Лі 3 (24, 31, 34), 96 (30), 105 (25), 147 (17, 18, 32), 148 (10, 11, 27), 163 (4, 5), 339 (29), 340 (16); 15 — Гринчук, урна из погребения; 19, 21—23, 33, 35 — Лукашевка, жилище № 4.

Для всех типов урн в качестве крышек применялись низкие по пропорциям, открытого типа миски, а в отдельных случаях — миски, средние по высоте (рис. 4, 2, 6—9, 12—14).

Сравнивая группы погребений Лукашевского могильника и могильника Поенешти, можно прийти к выводу, что погребения Лукашевского могильника с урнами-кувшинами могут соответ-

ствовать самому концу раннего периода могильника Поенешти, а может быть, переходу к позднему, когда прекратили свое существование расчлененные фибулы и горшки с узкими цилиндрическими или наклонными вовнутрь горловинами, уходящими своими корнями, вероятно, в поморскую культуру. Большинство же погребений могильника Лукашевка совпадает со второй группой погребений могильника Поенешти, отвечающей позднему периоду его существования. Но наиболее поздние погребения могильника Лукашевка, по всей видимости, несколько выходят за хронологические рамки могильника Поенешти, так как в керамике Лукашевского могильника проявляются такие поздние черты, как намекающаяся ребристость в урне погребения 19, которая не прослеживается в керамике наиболее поздних погребений могильника Поенешти, а также более широкое распространение сосудов с плавным переходом шейки к плечу.

В абсолютных датах время существования открытой части могильника Лукашевка можно определить концом II — серединой, а может быть, началом второй половины I в. до н. э.

Погребальные памятники поенешти-лукашевской культуры на территории УССР представлены единичными погребениями — это впускное погребение в кургане эпохи бронзы у с. Круглик и погребение у с. Гринчук [Тимошук, Винокур, 1962, с. 76; Пачкова, 1979, с. 113—114]. Первое датируется среднелатенской фибулой варианта В. Судя по довольно архаической форме урны — высокий горшок с сильно выпуклой линией плеча и придонной части, на плечиках которого небольшие петельчатые ручки, это погребение можно отнести к раннему периоду могильника Поенешти, может быть, именно к концу этого периода, т. е. к концу II в. до н. э.

Погребение у с. Гринчук не содержало датирующих вещей. Но характер погребальной урны — приземистый чернолощенный горшок с сильно профилированными выпуклыми плечиками и низкой слабо отогнутой шейкой, позволяет отнести это погребение также к

раннему периоду поенешти-лукашевских могильников, может быть, именно к его концу (рис. 4, 15).

Поселения поенешти-лукашевской культуры содержат мало датирующихся материалов, но зато в их составе имеются обломки античных амфор, абсолютная хронология которых надежно отработана. По данным М. Бабеша, эллинистическая керамика известна на 27 поселениях и в большинстве случаев представлена (18 из 27) фрагментами родосских амфор. По клеймам на ручках эти амфоры датируются в пределах 220—180 и 184—146 гг. до н. э., по определениям Д. Б. Шелова и Б. Н. Гракова (210—175 и 175—146 гг. до н. э., по хронологической схеме Вирджинии Грейс) [Babeş, 1978, p. 1—21], т. е. амфорный материал, найденный на поселениях поенешти-лукашевской культуры, довольно точно определяет раннюю дату поселений, поздняя дата фиксируется фибулами. Родосские амфоры с клеймами, датирующиеся рубежом III/II или началом II в. н. э., найдены в жилище 4 на поселении Лукашевка II [Пачкова, Романовская, 1983, с. 50—70]. На этом же поселении обнаружена бронзовая фибула с треугольно расширяющимся концом ножки, которую согласно пропорциям щитка можно отнести к III варианту фибул зарубинецкого типа. По исследованиям К. В. Каспаровой, подобные фибулы в зарубинецких могильниках Белорусского Полесья появляются в конце II в. до н. э. и бытуют в I в. до н. э., в основном в его первой половине [Каспарова, 1981, с. 15]. Выводы К. В. Каспаровой подтверждаются нашими исследованиями по материалам могильников других территорий зарубинецкой культуры. Но эта датировка существенно отличается от предложенной А. К. Амброзом [Амброз, 1966, с. 17]. Среди керамического материала поселения Лукашевка II не отмечена керамика, характерная для конечной фазы памятников латенского круга. Поэтому хронологические рамки этого поселения можно ограничить рубежом III/II вв. до н. э. или началом II — первой половиной I в. до н. э. (рис. 4, 19, 21—23, 33, 35). На поселении Круглик найдены многочисленные

обломки эллинистических амфор II — I вв. до н. э. В жилище 3 этого поселения обнаружена железная проволоочная фибула позднелатенской схемы с верхней тетивой со слегка прогнутым корпусом и рамчатым приемником варианта *Mia* [Пачкова, 1977, с. 33]. Функционируют эти фибулы, возможно, уже с середины I в. до н. э. (рис. 4, 26) [Prahistória..., t. 5, s. 53]. Из керамики в этом жилище обращает на себя внимание чернолощенная миска с довольно четко выраженным ребром. Миски такого профиля в могильниках Поенешти и Лукашевка не зафиксированы. Сочетание фибулы позднелатенской схемы варианта *Mia* с ребристой чернолощенной миской в одном комплексе указывает на несколько более позднюю датировку этого жилища по сравнению с рассмотренными могильниками. Она заходит и во вторую половину I в. до н. э.

Другие поселения, открытые на территории УССР, не имеют датирующих вещей, и потому хронологические границы их могут определяться суммарно в рамках всей культуры. Такая датировка укладывается в рамки рубежа III/II вв. до н. э. или, может быть, начала II — второй половины I в. до н. э.

Периодизацию поселений ввиду малочисленности имеющих к настоящему времени материалов установить пока не представляется возможным. М. Бабеш, отмечая, что в общем поселения поенешти-лукашевской культуры представляют единое целое, выделяет три хронологические фазы [Babeş, 1978, p. 18]. К наиболее ранней им отнесено поселение Бовшев, где раскопана землянка с кельтским материалом, не имеющая, по нашему мнению, отношения к исследуемой культуре. Две последующие фазы он разделил по признаку наличия или отсутствия обломков родосских амфор, хотя остальной комплекс находок у них одинаковый.

Вопрос о выделении в культуре Поенешти — Лукашевка локальных вариантов уже поднимался [Федоров, 1960, с. 28—30], но детально не разрабатывался. Наиболее четкие различия отмечаются в керамических комплексах могильников Поенешти и Лукашевка.

Проблема генезиса памятников рассматриваемой культуры на территории Украины находится в тесной связи с решением этого вопроса для всей культуры. Впервые она была поставлена после исследования Поенештского могильника (Vulpe, 1953, p. 486—506). В настоящее время существует несколько точек зрения. Согласно одной из них, культура Поенешти — Лукашевка не имеет корней в местной культуре предшествующего времени [Vulpe, 1953, p. 486—506; Nachmann, 1961, S. 118; Tackenberg, 1962—1963, S. 423—424; Мачинский, 1966, с. 94—96; Babeş, 1978, p. 1—24; Каспарова, 1981, с. 69—78].

Истоки культуры исследователи определяют по-разному. Р. Вульпе и М. Бабеш видят их в различных культурах латенского времени на обширной территории Средней и Северной Европы. Другие ограничиваются более или менее определенными районами: Р. Хахман — ясторфской культурой на Средней Эльбе. К. Такенберг несколько расширяет эту территорию за счет памятников Среднего Одера, Нижней Лужицы и Нижней Силезии. Д. А. Мачинский поенешти-лукашевскую культуру связывает со второй (поздней) волной бастарнов в конце II или на рубеже II/I вв. до н. э., памятники которых он называет позднепоморскими и которые располагаются восточнее Среднего Одера в Нижней Лужице и Нижней Силезии. В исследованиях Г. Доманьского эти памятники выделены в особую, губинскую, группу ясторфской культуры и показана их очень слабая связь с поморской культурой [Damański, 1975, s. 7—11, 94—95]. К. В. Каспарова находит ближайшие аналоги для поенешти-лукашевских памятников среди материалов второй фазы губинской группы, хотя пути формирования поенешти-лукашевской культуры видит в процессе миграции в гето-дакийскую среду различных ясторфских групп [Каспарова, 1981, с. 69—78].

Согласно второй точке зрения, культура является местной, гетской и представляет дальнейший этап социально-экономического развития населения Карпато-Днестровского района в

последние века I тыс. до н. э. Но своеобразии этой культуры и отличие от культур остального гето-дакийского круга придали именно пришлые племена ба-старнов и, возможно, в какой-то мере венедов, переселившихся в конце I тыс. до н. э. из Южной Польши в Северное Причерноморье (племена позднепоморской и пшеворской культур позднелатенского времени). Автором этой теории является исследователь Лукашевского могильника Г. Б. Федоров [Федоров, 1960, с. 22—25]. Близкое к этому и мнение М. А. Романовской [Романовская, 1969, с. 81—95].

Анализ материалов поенешти-лукашевской культуры позволяет признать верным многое в выводах названных выше исследователей, но не присоединиться полностью ни к одному из них.

Нам представляется, что культура Поенешти — Лукашевка относится к числу археологических культур, возникших на окраине латенского мира в результате передвижения среднеевропейских племен в последние века I тыс. до н. э. и включения в сферу их влияния многочисленных племен на огромной территории Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы. Возникновение поенешти-лукашевской культуры в среде варварских племен Европы было звеном одной цепи тех процессов, которые привели к созданию зарубинецкой, пшеворской, оксывской и ясторфской культур позднелатенского времени. Субстратом для поенешти-лукашевской культуры явилась гето-дакийская культура территории Карпато-Днестровского региона предшествующего времени. Подтверждением этому служат гетские традиции в жилищном строительстве, формах кухонной керамики, некоторых элементах погребального обряда. Новые, привнесенные элементы ярче всего проявляются в керамическом комплексе могильников: чериодощенные горшки с довольно узким цилиндрическим горлом, близкие к некоторым из зарубинецких с территории Полесья, имеют корни в позднепоморской (вейхеровско-котошинской) культуре.

Поэтому погребения, где урнами служили подобные горшки, относим вслед

за Д. А. Мачинским* к самым ранним погребениям поенешти-лукашевской культуры. Они свидетельствуют о том, что в создание поенешти-лукашевской культуры первыми внесли свой вклад племена позднепоморской культуры. Миски и горшки с Х-видной ручкой имеют аналоги в ясторфских памятниках, в том числе и в губинской группе**. Однако они характеризуют уже конец раннего — второй период поенешти-лукашевских могильников. А следовательно, в хронологическом отношении являются более поздним пришлым компонентом, принявшим участие в формировании поенешти-лукашевской культуры. Хотя по значению этот вклад, по всей видимости, был несомненно участия позднепоморских племен.

По пропорциям и оформлению края горловины некоторые миски и горшки близки сосудам из пшеворской культуры. Судя по материалам могильников, время влияния культуры пшеворских племен на материальную культуру Поенешти — Лукашевка приблизительно совпадает с ясторфским влиянием, но удельный вес их значительно меньше ясторфского. Особенность погребального обряда (трупосожжение на стороне с захоронением очищенных от костра косточек в урнах с крышками) позволяет видеть его истоки в местной гето-дакийской культуре предшествующего времени. Однако отсутствие жертвенных сосудов, которые были широко распространены в погребениях местного населения IV—III вв. до н. э. [Никулицэ, 1977, с. 64—65], и изменение характера погребальной посуды указывают на значительное сходство (но не полное тождество) с погребальным обрядом некоторых групп ясторфской и в некоторой степени позднепоморской культур [Domański, 1975, s. 72—85]. Предметы украшения — рас-

* В отличие от Д. А. Мачинского, по-морские традиции мы связываем не с территорией Среднего Одера начала позднелатенского времени, а с вейхеровско-котошинскими памятниками среднелатенского времени, которые к этому времени из междуречий Одера и Вислы продвинулись на территорию Воляни и Полесья (Prahistoria..., t. 4, rys. 63).

** В отличие от К. В. Каспаровой аналоги им следует искать не в материалах II фазы, а в материалах III и IV фаз губинской группы.

члененные фибулы с шариками, гладкие проволочные среднелатенской конструкции типы застёжек, детали поясного набора — свидетельствуют, что племена поенешти-лукашевской культуры впитывали культурные достижения населения с обширной территории Средней и, возможно, Северной Европы.

Территория вдоль северного склона Карпат и по течению Днестра была местом постоянного продвижения более северных племён Средней Европы к Северному Причерноморью.

Памятниками, расположенными на территории Украинской ССР, которые могут отражать, на наш взгляд, миграционный процесс в последние века до н. э. различных в культурном отношении племён, являются поселение Горошова Борщевского р-на Тернопольской обл. [Пачкова, 1978, с. 57—72] и могильник у с. Долиняны Хотинского р-на Черновицкой обл. [Смирнова, 1981, с. 193-207].

Поселение Горошова расположено на территории северной окраины поенешти-лукашевской культуры. Его материалы фиксируют симбиоз черт нескольких культур: позднего этана поморской, ясторфской и пшеворской культур. Они в различной степени проявляются и в материалах поенешти-лукашевских поселений. Но в Горошовой практически не прослеживаются дакогетские черты, которые характерны для поенешти-лукашевских поселенческих комплексов. Представляется вполне возможным допустить, что материалы поселения Горошова отражают те пришлые элементы, которые принимали непосредственное участие в сложении культуры Поенешти — Лукашевка. По времени функционирование поселения Горошова совпадает со временем сложения и развития культуры Поенешти — Лукашевка.

Могильник у с. Долиняны расположен на территории северо-восточной окраины поенешти-лукашевской культуры. Судя по набору датирующих вещей, он появился на Северной Буковине тогда, когда процесс сложения поенешти-лукашевской культуры уже начался. Этот могильник отражает, по нашему мнению, процесс продвижения

в Среднее Поднестровье населения, у которого был распространён ямный обряд очищенных от погребального костра остатков трупосожжения без сопровождения жертвенных сосудов. Возможно, это было население из северных районов Польши, связанных с надодерской группой ясторфской культуры, или какие-то другие группы населения с близким обрядом погребения. Существенного вклада в формирование поенешти-лукашевской культуры это население не внесло. Однако некоторое влияние ощущается не только в поенешти-лукашевской, но и в зарубинецкой культуре, в могильниках которых в небольшом количестве встречаются погребения, совершенные по близкому обряду.

Античные авторы, в частности Страбон, перечисляя народы, живущие к северу от Дуная, упоминают гетов. Их соседи с севера — тирагеты, бастарны, галаты, германцы. На карте Птолемея бастарны соседствуют с тирагетами на левом берегу Днестра, рядом с которыми, в свою очередь, живут германцы. Таким образом, на исследуемой территории упоминаются тирагеты и бастарны, хотя основные события, связанные с последними, локализуются чаще всего в местах к югу от Дуная (Полибий, Диодор Сицилийский, Тит Ливий, Плутарх) или на Нижнем Дунае (Дион Кассий). Сами бастарны в ранних источниках называются кельтами (Тит Ливий, Плутарх), в источниках более позднего времени — германцами (Плиний) или смешанным населением (Тацит). Может быть, именно к населению, оставившему памятники культуры Поенешти — Лукашевка, относится сообщение Страбона о смешении бастарнов с фракийцами. А собственно с бастарнами, по всей вероятности, можно связывать только те памятники, которые отражают процесс продвижения в Карпато-Днестровский регион разнотипного и разнотипного населения в конце I тыс. до н. э.

4. Пшеворская культура и вольно-подольская группа

Пшеворская культура занимает в основном территорию Средней и Южной Польши в междуречье Вислы и Одера.

Название ее происходит от могильника в с. Гаць близ Пшеворска (Юго-Восточная Польша), раскопанного в начале века польским археологом К. Гадачком. Культура возникла в начале II в. до н. э. на субстратной основе под влиянием кельтов и существовала вплоть до конца IV—V вв., когда на смену ей пришла славянская культура пражского типа [Prahistoria ..., 1981, я. 57-134].

Пшеворские древности позднелатенского времени на территории УССР составляют восточную часть основного ареала культуры. Они распространены в бассейнах Западного Буга и Верхнего Днестра (см. рис. 1; 2). Наиболее восточным памятником является поселение у с. Подрожье на р. Стоход, юго-восточным — группа поселений на р. Вилии, левом притоке Горыни (Остров Варковицкий, Липа). На юге пшеворские поселения занимают территорию по верхним течением левых притоков Днестра, приблизительно по линии городов Самбор — Золочев — Кременец — Острог. В раннеримское время племена пшеворской культуры, смешиваясь с зарубинецкими и липицкими группами населения, создали качественно новые памятники, названные нами волыно-подольскими. Их носители продвигаются дальше на юг, охватывая бассейн Среднего Поднестровья (Лучка, Монастыриха, Лука-Врублевецкая, Оселевка, Великая Слободка I, Хотимир). Пшеворские элементы заметно проявляются в это время также на Южном Буге и восточнее, достигая Днепра. Отдельные пшеворские погребения позднеримского времени с оружием известны в Закарпатье (Становое, Арданово, Свалява, Братово), Подолии (Великая Терновка, Громовка), Среднем Поднестровье (Иване-Золотое, Репужинцы, Петрилов и др.). Однако они не связаны с местным субстратом, являясь следами продвижения небольших групп позднеспшеворского населения с территории Польши на юг, к границам Римской империи.

Поселения пшеворского типа расположены группами на небольшом расстоянии друг от друга. Они находятся возле речек и ручейков на обращенных к солнцу местах.

Размеры поселений позднелатенского времени составляют 0,2—0,4, римского — 1,3—1,4 га.

На поселениях открыты жилые постройки, хозяйственные сооружения, ямы, очаги. Они разбросаны вдоль речки или склона на расстоянии 10—20 м друг от друга. Большая часть хозяйственных сооружений, ям и очагов располагалась возле жилых объектов.

Жилищами служили наземные и углубленные в материк сооружения прямоугольной или квадратной в плане формы площадью 14—20 м². Преобладали полуземлянки. В одном из углов размещались очаги, вымощенные камнями или же обмазанные глиной. В ряде случаев на полу прослеживаются скопления угольков и пепла. Вдоль одной из длинных стенок шел материковый выступ, который облицовывался деревом. В большей части построек по углам и посередине противоположных стенок находились ямки для столбов, служащих опорой стенам и крыше. Стены имели каркасно-столбовую конструкцию.

Наземные жилища немногочисленны и появляются на поселениях в начале позднеримского времени.

Для могильников выбирались возвышенные места. Все погребения совершены по обряду трупосожжения на стороне. Кальцинированные кости очищались от остатков костра и помещались в урну. В ряде случаев урны накрывались каменной плиткой, фрагментами керамики, умбоном. Важным элементом погребального обряда был сопроводительный ритуальный инвентарь. Его состав разнообразен: керамика, предметы убора, хозяйственно-бытовые предметы. Предметы носят, как правило, следы пребывания в огне погребального костра. Керамика фрагментарна. Специфической чертой пшеворского погребального обряда является сопровождение воинских погребений оружием. На могильниках I—II вв. в Поднестровье такие погребения составляют 20 %. Погребальные памятники более позднего времени представлены 18 случайно обнаруженными единичными захоронениями. Из них 16 содержат оружие. Этот факт свидетельствует о продвижении через Поднестро-

вье хорошо вооруженных воинских конных отрядов. Типично пшеворским является обычай ритуальной порчи предметов вооружения перед захоронением. Обычай вонзать оружие в останки умершего или в дно погребальной ямы свидетельствует о страхе живых перед мертвыми.

Инвентарь пшеворской, как и любой другой культуры, в наибольшем количестве представлен керамикой. Это горшки, миски, кружки, стопки, диски-сковородки. Большая ее часть изготавливалась вручную. В процессе развития и под влиянием соседних культур менялись технология изготовления керамики, форма, орнаментация. В позднелатенское время сосуды имели плавную очертания корпуса, снабжались утолщенными и профилированными венчиками (рис. 5, 13—15). Поверхность кухонных горшков иногда комбинированная: верхняя часть сглажена, нижняя специально ошершавлена. Поверхность столовой посуды старательно проложена, горшки имеют несколько форм. Широко распространенными являются сосуды с отогнутой шейкой и округлым корпусом, наибольшая выпуклость которых находится выше середины высоты. Миски имеют коническую форму, отогнутые венчики, высоко поднятые округлые плечи и сильно суженную придонную часть. Кружки разнообразны: конические, цилиндрические, цилиндро-конические, близкие к полусферической форме.

На протяжении римского времени керамика на поселениях в значительной степени меняет свой характер: поверхность сосудов в основном шероховатая, исчезает профилировка венчиков. Увеличивается количество горшков, которые составляют 70—80 % всех сосудов против 50 % в позднелатенское время. Количество мисок уменьшается до 8 %. Очень мало кружек. Появляются диски, служившие сковородками и крышками, а также гончарная керамика. Изменяется по сравнению с предыдущим временем форма посуды. Часть ее преобразовалась на основе сосудов позднелатенского времени, часть возникла под влиянием соседних зарубинецкой и липицкой культур.

Среди горшков преобладают сосуды вытянутых форм с отогнутой шейкой, высокими крутыми плечиками и суженной нижней частью (рис. 5, 1—4, 7—10). Отдельные экземпляры украшены пальцевыми защипами, врезанными линиями и пальцевыми расчесами по корпусу, насечками и пальцевыми вдавлениями — по краю венчиков. Миски имеют S-видный профиль и ребристый перелом корпуса (рис. 5, 11). Кружки преимущественно полусферической и конической форм. Керамика имеет близкие аналоги среди пшеворских памятников Польши, частично в зарубинецкой и липицкой культурах. Значительная ее часть близка посуде киевской культуры Среднего Поднепровья.

Гончарная керамика I — II вв. представлена немногочисленными горшками и чашами на высокой ножке, являющимися импортом из липицкой среды. В последней четверти II в. среди памятников Поднепровья получили распространение гончарные миски провинциально-римского происхождения. Их количество составляет от 6 до 14 %. В это же время появляются узкогорлые светлоглиняные амфоры.

Кроме керамики на поселениях и в погребениях обнаружено значительное количество предметов, служивших производственным целям, оружие, украшения. Из глины изготавливались прясла, грузила, катушки для ткачества, льячки и тигли для ювелирного производства; из металлических изделий, связанных с ремеслом, — шилья, топоры, тесла. Украшения представлены железными и бронзовыми фибулами, булавками, стеклянными и фаянсовыми бусами, костяными амулетами. Поясной набор включает в себя пряжки, разнообразные крепления частей ремня, оковки конца пояса. К бытовым предметам относятся ножи, гребни, ключи, бритвы, ножницы, кресала. Очень разнообразно оружие, обнаруженное в погребениях. Это мечи, наконечники копий и стрел, умбоны и рукоятки щитов, шпоры, кинжалы. Из них выделяются высокохудожественные бронзовые ножны с прорезанной лицевой стороной, украшенные зооантропоморфными сценами [Козак, Орлов, 1982, с. 104; Kozak, 1982, s. 534].

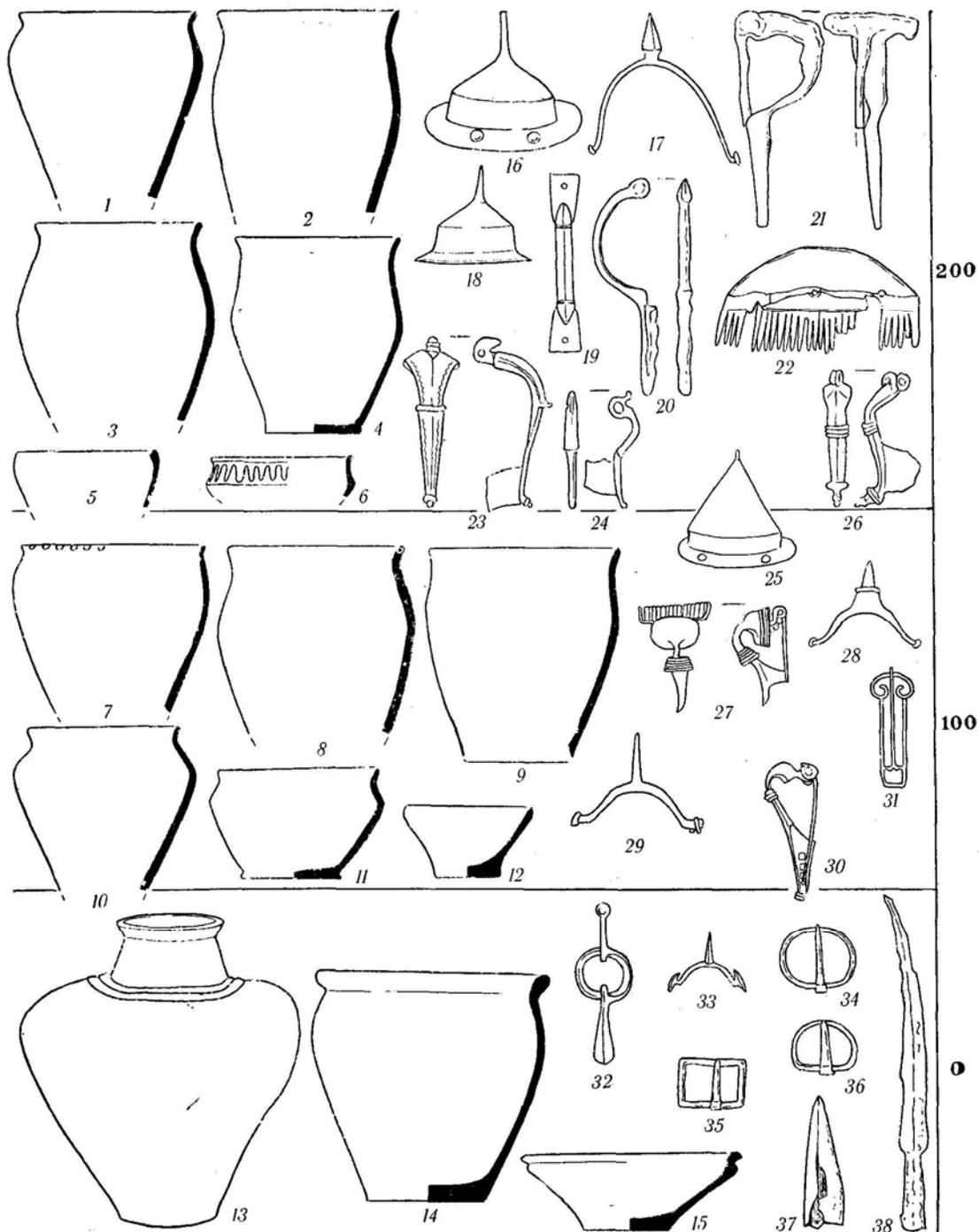

Рис. 5. Пшеворская культура. Основные этапы развития:

1, 3, 7, 9, 12, 14, 23 — Пасеки-Зубрицкие; 2, 21, 24 — Сокольники I; 4 — Давыдов; 5, 6, 8, 11, 20, 22, 26 — Подберезцы; 10 — Хоров; 13 — Бендога; 16, 16a — Добростаны, 17 — Петрилов; 18 — Переводов; 27, 30, 32—38 — Гринец; 28 — Кристинополь, 29, 31 — Лучка.

М. Ю. Смишко памятники шневорской культуры в Поднестровье датировал I в. до н. э.— III в. н. э. [Smiszko, 1932, s. 110]. Его выводы, основанные на материалах отдельных погребений и их групп, подтверждаются новыми находками и требуют лишь незначительной корректировки, вызванной современным изменением абсолютной и относительной датировки отдельных предметов и хронологических периодов развития шпеворской культуры.

Наиболее ранним памятником шпеворской культуры в Верхнем Поднестровье является могильник в Гриневе. Его начальную дату дает проволоочная шпора с дуговидными плечиками и округлыми массивными шишечками (рис. 5, 33). Такие шпоры характерны для позднелатенского времени и датируются I в. до н. э. [Kostrzewski, 1919, s. 140; Jahn, 1921, Taf. X]. Функционирование могильника в позднелатенское время подтверждается находками мечей, наконечников копий с типичными для этого периода характеристиками [Smiszko, 1932, tab. II—IV]. К началу периода существования могильника можно отнести несколько погребений, в которых урнами служили горшки с профилированными венчиками и свойственными для латенского времени формами. В одном из таких погребений (№ 2) найдена бронзовая полукруглая пряжка, время бытования которой определяется преимущественно I в. до н. э. Комплекс погребения № 3 с фибулой типа 67, по классификации О. Альмгрена, датируется 20—40 гг. н. э. [Kossak, 1962, s. 128] (рис. 5, 30).

К позднелатенскому времени относится также погребение в Бендюге. Датировка определена на основании урны из этого погребения, имеющей многочисленные аналоги среди могильников в Польше раннего и среднего этапов позднелатенского времени (рис. 5, 13) [Dąbrowska, 1973, tab. VIII]. К этому времени относятся и поселения Чишки, Комарно, Поповичи, Черепин, Подрожье, отдельные объекты поселений в Подберезцах, Пасеках-Зубрицких и др. В объектах и культурном слое этих поселений найдена ис-

ключительно лепная керамика с профилированными двумя-тремя гранями венчиков (рис. 5, 14, 15). Она выделяется также характерными формами и способом обработки внешней поверхности. В хронологической таблице, разработанной польскими исследователями на основе узко датированных многочисленных позднелатенских погребений могильника в Карчевце (Мазовия), аналогичная керамика соответствует среднему и позднему этапам позднелатенского времени [Dąbrowska, 1973, tab. III—IV]. Подобная керамика найдена на могильнике позднелатенского времени в Вилянове [Mareiniak, 1957, tab. II—XXXIV], позднелатенских погребениях в Добжанкове [Okulicz, 1971, rys. 9, 13, 18, 19]. Этим же временем датирует аналогичные нашим объекты на поселении в Пивоницах К. Домбровский [Dąbrowski, 1958, tab. II—IX].

Большее количество датирующего материала относится к стадии В1 раннеримского времени (40—70 гг. н. э.). На могильнике в Гриневе этот период представлен фибулами типа 68, по классификации О. Альмгрена, сильно-профилированными фибулами с трубчатými головками, восьмеркообразной пряжкой к поясу, шпорой типа 46, по классификации М. Яна, и др. (рис. 5, 27).

Фибулы типа А68 по европейской схеме датируются 40—70 гг. н. э. [Liana, 1970, s. 441]. Трубчатые фибулы имеют сильно изогнутую массивную головку и относятся к варианту I фибул этого типа, по классификации Т. Лианы [Ibid., s. 441-444, ii. 1, 12]. Автор считает, что они — производные фибул типа А67 и синхронны типу А68. Довольно четко датируется в рамках стадии В1 восьмеркообразная поясная пряжка. Т. Лиана ограничивает время существования этих изделий в шпеворской культуре серединой I в. н. э. [Ibid., s. 445]. Такую же дату показывают и шпоры типа 46, по классификации М. Яна [Liana, 1970, s. 450—451] (рис. 5, 29).

Началом стадии В1 определяется хронология погребения в Лучке. Здесь найдена фибула варианта «О», по классификации И. Костшевского,, относя-

щаяся к третьей фазе позднелатенского времени, которая сопровождалась фибулой типа А68 и шпорой типа J46. Кроме того, в погребении находились восьмеркообразная поясная пряжка, позднелатенский наконечник копья и кольцевидная подвеска меча. Датировка этих предметов укладывается в рамки середины I в. н. э.

К стадии В1 следует отнести также погребения пшеворской культуры из трех могильников в Звенигороде, время существования которых определяется фибулами типа А68, шпорами типа J46, трубчатыми фибулами I варианта, по классификации Т. Лианы. К этому времени относится и погребение в Хотимире со шпорами типа J46.

Ряд поселений, существующих в стадии В1, не имеют датирующего материала. Показателен, однако, керамический комплекс. Он характеризуется сочетанием позднелатенских и раннеримских форм. Первые составляют от 7 до 33 %. Второй половиной I в. н. э. датирует аналогичные по набору сосудов жилища в Пивоницах К. Домбровский [Dąbrowski, 1958, tab. I—III; Dąbrowski, Kozłowska, 1959, tab. VI—IX]. К этому времени относятся в Поднестровье поселения в Подборцах, ряд объектов из поселений в Подберезцах, Пасеках-Зубрицких, на Волини — поселения в Боратине, Хорове, Подрожье, Горькой Полонке II.

Стадия В2 раннеримского времени (70—170 гг. н. э.) датирующим материалом не представлена, что объясняется слабой исследованностью памятников, в частности отсутствием погребальных комплексов. На поселениях объекты этого времени можно вычленить способом сравнительно-типологического анализа керамического комплекса. Характерно полное отсутствие позднелатенских форм сосудов, наличие острореберных мисок и раннеримских форм горшков, дисков-крышек (рис. 5, 7—12). В комплексах Верхнего Поднестровья этого периода известна в небольшом количестве гончарная керамика липицкой культуры. Это поселение в Зубре, ряд жилищ и хозяйственных сооружений на поселениях в Подберезцах и Пасеках-Зубрицких. На стадии В2 продолжали существовать

поселения в Боратине, Хорове, Подрожье на Волини. В целом следует отметить, что стадии В1 и В2 фактически не разграничены и их следует рассматривать суммарно. Исключение составляет поселение в Зубре, существовавшее, по-видимому, лишь на стадии В2 [Козак, 1983, с. 90].

Стадии В1 и В2 раннеримского времени четко отграничены от стадии С1 позднеримского времени (170—260 гг. н. э.). Последняя представлена сравнительно большим количеством поселений и погребальных комплексов. В этот период появляются могильники в Добростанах, Кристинополе (Червонограде), многочисленные единичные погребения с оружием.

Среди сохранившихся находок разрушенного могильника в Добростанах узкому хронологическому определению поддаются шпора, две рукоятки щитов и три умбона (рис. 5, 16, 19). Шпора относится к типу с узкими плечиками и массивным шипом. Такие шпоры появляются во II и наибольшее распространение получают в III в. н. э. [Jahn, 1921, S. 48—49]. Рукоятки щитов одного из вариантов IX типа с выделенными пластинками, по М. Яну, датируются второй половиной II—III в. н. э. [Jahn, 1916, S. 189, LI, 2191 (рис. 5, 12)]. Два умбона типа 7А, по классификации М. Яна, датируются II в. н. э. [Ibid., S. 452]. Этим же временем датирует их Т. Лиана [Liana, 1970, s. 452]. По мнению Т. Домбровской, хронологически более поздними являются умбоны с округлыми, как и на наших экземплярах, заклепками на полях, которые могли существовать как во II, так и в III в. н. э. [Dąbrowska, 1973, s. 161—162]. Таким образом, могильник в Добростанах датируется второй половиной II — первой половиной III в., а более узко — концом II — началом III в. (стадия С1а), как и погребения в Кристинополе, из которых сохранились две шпоры, рукоятки щита и умбон, аналогичные добростановским.

К стадии С1 относится погребение в Перепельниках с умбоном, имеющим слабо выделенный острый шип, составляющий промежуточную форму между типами 6 и 7Б (рис. 5, 25). Синхрон-

ным ему является погребение в Капустяницах с умбоном типа 7Б и умбоном с широким ровно срезанным шипом. Аналогичный умбон найден и в погребении из Репужинцев.

Более позднего времени погребения из Каменки-Великой и Иване-Золото-го. Датируются на основании фибулы подвязного типа с дуговидной гладкой спинкой (группа 16, по А. К. Амброзу) [Амброз, 1966, с. 73, табл. XII, 1/ и шпоры с сильно выгнутыми плечиками и биконическим шипом. Хронологическим показателем таких шпор является крючок возле шипа, появляющийся только в III в. н. э. (стадия С1в) [Jahn, 1921, S. 38, 61; Godłowski, 1970, il. II, 1/]. Этим памятникам синхронны погребения из Рудков, Комарно, где урнами служили гончарные горшки черняховской культуры.

К поздним памятникам с оружием в Поднестровье относится погребение из Петрилова, сопровождающееся шпорой с асимметричными плечиками, биконическим шипом и крючком возле шипа (рис. 5, 17). Подобные изделия характерны для конечной фазы стадии С1в и начала стадии С2 (вторая половина III в.) [Jahn, 1921, S. 58—61; Godłowski, 1970, il. II, 48].

Начальную фазу стадии С1 (С1а) на поселениях дает комплекс жилища 3 из селища в Пасеках-Зубрицких, где найдена бронзовая фибула типа А84, относящаяся к северопаннонским провинциально-римским изделиям (рис. 5, 23). Исследователи предлагают разную хронологию этих фибул. Так, А. К. Амброз датирует их широко — II — началом III в. н. э. [Амброз, 1960, с. 38]. Есть и более узкие даты: первая половина II в. н. э. [Kolnik, 1961, s. 245], конец II — начало III в. [Pięta, 1979, s. 100]. Некоторые авторы предлагают относить их ко II в. н. э. [Wielowiejski, 1970, s. 40] или к концу I—II вв. [Parducz, 1944, s. 65]. Наиболее вероятной датой будет третья четверть II в. н. э. [Гороховский, 1980, с. 136].

К комплексу стадии С1а относится жилище 7 из поселения в Подберезцах, где найдена бронзовая, производная от сильнопрофилированных фибула (рис. 5, 26). Т. Лиана датирует та-

кой тип фибул второй половиной II — началом III в. н. э. [Liāna, 1970, s. 444].

Более позднее время поселений дают находки фибул: бронзовой с высоким, приемником (Сокольники I), подвязных железных группы 16 серии II, по классификации А. К. Амброза (Сокольники I, Подберезцы, Березец), а также со сплошным приемником (Сокольники I) и костяными гребнями (Подберезцы, Сокольники I) (рис. 5, 20-21, 24).

Фибулы с высоким приемником О. Альмгрен датирует III — началом IV в. [Almgren, 1923, S. 98]. В Ольвии их относят к слоям II—III вв. [Фурманская, 1963, с. 88]. В целом они помещаются в горизонте стадии С1 позднеримского времени [Godłowski, 1970, il. II]. В этих же рамках следует, по-видимому, разместить и подвязные фибулы группы 16 серии II, по классификации А. К. Амброза, сопоставимые с фибулами группы VI в системе О. Альмгрена.

Р. Ямка, рассматривая этот тип фибул на территории пшеворской культуры, пришел к выводу, что они возникли во второй четверти III в. и ограничил рамки их существования III в. н. э. [Jamka, 1962, s. 144—145].

Трехчастные гребни с дуговидной спинкой относятся к варианту I первого типа гребней, по классификации С. Томас (рис. 5, 22). Она датирует их в основном III в. [Thomas, 1960, S. 120].

Функционирование поселений в III в. н. э. подтверждается также находками обломков еветлоглиняных узкогорлых амфор с асимметричными ручками, фрагментами краснолаковых сосудов.

Поздняя дата определяется фибулой со сплошным приемником шиповидной формы из культурного слоя поселения в Сокольниках I (рис. 5, 21). Фибулы этого типа датируются второй половиной III — началом IV в. Наиболее характерны они для стадии С2 позднеримского времени [Godłowski, 1970, il. II, 11].

Таким образом, памятники пшеворского типа на исследуемой территории укладываются в промежуток времени

I в. до н. э.— III в. н. э., который можно разделить на три фазы, отвечающие трем периодам непрерывного развития пшеворской культуры в Поднестровье и на Западной Волини.

Разделение базируется в основном на анализе керамического комплекса. Относительная хронология фаз установлена по ряду датирующихся вещей, о которых речь шла выше.

В объектах первой фазы найдена исключительно лепная керамика позднелатенского типа с профилированными, утолщенными венчиками, твердо датируемая по многочисленным аналогам в Польше средней и поздней фазами позднелатенского времени (I в. до н. э.— середина I в. н. э.). Это Чижки, Подберезцы, Гринев, Пасеки-Зубрицкие, Поповичи, Комарно, Подрожье, Горькая Полонка II.

Объекты второй фазы характеризуются сочетанием позднелатенских и раннеримских форм керамики, наличием лепных и гончарных сосудов липицкой культуры, а также сосудов зарубинецкого облика. Эта фаза соответствует стадиям B1 и B2 раннеримского времени (Подборцы, Зубра, Пасеки-Зубрицкие, Подберезцы, Хоров, Боратин (нижний слой), Подрожье, Горькая Полонка II).

Третья фаза совпадает со стадией C1 и началом стадии C2 позднеримского времени. Она выделяется наличием в объектах провинциально-римских гончарных изделий (мисок, амфорного материала, краснолаковых обломков) (рис. 5, 5, 6). Для лепного керамического комплекса характерны формы, возникшие в основном на базе пшеворской и зарубинецкой керамики (Скольники I и II, Давыдов, Подберезцы, Пасеки-Зубрицкие, Жировка и др.) (рис. 5, 1—4). В начале этой фазы территорию Западной Волини заняли носители вельбарской и позднешшеворской культуры. Через Поднестровье, где была, очевидно, большая плотность населения, прошли лишь отдельные позднешшеворские группы, оставившие памятники типа Добростан — Иване-Золотое. На развитии культурного процесса в Поднестровье эти события существенно не отрази-

лись, а на территории Западной Волини он был прерван. На месте пшеворско-зарубинецких памятников (Подрожье, Боратин (нижний слой), Горькая Полонка II, Хоров) появляются древности вельбарской культуры (Боратин (верхний слой), Лепесовка, Любомль, Горькая Полонка и др.).

Памятники позднелатенского времени на рассматриваемой территории имеют четко выраженные черты пшеворской культуры. Мы не располагаем в настоящее время данными, позволяющими предположить формирование этой культуры в Поднестровье и на Волини. На территории Польши, по мнению большинства исследователей, пшеворская культура сложилась в начале позднелатенского времени. Наибольшее количество памятников этого времени сконцентрировано в Мазовии и Подлясье. Позднелатенские поселения в Поднестровье являются более поздними, чем мазовецкие, и отвечают средней и поздней фазам этого времени. Можно предположить, что пшеворские памятники в Поднестровье и на Волини появились в результате оттока населения из Мазовии и Подлясья. Сравнение основных элементов материальной культуры двух территорий позволяет с уверенностью говорить об их единстве: одинаковы топография поселения, жилищное строительство, погребальный обряд, идентичны также керамические комплексы, изделия из металла. Следовательно, в позднелатенское время Верхнее Поднестровье и Западная Волинь являлись наиболее восточным ареалом пшеворской культуры.

С началом раннеримского времени и соответственно второй фазы развития культуры ситуация в Поднестровье и на Волини изменилась. С юга в этот район переместились племена липицкой культуры, на территории Польши прекратила существование зарубинецкая культура, но ее носители продвигаются на юг и юго-запад, в том числе и в Поднестровье. Пшеворские группы проникают на восток, где их влияние достигает границы Днепра. Эти события оставили глубокий след в археологическом материале того времени, в частности на пшевор-

ских памятниках. Уже в объектах стадии В1 раннеримского времени (40—70 гг. I в. н. э.) наряду с пшеворскими позднелатенскими формами появляются лепная и гончарная керамика липицкой культуры, горшковые сосуды зарубинецкой культуры [Козак, 1983, с. 88—92]. Последние составляют около 30 % всего керамического комплекса. Среди жилищ многие напоминают зарубинецкие. Происходит процесс активного взаимодействия пшеворского, зарубинецкого и липицкого населения. Следствием этого явилось сложение качественно новых древностей, существенно отличающихся от пшеворской культуры на запад от Вислы. Отличия выражаются в своеобразном комплексе лепной керамики, формах и интерьере жилых построек, наличии сероглиняной керамики липицкой культуры. Эти отличия позволили выделить описываемые памятники в отдельную волино-подольскую группу, основой для сложения которой послужила интеграция пшеворской, зарубинецкой и липицкой культур.

Третью фазу развития культуры Верхнего Поднестровья характеризуют древности типа Сокольники I — Давыдов. Они являются следующим этапом развития памятников волино-подольской группы. Большинство поселений этого периода располагаются на южных склонах балок и возвышенностей. Более однообразный характер приобретают жилища. Это исключительно полуземлянки прямоугольной и квадратной форм со столбовыми ямками по периметру и очагом, выложенным из камней, или глинобитной печкой в углу. Появляются единичные глинобитно-плетневые наземные жилища с очагом, выложенным из камней. Среди керамического комплекса уже невозможно выделить специфические зарубинецкие или пшеворские формы. Преобладают сосуды, составляющие комбинацию более ранних типов. В керамике почти не прослеживаются липицкие элементы. Основными видами сосудов являются округлобокие вытянутые горшки со слегка отогнутой шейкой и высоко расположенными плечиками, биконические ребристые горшки. Миски и диски-крышки, характерные для

предыдущего времени, представлены единичными экземплярами. Исчезают орнамент на горшках, лощеная посуда, специальная ошершавленность поверхности. В целом керамика этого времени весьма близка сосудам среднеднепровских ранних памятников киевского типа (Сушки 2, Козаровичи, Новые Безрадичи). В отличие от последних, почти или полностью не содержащих гончарной посуды, на памятниках Верхнего Поднестровья появляется небольшое количество (6—14 %) гончарной керамики провинциально-римского типа. Наиболее ранние комплексы с такой посудой датируются последней четвертью II в. н. э. Преобладающее число фрагментов принадлежит мискам с лощеной поверхностью и лощеным волнистым орнаментом. Сосуды имеют аналоги в керамике Северного Причерноморья и Черняховской культуры. Вероятно, с юга в Поднестровье поступали также амфоры, южные типы фибул, бусы из египетского фаянса и другие вещи провинциально-римского происхождения. Все это свидетельствует о том, что начиная со второй половины II в. носители памятников волино-подольской группы втягиваются в сферу влияния провинциально-римской культуры.

На протяжении III в. н. э. памятники волино-подольской группы постепенно сменяются древностями Черняховского типа [Козак, 1982, с. 31—48]. Различия между ними незначительные и объясняются разным уровнем развития этнически родственного населения. Так, в черняховское время широко используется гончарная посуда (60 % всего количества керамики), богаче и совершеннее становятся орудия земледелия, изделия для производства бытовых предметов, украшения. Поэтому можно признать, что памятники черняховского типа являются очередной ступенью культурного, социально-экономического и этнического развития носителей древностей волино-подольской группы. Однако еще во второй половине III в. в Верхнем Поднестровье наряду с памятниками черняховского типа существует ряд поселений, достаточно полно сохранивших культурный облик предыдущего времени.

К ним можно отнести поселения в Подберезцах, Сокольниках I, Березцах. Такое явление вполне объяснимо, учитывая, что формирование культуры черняховского облика происходило в данном регионе постепенно на базе более ранней культуры по мере усиления провинциально-римских влияний и развития социально-экономических отношений.

Вопрос об этнической принадлежности носителей волыно-подольской группы памятников римского времени, сформировавшихся на основе интеграции пшеворской, зарубинецкой и частично липицкой культур, можно решить путем ретроспективных сопоставлений с более поздней культурой черняховского типа на этой территории. Генетическая связь последней с раннесредневековыми славянскими древностями не вызывает сомнений у исследователей [Баран, 1981, с. 163—200], как и связь между памятниками первой и второй четверти I тыс. н. э. [Козак, 1982, с. 31—48]. Следовательно, сложные этнокультурные сдвиги, происходившие в бассейнах Западного Буга и Поднепровья в I—IV вв. н. э., иллюстрируют процесс формирования одной из групп восточнославянских племен.

5. Липицкая культура

Липицкая культура была выделена М. Ю. Смишко в 1932 г. [Smiszko, 1932]. Она объединяет небольшую группу памятников в Верхнем Поднепровье, соприкасающихся территориально на юге с дакийским культурным ареалом (см. рис. 1; 2). Наиболее полно исследованным памятником является могильник в Верхней Липице, от которого и произошло название культуры. Исходя из почти полного тождества липицких древностей и дакийских памятников Румынии, Словакии и смежных областей, следует поставить под сомнение правомерность выделения первых в отдельную культуру [см. также Dąbrowska, 1973, s. 207]. Учитывая результаты последних исследований, более верным было бы объединить эти памятники в липицкую группу дакийской культуры. Однако этот вопрос требу-

ет специального рассмотрения. В данной работе будем придерживаться традиционного названия.

Памятники липицкой культуры немногочисленны. Известно несколько могильников (Верхняя Липица, Болотня, Гринев, Звенигород), два отдельных богатых погребения (Колоколин, Чижиков) и около десятка поселений. Значительная часть их в большей или меньшей степени подвергалась раскопкам. Памятники расположены на левых притоках Днестра тремя небольшими скоплениями. Исключение составляют поселения в Незвиско и могильник в Завалье, открытые на правом берегу Днестра. Первое скопление объединяет памятники между речками Гнилая Липа, Свирж и Зубра. Небольшое количество памятников размещено в верховьях рек Стрыпа и Золотая Липа. Наиболее южными являются поселения Зеленый Гай и Голограды в устье р. Свирж. Наличие на очерченной территории поселений и могильников волыно-подольской группы (Лучка, Монастыриха, Хотимир, Подберезцы, Гринев, Майдан-Гологорский, Звенигород) может свидетельствовать о чересполосном существовании памятников двух культур.

Поселения липицкой культуры открытого типа. Они лежат на южных и юго-западных склонах небольших рек, как правило, на мощных наслоениях чернозема. На поселениях открыты остатки жилых помещений. Возле жилищ находились хозяйственные ямы и очаги, составляющие отдельные хозяйственные комплексы [Цигилик, 1975, с. 63]. В настоящее время на липицких памятниках открыты остатки 39 жилых построек двух типов: наземные и углубленные в материк. Первые составляют 12,9 % (пять построек). Объекты этого типа прямоугольной формы, их площадь около 20 м². В одном из углов находился очаг, выложенный камнями, или глиняная печь. Стенки столбово-плетневой конструкции обмазывались глиной.

Среди углубленных жилищ преобладают полуземлянки (66,6 %). Землянки составляют 20,5 %. Форма первых преимущественно прямоугольная,

вторых — округлая или овальная. Площадь жилищ составляет от 6 до 29 м². Девять полуземлянок имели подвальные ямы, а вдоль стенок отдельных землянок оставлены материковые выступы-прилавки, облицованные деревом. В шести жилищах прослежен вход в виде выступов в стенке. Внутри отдельных построек находились отопительные сооружения: глинобитные и выложенные из камня очаги, глиняные печи. Последние обнаружены в трех жилищах.

Среди построек, исследованных на поселении в Ремезовцах, следует упомянуть уникальные для первых веков н. э. в Поднестровье мастерские по выплавке железа [Баран, Цигилик, 1971, с. 66—68, рис. 2]. Однако, учитывая сложный характер Ремезовского поселения, где представлены в значительном количестве зарубинецкие и пшеворские материалы, не следует безоговорочно относить мастерские к липицким древностям.

В большей мере сохранили культурную специфику липицкие могильники. Они расположены недалеко от поселений (0,3—1 км) на высоких и сухих местах. Могильники бескурганые. Исследовано 125 погребений, из них 86,4 % составляют трупосожжения на стороне. Сожжения совершались на кострищах, размещенных на могильниках, сохранились в виде выжженных на земле пятен овальной формы размерами 1,5 X 7 м [Smiszko, 1932, s. 113-114].

Среди сожжений преобладают урновые захоронения (92,5 %). Урнами служили как лепные, так и гончарные горшки — количественное соотношение приблизительно равное. Кости старательно очищены от остатков кремации. Погребения сопровождал многочисленный мелкий инвентарь: ножи, пряжки, отдельные бусины, прясла, проколки. Реже встречаются ключи, кресала. В ряде погребений обнаружены пережженные фрагменты лепной и гончарной керамики. Эта черта обряда характерна для могильников в Звенигороде, где влияние пшеворской культуры было особенно сильным. На одном из этих могильников (усадебная Великача) пережженная керамика нахо-

дилась в 84 % погребений [Козак, 1978, с. 96]. Среди других предметов следы обжига имеют иногда прясла и бусы, что свидетельствует о чужеродности данного элемента обряда для населения липицкой культуры. То же самое можно сказать о традиции сопровождать погребения оружием, распространенной лишь в Звенигороде.

Ямные погребения представлены двумя типами: в первом кости находились в яме в спрессованном виде (пять погребений); во втором кости были разбросаны по дну ямы вперемешку с фрагментами керамики (три погребения). Наличие подобных захоронений, не характерных для дакийской культуры, также следует объяснить влиянием культуры соседнего населения.

Труположения немногочисленны (13,6 %). Из них половина сопровождалась погребальным инвентарем. Этот тип погребений, как и погребения с ямными трупосожжениями, отражает сложную этнокультурную структуру населения, оставившего памятники липицкого типа.

Кроме плоских могильников открыты два подкурганных захоронения княжеского типа, т. е. принадлежащие знати. Такие захоронения известны на большей части Европы.

Одной из наиболее полно изученных категорий инвентаря липицкой культуры является керамика. Она делится на две большие группы: гончарную и лепную. Первая известна главным образом на могильниках, вторая преобладает на поселениях (82—97 %).

Гончарная керамика включает горшки разных форм, кувшины, двуухие сосуды-вазы и чаши на высокой полой ножке. Их детальная классификация разработана М. Ю. Смишко [Smiszko, 1932].

Горшки тюльпановидной формы, биконические горшки с округлыми бочками и шаровидные сосуды с загнутыми внутрь венчиками представляют основной тип лепной керамики. Перелом бочков всех сосудов приходится на середину высоты. Характерной особенностью липицкого лепного керамического комплекса является наличие конических кружек с массивной ручкой [Цигилик, 1975, с. 86—95]. Горшки

чаще всего орнаментировались наlepным валиком, расчлененным пальцевыми вдавлениями и шишечками, на бочках, пуговичками по корпусу. Эти формы, как и сосуды первой группы, имеют многочисленные аналоги на территории Румынии и в Закарпатье [Ragvan, 1926, pl. XXI; Vulpe, 1927—1929; Цигилик, 1975, с. 78—88; Баран, 1961, с. 14—20].

Наряду с дакийской керамикой на липицких поселениях и могильниках выделяется довольно многочисленная группа лепных горшков с переломом плечика выше половины высоты и мисок с ребристым корпусом, близкая сосудам зарубинецкой и пшеворской культур [Цигилик, 1975, рис. 39—42].

На поселениях и могильниках известны глиняные пряслица и грузила; бронзовые украшения, в частности фибулы; железные ножи, шилья, топоры, напильники, ключи, кресала, пряжки и др. К редким импортным изделиям относятся металлические зеркала, бронзовые сосуды, гемма с изображением Гермеса.

Отдельную группу составляют предметы вооружения. Это мечи, ножны, умбоны, шпоры, наконечники копий. Все типы оружия имеют аналоги в пшеворской культуре. Поэтому их наличие на липицких памятниках следует рассматривать как результат влияния пшеворской культуры.

Известны различные мнения насчет хронологии липицких памятников. Так, М. Ю. Смишко, выделяя культуру, датировал ее I—II вв. н. з. [Smiszko, 1932, s. 177]. Позднее, основываясь на материалах многослойного поселения в Залесках, он передвинул нижнюю границу культуры к II в. до н. э. [Смишко, 1952, с. 334—338]. В последних работах М. Ю. Смишко уже отказался от этой датировки как ошибочной и считал возможным ограничить рамки существования липицких памятников I — началом III в. Так же определяли хронологию липицкой культуры Г. И. Смирнова и И. К. Свешников [Смирнова, 1964, с. 202; Свешников, 1957, с. 63—69]. В. Д. Баран, исходя из стратиграфии липицких и черняховских объектов на поселении в Черепине, считал, что первые пре-

кратили свое существование не позже конца II в. н. э. [Баран, 1961, с. 19 — 20]. Более узко: I — серединой II в. датирует липицкие памятники Т. Домбровская [Dąbrowska, 1973, s. 216].

Датирующий материал липицкой культуры довольно многочислен. Это фибулы, некоторые типы оружия, импортные бронзовые вещи. Большинство предметов группируется в довольно узком хронологическом диапазоне. Наиболее ранним памятником является богатое погребение в Колоколине. Его дату определяют две бронзовые фибулы типа A67, ранний вариант очковой фибулы типа A44 и фибула типа Nauheim [Smiszko, 1935, tab. XIII—XIV] (рис. 6, 19—21).

М. Ю. Смишко, отмечая сочетание в этом памятнике предметов позднелатенского и раннеримского времен, считал, что оно совершено в первых годах н. э. [Smiszko, 1935, s. 160]. Детальную хронологию этого погребения рассмотрена Р. Ямкой, который отнес его к 5—10 гг. н. э. [Jamka, 1964, s. 30—37].

Наиболее поздней в колоколинском погребении является фибула типа A67, которая на основании разработанных источников датируется Г. Коссаком 20—40 гг. н. э. [Kossak, 1962, s. 128]. Однако, учитывая, что она находилась вместе с фибулой типа Nauheim, датируемой разными авторами от второй половины I в. до н. э. до первых десятилетий н. з. [Jamka, 1964; s. 93], весь колоколинский комплекс следует отнести ко времени не ранее 20 гг. н. э. Такую же датировку предлагает и Т. Домбровская [Dąbrowska, 1973, s. 208].

Существование дакийских памятников в Верхнем Поднестровье в начале I в. н. э. подтверждается материалами пшеворского погребения № 3 из могильника в Гриневе, датируемого фибулой типа A67. Здесь наряду с пшеворской ритуальной керамикой находилось небольшое количество лепной керамики липицкого типа. Фрагменты были украшены наlepным валиком, расчлененным пальцевыми вдавлениями, шишечками, что характерно для дако-гетской посуды. Липицкие памятники этого времени в Поднестровье, по-видимому, единичны и отражали

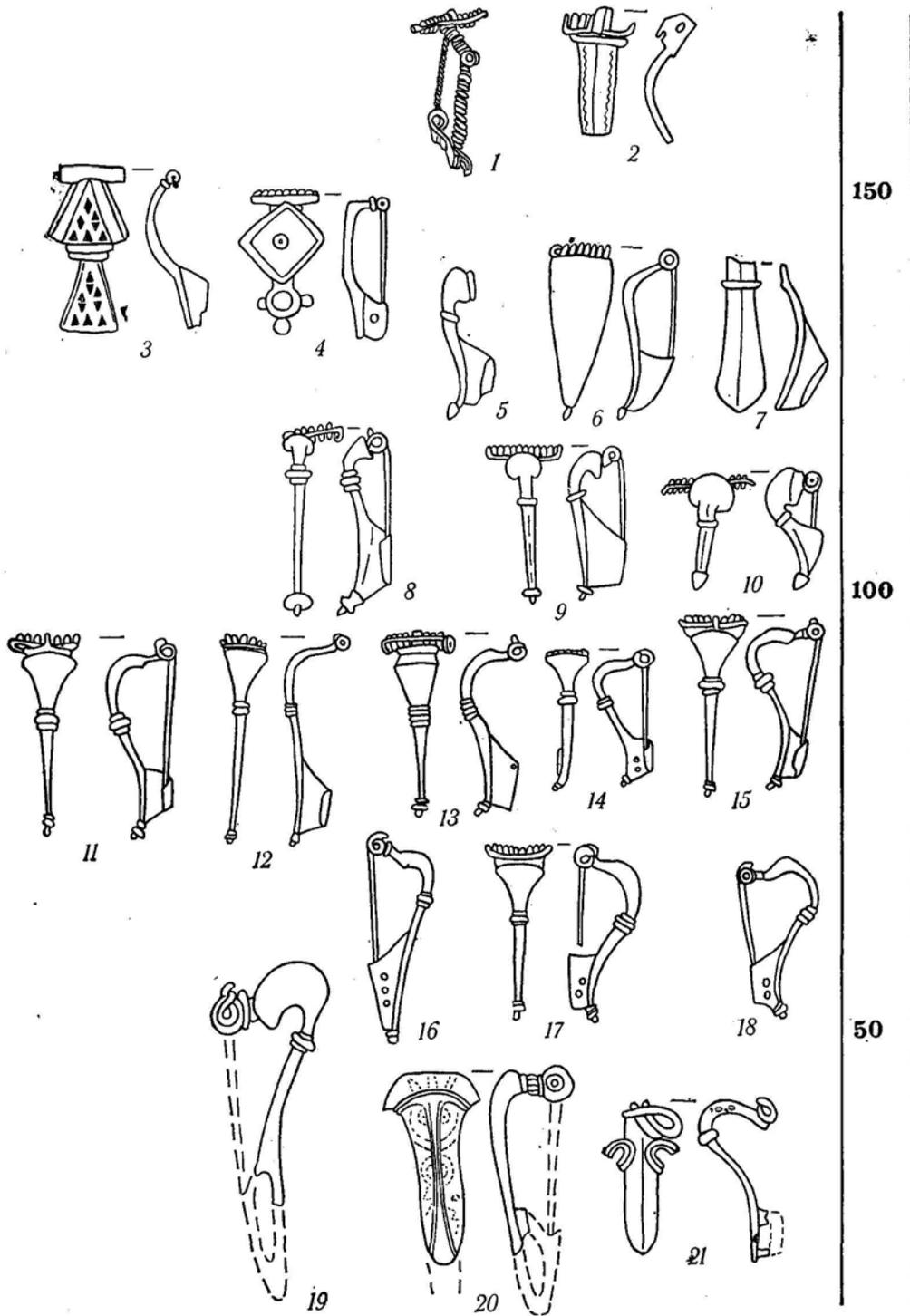

Рис. 6. Фибулы липицкой культуры и их хронология:
 1, 2 — Ремезовцы; 3—9, 13, 17 — Верхняя Лишца; 10, 14, 16, 18 — Звенигород; 11, 12, 15 — Гринев;
 19—21 — Колоколин.

начало освоения этой территории. В основном они появляются в середине I в. н. э. и определяются несколькими типами остропрофилированных фибул (рис. 6, 8—16) *. Наиболее распространенными являются фибулы типа А68. Ранние их формы имеют два-три отверстия в приемнике (Верхняя Липица, Звенигород — Гоевая гора, Звенигород — Загуменки, Болотня) (рис. 6, 16—18). Такие фибулы датируются стадией В1 раннеримского времени (40—70 гг. I в. н. э.) [Liana, 1970, s. 458]. Типологически более поздними являются фибулы таких же пропорций, но без отверстий в приемнике (Верхняя Липица, Гринев) (рис. 6, 11—15). М. Ю. Смишко датировал их II в. н. з. [Smiszko, 1932, s. 158], А. К. Амброз поместил их в период между второй половиной I и началом II в. н. э. [Амброз, 1966, с. 36—38]. Так же датирует эти фибулы Т. Домбровская [Dąbrowska, 1973, я. 208].

Еще одним распространенным в липицкой культуре типом являются сильнопрофилированные трубчатые фибулы трех групп. Из них первая (Верхняя Липица, погребения 16, 30; Гринев, погребение 2) по размерам, форме изгиба спинки, наличию крючка для пружины близка типу А68, отличаясь лишь трубчатой головкой (рис. 6, 9). Эти фибулы отсутствуют в системах А. Альмгрена и А. К. Амброза. По мнению Т. Домбровской, они могут быть датированы I—II вв. н. э. [Dąbrowska, 1973, s. 210]. Вторая группа трубчатых фибул характеризуется небольшими размерами, резко согнутой верхней частью спинки и массивной, сильно расширенной головкой. Крючок отсутствует (рис. 6, 10). Эти фибулы известны из могильников в Звенигороде — Гоевая гора, усадьба Великача. Они принадлежат к первому выделенному Т. Лианой варианту трубчатых фибул и датируются ею стадией В1 раннеримского времени [Liana, 1970, s. 443]. Третья группа представлена фибулой из могильника в Верхней Липице. Оца имеет менее выгнутую спинку и

небольшую головку (рис. 6, 8). Фибулы этой группы более поздние, чем предыдущие, и датируются первой половиной стадии В2 (конец I — начало II в.) [Liana, 1970, s. 447]. Так же датируется фибула провинциально-римского типа из могильника в Верхней Липице, имеющая плоскую треугольную спинку с пуговкой на конце [Smiszko, 1932, s. 160] (рис. 6, 6). К этому времени относятся и две фибулы глазчатой конструкции (могильник Верхняя Липица, поселение Черепин). Обе имеют гладкую неорнаментированную спинку. Более точная идентификация этих фибул из-за плохой сохранности невозможна. По классификации Р. Ямки, глазчатые фибулы с неорнаментированной спинкой независимо от типа относятся к серии А, которая датируется в целом I — началом II в. н. э. [Jamka, 1964, s. 30—59]. М. Ю. Смишко датировал глазчатую фибулу из Верхней Липицы I в. н. э. [Smiszko, 1932, s. 162].

Наиболее поздние на липицких памятниках — две эмалевые фибулы из Верхней Липицы типа провинциально-римских шарнирных (рис. 6, 3, 4). Такие фибулы существовали довольно продолжительное время, но наибольшее распространение получили во II в. п. э. [Silven, 1961, s. 118—119]. Учитывая весь комплекс могильника в Верхней Липице, где большинство материала укладывается в рамки I — начала II в., эти фибулы не могут датироваться временем позднее середины II в.

Немногочисленную группу датирующихся находок составляют предметы вооружения. Это шпоры типа J46 из Звенигорода и две шпоры стулообразного типа из Чижикова. Первые датируются I в. п. э. [Jahn, 1921, S. 41—42]. В пшеворской культуре они типичны для стадии В1 [Liana, 1970, s. 450]. Хронология стулообразных шпор также не выходит за рамки I в. н. э. Из других предметов оружия, поддающихся датировке, показательны умбон из Звенигорода — Загуменок, принадлежащий к типу 6, по классификации М. Яна, и относящийся к стадии В1 [Jahn, 1916, S. 169—179], и ажурные бронзовые ножны меча из того же погребения. Ножны также датируются I в. н. э. [Kostrzewski, 1919, s. 6]. Для

* В основу типологии фибул из липицких могильников положены схемы М. Ю. Смишка и Т. Домбровской [Smiszko, 1932, s. 174; Dąbrowska, 1973, s. 208].

датировки липицкой культуры характерны бронзовые сосуды из погребения в Чижикове. Их хронология подробно рассмотрена Т. Домбровской. Автор относит комплекс находок из погребения к концу I в. н. э. [Dąbrowska, 1973, s. 207].

Таким образом, датирующий материал, несмотря на разнообразие, хронологически компактен и определяет временные рамки существования культуры 20 годами I — серединой II в. н. э. (рис. 6). Однако преобладающее количество памятников относится к стадии В1 раннеримского времени. Несколько позже, очевидно, во второй половине I в. н. э., был заложен могильник в Гриневе. Это период наибольшей активности культуры. Уже с концом I в. н. э. ряд объектов прекращает свое существование (Гринев, Болотня, могильники в Звенигороде), что может свидетельствовать о начале угасания культуры. К стадии В2 относятся лишь могильник и поселение в Верхней Липице, функционировавшие не позднее середины II в. Что касается мнения некоторых исследователей, предполагавших существование культуры еще в стадии С1 (конец II — первая половина III в. н. э.), то оно необоснованно. Так, И. К. Свешников при датировке верхней границы могильника в Звенигороде опирался на остропрофилированные трубчатые фибулы I варианта Т. Лианы, которые он ошибочно датировал III в. [Свешников, 1957, с. 63]. Г. И. Смирнова ссылалась на находки светлоглиняных амфор II—III вв. и красноглиняных широкогорлых амфор конца II — III вв. из поселения у с. Незвиско [Смирнова, 1964, с. 202]. Как известно, это поселение имеет несколько культурных горизонтов, в том числе черняховский. Поэтому находки из культурного слоя не могут привлекаться в качестве датирующего материала липицкого поселения. Несколько обломков таких амфор найдено в липицком жилище 16, которое, как отмечает автор, было размыто в древности водой. Поэтому вещи в это жилище также могли попасть из культурного слоя.

В. Н. Цигилик определяет верхнюю дату липицкой культуры на основании

тех же типов амфор из поселений в Верхней Липице, Ремезовцах, Залесках и шпор с асимметричными дужками и крючком возле шипа из Верхней Липицы и Ремезовцев [Цигилик, 1975, с. 128]. Однако отметим, что на всех поселениях, где обнаружены упомянутые предметы, имеется слой черняховского времени, для которого они типичны и с которым они, вероятнее всего, связаны. В противном случае трудно было бы объяснить, почему поселения существовали дольше, чем могильники.

Особо следует рассматривать поселение в Ремезовцах, содержащее значительное количество липицких материалов. Судя по наличию лощеной ребристой зарубинецкой керамики, поселение возникло не позднее I в. н. э. Верхняя дата поселения определяется железной фибулой смычковидного типа, датированной В. Н. Цигиликом началом I в. н. э. [Цигилик, 1975, с. 128] (рис. 6, 1). Ее отличительной особенностью является дужка, обмотанная тонкой проволокой. Аналогичная по конструкции, но больших размеров серебряная фибула найдена на могильнике в Прище (Гданьское воеводство), на территории распространения вельбарской культуры, где она датируется стадией C1a [Prahistória..., 1981, s. 62]. Фибула аналогичной конструкции обнаружена и на могильнике пшеворской культуры в Опатове и также датируется концом II — началом III в. [Godłowski, 1959, s. 53, 17]. Эта датировка поселения подтверждается еще одной фибулой, ошибочно зачисленной В. Н. Цигиликом к типу глазчатых [Цигилик, 1975, рис. 52, 26] (рис. 6, 2). Фибула относится к провинциально-римским образцам и датируется концом II — первой четвертью III в.* [Jobst, 1975, tab. IV, 97]. Однако датировку поселения в Ремезовцах вряд ли правомерно распространять на всю липицкую культуру. Кроме липицких, как уже отмечалось, здесь имеются в значительном количестве зарубинецкие и пшеворские материалы. Они отражают процесс инте-

* Благодарим С. А. Гороховского за сообщение о данном источнике.

грации всех культурных групп Верхнего Поднепровья и продолжающейся еще в начале III в. ассимиляции липицкого населения.

Липицкая культура не имела связей с Верхним Поднепровьем в более раннее время. Еще М. Ю. Смишко обратил на это внимание и трактовал ее как наиболее северное ответвление большого дако-гетского культурного массива, занимающего территорию Молдавии, Румынии, Словакии [Smiszko, 1932, s. 178—180]. Дальнейшее изучение липицких памятников подтвердило мнение исследователя. К нему присоединились В. Д. Баран, Г. И. Смирнова, В. Н. Цигилик и др. [Баран, 1961, с. 9—20; Смирнова, 1964, с. 197—202; Цигилик, 1975, с. 143]. Дакийский характер липицких памятников подтверждают и румынские исследователи, в частности С. Моринц, М. Мокря, М. Руссу и др., подчеркивающие тождество дакийской и липицкой керамики, погребального обряда, жилищного строительства [Morntz, 1962, p. 410—413; Mokrea, Rusu, 1960; Leahu, 1965, p. 56—60]. Единство материальной культуры липицкого населения и даков отмечает Г. Диакону [Diaconu, 1965, с. 300].

Что касается этнической принадлежности носителей липицких памятников, то М. Ю. Смишко, опираясь на письменные источники, высказал предположение, что они оставлены дакийским племенем костобоков [Smiszko, 1932, s. 178]. Это мнение поддержано большинством советских и зарубежных исследователей. Гипотеза о липицкой культуре как культуре юго-западной ветви восточных славян, предложенная в конце 50-х годов Г. Б. Федоровым [Федоров, 1960, с. 14], не получила поддержки из-за отсутствия каких-либо доказательств.

Во время появления липицких племен в Верхнем Поднепровье обитало население пшеворской культуры. В начале I в. н. э. в этот район продвигаются группы зарубинецких племен из Полесья. Происходят активные ассимилятивные процессы, отражением которых было возникновение смешанных пшеворско-зарубинецких поселений вольно-подольской группы. Близкое тер-

риториальное соседство обусловило тесную взаимосвязь дакийского и славянского населения, глубокие культурные взаимовлияния. Раскрывая особенности липицких памятников в Поднепровье, М. Ю. Смишко отмечал наличие довольно заметных западных элементов в составе первых [Smiszko, 1932, s. 173].

Открытие пшеворских и пшеворско-зарубинецких поселений, чересполосно существовавших с липицкими памятниками, позволяет более конкретно определить очаг этих влияний. Они проявляются в наличии на липицких поселениях и могильниках предметов украшения (глазчатые, сильно профилированные фибулы), керамики, оружия. Пшеворские горшки и миски выявлены практически на каждом из исследованных липицких памятников, что неоднократно отмечалось исследователями [Цигилик, 1975, с. 155—158; [Dąbrowska, 1973, s. 223—224; Козак, 1978, с. 88—89]. Причем лепные сосуды изготовлялись на самих липицких поселениях, о чем свидетельствует некоторое своеобразие их форм. Влияние пшеворской культуры довольно заметно прослеживается на погребальном обряде липицкого населения (наличие ямных погребений, сопровождение погребений ритуально измельченной керамикой и могил воинов оружием, вторичный обжиг погребального инвентаря). Результатом тесных взаимосвязей липицкого и местного населения было возникновение общих могильников и поселений [Козак, 1978а, с. 90—106]. Не менее значительное влияние липицкое население испытывало и со стороны зарубинецких племен. Иллюстрацией к зарубинецко-липицким культурным связям служат материалы поселения в Ремезовцах [Цигилик, 1975, с. 154—157]. Однако отметим, что зарубинецкие элементы представлены на липицких памятниках исключительно в сочетании с пшеворскими материалами.

Создается впечатление, что с момента появления в Верхнем Поднепровье дакийское население было втянуто в ассимилятивные процессы с пшеворскими и зарубинецкими племенами. Это приводит к постепенному нивелирова-

нию оторванной от основного ареала липицкой культуры. В этой связи чрезвычайный интерес представляет поселение в Ремезовцах,¹ которое существовало до первой четверти III в. н. э. Более тщательный разбор материала многочисленных объектов поселения позволил бы проследить процесс исчезновения липицких элементов в Верхнем Поднестровье.

Таким образом, немногочисленное дакийское население, оставившее памятники липицкого типа, было пол-

ностью ассимилировано местным населением. Этот вывод основывается на том, что липицкие памятники исчезают постепенно, на протяжении конца I — начала III в., а не сразу, что произошло бы в случае их отхода из Поднестровья под давлением пшеворских племен, как предполагалось. Вторым аргументом в пользу высказанного мнения является существование смешанных памятников с липицкими, зарубинецкими и пшеворскими материалами.

П. ПОЗДНЕРИМСКИЙ ПЕРИОД И НАЧАЛО ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

1. Черняховская культура

Начало исследованиям памятников Черняховской культуры положил В. В. Хвойка раскопками могильника у с. Черняхов Кагарлыцкого р-на Киевской обл. в 1900—1901 гг. [Хвойка, 1901, с. 172—190]. Приблизительно в это же время в верховьях Днепра и Западного Буга раскопки черняховских памятников начал К. Гадачек, исследовавший поселение в Неслухове и могильник в Псарах [Nadaczek, 1900]. В дальнейшем раскопки черняховских памятников продолжили Н. Е. Макаренко, М. Я. Рудинский, А. В. Добровольский, М. Ю. Смишко.

Планомерное изучение черняховской культуры началось после Великой Отечественной войны. На Поднепровье раскопки производили Э. А. Сымонович, Е. В. Махно, А. Т. Смиленко, Н. М. Кравченко; в Поднестровье и на Волыни — М. Ю. Смишко, М. А. Тиханова, В. Д. Баран, И. С. Винокур и др.; в Молдавии — Г. Б. Федоров и Э. А. Рикман; на территории Румынии — Р. Вульпе, Г. Диакону, И. Ионице и др. Е. В. Махно подготовила карту памятников черняховской культуры, в дополненное издание которой лишь на территории Украины вошло около трех тысяч памятников. Большинство собранных материалов опубликовано * [Брайчевский, 1964; Винокур, 1972; Баран, 1981; Сымонович, Кравченко, 1983, и др.].

Черняховская культура занимает

территорию юго-запада СССР, включающую большую часть современной Украины, Молдавию, а также значительную часть Румынии (где она получила название «культура Сынтана де Муреш» (рис. 7; 8). Ее восточная окраина проходит по левому берегу Днепра от низовий до порогов, гранича с приазовской степью, находившейся в то время под контролем сармато-аланских племен. Далее к северо-западу черняховские памятники доходят до верховьев Северского Донца (Новопокровка) и встречаются даже в Курской обл. (Воробьевка). Северная их граница совпадает с краем Лесостепи, смыкаясь и перемежаясь в Черниговском и Киевском Полесье с древностями киевской культуры (Успенка, Хлопков, Киев, Дедовщина). На Волыни в область распространения Черняховской культуры (крайние пункты Костянец, Баев) проникают вельбарские памятники. Западный рубеж памятников доходит до Днестра, Западного Буга и Сана, включая приграничные районы Польши (Ромош, Неслухов, Черепин, Грудек Надбужный), где граничит с пшеворской культурой. В Прикарпатье черняховские племена соседствовали с населением культуры карпатских курганов. На юге территория культуры ограничена Румынским левобережьем Дуная и Черноморским Побережьем до устья Днепра.

Количество известных на очерченной территории черняховских памятников превышает в настоящее время три тысячи, подавляющее большинство из них представлено поселениями. Археологические раскопки производились на 150 селищах, из которых более 100 находятся на территории Украины.

* Черняховской культуре специально посвящены три выпуска серийного издания «Материалы и исследования по археологии СССР» (№ 82, 116, 139) и сборник статей «Могильники черняховской культуры» (М., 1979).

Поселения обычно располагались вдоль южных склонов, занимая низкие террасы небольших рек и ручьев. Размеры поселений, как правило, не превышают нескольких сот метров при ширине 100—200 м, но встречаются и длиной 1—2 км. Нередко они группировались на небольшом расстоянии друг от друга.

Постройки на поселениях располагались свободно, иногда прослеживаются ряды жилищ, вытянутые вдоль склона. Хозяйственные сооружения находились либо рядом с ними, образуя единый комплекс, либо занимали свободный от жилищ участок (Бовшев II, Теремцы).

Известно три типа черняховских жилищ: углубленные (полуземлянки и землянки), наземные глинобитные постройки и каменные дома. В лесостепной полосе Украины между Днестром, Днестром и Западным Бугом преобладают углубленные жилища, в Прутско-Днестровском междуречье — наземные глинобитные; каменные постройки были распространены лишь в Причерноморье.

Полуземлянки имели каркасно-плетневую конструкцию стен, и лишь на позднем этапе черняховской культуры изредка появляются жилища срубной конструкции (Теремцы, Сокол). Крыши опирались непосредственно на землю. Средняя площадь углубленных жилищ составляла 10—25 м². Стены наземных глинобитных жилищ возводились на каркасе. Большинство таких построек имеет площадь 10—30 м². На территории Украинской ССР и Молдавии известно более десятка поселений, на которых открыты вытянутые, прямоугольные в плане постройки площадью от 50 до 120 м². Такие дома часто совмещали под одной крышей жилые и хозяйственные помещения. Типичной каменной постройкой был двухкамерный, реже — трехкамерный дом размерами 5,5—6 X 15—20 м. Встречаются и небольшие однокамерные постройки. К дому примыкал двор (загон для скота), часто огражденный каменной стеной. Жилища отапливались, как правило, открытыми очагами. На заключительном этапе существования культуры появляются глино-

битные печи или печи-каменки. На поселениях имелись в большом количестве и хозяйственные сооружения, к которым относятся ямы-хранилища и легкие наземные постройки.

Кроме многочисленных поселений, известны городища: одно в Днепропетровской обл. (Башмачка) и два в Николаевской (Александровка и Городок). Они сооружались на мысах и были укреплены рвами, валами и каменными стенами.

Черняховские могильники располагались, как правило, несколько выше поселений по рельефу местности. Некоторые из них насчитывали по несколько сот погребений. Характерной чертой погребального обряда черняховской культуры является биритуализм — сочетание на одних и тех же могильниках погребений с кремацией и ингумацией. Исключение составляют некоторые могильники Причерноморья, где трупосожжения не обнаружены. В большинстве случаев трупосожжения составляют меньше половины всех захоронений.

Могилы-трупосожжения делятся на два типа — урновые и ямные. По другим признакам (наличие золы от костра, камней, инвентаря, размер ям и т. д.) исследователи выделяют ряд вариантов трупосожжений [Кравченко, 1970, с. 44—51]. Кремация совершалась в стороне от могилы и, как правило, за пределами кладбища. Подавляющее большинство захоронений с трупоположениями совершены в обычных прямоугольных ямах. Реже встречаются погребения в ямах с заплечиками, с подбоем или в склепах-катакомбах. Они наиболее характерны для Причерноморья. Обычно умерших укладывали в вытянутой позе на спине, головой на север или на запад. Известны отдельные скорченные погребения.

Захоронения нередко сопровождал инвентарь, включающий остатки убора или предметы личного обихода (фибулы, пряжки, бусы, подвески, гребни), а также инвентарь, связанный с культом мертвых, — посуда для пищи, остатки самой пищи (кости животных, яичная скорлупа), личные орудия труда (нож, шило, игла, точильный брусок, пряслице). В наиболее богатых

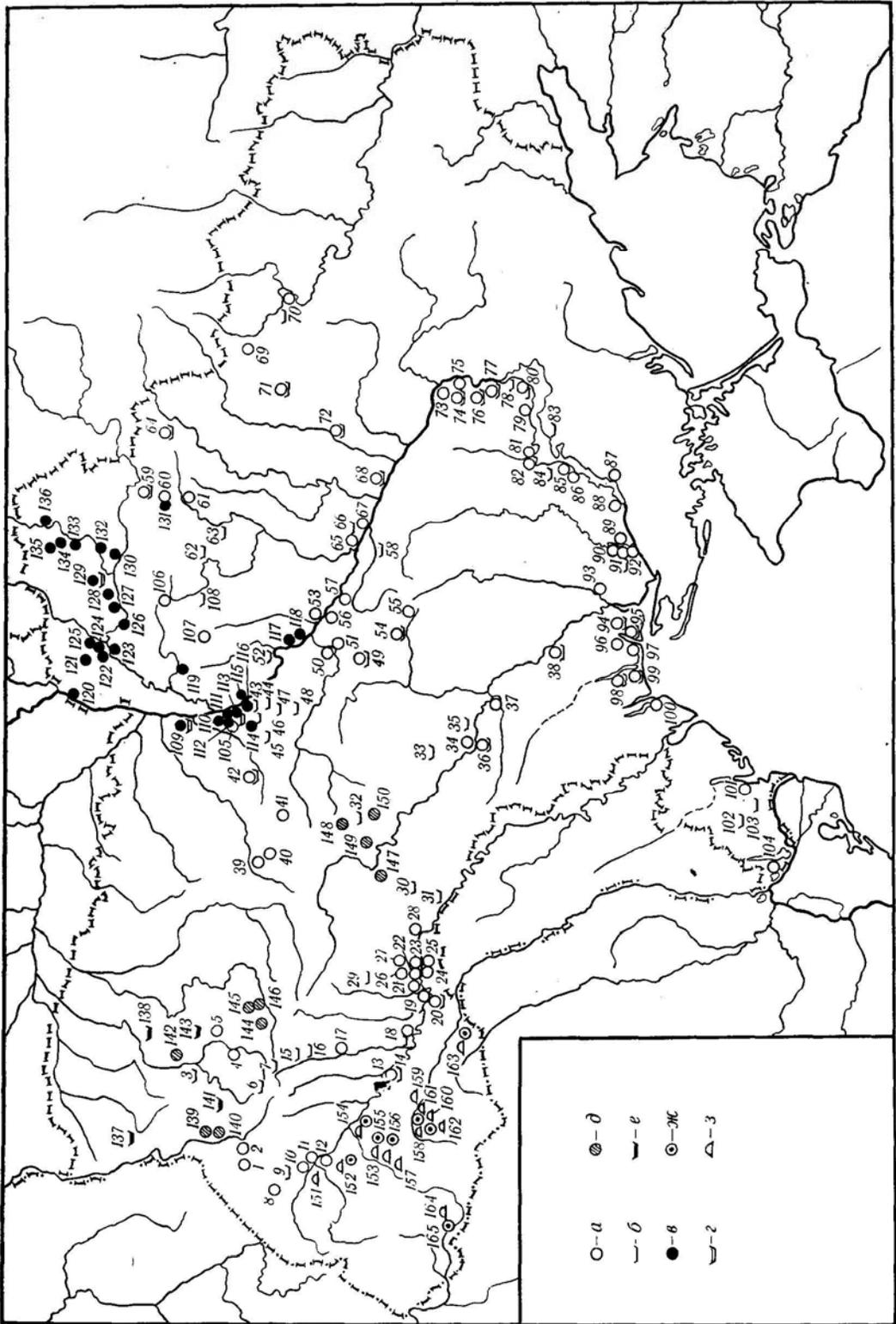

Рис. 7. Основные памятники второй четверти I тыс. л. з. на территории УССР.

Условные обозначения: а — поселения и б — могильники черняховской культуры; в — поселения и г — могильники киевской культуры; д — поселения и е — могильники вельбарской культуры; ж — поселения и з — могильники культуры карпатских курганов.

Черняховская культура: 1 — Неслухов, 2 — Ренев, 3 — Бяев, 4 — Редколубы, 5 — Костянец, 6 — Раювец-Чесновский, 7 — Бережанка, 8 — Черенин, 9 — Цсары, 10 — Демьянов II, 11 — Бовшев, 12 — Островец, 13 — Незвиско, 14 — Городница, 15 — Романово Село, 16 — Чернелов-Русский, 17 — Сухостав, 18 — Устя, 19 — Сокол, 20 — Оселевка, 21 — Лука-Врублевская, 22 — Травець, 23 — Бакота, 24 — Комаров, 25 — Романковцы, 26 — Иванковцы, 27 — Ставчань, 28 — Берановка, 29 — Руничанка, 30 — Залчевка, 31 — Вилы-Друаские, 32 — Косанов, 33 — Рылевка, 34 — Синицева-Сабатиновка, 35 — Данилова Балка, 36 — Кринички, 37 — Грушевка, 38 — Городок, 39 — Плячек, 40 — Слободиче, 41 — Ягнятин, 42 — Дельвина, 43 — Обухов, 44 — Жуковцы, 45 — Варахтанская Опылаевка, 46 — Деревина, 47 — Черняков, 48 — Романицы, 49 — Журовка, 50 — Николаевка, 51 — Зоваловна, 52 — Переслав-Мельницкий, 53 — Новолитовское, 54 — Маслово, 55 — Турки, 56 — Лески, 57 — Домогаев, 58 — Степовка, 59 — Удечка, 60 — Радушковка, 61 — Корювцы, 62 — Турбинцы, 63 — Дюхляц, 64 — Суны, 65 — Радушковка, 66 — Градильск, 67 — Максимова, 68 — Компанейцы, 69 — Гересечное, 70 — Новопокровка, 71 — Кантемировка, 72 — Цисаревка, 73 — Болосское, 74 — Башмачка, 75 — Никольское, 76 — Федоровка, 77 — Августинівка, 78 — Новоалександровка, 79 — Привольное, 80 — Капуловка,

81 — Кут, 82 — Грушевка, 83 — Каменка-Днепровская, 84 — Гавриловка, 85 — Осокорка, 86 — Дудчань, 87 — Канры, 88 — Берислав, 89 — Кондаково, 90 — Афанасьевка, 91 — Александровка, 92 — Даревка, 93 — Калитовка, 94 — Каменка-Анчекрак, 95 — Каобрта, 96 — Тилигуло-Беззана, 97 — Вингаторовка, 98 — Ражжово, 99 — Коблево, 100 — Киселово, 101 — Нерушай, 102 — Холмское, 103 — Фурмановка, 104 — Наторное, 105 — Глевах, 106 — Березанка III, 107 — Осовец, 108 — Мадая Девина.

Памятники киевской культуры: 109 — Козаровичи, 110 — Белогородка, 111 — Холосовка, 112 — Глевах, 113 — Новые Везрадици, 114 — Хлепча, 115 — Вишенки, 116 — Обухов II, III, VII, 117 — Решетки, 118 — Сушки, 119 — Любечанка II, 120 — Радуль, 121 — Роище, 122 — Ульяновка, 123 — Выбли, 124 — Киселевка II, 125 — Ключок, 126 — Салтыкова Девина, 127 — Максани, 128 — Мена, 129 — Киреевка, 130 — Обирок, 131 — Беселовка, 132 — Короп, 133 — Мезин, 134 — Лариков лес, 135 — Форостовичи, 136 — Бирин.

Памятники вельбарской культуры: 137 — Любобля, 138 — Деревяное, 139 — Федоровцы, 140 — Рымол, 141 — Машев, 142 — Боратин, 143 — Дитиничи, 144 — Борсуки, 145 — Лепесовка, 146 — Гунька, 147 — Вишняны Великие, 148 — Демидовка, 149 — Слобода, 149 — Гунька, 150 — Зяньковцы.

Памятники культуры карпатских курганов: 151 — Добряны, 152 — Нижний Струтинь, 153 — Цудилев, 154 — Марковцы, 155 — Волосов, 156 — Каменка, 157 — Переросль, 158 — Печенежин, 159 — Корич, 160 — Шилипы, 161 — Мышин, 162 — Стопчатов, 163 — Глубокая, 164 — Иза, 165 — Виноградово,

погребениях найдено до двух десятков сосудов. Трупосожжения некоторых могильников (Завадовка, Компанейцы, Ромашки) содержат оружие, хотя в целом для погребального обряда черняховской культуры оно не характерно.

Составной частью погребального обряда была тризна. Ее остатки прослеживаются обычно в виде скопления битой посуды, костей животных и углей в засыпи могилы или рядом с ней. Видимо, с какими-то ритуалами можно связывать разрушенные могилы, которые встречаются довольно часто.

Раскопки черняховских поселений и могильников дают большое количество различных находок. Самой массовой их категорией являются обломки глиняной посуды — гончарной и лепной. Основу черняховского керамического комплекса составляют гончарные изделия, количественно преобладающие на могильниках и на многих поселениях. В соответствии с составом глиняного теста такая посуда делится на две группы: кухонную (горшки, корчаги) и столовую (миски, вазы, кувшины, кубки). Основная масса лепной керамики представлена горшками нескольких типов.

Некоторые вазы, кувшины и кубки украшены сложными орнаментальными композициями, имеющими смысловое значение. Широко известны расшифровки керамических «календарей» из Ромашек, Лепесовки и Малаешт {Рыбаков, 1962, с. 66—90}.

На черняховских памятниках встречается небольшое количество керамики античного происхождения. Обычно она составляет не более 1—2 % всей посуды, а в Причерноморье и 50 %. Большая часть античной керамики представлена амфорной тарой: на юге преобладают крупные красноглиняные широкогорлые сосуды, в глубинных районах — более транспортальные светлоглиняные узкогорлые; меньшая — античными краснолаковыми кувшинами и тарелками. Из стеклянной посуды в большом количестве импортировались кубки различных типов: массивные и тонкостенные, со шлифованным орнаментом, с напаянными нитями и «глазками» и т. д.

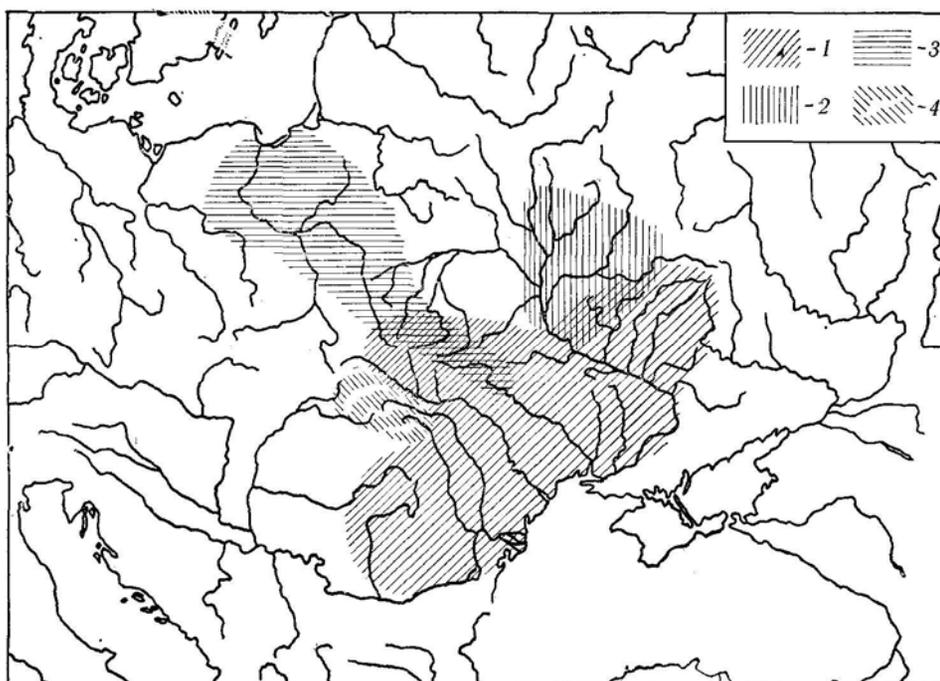

Рис. 8. Ареал археологических культур второй четверти I тыс. н. э.
Условные обозначения: 1 — черняховская, 2 — киевская, 3 — вельбарская, 4 — культура карпатских курганов.

Характерной чертой культуры является большое количество орудий труда, особенно железных. Значительная часть их связана с земледелием — это наральники, косы, чересла, серпы. Кроме того, известны многочисленные ножи, шилья, тесла, стамески, скобели, сверла, иглы, ножницы, рыболовные крючки, костяные проколки и ложила, пряслица, ткацкие грузила и т. д.

К довольно редким находкам относятся предметы вооружения и снаряжения воинов, в основном из могильников, в которых часто встречается и пшеворская лепная посуда, указывающая на захоронение единичных носителей этой культуры (Компанейцы). Это мечи, наконечники копий и стрел, топоры, умбоны и рукоятки от щитов, шпоры и удила. На памятниках черняховской культуры имеют место различные предметы быта и домашняя утварь — костяные, иногда железные гребни, пинцеты, замки и ключи, детали ларцов, остатки ведер, гвозди, кресала, ухваты и т. д. К материалам из могильников относятся принадлежности костюма и украшения — фибу-

лы, пряжки, различные бусы из стекла и камня, подвески, серьги и гривны.

Вопросы хронологии памятников черняховской культуры были и остаются дискуссионными. Однако увеличение датирующих находок позволяет более основательно определить ее хронологические границы. Первые исследованные памятники черняховской культуры датировались ее открывателем в пределах II—V вв. н. э. [Хвойка, 1901]. Сразу же было предложено ограничить время их существования III—IV вв. [Беляшевский, 1903, с. 11; Reinecke, 1906]. Попытка поднять верхнюю дату черняховской культуры до VI и даже до VIII в. и таким образом связать ее с памятниками Киевской Руси [Третьяков, 1941, с. 124; Смишко, 1947, с. 121; Махно, 1949, с. 163; Брайчевский, 1950, с. 51—55] была подвергнута убедительной критике [Березовец, 1963, с. 97—110; Щукин, 1967, с. 6, 7] и в настоящее время большинством археологов не принята.

По мере накопления фактов и уточнения датировок отдельных комплексов оказалось возможным выделить

хронологические этапы существования черняховской культуры. Наиболее общепринятым можно считать такое ее временное членение: сложение культуры — конец II — середина III в., расцвет — середина III—IV в., угасание — конец IV — середина V в. [Щукин, 1980, с. 404].

Наиболее ранним массовым датированным материалом на черняховских памятниках служат римские монеты, фибулы, амфоры и краснолаковая посуда (рис. 9, 13, 28, 29). Большая часть монет относится ко времени императоров от Траяна до Септимия Севера (У8—211 гг.), причем пик приходится на правление Марка Аврелия (161 — 180 гг.) [Кропоткин, 1967, с. 27]. Однако монеты не могут быть надежным датированным материалом, так как они имели долгое хождение [Кропоткин, 1970, с. 159].

Из ранних типов фибул на черняховских памятниках чаще других встречаются так называемые двухчленные фибулы I варианта, распространенные во второй половине II — большей части III в. В своде А. К. Амброза названо около трех десятков черняховских памятников с находками таких фибул [Амброз, 1966, с. 61—63]. Фибулы с высоким пластинчатым приемником, известные в западных областях Украины и в Молдавии, датируются им III в. [Амброз, 1966, с. 61-63, 73-74].

К периоду формирования черняховской культуры относятся также амфоры «неапольского» и «танаисского» типов. Первые датируются II в., вторые — первой половиной III в. [Шелов, 1975, с. 216]. Кроме того, Э. А. Рикман называет на территории Молдавии еще 31 черняховский памятник с фрагментами таких амфор [Рикман, 1975, с. 219—220], однако датировка этих памятников II в. не подкреплена другими материалами [Щукин, 1975, с. 59—60]. Тем более вызывает сомнение определение хронологии некоторых поселений на основании находок фрагментов амфор I в. н. э. «Танаисские» амфоры на черняховской территории представлены в основном случайными находками (Олнешты, Дубны, хут. Савинский) [Рикман, 1975; Щукин, 1968, с. 42]. Выразительные фрагменты таких сосудов из-

вестны с поселений Ломоватое II * [Сымонович, 1960, рис. 9, 5] и Чабанское II (раскопки Б. В. Магомедова). В Лепесовке и Успенке Кировоградской обл. тип «танаисских» амфор определен по обломкам специальным методом [Круг, Бажанов, 1967, с. 59; Круг, 1972, с. 254—258]. Их фрагменты найдены и на ряде памятников Молдавии [Рикман, 1975, с. 219-220].

Одной из редких находок ранних типов краснолаковой посуды является «терра сигиллята» из Черепина, относящаяся к II или началу III в. н. э. [Баран, 1981, с. 12]. Кроме названных памятников, материалы периода формирования черняховской культуры дают могильники Раковец, Ружичанка, Каборга IV [Винокур, Островский, 1967, с. 144—159; Винокур, 1979, с. 112—135; Магомедов, 1979, с. 24—62], а также поселение Незвиско [Смирнова, 1964, с. 196—212; Щукин, 1972, с. 59—61].

Большинство ранних памятников черняховской культуры открыто в западных областях УССР, а также в Причерноморье, что указывает на районы формирования культуры. В этом отношении важным фактом является открытие в Одесской обл. группы позднескифских памятников типа Молога II, относящихся преимущественно к II в. Керамический комплекс этих памятников, кроме импортных материалов и лепной посуды, включает в себя кухонную и столовую сероглиняную гончарную керамику, которая отличается от черняховской более бедной орнаментацией и меньшим разнообразием форм [Гудкова, Фокеев, 1982, с. 55—113]. В Николаевской обл. соответствующие материалы содержатся в Ранжевом и Каменке-Анчекрак [Магомедов, 1983, с. 145—146].

Подавляющее большинство памятников черняховской культуры датируется временем ее расцвета, т. е. второй половиной III — большей частью IV в. Этот хронологический отрезок определяется многочисленными фибулами [Амброз, 1966, с. 61—66, 70—72], импортными изделиями — стеклянными куб-

* В литературе существует мнение, что найденное в Ломоватом горлышко принадлежит «неапольской» амфоре [Щукин, 1976, с. 304]. На наш взгляд, это скорее вариант «танаисского» типа.

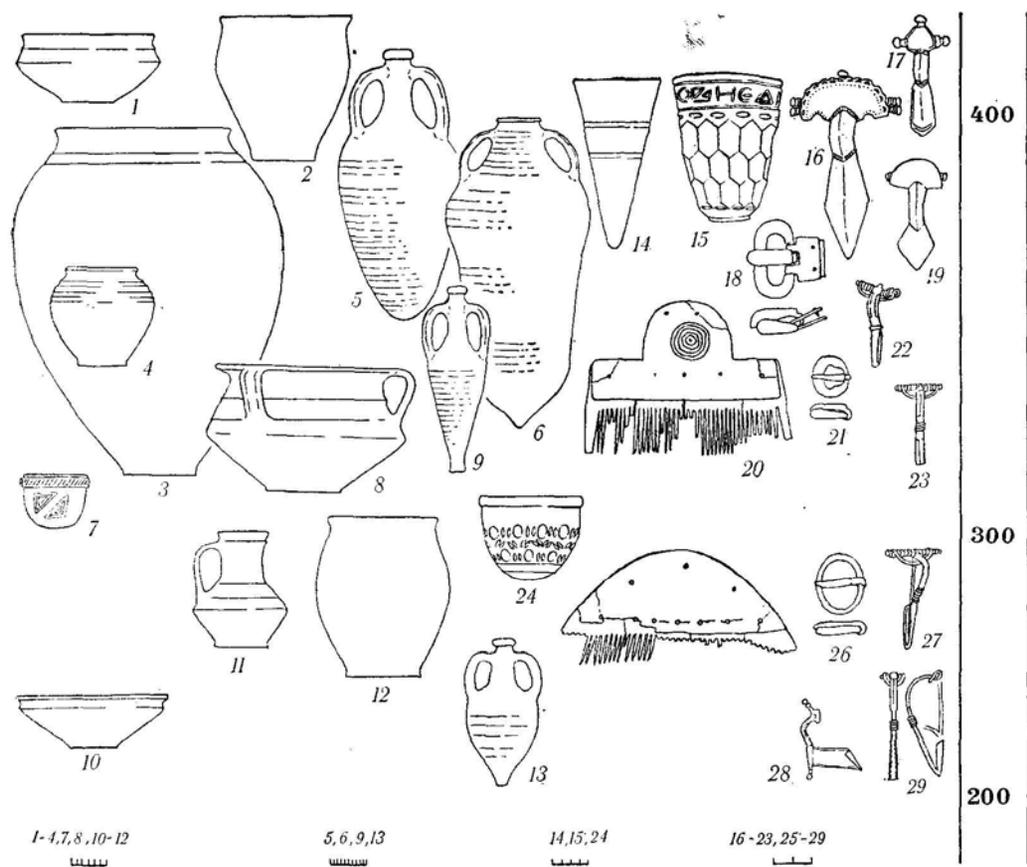

Рис. 9. Черняховская культура. Основные этапы развития:

1, 4, 10 — Черняхов; 2, 7 — Теремцы; 3 — Кут; 5, 6, 9 — Каменка-Анчекрак; 7, 23, 24 — Гавриловна; 8, 29 — Каборга IV; 11 — Ромашки; 18, 22, 25 — Черепин; 13 — Чабановка II (реконструкция); 14—16, 18 — Ранжевое; 19 — Компанейцы; 20, 21, 26 — Косанов; 27 — Кринички; 28 — Репнев II.

ками, краснолаковой посудой, амфорами [Кропоткин, 1970], костяными гребнями [Никитина, 1969, с. 147—159] и т. д. (рис. 9, 6, 9, 20—27).

На могильниках и поселениях в ряде случаев удается сравнительно узко датировать отдельные комплексы находок — погребения, жилища, хозяйственные сооружения, что позволяет проследить диалектику развития памятника. Так, на поселении Репнев II одно жилище датируется III, три — III — IV и семь — IV или IV — началом V в. [Баран, 1981, с. 147].

Верхняя граница черняховской культуры определяется жилищными и погребальными комплексами. Подвязные фибулы IV варианта, по А. К. Амброзу, датируемые концом IV — началом V в., найдены на поселении Репнев II (жилища № 24, 37 и яма А), Гавриловском

(погребение № 5) и Косановском могильниках [Баран, 1981, с. 141; Симонович, 1955; Кравченко, 1967, с. 108—109]. На двух последних найдены пряжки с массивной рамкой, составные гребни с колоколовидной спинкой и стеклянные кубки, датирующиеся тем же временем [Кравченко, 1967, с. 114; Щукин, 1980, с. 349-404] (рис. 9, 5, 14—19). На поселении в Репневе (жилище № 2) выявлены две воинские фибулы конца IV — начала V в. [Баран, 1981, с. 141—142] и бронзовая составная подвеска, которая по аналогии с подвеской из богатого погребения из Мехолуп в Чехословакии, датированного монетой Константина III чеканки 407—411 гг., а также другими предметами гуннского времени, могла быть изготовлена не ранее V в. н. э. [Svoboda, 1965, s. 119—120; Баран, 1981, с. 143]. К концу IV —

началу V в. относятся двухпластинчатые фибулы, датированные на основании аналогов из склепов Керчи и других четко датированных памятников [Амброз, 1966; Щукин, 1980, с. 399—400]. Они найдены на могильниках в Гавриловне, Черняхове, Маслове, Малаештах, на поселениях в Луке-Врублевецкой, Ранжевом и др. На поселении в Черепине (жилище № 12 с печью-каменкой) в составе комплекса с лепной и сероглиняной гончарной керамикой найдена железная фибула типа воинских (группа 17, по А. К. Амброзу), которая по аналогичным фибулам из Куни, Ходосовки и верхнедунайским находкам из Моравии датируется в пределах первой половины V в. [Tejgal, 1982, s. 85—88].

Такой же поздней является трехпальчатая фибула из поселения у с. Теремцы на Среднем Днестре, найденная на полу жилища № 14 [Баран, 1983, с. 22]. Это подквадратная полуземлянка с печью-каменкой, в заполнении которой сочетается гончарная и лепная керамика приблизительно в равном количестве. Стилистическая особенность фибулы — сочетание признаков двухпластинчатых фибул с вытянутой жаловидной ножкой, датироваемых концом IV — началом V в., и пальчатых фибул с тремя выступами на головке из комплексов Подунавья V в. н. э. Это позволяет датировать ее первой половиной V в. н. э. Четко датированных аналогов ей не известно. Приблизительным аналогом может служить позолоченная фибула из погребения № 1 в Веймаре (ГДР), относящаяся к южно-русско-дунайскому типу, датированная около 400 г. н. э. и несколько позже [Behm-Blanke, 1973, S. 342, Taf. 59, N 59].

Первой половиной V в. можно датировать перекладчатую фибулу из могильника в Компанейцах [Махно, 1971, рис. 4; Щукин, 1980, с. 402], а также кубок с овальным дном, украшенный синими глазками, из Шуровки [Сымонович, 1964, с. 8—12]. Кубки типа Косино найдены в Малаештах [Федоров, 1960, табл. 48, Л, а также в Извоаре и Индепенданце на территории Румынии [Vulpe, 1957, ii. 320; Mitrea, Preda, 1966, ii. 134]. Таким образом, некоторые поздние памятники черняховской культуры доживают до середины V в. н. э.

Поселения этого периода имеют некоторые особенности по сравнению с более ранними этапами культуры. Появляются подквадратные жилища с печью-каменкой или глиняной печью, увеличивается количество лепной посуды, возникают новые формы горшков, близкие к пражскому или пеньковскому типу (Черепин, Репнев, Теремцы, Сокол, Журовка и др.).

Хронологические изменения прослеживаются в погребальном обряде. Для раннего этапа культуры характерны труположения с северной ориентировкой и многочисленным инвентарем. Постепенно все больше распространяются могилы, в которых погребенные ориентированы головой на запад, а инвентарь обычно ограничивается деталями одежды и украшениями (фибулы, пряжки, бусы). Изредка встречаются кубки и кувшины. Эти могилы отличаются и большей глубиной. Процесс развития обряда трупосожжения проявился в том, что в ранний период культуры пшеворские, гето-дакийские и зарубинецкие черты выступают в наиболее чистом виде на могильниках тех географических районов, с которыми данные типы обрядов связаны происхождением. Очевидно, можно говорить о сравнительно позднем распространении безурновых сожжений в обширных ямах [Сымонович, Кравченко, 1983, с. 40, 50].

В настоящее время исследователи разделяют черняховскую культуру на несколько вариантов. М. А. Тиханова сделала попытку выделить пять локальных групп черняховских памятников: Среднее Поднепровье, Порожистый Днепр, Поднепровье, Нижний Дунай с Северо-Восточной Трансильванией, Волынь [Тиханова, 1957, с. 168—194]. Е. В. Махно полагает, что основной территорией черняховской культуры было Среднее Поднепровье, вокруг которого размещается «инфильтрационное кольцо».

Позднее В. Д. Баран на основании наиболее важных и стабильных особенностей черняховских памятников определил три их локальные труппы, связанные с определенными регионами: Северо-Западным Причерноморьем, междуречьем Днестра, Прута и Дуная и лесостепной зоной Украины [Баран,

1982, с. 163—165]. Для первой локальной группы характерно преобладание каменного домостроительства, на могильниках трупоположения преобладают над трупосождениями при значительном количестве погребальных ям с подбоями и заплечиками, в инвентаре большой процент импортной посуды, среди лепной керамики превалируют скифо-сарматские формы. Среди памятников междуречья Днестра, Прута и Дуная больше наземных глинобитных жилищ, а на могильниках — трупоположений, относительно много погребений со скорченными скелетами, встречаются специфические типы лепной посуды. В локальной группе Лесостепной Украины больше углубленных жилищ. На могильниках трупоположения преобладают над трупосождениями незначительно, обряд трупоположения более единообразный. Этой группе присущи особые типы лепной посуды, особенно характерные для поселений с углубленными жилищами.

Наличие локальных вариантов внутри черняховской культурной общности подтверждает ее синкретический характер и вместе с тем указывает, что этнический состав населения в разных ее регионах был различным, т. е. какая-то этническая группа занимала доминирующее положение в количественном отношении. В Северо-Западном Причерноморье преобладали скифо-сарматы, в Днестро-Дунайском междуречье обитали гето-даки, в лесостепной зоне Украины основное население составляли славяне. Кроме того, черняховское население этих регионов включало в себя различные по численности группы готов и сармат [Баран, 1981, с. 161—163].

Формирование черняховской культуры было обусловлено новой исторической обстановкой в Восточной Европе в I — II вв. н. э. В лесостепные области с юго-востока проникают сарматы, а с северо-запада — носители пшеворской культуры, которые нарушают стабильность местных культур. Население приходящих в упадок позднескифских городищ Нижнего Днестра расселяется по Северо-Западному побережью Черного моря. Натиск сармат приводит в движение поднепровские зарубинецкие племена, вследствие чего значительная часть их

поселений прекращает существование. Памятники в районе Киева и на Южном Буге продолжают существовать в I в. н. э., приобретая черты, отличные от раннезарубинецких древностей [Максимов, 1971, с. 77; Хавлюк, 1968, с. 226]. В Верхнем Поднестровье в конце II в. исчезают поселения липицкой культуры. На поселениях пшеворской культуры в верховьях Днестра и Западного Буга появляются элементы позднезарубинецкой культуры, а пшеворские элементы — на зарубинецких памятниках Южного Побужья. Наиболее важными образованиями в междуречье Днепра и Вислы накануне формирования черняховской культуры были памятники, которые в разной степени объединяли элементы предшествующих культур — зарубинецкой, пшеворской и липицкой. Это памятники типа Подрожья на Волыни, Ремезовцев и Оселевки на Верхнем и Среднем Днестре, Рахнов на Южном Буге. Они представляют собой новое культурное образование, в котором синтезируются элементы предшествующих культур, не являясь продолжением ни одной из них. В конце II — начале III в. культурно-этнические процессы на территории формирования черняховской культуры усложнило вторжение пшеворско-вельбарского населения (см. раздел «Вельбарская культура») [Баран, 1983, с. 159—161]. Его присутствие лучше всего прослеживается на Волыни и к юго-востоку от нее, т. е. на пути продвижения готских племен из Нижнего Повисленья в Причерноморье. Эти элементы в дальнейшем частично растворяются в черняховской культуре, сохраняя отдельные этнографические особенности. Они отмечены на таких памятниках, как Раковец Чесновский, Косаново, Компанейцы, Слобода, Рыжевка и др. [Баран, 1983, с. 161].

Одним из важнейших последствий культурной интеграции предчерняховского периода было исчезновение внутриплеменной замкнутости, что делало народы более восприимчивыми к внешним влияниям, порождало новые культурные и экономические связи. Контакты восточноевропейских народов с античными центрами Северного Причерноморья, ранее ограниченные торговлей, поднимаются на качественно новую

ступень: кроме товаров начинает импортироваться прогрессивная технология, соответствующая более высокой ступени развития общества. Черняховская культура соединила в себе производственно-технологические достижения провинциально-римской культуры с традициями создавших ее народов, проявившимися в бытовой и идеологической сферах (домостроительство, погребальный обряд, лепная посуда, костюм, украшения и т. д.). Анализ традиционных черт не только позволил с различной степенью вероятности определить этнический состав населения отдельных памятников и целых районов, но и установить, какие группы Черняховского населения покинули эти регионы под напором гуннов, а какие остались и приняли участие в формировании раннесредневековых культур Юго-Восточной Европы. Показательно в этом отношении то, что на Черняховских поселениях украинской Лесостепи, которые просуществовали до V в. включительно (Черепин, Теремцы, Сокол, Бакота и др.), имеются подквадратные полужемлянки с печью-каменкой, характерные в дальнейшем для славянских раннесредневековых памятников. Другие типы жилищ в период бытования гуннов исчезают, что свидетельствует о смене этнического состава Черняховского населения и подтверждает сообщения письменных источников об отходе на запад готских, а с ними и сармато-аланских племен.

В свете последних исследований памятников, датированных фибулами IV—V вв., участие значительной части населения Черняховской культуры наряду с другими этнокультурными группировками в сложении славянских древностей V—VII вв. — пражской и пенсковской культур — несомненно. Известно, что наиболее ранние памятники этих культур, датировка которых не вызывает сомнения, появляются именно на территории, занятой перед тем черняховской и киевской культурами.

2. Киевская культура

Киевская культура включает памятники второй четверти I тыс. н. э., расположенные в северной части Среднего

и южной части Верхнего Поднепровья, Подесенье, а также в смежных районах Лесостепи.

Памятники киевского типа открыты В. Н. Даниленко в конце 40-х — начале 50-х годов [Даниленко, 1955, с. 27—29]. Согласно общей эволюционистской концепции исследователя, они были отнесены к позднему этапу зарубинецкой культуры, синхронному Черняховской культуре и предшествовавшему раннесредневековой славянской культуре. В дальнейшем, с расширением источниковедческой базы, первоначальные выводы В. Н. Даниленко о своеобразном и однородном характере памятников киевского типа по сравнению с окружающими древностями подтвердились. Их стали именовать «киевской культурой», или «культурой киевского типа», имея в виду прежде всего определенное отличие от зарубинецкой культуры.

Позднее было предпринято исследование, направленное на выявление своеобразия памятников киевского типа и выделение их на этой основе в самостоятельную археологическую культуру [Терпиловский, 1980, с. 10—12].

До конца 60-х — начала 70-х годов широкие раскопки памятников киевского типа почти не проводились. Начиная с этого времени в Среднем Поднепровье исследовались поселения и могильники у с. Козаровичи [Максимов, Орлов, 1974, с. 11—21], ряд памятников в районе Обухова [Кравченко, 1979, с. 74—92] и др. Одновременно несколько памятников киевской культуры (в их числе поселения Лавриков лес, Киреевка, Вишенки и могильник близ Киреевки) изучалось в Подесенье [Третьяков, 1974, с. 40—118].

В середине 70-х годов проводились широкие исследования ряда поселений в районе Чернигова — Роище, а также Ульяновка, Киселевка 2, Выбли, благодаря чему район Подесенья наиболее полно изучен [Терпиловский, 1980, с. 3-221].

Многолетние исследования памятников Юго-Восточной Белоруссии проводятся Л. Д. Поболем в уроч. Абидня и у с. Тайманово.

Родственные памятникам киевской культуры древности были выявлены и исследовались на территории Курской

обл. в бассейне р. Сейм [Сымонович, 1983, с. 91-102].

Необходимо также упомянуть о систематических разведках в районе Киева и Чернигова, проводимых экспедицией Киевского педагогического института им. А. М. Горького и археологической секцией Черниговского областного общества охраны памятников истории и культуры.

Вместе с тем изучение киевской культуры находится пока в начальной стадии, поэтому оценку историкокультурной базы следует воспринимать как сугубо предварительную. На территории УССР нам известно около 150 памятников киевской культуры, из которых раскопано (как правило, в небольшом масштабе) около 30, в том числе четыре могильника. На поселениях исследовано не менее 70 жилищ, на могильниках — около 40 погребений.

В настоящий момент памятники киевской культуры известны на довольно обширной территории: на севере Киевской, в Черниговской и Сумской областях УССР, на востоке Гомельской и юге Могилевской области БССР, на юге Брянской и западе Курской области РСФСР (см. рис. 7; 8).

Хотя они локализируются в этом ареале сравнительно четко, их границы в ходе дальнейших исследований, несомненно, будут уточняться. Памятники синхронных культур на этой территории, за исключением контактной зоны с черняховской культурой, не обнаружены. Следует также иметь в виду, что на протяжении существования киевской культуры границы эти, разумеется, не оставались неизменными. В первую очередь это относится к южной границе. Так, на раннем этапе существования культуры некоторые киевские поселения (Сушки 2, Беседовка) расположены довольно далеко на юге в лесостепной полосе. Не исключено, что наиболее архаичные памятники киевской культуры на юге достигали бассейна р. Рось, о чем могут свидетельствовать многочисленные находки предметов с выемчатой эмалью, характерных, в первую очередь, для киевской культуры.

Позднее, с продвижением населения черняховской культуры на север, граница между киевской и черняховской

культурами выравнивается примерно по северной линии распространения чернорезов [Терпиловский, 1981а, с. 45—46]. Черняховские памятники появляются в непосредственной близости от киевских, существовавших, как показывают материалы некоторых памятников, в районе Обухова и Василькова начиная с III в. н. э. При раскопках поселения Глеваха в 1982 г. впервые удалось выявить два горизонта: киевский и более поздний черняховский, относящийся, судя по находкам двух железных фибул («воинской» и подвязной), к IV в. н. э. Существенно, что комплексы этого горизонта (жилище 4 и постройка 2) кроме гончарной посуды содержали лепную керамику вельбарско-пшеворского типа, характерную, в частности, для волинской группы черняховской культуры.

Очевидно, на заключительном этапе киевские памятники вновь начинают проникать в Лесостепь. Это относится прежде всего к левобережным территориям, где известно несколько памятников, переходных от киевской культуры к колочинской (Сенча, Курган Азак) [Горюнов, 1981, с. 54—60].

На юго-западе памятники киевского типа известны пока лишь в западной части области: Хлепча, Савенки и др. Существует предположение, что в конце первой четверти I тыс. н. э. киевские памятники и памятники Западной Волины типа Сокольники I — Давыдов имели много общих черт и входили в единую культурную область [Козак, Терпиловский, 1983, с. 20—22]. Впоследствии она разделилась на две части в результате вторжения племен вельбарской культуры, памятники которой начиная с конца II в. н. э. появляются в этом регионе. В дальнейшем развитие культуры в каждой из этих областей пошло своим путем. Западная граница пока не определена, так как восточная часть бассейна р. Припяти из-за сильной заболоченности и залесенности исследована слабо. На северо-западе крайними киевскими пунктами являются Абидня и Тайманово, где киевская культура граничит с культурой штрихованной керамики; северный и северо-восточный рубежи (днепро-двинская и мощинская культуры) определены не четко.

Киевские памятники здесь известны в верхнем течении Десны к югу от Брянска (Посудичи). Наиболее восточные памятники, близкие киевским, исследованы в районе Курска по р. Тускорь (Букреевка 2, Каменево 2 и др.).

Поселения киевской культуры представлены небольшими селищами на приречных участках первой надпойменной террасы, а также на донных останцах в пойме, изредка — на высоком коренном берегу вдоль обводненных балок. Площадь поселений обычно невелика, 0,5—2 га, культурный слой слабый. Поселения часто располагались «гнездами» — группами по несколько штук. Жилища небольшие (средняя площадь 10—17 м²), преимущественно квадратные в плане, с углубленным полом и, как правило, с открытым очагом. Конструкция стен столбовая или срубная, часто применялся центральный опорный столб кровли. Многочисленные ямы-погребов, в разрезе цилиндрической или колоколовидной формы, получили повсеместное распространение. На некоторых поселениях киевской культуры (прежде всего в Подесенье) открыты следы наземных построек с глиняной обмазкой стен, иногда перекрывавших несколько ям-погребов. В хозяйственный комплекс входили и очаги на открытом воздухе, от которых сохранились массивные поды, вымощенные черепками (Среднее Поднепровье) или камнями (Верхнее Поднепровье).

Бескурганские могильники расположены в тех же топографических условиях, что и связанные с ними поселения. Особенностью киевского погребального обряда является помещение остатков сожжения на стороне в неглубокую ямку округлой формы. В погребальные ямы клались также остатки костра и тризны (фрагменты посуды и кости животных), изредка — предметы личного убора.

Керамика киевской культуры лепная, орнамент на ней в виде насечек или пальцевых вдавлений по венчику, расчесов гребенкой по корпусу встречается крайне редко. Для профилировки киевской керамики характерно сочетание ребристых (биконических) форм со слабопрофилированными и округлобочными. Во всех районах распространения киев-

ской культуры основное место занимает кухонная (горшки и диски-крышки), а также тарная (корчаги) посуда. Столовая керамика представлена мисками и горшковидными сосудами.

Из железа и стали изготавливались такие орудия труда, как ножи с прямой или слегка выпуклой спинкой, шилья, перовидное сверло, скобели, миниатюрная наковальня, пружинные ножницы, ботало и т. д. Кость применялась при изготовлении орудий, необходимых для различных домашних ремесел. Это тупики, «коньки», кочедыки, спицы и крупные иголки. Из глины делали тигли, льячки, грузила, а также специфические киевские пряслица — уплощенно-биконические с крупным отверстием, из камня — точильные бруски, реза — сферические зернотерки, жернова, пряслица.

Из предметов вооружения и воинского снаряжения известны несколько наконечников стрел, железная шпора и серебряная конская сбруя. О предметах убора и украшениях будет сказано ниже, при определении хронологии киевской культуры. Следует отметить использование железа для их изготовления.

Из соседних с киевской культурой наибольшее влияние на нее оказала высоко развитая черняховская культура более южных областей. Значительная часть предметов провинциально-римского облика, вероятно, поступавших непосредственно из Черняховского ареала или же через посредничество черняховских племен, обнаружена не только в южной контактной зоне киевской культуры, но и на поселениях Верхнего Поднепровья [Терпиловский, 1978, с. 88—89; Поболь, 1971, с. 148—150]. Это посуда, сделанная на гончарном круге, некоторые типы фибул и пряжек, костяные гребни, стеклянные бусы, римские бронзовые пинцеты, части шкатулок и металлических сосудов. С юга к киевским племенам поступали и серебряные денарии, отдельные находки и клады которых встречаются и к северу от киевско-черняховского пограничья [Кропоткин, 1961, рис. 25].

Хронология памятников киевского типа разработана сравнительно четко благодаря наличию в ряде комплексов

датирующих предметов римского времени. Тесная связь специфически киевских находок с черняховскими, на что обратил внимание В. Н. Даниленко [Даниленко, 1976, с. 66, 85], позволяет предположить, что в целом киевская культура синхронна Черняховской. Поскольку по вопросу хронологии черняховской культуры существуют различные взгляды: III—IV вв. или II—V вв. [Щукин, 1967, с. 8—13], то нет единого мнения и по вопросу датировки памятников киевского типа. Обычно их временные границы определяются II—IV (V) вв. [Даниленко, 1976, с. 69, 84—85] или чаще III—V вв. [Терпиловский, 1980, с. 13-14; Горюнов, 1981, с. 36-37]. Опираясь на конкретный материал, в том числе на находки последних лет, хронологию киевской культуры в целом, а также датировку ее отдельных памятников можно уточнить.

Памятникам киевской культуры непосредственно предшествуют памятники типа Грини — Вовки, исследованные еще недостаточно. К этой группе, кроме поселений в Гринях и Вовках, относятся наиболее иранские комплексы из Абидни [Поболь, 1966, с. 205—217], поселение Решитки [Кучера, Юра, 1976, с. 204—205] и др. На памятниках найдены фрагменты краснолаковых сосудов, амфор и сильнопрофилированной бронзовой фибулы с крючком на головке типа Альмгрен 84, несколько бус [Максимов, 1969, с. 39—41; Горюнов, 1981, с. 108—109]. Сочетание такой фибулы с краснолаковой керамикой наиболее характерно для второй половины II в. н. э. [Циндровська, 1982, с. 91]. Эти предметы встречаются в сопровождении керамики, которую можно назвать переходной от позднезарубинецкой к киевской. Привлекают внимание корчаги, поверхность которых часто покрыта нерегулярными следами расчесов гребенкой. Таким образом, памятники типа Грини — Вовки указывают на *terminus post quem* киевской культуры около рубежа II/III вв. [Терпиловский, 1981, с. 94-95].

Наиболее ранние памятники киевской культуры, уже обладающие более или менее полным набором ее черт (что прежде всего ощутимо по составу керамического комплекса), еще не отмечены влия-

нием черняховской культуры. К их числу можно отнести среднеднепровские поселения Сушки 2 (раскопки О. М. Приходнюка и Е. Л. Гороховского), поселение и могильник в Козаровичах [Максимов, Орлов, 1974, с. 11—21], комплексы киевской культуры из поселения и могильника в Новых Безрадицах [Даниленко, 1976, рис. 3]. Памятники этого периода в Подесенье пока мало известны. Может быть, судя по особенностям керамического комплекса, к ним относится поселение Мена 5 (раскопки А. М. Обломского). Недостаточно изучены они и в Днепровском лесостепном Левобережье. Сюда можно отнести поселение Беседовка [Махно, 1955, с. 80—85]. Для определения нижней даты киевской культуры существенны такие датирующие предметы, как, например, небольшая светлоглиняная амфора танаисского типа (Беседовка). Подобные амфоры по многочисленным античным закрытым комплексам датируются первой половиной III в. н. э. или немного шире [Щукин, 1968, с. 42—43; Шелов, 1978, с. 18—19]. В Козаровичах в погребении 14 встречена железная двухчленная подвязная фибула [Максимов, Орлов, 1974, рис. 3, 2], имеющая спинку из круглого стержня, асимметричный изгиб и длинную пружину. Ее можно отнести к I варианту I серии [Амброз, 1966, с. 62—63], датируемому концом II—III в. Там же найдены плоская красная пастовая бусина типа 104 [Алексеева, 1978, с. 69], характерная для II—III вв., а также бронзовая пряжка с несомкнутыми концами и шпечками на них, две лунницы с выемчатой эмалью ранних типов, судя по их относительно простой форме, и неглубокими гнездами красной эмали [Кухарская, Терпиловский, 1981, с. 69—70]. Ранняя дата киевской культуры определяется и на основании находок из указанных выше комплексов Новых Безрадичей: железной шпору с треугольной, расширенной в середине, дужкой и массивным шипом [Jahn, 1921, S. 50—51], бронзовой фибулы I варианта I серии, по А. К. Амброзу, из погребения 6 (подвязная ножка, корпус из узкого трехгранного стержня без площадок, длинная тетива), бронзовой полукруглой пряжки и железного греб-

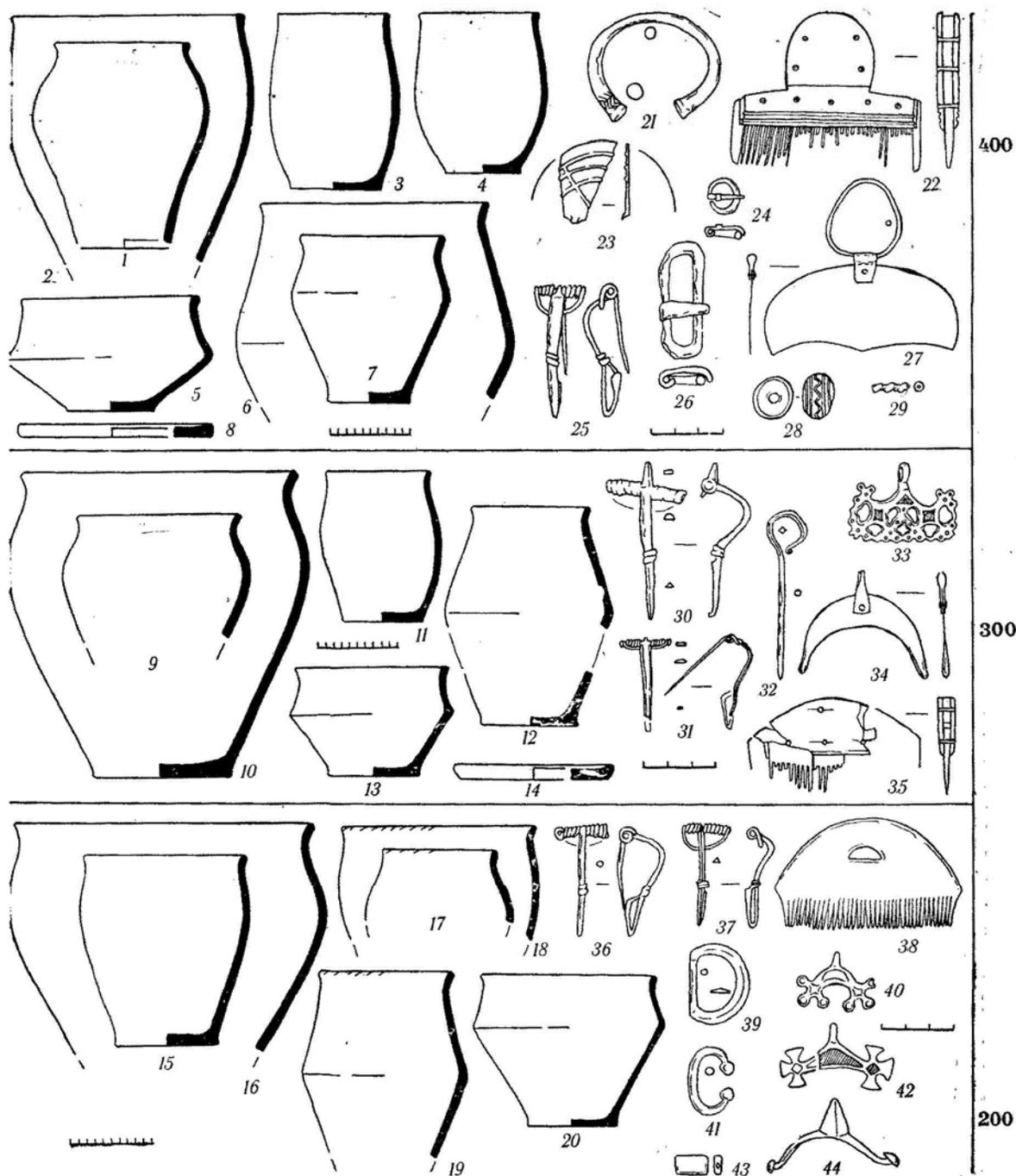

Рис. 10. Киевская культура. Основные этапы развития:

1, 8 — Обухов II; 2, 3, 5, 6, 22, 26—28 — Роище; 4, 21, 23, 24 — Ульяновка; 7 — Обухов III (под 2); 9, 10, 12, 13 — Обухов III (под 1); 11, 14, 30, 32 — Лавриков лес; 16—19, 38, 40—43 — Козаровичи; 20 — Сушки II; 25 — Ходосовка, 29 — Киселевка; 2, 31, 3i, 3i — Глеваха; 33, 37—39, 44 — Новые Безрадици.

ня с сегментовидной спинкой. Деформированная бронзовая фибула из этого же памятника, судя по сечению спинки и подвязной ножке, аналогична описанной выше. Все предметы относятся преимущественно к III в., не исключая иногда и конца II в. (рис. 10, 15—20, 36—44).

Вероятно, этому же периоду соответствуют и некоторые комплексы поселения Абидня в Верхнем Поднепровье, где, в частности, найдена бронзовая римская монета начала III в. н. э. [Поболь, 1966, с. 221].

Следующий этап развития киевской культуры в Среднем Поднепровье характеризуется поступлением черняховских импортов и в целом может быть отнесен ко второй половине III — первой половине IV в. В отличие от других комплексов более четко датируются некоторые киевские объекты из Глевахи (жилище 3, хозяйственные ямы 25, 31), где кроме столовой черняховской посуды найдены два трехслойных костяных гребня небольших размеров с невысокой дуговидной спинкой, а также бронзовая фибула (подвязная ножка, спинка с двумя фасетками и площадкой у головки, длинная тетива). Подобные гребни датируются в основном второй половиной III в. н. э. или несколько шире [Thomas, 1960, S. 120]. Вместе с тем бронзовая пластинчатая подвеска-лунница из жилища 3 имеет аналоги в памятниках II в.: Картамышево 2 [Горюнов, 1981а, с. 48—49] и Осиповка [Телегин, Беляева, 1975, с. 100]. Таким образом, для киевских объектов из Глевахи наиболее вероятная дата — вторая половина III в., не исключая, возможно, и начала IV в. Судя по набору керамических форм и совместной находке нижней части черняховской миски, к тому же или немного более раннему периоду относится и материал из пода 1 Обухова III [Абашина, Гороховский, 1975, с. 61—71].

Этим же временем можно, очевидно, датировать предметы с выемчатой эмалью из поселений Хлепча и Новые Безрадици: известную цепь из трех блях, соединенных цепочками, треугольную фибулу и лунницу [Гороховский, 1982, с. 130—137]. По сравнению с изделиями из Козаровичей указанные выше украшения отличаются более

крупными размерами, развитыми формами, ажурным обрамлением и более глубокими гнездами для эмали (рис. 10, 9—14, 30—35).

Данный период киевской культуры в Подесенье характеризуется в отличие от Киевщины почти полным отсутствием Черняховского импорта. Такие вещи начинают проникать туда не ранее IV в., о чем свидетельствуют бронзовая подвязная, орнаментированная по спинке колесиком фибула из Куриловки II варианта I серии [Амброз, 1966, с. 63—64] и пряжка с литой рамкой и массивным язычком из Салтыковой Девыцы 2. Во второй половине III — первой половине IV в. на поселениях Лавриков лес, Фростовичи, Киреевка и других при относительно развитых формах керамики черняховские вещи отсутствуют [Третьяков, 1974, с. 99—116]. Вместе с тем здесь найдены две железные посоховидные булавки с головками из граненого стержня с завитком III—IV вв. [Горюнов, 1981, с. 41] и крупная железная подвязная фибула с полукруглой в сечении спинкой, трехгранной ножкой и шипом у головки. Последняя обнаружена в жилище 1 поселения Лавриков лес и, судя по прибалтийским аналогам, может быть отнесена ко второй половине III — первой половине IV в. [Naviskaite-Kunciene, 1968, s. 175].

Многочисленные находки железных и бронзовых подвязных фибул позволяют датировать большинство материалов из памятников киевского типа Верхнего Поднепровья III—IV вв. (Абидня и Тайманово). Несколько фибул со сплошным приемником, в том числе одна бронзовая с ромбической ножкой, очевидно, относятся к IV в. н. э.

На заключительном этапе развития киевской культуры наряду с черняховским импортом появляются предметы гуннского времени (рис. 10, 1—8, 21—29). Этот этап наиболее четко выражен в Подесенье, в частности на таких сравнительно широко исследованных поселениях, как Роище и Ульяновка [Максимов, Терпиловский, 1978, с. 94—98]. Здесь повсеместно распространен довольно разнообразный и обильный черняховский импорт, представленный не только различными украшениями и предметами личного убора, но и гоичар-

ной керамикой, орудиями труда и т. д. Видимо, в это время черняховское население, отрезанное гуннским нашествием от античных причерноморских центров и римских провинций, значительно расширило свои контакты с киевскими племенами. Верхняя дата киевской культуры наиболее четко может быть определена по находкам небольшого бронзового браслета с утолщенными концами с гравировкой на них и фрагмента зеркала из белого сплава с центральной петлей и радиально-концентрическим рельефным орнаментом (Ульяновка, жилище 1), а также тресхлойного костяного гребня с прямыми плечиками и высокой арочной спинкой и фрагментированной светлоглиняной амфоры типа Е (Роище, жилище 14). Сочетание таких вещей с черняховской гончарной керамикой скорее всего может указывать на конец IV — первую половину V в. [Максимов, Терпиловский, 1979, с. 32—34; Шелов, 1978, с. 19]. К IV в. н. э. в целом можно отнести клад серебряных лунниц и колец (украшений сбруи) и крупную полихромную бусину (тип 316, по Е. М. Алексеевой), обнаруженные в культурном слое поселения Роище [Кухарская, Терпиловский, 1981, с. 77—79; Алексеева, 1978, с. 52]. Так же датируются крупные узкие железные пряжки (Роище, жилище 3 и яма 196, Ульяновка, постройка 5) и некоторые типы бронзовых пряжек со слегка изогнутым на конце язычком, имеющим квадратный выступ у основания (Ульяновка, постройка 5 и Киселевка 2, жилище 1) [Воронов, Юшин, 1979, с. 197], а также многочисленные бусы синего стекла (Киселевка 2, жилища 1, 3) и биконические прозрачно-зеленые бусы (Ульяновка, постройка 5) [Алексеева, 1978, с. 68, 74-75].

Судя по керамическому материалу и отдельным датирующим предметам, описанным деснинским памятникам синхронны под 2 из Обухова II, III и VII в Среднем Поднепровье [Кравченко, 1979, с. 76], а также поселение Каменево 2 в Курском Посеймье [Сымонович, 1983, с. 91—102] и, вероятно, некоторые комплексы поселения Тайманово в Верхнем Поднепровье [Поболь, 1971, с. 148—150].

К концу IV—V вв. относятся некото-

рые комплексы из Ходосовки (уроч. Диброва), где обнаружена железная фибула «позднейшего арбалетного типа» [Даниленко, 1976, с. 88]. Так как этот памятник характеризуется рядом колочинских черт, то подробнее он будет рассмотрен в разделе «Жолочинская культура».

Таким образом, общие рамки киевской культуры можно определить в пределах от конца II — начала III в. до середины V в. н. э. Внутри этого отрезка выделяются три периода, немного перекрывающие друг друга, так как ряд датирующих вещей имеет сравнительно широкие хронологические границы. Это периоды: а) ранний — конец II — III в., б) средний — вторая половина III — начало IV в. и в) поздний — IV — первая половина V в. Выделенные периоды имеют некоторое соответствие в центральноевропейской хронологической схеме, разработанной для римского времени немецкими и польскими исследователями. При этом ранней фазе приблизительно соответствуют предметы периода С₁, средней — С₂ и, возможно, С₃ и поздней — D.

Выделенным периодам в определенной мере характерны изменения в составе керамического комплекса, который определяют лепные горшковидные сосуды четырех основных видов, встречающиеся на разных памятниках в различных сочетаниях. При установлении хронологии комплексов важную роль играет сочетание различных керамических форм.

Наиболее ранние памятники киевской культуры широко представлены крупными горшками и корчагами с широкой горловиной и максимальным расширением корпуса в верхней части (вид I). Изредка их венчики украшены насечками или вдавливаниями. Несколько реже встречаются округлобокие и биконические сосуды (виды II, IV). Кроме кухонной керамики для памятников раннего этапа обычны высокие подлощенные миски с реберчатым профилем (Козаровичи, Сушки 2).

С появлением черняховского керамического импорта миски встречаются все реже, их отдельные экземпляры, как правило, имитируют гончарные образцы. На памятниках киевского типа

бытовали также диски-крышки и сковородки с невысоким бортиком.

На позднем этапе киевской культуры более широкое распространение получили разнообразные варианты биконических сосудов (вид IV), прежде всего корчаги вида I с широкой горловиной и высокими плечиками. Изменились и пропорции сосудов. Так, биконические горшки стали более приземистыми и широко гордыми, их ребро обычно расположено на середине высоты, шейки — короче. На заключительном этапе существования киевской культуры появились единичные цилиндрически-конические горшки, производные от биконических (Ульяновка, Роище).

Выделить локальные варианты киевской культуры можно лишь в предварительном плане, так как широкое изучение самой культуры только началось. Тем не менее намечаются определенные отличия в особенностях домостроительства, составе керамического комплекса и т. д. Например, в Подесенье встречаются тюльпановидные горшки, вероятно, производные от сосудов юхновской культуры. На Киевщине известны горшки относительно вытянутых пропорций с размещением плечика в верхней трети сосуда. В целом, основные типы горшков и мисок на памятниках киевской культуры Среднего Поднепровья представлены большим числом разнообразных вариантов. Для Верхнего Поднепровья, очевидно, характерны, кроме указанных четырех основных видов, банковидные и слабопрофилированные сосуды.

Локальные особенности культуры, естественно, наиболее четко проявляются в основном ареале — там, где памятники данной группы больше изучены. Так, среднеднепровские памятники исследованы преимущественно к югу от Киева, деснинские — в районе Чернигова и Новгорода-Северского, верхнеднепровские — к югу от Могилева. Проблематичнее выделение самостоятельных лесостепного и сейминского вариантов, так как здесь пока сделаны только первые шаги в изучении местных памятников, не позволяющие еще определить их особенности.

Генезис киевской культуры изучен недостаточно, но, очевидно, этот процесс

происходил во многом сложнее, чем это представлялось исследователям, выдавшим в киевской культуре прямое продолжение зарубинецкой. В I в. н. э. зарубинецкая культура в классическом проявлении распадается. На ее основе возникают разнообразные позднезарубинецкие памятники, сохранившие определенные зарубинецкие черты в керамике, домостроительстве и датирующиеся по находкам украшений второй половиной I—II в. [Хавлюк, 1976, с. 7—19; Заверняев, 1969, с. 88—118; Кравченко, Гороховский, 1979, с. 53—60; Циндровська, 1982, с. 86—94]. Территория распространения таких памятников значительно расширилась по сравнению с зарубинецкой культурой, достигнув на западе верховьев Западного Буга и Днестра, а на востоке — Десны и Северского Донца. Некоторые местные особенности киевской культуры, вероятно, берут свое начало в позднезарубинецкой среде. Так, для киевской культуры Подесенья, как и для памятников типа Почепа I—II вв., характерны полуземлянки с центральной ямой мощного опорного столба и тюльпановидными формами горшков [Заверняев, 1969, с. 88—118]. Некоторое участие западных, вероятно пшеворских, племен в процессе сложения памятников киевского типа могло отразиться в появлении таких деталей погребальной обрядности, как помещение в могильную яму остатков костра и вторично обожженной керамики.

Дополнительным толчком к формированию на данной территории новой культурно-исторической общности послужило продвижение из Верхнего Поднепровья на юг носителей памятников типа Грини — Вовки, родственных раннему горизонту Абидни. Это позднезарубинецкая группа, испытавшая некоторое воздействие со стороны культуры штрихованной керамики в результате проживания на соседних территориях. Наиболее четко это воздействие заметно в распространенном обычае покрывать поверхность сосудов расчесами гребенкой. Как отмечалось выше, памятники типа Грини — Вовки хронологически сменили местные позднезарубинецкие древности. Таким образом, в процессе сложения киевской культуры

произошла сложная перестройка различных местных групп позднезарубинецких древностей, осложненная инвазией отдельных западных и северных элементов. Новая культура сохранила лишь отдельные элементы классической зарубинецкой культуры при сбережении основных направлений социально-экономического развития населения. Прямых свидетельств этнической принадлежности носителей киевской культуры нет. При всем различии взглядов на этнос племен зарубинецкой культуры возникающие на ее основе памятники киевского типа считали славянскими [Даниленко, 1955, с. 27—29; Третьяков, 1982, с. 29—30, 55] или же восточнобалтскими [Седов, 1979, с. 76—77; Русанова, 1976, с. 197—198]. Необходимо обратить внимание на тот факт, что в свою очередь на основе киевской культуры возникли такие местные раннесредневековые культуры, как колочинская и пеньковская [Максимов, Терпиловский, 1978, с. 106—107]. В сложении пражской культуры принимали участие некоторые западные памятники, во многом родственные киевским [Баран, 1981, с. 163—177]. В настоящее время можно считать вполне установленным, что из числа названных культур, по крайней мере, пражская и пеньковская принадлежали, по письменным источникам, ранним историческим славянам (склавенам и антам). Свообразие киевской культуры, с одной стороны, на фоне лесных археологических культур восточных балтов и, с другой — на фоне таких культур провинциально-римского облика, как Черняховская и пшеворская, ее генетическая связь с пеньковской, колочинской и в какой-то мере пражской культурами позволяют сделать вывод о ее принадлежности к одной из крупных группировок непосредственных предков исторических славян раннего средневековья.

3. Культура карпатских курганов

Культура карпатских курганов получила свое название благодаря погребальным памятникам — курганным могильникам, расположенным в Карпатском предгорье. Первые исследования курганов на могильниках Глубокая и

Нижний Струтинь проводились еще в конце XIX — начале XX в. [Szombathy, 1894, s. 15; Kopernicki, 1923, s. 194—197]. Широкое изучение курганных могильников началось в 30-х годах, когда в течение 1934—1938 гг. львовские археологи К. Журовский, М. Смишко, Я. Пастернак, Т. Сулимирский открыли около 100 погребений на 18 могильниках. В послевоенные годы исследования памятников этого типа были возобновлены [Смишко, 1952, с. 315—337; Тимошук, 1953, с. 54—60] и продолжены [Цигилик, 1962, с. 77—79; Вакуленко, 1968, с. 172; Котигорошко, 1980, с. 220—247]. Первое полное описание материалов исследований курганов позднеримского времени, открытых на Прикарпатье и в Закарпатье, а также их этнокультурное и хронологическое определение были даны М. Ю. Смишко [Смишко, 1960].

Новый этап в изучении культуры начался с открытия и исследования поселений в 60-х годах [Вакуленко, 1977].

Памятники культуры карпатских курганов занимают территорию Северо-Восточного Прикарпатья, тянущегося узкой полосой вдоль Карпатского хребта между Карпатами и Днестром в северо-западной части предгорья и Карпатами и Верхним Прутом — в его юго-восточной части (см. рис. 7). Крайней группой памятников на юго-востоке являются могильники, обнаруженные на территории Румынской Молдовы в районе сел Гура Сакулуй, Бранешты-Немцишор и Тирзия [Mihailescu-Bîrliba, 1980, p. 181—182]. На северо-западе граница доходит до р. Стрый (курган у с. Добряны). На южном предгорье Карпат (Закарпатье) известен только один могильник этого времени, расположенный в верховьях р. Тисы у с. Иза. Следует также упомянуть и курган у с. Братово, захоронения, которого имеют смешанные черты как прикарпатского, так и очень яркие пшеворского погребальных обрядов (см. рис. 8) [Котигорошко, 1979, с. 153—163].

Поселения культуры карпатских курганов располагались на первых или вторых надпойменных террасах небольших водоемов. Открыты небольшие поселения площадью 2—3 га (Ганив, Грушев, Волосов, Трач и др.) и большие

площадью 5—7 га (Глубокая, Грабовцы, Нижний Струтинь и др.).

Как и на селищах других культур позднеримского времени, на прикарпатских поселениях обнаружены два типа жилых построек: наземные и углубленные. Наземные жилища больших (20—37 м²) и малых размеров (12,5—13,5 м²) представляли собой прямоугольные строения с глинобитными стенами, каркасом для которых служил плетень, укрепленный столбами. Отапливались глинобитными очагами овальной формы диаметром около 1 м, устроенными на уровне пола. В жилищах обнаружены приочажные ямы и ямы-погребца. Полуземлянки общей площадью 9—12 м² находились на глубине 0,5—0,9 м от современной поверхности и были ориентированы по сторонам света. Судя по сохранившейся углубленной части, они имели прямоугольную или квадратную в плане форму. Отопительные устройства в углубленных жилых постройках отличаются разнообразием и представлены как очагами, так и глинобитными и каменными печами. В хозяйственный комплекс поселения входили также углубленные хозяйственные постройки, ямы-погребца и очаги вне жилищ, вероятно, игравшие роль летних кухонь.

Особо следует выделить наличие на поселениях культуры гончарных горнов. Такой горн был обнаружен в с. Голынь, а на селище в Печенежине оба горна устьями топок выходили в углубленные рабочие помещения, составляя с ними единый комплекс — гончарные мастерские. В заполнении помещений найдено большое количество обломков гончарной посуды, керамический брак и шлаки.

Погребальные памятники культуры карпатских курганов представляли собой курганные могильники, располагавшиеся на возвышенных участках местности на расстоянии 0,5—1 км от поселений. Они состояли из различного количества насыпей, часто в виде отдельных групп в пределах одного могильника (Глубокая, Нижний Струтинь, Пилипы, Иза, Переросль и др.). Захоронения производились под земляными насыпями круглой формы. Наиболее сохранившиеся из них имеют высоту

1—1,2 м и основу диаметром 10—12 м. Некоторые насыпи были обведены ровиком, в конструкции других использовались камни.

Для носителей культуры карпатских курганов характерен обряд трупосожжения. Чаще всего, по-видимому, кремация производилась на месте захоронения — в большинстве случаев под курганной насыпью обнаружены следы костра, а также многочисленные обломки керамики со следами вторичного обжига. В некоторых курганах найдены кремированные останки нескольких человек, в других выявлено только по одному захоронению. При исследовании погребальных памятников прослеживается известное разнообразие в способах захоронения остатков сожжения. Так, чаще всего они помещались в одну или несколько ямок, вырытых на месте сожжения на подкурганной площади, иногда оставлялись на месте кремации на горизонте, иногда очищенные кальцинированные кости помещались в сосуды-урны. Следует отметить, что различные способы захоронений нередко сочетаются не только на одних и тех же могильниках, но и под одной насыпью.

В жилых, хозяйственных и погребальных сооружениях найдены керамика и изделия из металла, кости и камня.

Керамический комплекс состоит из лепной и кружалной посуды. Среди лепной преимущественно встречаются горшки различных форм. Вручную изготавливались большие сосуды для хранения зерна и конические чаши с ручками или на высоком поддоне (светильники?), реже — миски.

Гончарная керамика представлена кухонной и столовой посудой. К столовой относятся тонкостенные изделия из отмученной глины серого цвета. Это миски, горшки, дву- и трехручные вазы, кувшины, кубки, чаши на высокой ножке, крышки. Кухонная посуда — горшки, сосуды-зерновики — изготавливалась из глиняного теста со значительными примесями песка. Среди этой группы выделяются округлобокие тонкостенные горшки со сложнопрофилированным венчиком, в тесте которых примеси выступают на поверхность черепка. Это так называемая посыпная керамика, составляющая своеобразие

Могильники Иза I, II, безусловно, являются курганными группами одного большого могильника. Датирующий материал был обнаружен только в погребениях группы Иза I. Очевидно, хронологию, полученную при ее исследовании, следует распространять и на северную группу курганов (Иза II). Вряд ли возможно относить последнюю к рубежу и первым векам н. э., тем более что при последующих исследованиях среди курганов Иза II наряду с погребениями, содержащими только лепную керамику, найдены комплексы с кружальными изделиями [Цигилик, 1962, с. 71—77], а среди погребений Иза I также имеются комплексы, содержащие исключительно лепную посуду.

К ранним, если признать его принадлежность к культуре карпатских курганов, следует отнести и другой закарпатский памятник — курган в Братово, датируемый сосудом типа *terra sigillata* первой половиной III в. н. э. Здесь же найдена еще одна железная одночленная фибула, подобная изовским [Котигорошко, 1979, с. 159—162, рис. 2, 7, 8]. Ранние погребения имеются также на могильнике у с. Нижний Струтинь. Здесь в кургане № XV обнаружена светлоглиняная двуручная амфора с воронковидным горлом, яйцевидным реберчатым корпусом и плоским дном (рис. 11, 20). М. Ю. Смишко относит ее к изделиям III—IV вв. н. э. [Смишко, 1960, с. 104], В. В. Кропоткин датирует ее III в. н. э. [Кропоткин, 1970, с. 10], ссылаясь на изделия из Афинской агоры [Robinson, 1959, tab. 28, 234] и Северного Причерноморья [Зеест, 1960, с. 169, табл. XXXIII, 78]. Однако эти изделия существенно отличаются от нижнеструтинского сосуда. Прежде всего, это красноглиняные изделия с гладкой поверхностью. Они значительно меньших размеров, имеют вытянутое горло и неширокий корпус [Зеест, 1960, с. 114]. Аналогами нижнеструтинской амфоре являются находки из римских лагерей вдоль лимеса (40-е годы I — середина III в. н. э.) [Pelichet, 1946, S. 192—193, Taf. III, 3; Haukemes, 1964, S. 82, tab. 22, 27; Oelmann, 1914, S. 48, Abb. 26/1 : 4]. Е. Пелише на основании материалов римского лагеря в Нионе относит такие сосуды к позднему этапу

существования лагеря — ко времени между 190—260 гг. н. э. [Pelichet, 1946, S. 193]. Наконец, возможность для более узкого датирования подобных изделий предоставляет комплекс, обнаруженный в погребении могильника римского времени в Кельне, где сосуд, аналогичный нижнеструтинскому, был найден вместе с потертой монетой Марка Аврелия (161 — 180 гг. н. э.) [Hagen, 1906, S. 421-422, Taf. XXV, 57]. Очевидно, и курган из Нижнего Струтиня следует датировать концом II в. н. э.

Привлекает внимание заметная архаичность инвентаря ранних погребений и памятников в целом в Изе и Нижнем Струтине. В частности, лепная посуда в них преобладает над кружальной, а в некоторых курганах (VII, VIII, XII — Нижний Струтинь; I, III, IV, XIII, XIV, XVI и др. — Иза) оказалась только лепная керамика. В обоих могильниках имеется также лепная столовая лощеная посуда, которую в более поздних памятниках вытесняет кружальная. К ранним датирующим находкам следует отнести и светлоглиняную остродонную амфору с расширенным к низу горлом и раздутым корпусом со слегка рифленой поверхностью из ямы-погребка жилища № 2 на Глубокском поселении (рис. 11, 19). Подобные так называемые танаисские амфоры обычно датируются II—III вв. н. э. [Зеест, 1960, с. 117]. Они обнаружены в могильнике близ Херсонеса в погребениях, датированных монетами Гордиана III (238-244 гг. н. э.) [Мосберг, 1946, с. 117], в Танаисе [Книпович, 1949, с. 73, рис. 28, А], Иллурате [Гайдукевич, 1958, рис. 20, 1, 2]. Находки относятся ко времени не позже 40-х годов III в. н. э. Отмечая этот факт, а также отсутствие подобных амфор в более ранних и более поздних комплексах, Д. Б. Шелов считает, что их можно уверенно датировать первой половиной III в. н. э. [Шелов, 1978, с. 19].

Таким образом, наиболее ранние датирующие находки на памятниках культуры карпатских курганов позволяют утверждать, что она сформировалась не позднее конца II — начала III в. н. э. Наибольшее количество датирующего материала на памятниках культуры относится к III и IV вв. н. э. Так, в

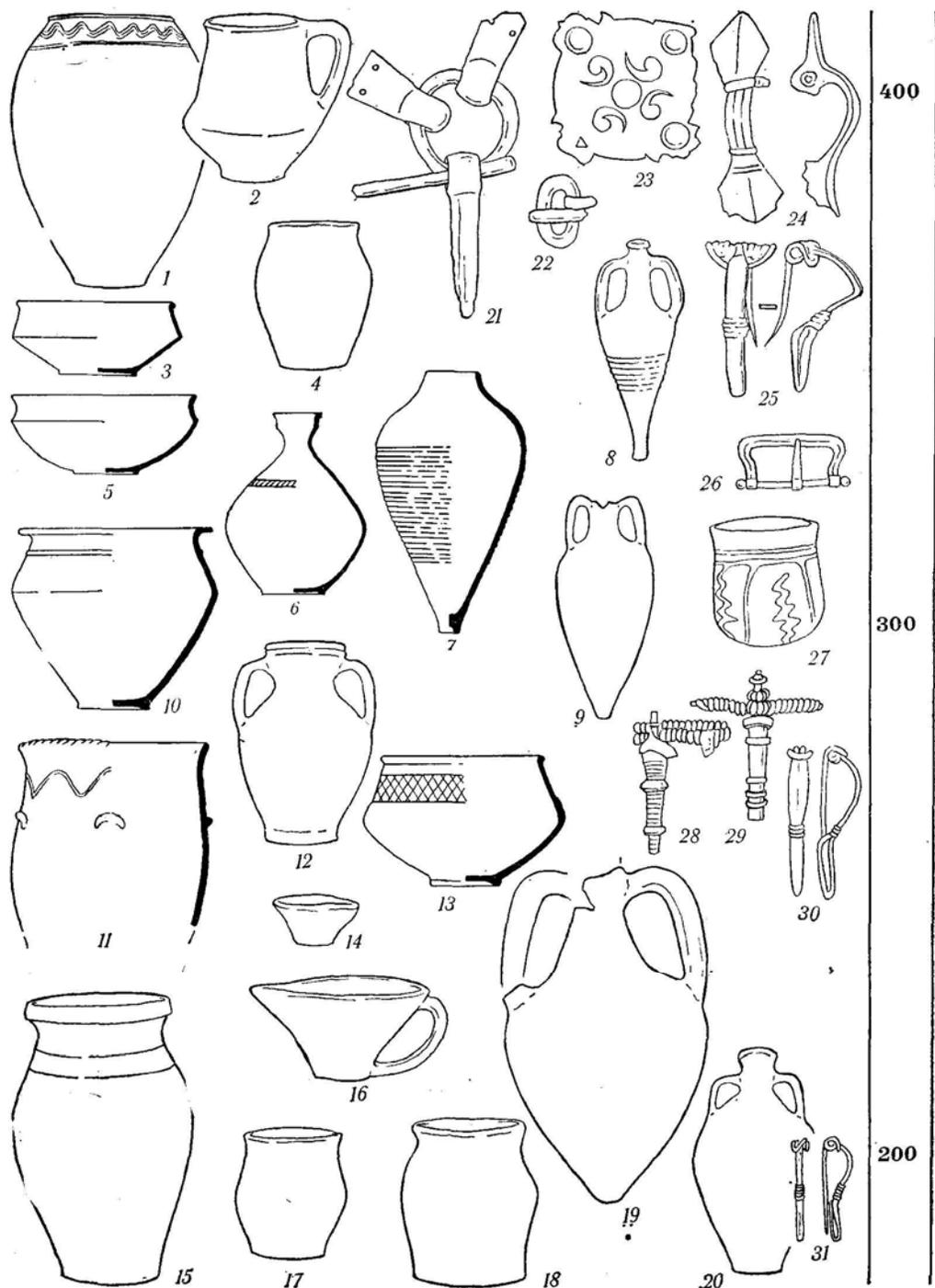

Рис. И. Культура карпатских курганов. Основные этапы развития:

1 — Добромиль; 2, 15, 24, 26, 28 — Мышин; 3—6, 8, 14, 16, 17, 19 — Глубокая; 7 — Грушев; 9 — Каменка; 10, 13 — Трач; 11 — Печенежин; 12, 23 — Переросль; 18, 30, 31 — Иза; 20, 27, 29 — Нижний Струтинь; 21, 22 — Стопчатов; 25 — Королевна.

Могильники Иза I, II, безусловно, являются курганными группами одного большого могильника. Датирующий материал был обнаружен только в погребениях группы Иза I. Очевидно, хронологию, полученную при ее исследовании, следует распространять и на северную группу курганов (Иза II). Вряд ли возможно относить последнюю к рубежу и первым векам н. э., тем более что при последующих исследованиях среди курганов Иза II наряду с погребениями, содержащими только лепную керамику, найдены комплексы с кружальными изделиями [Цигилик, 1962, с. 71—77], а среди погребений Иза I также имеются комплексы, содержащие исключительно лепную посуду.

К ранним, если признать его принадлежность к культуре карпатских курганов, следует отнести и другой закарпатский памятник — курган в Братово, датируемый сосудом типа *terra sigillata* первой половиной III в. н. э. Здесь же найдена еще одна железная одночленная фибула, подобная изовским [Котигорошко, 1979, с. 159—162, рис. 2, 7, 8]. Ранние погребения имеются также на могильнике у с. Нижний Струтинь. Здесь в кургане № XV обнаружена светлоглиняная двуручная амфора с воронковидным горлом, яйцевидным реберчатым корпусом и плоским дном (рис. 11, 20). М. Ю. Смишко относит ее к изделиям III—IV вв. н. э. [Смишко, 1960, с. 104], В. В. Кропоткин датирует ее III в. н. э. [Кропоткин, 1970, с. 10], ссылаясь на изделия из Афинской агоры [Robinson, 1959, tab. 28, 234] и Северного Причерноморья [Зеест, 1960, с. 169, табл. XXXIII, 78]. Однако эти изделия существенно отличаются от нижнеструтиньского сосуда. Прежде всего, это красноглиняные изделия с гладкой поверхностью. Они значительно меньших размеров, имеют вытянутое горло и неширокий корпус [Зеест, 1960, с. 114]. Аналогами нижнеструтиньской амфоре являются находки из римских лагерей вдоль лимеса (40-е годы I — середина III в. н. э.) [Pelichet, 1946, S. 192—193, Taf. III, 3; Haukemes, 1964, S. 82, tab. 22, 27; Oelmann, 1914, S. 48, Abb. 26/1 : 4]. Е. Пелише на основании материалов римского лагеря в Нионе относит такие сосуды к позднему этапу

существования лагеря — ко времени между 190—260 гг. н. э. [Pelichet, 1946, S. 193]. Наконец, возможность для более узкого датирования подобных изделий предоставляет комплекс, обнаруженный в погребении могильника римского времени в Кельне, где сосуд, аналогичный нижнеструтиньскому, был найден вместе с потертой монетой Марка Аврелия (161 — 180 гг. н. э.) [Hagen, 1906, S. 421-422, Taf. XXV, 57]. Очевидно, и курган из Нижнего Струтина следует датировать концом II в. н. э.

Привлекает внимание заметная архаичность инвентаря ранних погребений и памятников в целом в Изе и Нижнем Струтине. В частности, лепная посуда в них преобладает над кружальной, а в некоторых курганах (VII, VIII, XII — Нижний Струтинь; I, III, IV, XIII, XIV, XVI и др. — Иза) оказалась только лепная керамика. В обоих могильниках имеется также лепная столовая лощеная посуда, которую в более поздних памятниках вытесняет кружальная. К ранним датирующим находкам следует отнести и светлоглиняную остродонную амфору с расширенным к низу горлом и раздутым корпусом со слегка рифленой поверхностью из ямы-погребя жилища № 2 на Глубокском поселении (рис. 11, 19). Подобные так называемые танаисские амфоры обычно датируются II—III вв. н. э. [Зеест, 1960, с. 117]. Они обнаружены в могильнике близ Херсонеса в погребениях, датированных монетами Гордиана III (238—244 гг. н. э.) [Мосберг, 1946, с. 117], в Танаисе [Книпович, 1949, с. 73, рис. 28, А], Иллурате [Гайдукевич, 1958, рис. 20, 1, 2]. Находки относятся ко времени не позже 40-х годов III в. н. э. Отмечая этот факт, а также отсутствие подобных амфор в более ранних и более поздних комплексах, Д. Б. Шелов считает, что их можно уверенно датировать первой половиной III в. н. э. [Шелов, 1978, с. 19].

Таким образом, наиболее ранние датирующие находки на памятниках культуры карпатских курганов позволяют утверждать, что она сформировалась не позднее конца II — начала III в. н. э. Наибольшее количество датирующего материала на памятниках культуры относится к III и IV вв. н. э. Так, в

курганах Нижнего Струтиня, Мышина и Марковец были обнаружены бронзовые и серебряные двухчленные фибулы с очень высоким приемником, богато украшенные набором проволочных колец (рис. 11, 28, 29). Подобные фибулы довольно часто встречаются на Поднестровье [Kopernicki, 1878, s. 55—59], а также в Центральной и Северной Европе [Godłowski, 1970, p. 84] и датируются временем со второй половины III в. н. э. [Almgren, 1923, S. 98]. В кургане № III в Мышине найдена бронзовая двухчленная подвязная фибула из тонкой узкой проволоки. М. Ю. Смишко на основании ближайших аналогов относит ее ко второй четверти I тыс. н. э. [Смишко, 1960, с. 109]. На поселение у с. Королевна в хозяйственной яме № 1 была обнаружена бронзовая двухчленная прогнутая подвязная фибула с пластинчатым корпусом, четко датируемая IV в. н. э. (рис. 11, 25). Подобные фибулы (вариант 3, по А. К. Амброзу) многократно встречаются в надежно датируемых комплексах IV в. н. э. [Амброз, 1966, с. 64]: в погребениях крымских могильников йнкерман и Совхоз 10 с посудой и монетами IV в. н. э., в погребениях Черняховской культуры (Переяслав-Хмельницкий) с гребнем и стеклянным кубком IV в. н. э. [Гончаров, Махно, 1957, с. 136, табл. II, 11, 57] и Малаешты с инкерманской амфорой IV в. н. э. [Федоров, 1960, с. 259—260], а также на многих других памятниках.

В сосуде-приставке из кургана № IV в Нижнем Струтиня была найдена чаша из прозрачного красно-фиолетового стекла. Она имеет почти цилиндрическую форму, слегка утолщенный расширенный венчик и дно на кольцевой подставке. Сосуд украшен прямыми и змеевидными линиями из светло-желтой и голубой эмали (рис. 11, 27). Близких аналогий он не имеет. Орнаментация (змеевидные нити) сближает его с сосудами из Поллвитена. Сосуды с подобной орнаментацией Г. Эггерс выделяет в 189-й тип и датирует второй половиной II в. н. э. [Eggers, 1951, S. 178]. Формой нижнеструтинская находка напоминает стеклянные чаши из погребальных комплексов Седра Квиннеди (Швеция) [Kisa, 1908, Abb. 384] и Рудков (УССР)

[Кропоткин, 1970]. Эти сосуды Г. Эггерс относит к 199-му типу и датирует III в. н. э. [Eggers, 1951, S. 99]. Следует, однако, отметить, что эти изделия, в отличие от нижнеструтинского, зеленого цвета. Хронологические определения Г. Эггерса в последнее время пересмотрены в сторону возрастания. Так, кубки 189-го типа убедительно датируются в настоящее время III в. н. э. [Teigal, 1970, s. 389—411]. Исходя из этого стеклянную чашу из Нижнего Струтиня, очевидно, следует датировать в пределах III в. н. э., а весь могильник, принимая во внимание и другие датирующие находки, — концом II—III в. н. э.

В погребениях могильников и объектах поселений помимо многочисленных фрагментов амфорной тары обнаружено и целых экземпляров. Кроме уже упоминавшихся амфор из могильника Нижнего Струтиня и поселения из Глубокой целые сосуды найдены на могильниках в Глубокой, Ганеве, Каменке, Бранешты-Немцишор. Из них шесть экземпляров — узкогорлые светлоглиняные амфоры с высоким узким горлом и нешироким коническим реберчатым корпусом, называемые в литературе амфорами «инкерманского» типа (рис. 11, 8). По две такие амфоры обнаружены в могильниках в Глубокой и Ганеве [Смишко, 1960, табл. IV, 1; VII, 9] и в кургане № 1 могильника Бранешты-Немцишор. Подобные амфоры были широко распространены в Северном Причерноморье и на памятниках черняховской культуры [Зеест, 1960, с. 122; Смиленко, 1975, с. 111—112, табл. 1; Щукин, 1968, с. 41—42] в датированных комплексах не ранее конца III—IV в. н. э. [Шелов, 1978, с. 19—20]. На могильнике в Грушеве в кургане № III найдена реберчатая остродонная амфора светло-коричневого цвета с низкой цилиндрической шейкой, без ручек, с мелким рифлением нижней части корпуса (рис. 11, 7). Аналоги ей неизвестны. М. Ю. Смишко относит ее ко времени после середины IV в. н. э. [Смишко, 1960, с. 103], В. В. Кропоткин датирует III—IV вв. н. э. [Кропоткин, 1970, с. 48]. На могильнике в Каменке (курган № II) [Смишко, 1960, табл. XV, 3] (рис. 11, 9) и в Бранешты-Немцишор (курган № 1) [Mihailescu-Bîrliba, 1980,

fig. 17] обнаружены грушевидные остродонные амфоры с ребристым корпусом, узкой шейкой и высоко поднятыми плоскими профилированными ручками с острым изломом в верхней части. М. Ю. Смишко датирует амфору из Каменки V—VI вв. н. э., В. В. Кропоткин, ссылаясь на изделия из Афинской агоры, относит ее к середине III в. н. э. [Кропоткин, 1970, с. 9]. В. Михайлеску-Бирлиба датирует экземпляр из Бранешты-Немцишор III в. н. э. Однако поскольку в комплексе обнаружены и две «инкерманские» амфоры, то амфору с высоко поднятыми ручками из Бранешты-Немцишор следует отнести к тому же времени, т. е. к концу III—IV в. н. э. Так же, очевидно, датируется и аналогичная амфора из Каменки.

Наиболее поздние датируемые погребения обнаружены на могильниках в Мишине, Стопчатове, Переросле. Бронзовая двухпластинчатая фибула с сильно выгнутой дужкой и пластинками одинаковой ромбовидной формы (рис. 11, 24), обнаруженная в кургане Мышинского могильника, датировалась М. Ю. Смишко VI в. н. э., что позволило ему отнести к этому времени верхнюю хронологическую черту всей культуры [Смишко, 1960, с. 110]. Приводя аналогии мышинской находке, М. Ю. Смишко ссылался на поздние формы двухпластинчатых фибул. Однако совершенно иную форму имеют пластины фибулы из Пастырского городища [Спицын, 1903, с. 28, рис. 228], фибул, приведенных Л. Линденшмидтом [Lindenschmidt, 1880, ill. 444, I—III], и др. Их сходство с мышинским изделием лишь в том, что они также имеют идентичные пластинки. Обе пластины мышинской фибулы напоминают ромбическую ножку самых ранних двухпластинчатых изделий, которые, по мнению А. Калитинского, являются начальными для этой формы [Калитинский, 1928, с. 227, рис. 1] и повторяют форму укороченной, расширенной в нижней трети ножки фибул, датируемых IV — началом V в. н. э. [Амброз, 1966, с. 83]. Скорее всего, мышинская фибула является следующим этапом развития двухпластинчатых фибул и, таким образом, самым ранним типом фибул с идентичными пластинками, что позволяет датировать ее

не позднее V в. н. э. В последние годы появились находки двухпластинчатых фибул по конструкции и форме близких мышинской. Одна из них обнаружена в погребении № 1 могильника Миоркани (Румыния) в комплексе, датируемом второй половиной IV в. н. э. [Jonita, 1975, fig. 4, 6], другая — на городище Гундемайген на Дунае. Так же, как и мышинская, она имеет одинаковые ромбические пластинки, но отличается от нее ornamentацией псевдозерну. И. Вернер считает гундемайгенскую фибулу вариантом фибул типа «Висбаден», и датирует ее V в. н. э. [Werner, 1981, S. 233—240, Abb. 6, a].

К числу наиболее поздних относится и погребение кургана № 1 в Стопчатове. Здесь были обнаружены половина удила с восьмигранным стержнем, спаянным из бронзы и железа, и серебряная полуовальная пряжка со свободно закрепленным язычком с загнутым концом (рис. 11, 21). Удила, аналогичные стопчатовским, также изготовленные из двух металлов (железа и бронзы), в комплексе, помимо всего прочего, с тремя такими же, как стопчатовская, серебряными пряжками происходят из погребения в Кештели-Гат (Венгрия), четко датированного трехлопастными гуннскими стрелами 376—456 гг. н. э. [Alföldi, 1932, old. 60—61, кер. 17]. Биметаллические удила широкое распространение в Европе получили в гуннское время и являются характерной принадлежностью многих памятников этого периода [Alföldi, 1932, old. 60-61, tab. I, 5; XIII, 1, XXIII, 2]. Известны биметаллические удила (железо и серебро) из набора конского снаряжения знаменитого Качинского клада в комплексе, датированном двумя двухпластинчатыми серебряными фибулами первой половины V в. н. э. [Кухаренко, 1982, с. 236, 238—240, рис. 1; 3]. Очевидно, к поздним погребениям следует отнести и курган из Добрян, где, по сообщению М. Ю. Смишка, найдена пряжка, подобная стопчатовской [Смишко, 1960, с. 110]. В кургане № VIII могильника в Переросле была обнаружена бронзовая плоская округлая бляшка с прорезным орнаментом, очевидно, связанная со сбруйным конским снаряжением (рис. 11, 23). Аналогичная бляшка с

прорезным орнаментом, немногим большая по размеру, входит в состав вещей Качинского клада. Исходя из этого погребение в кургане № VIII могильника в Переросле также следует отнести к наиболее поздним памятникам культуры карпатских курганов, функционирующим в гуннское время.

Таким образом, достаточно надежно датированные комплексы позволяют отнести верхнюю границу существования культуры карпатских курганов к первой половине V в. н. э. Уже со второй половины V в. она прекращает существование. В это время на территории Прикарпатья формируется раннеердневековая славянская культура, о чем говорит и тот факт, что на местах поселений культуры карпатских курганов в ряде случаев (Глубокая, Кодын, Волосов и др.) обнаружены славянские поселения конца V—VII вв.

Анализ керамического комплекса из могильников и сопоставление его с датирующим материалом показали, что в пределах общих хронологических рамок культуры (конец II — первая половина V в. н. э.) можно выделить ранний этап. К нему следует отнести памятники конца II — первой половины III в. н. э. Для них характерно преобладание лепной керамики над кружалной, а также наличие столовой лепной керамики, которая в первую очередь вытесняется кружалными изделиями и поэтому отсутствует в более поздних комплексах. Помимо упомянутых датированных ранних погребений на могильниках в Изе и Нижнем Струтине к этому этапу предположительно можно отнести и другие погребения этих могильников (курганы № VII, VIII, XII — из Нижнего Струтиня, курганы № I, III, IV, VIII, XIV, XVI — из Изы), в которых полностью отсутствовала кружалная керамика, курган в Братово, а также жилища №2, 5, 15, 16 из Глубокой и объекты, исследованные на селище в Грабовцах.

Естественно, большее или меньшее количество кружалных изделий в керамическом комплексе того или иного погребения или селищного объекта не следует воспринимать однозначно, как безусловный хронологический признак, поскольку в данном случае вступает в

силу ряд других факторов, в частности социально-экономические. Тем не менее это наблюдение нашло подтверждение при рассмотрении материалов поселений. Так, на селище Королевка, датированном фибулой IV в., была обнаружена в основном гончарная керамика. К более поздним следует отнести и Волосовское поселение. Поселение у с. Глубокая, очевидно, функционировало почти на всем протяжении существования культуры карпатских курганов (первая половина III — первая половина V в. н. э.).

Вопрос о происхождении культуры карпатских курганов в настоящее время еще не решен. Пока трудно сказать, какое население занимало территорию Прикарпатья в первые два века н. э., т. е. в период, предшествующий культуре карпатских курганов. В результате разведок здесь был открыт ряд поселений I—II вв. н. э. (Рогозна, Драчинцы, Годыновка, Волока, Корытное), где собран материал, в состав которого входили обломки лепных чернолощенных мисок и лепной керамики гето-дакийского облика. В этой связи следует упомянуть ранний слой Глубокского поселения, представленный жилищами № 17 и 22, керамический комплекс которых также содержит упомянутый набор посуды, дополненный лепными толстостенными горшками и небольшим количеством обломков кружалных сосудов [Вакуленко, 1977, табл. XIX, XX]. Подобные керамические комплексы присущи объектам раннеримских поселений Восточной Словакии I—II вв. н. э. Открытый в 1980 г. в с. Завалье Снятинского р-на Ивано-Франковской обл. (междуречье Прута и Черемоша) могильник липицкой культуры (I—II вв. н. э.) пока является единственным исследованным и поддающимся культурному определению памятником первых веков н. э. на Прикарпатье. Могильник в Завалье стоит особняком по отношению к другим памятникам липицкой культуры, расположенным компактной группой на Левобережье Верхнего Днестра [Smiszko, 1932, s. 111—177]. Другие липицкие могильники или поселения на Прикарпатье не известны. Поэтому вряд ли можно утверждать, что липицкие памятники предшествовали культуре кар-

патских курганов на этой территории.

На Верхнем Попрутье в непосредственном соседстве с памятниками культуры карпатских курганов известны группы и единичные погребения носителей пшеворской культуры, открытые в Олешове, Хотымире, Пыльной Слободке и Великой Каменке. Перейдя на правый берег Днестра и в первой половине III в. н. э. появившись в верховьях Прута, пшеворцы долиной реки продвинулись на территорию Буковины и Румынии [Smiszko, 1932, S. 111]. Известно, что часть пшеворского населения проникла и в Карпаты через горные перевалы. Некоторые данные позволяют предполагать существование контактов и влияний между носителями пшеворской и карпатской культур. Так, черты пшеворского погребального обряда зафиксированы в курганах таких прикарпатских могильников, как Пилипы, Печенежин, а также в Братовском кургане в Закарпатье.

В настоящее время трудно связать культуру карпатских курганов с древностями предшествующего периода. Остается неясным и происхождение своеобразного погребального ритуала культуры. Подобный известен у носителей куштановицкой культуры Закарпатья [Смирнова, 1979, с. 39—55]. Однако памятники культуры карпатских курганов хронологически слишком далеко (400—500 лет) отстоят от куштановицких древностей, чтобы быть непосредственными восприемниками курганных погребений. В период хронологически более близкий или синхронный обряд сожжения под курганами известен на памятниках Кошольц-Кольбор (II в. н. э.), расположенных на территории Трансильвании [Mascea, 1957, p. 205—221; 1959, p. 407—445], и на могильнике Земплин (II—III вв.) в Восточной Словакии [Budinski-Kricka, 1959, s. 61—69]. Что касается трансильванских памятников, то оставленные иллирийскими переселенцами из Норикума в Паннонии, жившими в границах Римской империи, они вряд ли имели связь с древностями культуры карпатских курганов. Материалы Земплинского могильника — сложного многослойного памятника, — к сожалению, до сих пор

не введены в научный оборот, что не позволяет сопоставить их более детально. Тем не менее, есть основания полагать, что земплинские курганы римского времени могут быть близки памятникам культуры карпатских курганов.

Впервые и наиболее подробно, на основе материалов, полученных при исследовании погребальных памятников, а также анализа письменных источников, вопрос об этносе прикарпатского населения этого времени исследовал М. Ю. Смишко [Смишко, 1960, с. 148—152]. Он предположил, что культура карпатских курганов принадлежала дакийскому племени карпов, которые под влиянием окружающего славянского этноса трансформировались и стали предками летописного славянского племени хорватов. Однако в последнее время с карпами из античных источников убедительно идентифицируется культура Поенешти — Вертишкой, памятники которой расположены между Карпатами и средним и нижним течением Прута, по Серету и его притокам. В этом случае, помимо других данных, достаточно четко совпадают археологически прослеживаемые сдвиги в культуре Поенешти — Вертишкой с событиями, известными в истории карпов по античной историографии. Таким образом, можно считать культуру Поенешти — Вертишкой археологическим эквивалентом карпов и тем самым исключить возможность отнесения к ним памятников культуры карпатских курганов. Изучение письменных источников и другие данные показали, что в настоящее время не представляется возможным скоррелировать все данные письменных источников и археологии и идентифицировать носителей культуры карпатских курганов с каким-либо племенем, упоминаемым античными авторами в северо-восточной части карпатского бассейна. В подобной ситуации для интерпретации культуры следует обратиться к имеющимся археологическим материалам.

Изучение основных черт материальной культуры, в частности керамических материалов, позволило проследить два основных компонента раннего этапа существования. Один из них имеет четкие признаки гето-дакийской культуры (дакийская чаша, характерный пластич-

мый орнамент). Проявлением другого в керамике являются формы, никогда не встречающиеся в среде гето-дакийской культуры ни в более раннее, ни в последующее время. Это, прежде всего, лепные стройные горшки с отогнутыми наружу короткими венчиками, более или менее выделенной шейкой, слегка выпуклым корпусом и плоским дном. По форме они напоминают славянскую посуду третьей четверти I тыс. н. э. Наблюдения над керамическими комплексами более ранних и более поздних памятников и объектов позволяют проследить развитие взаимодействия этих компонентов внутри единой культуры. Отмечено, что посуда, украшенная гето-дакийским орнаментом, и гето-дакийские формы имеются только в ранних комплексах. Их признаки не обнаружены ни на поселениях в Королевке и Волосове, ни в поздних комплексах Глубокского поселения, ни в одном из могильников, за исключением Изы и Нижнего Струтиня. Однако в ранних и поздних комплексах существуют упоминавшиеся уже лепные изделия, которые по форме могут являться прототипами раннеславянской керамики VI—VII вв. н. э. В материальной культуре славян второй половины I тыс. н. э. находят свое отражение и другие характерные черты культуры карпатских курганов. Следует отметить, что поселения обеих культур часто расположены на одной и той же площади. Имеются также общие черты и в домостроительстве и в устройстве отопительных сооружений, а также в погребальном обряде. Так, на поселениях культуры карпатских курганов, помимо других типов жилищ, открыты полуземлянки с печамл-каменками — характерная форма более позднего славянского жилища, а на раннесредневековых славянских курганных могильниках в целом и в деталях часто повторяются черты прикарпатского погребального обряда. Особо следует подчеркнуть, что последние исследования показали отсутствие хронологического разрыва между памятниками культуры карпатских курганов и раннесредневековой славянской культурой на территории Прикарпатья. Как уже отмечалось, культура карпатских курганов существует и в первой половине

V в. н. э. На этой же территории известны и наиболее ранние славянские памятники. Так, на раннесредневековом славянском поселении Кодын, расположенном на правом берегу в верхнем течении Прута, в керамических комплексах нескольких славянских жилищ наряду с керамикой пражского типа была обнаружена лепная и кружальная керамика культуры карпатских курганов. В двух случаях смешанные комплексы сопровождались фибулами IV—V вв. [Русанова, 1977, с. 366]. Известны и другие переходные памятники, сочетающие в себе черты культуры карпатских курганов и славянской. Это Глубокская гончарная мастерская [Вакуленко, 1977, с. 86—88], поселения Гореча II и Рогозна [Тимошук, 1976, с. 31—39].

Таким образом, носители культуры карпатских курганов при ее образовании представляли собой смешанный этнос, в котором можно выделить два компонента: гето-дакийский и праславянский. Тот факт, что в процессе развития культуры преобладающими стали те ее черты, которые нашли соответствие в славянских древностях третьей четверти I тыс. н. э., дает возможность предположить, что носители культуры карпатских курганов принимали участие в формировании облика материальной культуры раннесредневекового славянского населения.

4. Вельбарская культура

Памятники вельбарской культуры распространены на территории Северо-Восточной Польши (см. рис. 8). Ее название происходит от широко исследованного могильника в Вельбарке (Мальборк-Вельбарк), расположенного в Нижнем Повисленьи *. На территории СССР древности этого круга известны под названием типа Дитиничи. Однако сравнение материалов обоих регионов указывает на их большую близость, особенно с памятниками территории Мазовии. На этом основании древности типа Дитиничи отнесены нами к вельбарской культуре.

* Подробнее см.: Prahistoria..., t. 5, 165—190.

Восточной границей культуры на территории Украины является р. Горынь. На западе и северо-западе она смыкается с вельбарскими памятниками Мазовии. Небольшая группа вельбарских поселений локализована в районе верхнего течения Южного Буга (см. рис. 7) [Хавлюк, 1976, с. 2].

Наиболее полно изученным памятником вельбарской культуры на территории УССР является могильник в Дитиничах [Смішко, Свешніков, 1961, с. 89—113]. Многолетние работы проводились также на поселении в Лепесовке, где большая часть жилищ и лепного керамического материала относится к вельбарской культуре [Тиханова, 1963, с. 182; 1971, с. 1059—1063]. Небольшие работы проводили Ю. В. Кухаренко на могильнике в Любомле, Л. И. Крушельницькая — на поселении в Ромоше [Кухаренко, 1980; Крушельницька, Оприск, 1975, с. 76—79]. По одному или несколько погребений открыто в Могилянах — Хмельнике, Горькой Полонке, Городище, Шумском, Колесниках и др. В последние годы археологические работы проводились на поселении Великая Слободка II в Среднем Поднестровье [Козак, Журко, 1983, с. 62—71], Боратине на Стыре (Д. Н. Козак), Шершнях на Южном Буге (Б. В. Магомедов). К вельбарским следует отнести, возможно, и поселение в Викнинах Великих [Смішко, 1949, с. 111-121].

Точные данные о площади поселений из-за слабой изученности отсутствуют. Наиболее полно исследованное селище в Боратине занимало площадь более 1 га.

На поселениях открыты наземные и углубленные жилища глинобитно-каркасной конструкции. От первых сохранились мощные завалы обожженной глиняной обмазки с отпечатками хвоста. Площадь развалов составляла от 60 до 120 м². Они имеют удлиненно-прямоугольную или овальную форму и ориентированы по линии восток — запад. Жилища, как правило, разделены стенками-перегородками на две камеры. Одна из камер была жилой. В ней прослеживается плотно утрамбованный земляной пол. Посередине пола находился очаг. Вторая, преимущественно западная, камера служила для хозяйст-

венных надобностей. Кроме больших, известны и малые жилища площадью до 20 м².

Углубленные жилища открыты на поселении в Боратине. Это сооружения овальной или подпрямоугольной формы с незначительно опущенным в материк полом (0,2—0,6 м). Следы отопительного устройства отсутствуют. Характерной чертой всех жилищ является наличие в них большого количества столбовых ям, расположенных вдоль стенок. Площадь сооружений составляет от 9 до 24 м².

Кроме жилых построек, на поселениях открыты хозяйственные сооружения. Они имеют углубленную в материк основу. Форма овальная, округлая, подпрямоугольная. Площадь составляет от 6 до 44 м². На поселении в Великой Слободке II открыто сооружение общественного характера [Козак, Журко, 1983, с. 66].

Наземные сооружения по форме и конструкции близки к так называемым большим домам, истоки которых восходят к домостроительству германских племен Северо-Западной Европы. Углубленные жилые постройки имеют черты, связывающие их с домостроительством пшеворской культуры.

Могильники — бескурганые. Основным типом погребального обряда было трупосожжение на стороне. Преобладали ямные захоронения. Остатки пережженных костей покойника смешаны с золой. Среди них находились мелкие вещи, украшения, предметы индивидуального и хозяйственного пользования. Почти на всех вещах заметны следы пребывания в погребальном костре. В отдельных случаях в погребениях над заполнением ям находились каменные валуны (Любомль) или аморфные кремневые отщепы (Дитиничи). Важная черта погребального обряда — сопровождение погребений вторично пережженными фрагментами лепной или гончарной керамики. На могильнике в Дитиничах ряд погребений сопровождался целыми сосудами со следами вторичной обожженности.

Урновые погребения немногочисленны и представлены на разных могильниках несколькими захоронениями, в основном, двух видов: с остатками костра

и без них. Преобладают первые. В качестве урн использовались лепные и гончарные горшки, иногда миски и кувшины. Большинство погребений сопровождалось несколькими глиняными сосудами. Кроме горшков, в ямах находились фибулы, костяные гребни, стеклянные и янтарные бусы, пряжки, прясла и другие мелкие вещи. Большая часть носит следы пребывания в погребальном костре.

По количеству сопровождающего инвентаря урновые погребения богаче ямных. Инвентарь одинаков.

В трупосожжениях наряду с вельбарскими чертами четко прослеживаются элементы погребальной обрядности пшеворской культуры — наличие урновых трупосожжений, сосуды-приставки, сопровождение погребений вторично переработанными фрагментами керамики.

Кроме трупосожжений на Вольни известно и несколько труположений. Погребения сопровождалось типичным для вельбарской культуры инвентарем.

На вельбарских могильниках открыто также много ям неправильной формы, заполненных золой. В некоторых ямах находились крупные камни-валуны, обломки глиняных сосудов, кости животных. Ряд исследователей называют такие ямы жертвенными, связывая их с бытовавшим еще до недавнего времени у скандинавов обычаем сожжения жертвенного костра возле могилы и зарывания его остатков в особую яму [Кухаренко, 1980, с. 29].

Для памятников вельбарской культуры характерна в основном лепная керамика. Большое количество горшков и мисок украшены углубленными или рельефными геометрическими узорами различных комбинаций. Миски и кружки часто имеют глухие ушки и Х-видные ручки. Из горшков наиболее распространены приземистые широкогорлые сосуды. Миски очень разнообразны: тюльпановидные, биконические, цилиндрически-конические. Кружки имели цилиндрическую и лейкообразную формы (рис. 12, 6, 11, 16, 18, 20, 21, 23).

Все формы керамики имеют аналоги на памятниках вельбарской культуры в Польше (Schindler, 1940). Многие типы горшков известны также на памятниках пшеворской культуры.

Гончарная керамика немногочисленна и представлена горшками, мисками, вазами, кувшинами разных форм и пропорций, хорошо известными на памятниках Черняховской культуры.

Другие категории инвентаря представлены орудиями труда (мотыга, коса-горбуша, струги, долота, шилья, ножи, льячки), предметами вооружения и конского снаряжения (шпора, наконечники стрел). Часто встречаются бытовая утварь, предметы украшения и одежды. Наибольшее количество составляют прясла. Довольно много грузил, служивших для натягивания основы на вертикальных ткацких станках. Предметы одежды представлены поясными пряжками и креплениями, фибулами. Фибулы изготовлены из бронзы, реже — из железа. Большинство их пластинчатые, двухчастной конструкции с подвижной ножкой. К украшениям принадлежат булавки, стеклянные и янтарные бусы, браслеты. На могильнике в Дитиничах найдена бронзовая подвеска с выемчатой эмалью из бронзовых лунниц и ведеркообразных подвесок. Из кости сделаны трехслойные гребни, проколки, лошила.

Важное значение для понимания роли вельбарской культуры в истории Бугско-Днепровского междуречья имеет определение ее хронологии. Особенно остро дискутируется вопрос о времени появления вельбарских памятников на восточном берегу Западного Буга. Одни исследователи придерживаются мнения о том, что вельбарские памятники появились на этой территории до возникновения черняховской культуры [Кухаренко, 1970, с. 57—60; 1980, с. 64—76]. Другие доказывают, что вельбарское население продвинулось на территорию Вольни и Подолии позже, когда черняховская культура уже существовала [Симонович, 1973, с. 29—32; Баран, 1981, с. 159—161]. По мнению М. Б. Щукина, первые вельбарские памятники появились на территории восточнее Западного Буга между 170 и 220 гг. Вторая волна перемещения носителей вельбарской культуры на эту территорию пришлось на середину III в., когда черняховская культура находилась в процессе кристаллизации [Szczukin, 1981, s. 143, 148]. Хронологи-

гические разработки М. Б. Щукина, привязанные к основным этапам развития вельбарских памятников на территории Польши, достаточно полны и не вызывают возражений. К сожалению, М. Б. Щукину неизвестны неопубликованные вельбарские материалы времени расцвета Черняховской культуры, полученные в последнее время (Баратин, Великая Слободка II, Шершни). Отсутствие в хронологических схемах автора памятников вельбарской культуры этого времени привели его к неверным, на наш взгляд, выводам об исторических судьбах их носителей [Szczykun, 1981, s. 158].

Наиболее ранние вельбарские памятники на территории УССР — поселения в Лепесовке, Боратине, могильник в Любомле и, возможно, уничтоженный могильник у с. Могиляны — Хмельник.

По классификации О. Альмгрена могильник в Любомле датируется фибулой типа 41 концом II — началом III в. н. э., т. е. стадией C1a. О его существовании в стадиях C1в—C2 свидетельствуют находки двух подвязных фибул, близких к типу 168 в системе О. Альмгрена, с рубчатыми накладными кольцами [Almgren, 1923, S. 71—89]. К III в. можно отнести трехслойный гребень с полукруглой спинкой I варианта первого типа, по классификации С. Томас [Thomas, 1960, S. 120].

Стадией C1a следует датировать и вельбарское погребение № 2 на разрушенном могильнике в Могилянах (Хмельник), где находился однослойный гребень типа В, по классификации С. Томас [Thomas, 1960, S. 54; Каспарова, Щукин, 1979, рис. 3].

Начало существования лепесовского поселения определяется двумя фибулами типа 129, по классификации О. Альмгрена, и однослойным гребнем типа ВП, по классификации С. Томас (рис. 12, 24) [Тиханова, 1971, с. 1059-1063]. Эти предметы датируются стадией C1a. Смешанные вельбарско-черняховские материалы датируются III—IV вв. по нескольким вариантам фибул с высоким приемником и подвязными фибулами, в частности серебряной фибулой с фигурной прогнутой тетивой [Тиханова, 1971, с. 10—61, рис. 1, 18, 19].

К дочерняховскому времени и периоду зарождения черняховской культуры относится, очевидно, группа поселений, обнаруженная П. И. Хавлюком в Южном Побужье (Гунька, Демидовка, Слободка, Зяньковцы и др.). На этих поселениях открыты удлиненные наземные жилища глинобитной конструкции и большое количество лепной вельбарской керамики. В объектах и культурном слое находилось немного гончарной посуды, представленной в основном мисками с лощенной поверхностью *. По мнению П. И. Хавлюка, эта керамика не является еще черняховской, а принадлежит к импортным изделиям из античных центров Северного Причерноморья. В Поднестровье аналогичная керамика встречается в жилищах с фибулами, производными от остропрофилированных, и фибулами типа А84, датируемыми стадией C1a. Это позволяет нам с определенной долей вероятности датировать тем же временем начало существования южнобугских вельбарских памятников.

Важное значение для определения хронологии вельбарской культуры имеют материалы Дитиничского могильника. М. Ю. Смишко определял время его функционирования первой половиной IV в. н. э. [Смишко, Свешников, 1961, с. 110], опираясь при этом на фибулы типа А168. Подробнее хронология могильника была рассмотрена М. Б. Щукиным [Szczykun, 1981, s. 146—147]. К наиболее ранним датирующим вещам здесь относятся железные и бронзовые крепления к поясу из погребения 9 (рис. 12, 19), датирующиеся концом II — первой половиной III в. [Raddatz, 1957], и глиняная имитация стеклянного кубка типа 133, по классификации Г. Еггерса, относящегося к стадии C1 (погребения 5, 9) [Eggers, 1951, S. 178]. Наиболее поздними на могильнике являются подвязные фибулы с рубчатыми кольцами на спинке, распространяющиеся в стадии C1в и существующие до середины IV в. (рис. 12, 13) [Амброс, 1966, с. 67; Godłowski, 1970, p. 53]. Твердо датируется погребение 17, где найдены подвязная двухчастная фибула и ажурная подвеска с

* Сообщение П. И. Хавлюка.

Рис. 12. Вельбарская культура. Основные этапы развития:

1, 2 — Ромош; 3—5, 11, 12, 20—23 — Любомль; погребения №9 (11, 12), 10 (20—23), 11 (3—5); 6, 7 — Горькая Полонка; 8, 17 — Боратин; 9, 24 — Лепесовка; 10, 13—16, 18, 19 — Дитиничи.

выемчатой эмалью (рис. 12, 14, 15). Фибула относится к группе 16 серии II, по классификации А. К. Амброза, и датируется III в. [Амброз, 1966, с. 61—63]. Что касается эмалевой подвески, то период бытования таких вещей более продолжительный [Смішко, Свешніков, 1961, с. 109].

Таким образом, датирующий материал могильника охватывает время с конца II до первой половины IV в. включительно. М. Б. Щукин справедливо подверг сомнению возможность столь длительного его существования и предложил более узкую дату — III — начало IV в. (стадии C1в — C2) [Szczukin, 1981, s. 147].

Довольно четко датируются поселения у с. Ромош и погребение у с. Горькая Полонка [Крушельницька, Оприск, 1975, с. 75—80; Брайчевський, 1964, с. 173—175]. На памятниках выявлены трехчастные костяные гребни первого типа, по С. Томас, и двухчленные подвязные фибулы, близкие к группе 16 серии II, по системе А. К. Амброза (рис. 12, 1, 2, 6, 7). Подобные фибулы, как уже упоминалось, датируются III в. Костяные трехслойные гребни с дуговидной спинкой появляются в III в., но особенно широко распространяются с середины столетия [Thomas, 1960, S. 92]. Сочетание вещей в одном комплексе позволяет датировать его второй половиной III в.

На поселении в Боратине датирующий материал представлен двухчленной подвязной фибулой с гладкой спинкой и полукруглым костяным трехчастным гребнем (рис. 12, 8, 17).

Фибула изготовлена из округлого стержня и по форме близка к группе 16 II серии, по классификации А. К. Амброза. Гребень принадлежит к первому типу С. Томас. Вместе с гребнем в жилище 21 найдена лепная и гончарная керамика. Последняя составляет 14,5 % всего керамического комплекса. Гончарная керамика в небольшом количестве находилась еще в пяти жилищах, синхронных, очевидно, жилищу 21. Однако в остальных вельбарских жилищах гончарная керамика не обнаружена, а лепная включает сосуды вельбарской и пшеворской культур. Исходя из этого объекты с гончарной керамикой следует

в соответствии с датировкой гребня отнести ко второй половине III в., а без нее — датировать временем бытования фибулы подвязной конструкции — концом II — первой половиной III в.

Таким образом, вельбарские памятники укладываются в рамки последней четверти II — начала IV в. Хронологически они делятся на две группы. Первая из них относится к концу II—III в. (Любомль, Могиляны (Хмельник), Боратин, Лепесовка). Вторая группа возникла позднее — на стадии C1в. Обе группы памятников являются, как предполагают польские исследователи, отражением двух волн перемещения носителей вельбарских древностей на Волинь и Подолию [Prahistoria..., 1981, s. 136-157].

Характерная особенность памятников первой группы — наличие элементов пшеворской культуры. На могильниках они проявляются в деталях погребальной обрядности, на поселениях — в значительном проценте пшеворской лепной керамики, форме и конструкции жилищ углубленного типа. Это явление объясняется, по-видимому, тем, что вельбарские группы населения, двигаясь через территорию Мазовии на юго-восток, вовлекали в миграционный поток значительные массы пшеворского населения. Смешение пшеворской и вельбарской культур в Мазовии в это время неоднократно подтверждалось археологически [Okulicz, 1970, s. 426].

Однако появление вельбарских памятников на восток от Западного Буга в конце II — начале III в. не может служить подтверждением гипотезы о якобы главенствующей роли их носителей в образовании черняховской культуры. Оно тем более не позволяет рассматривать черняховскую культуру как завершающую стадию развития вельбарской культуры [Кухаренко, 1980, с. 75; Szczukin, 1981, s. 158]. Группы вельбарского и пшеворского населения, продвигаясь на территорию Западной Волини и Подолии в указанное время, оказались под воздействием провинциально-римского влияния, которое уже продолжительное время испытывали местные этнические группы, что в археологическом материале проявляется в наличии на поселениях сероглиняной

гончарной керамики, амфорной тары, украшений, орудий труда южного происхождения. В это же время появляются наземные жилища глинобитно-плетневой конструкции, также привнесенные, очевидно, переселенцами с юга. Наиболее ранние комплексы с провинциально-римским импортом в Поднестровье относятся к последней четверти II в. н. э. По нашему мнению, эти факты фиксируют начальную стадию формирования Черняховской культуры, сложению которой в решающей степени содействовали контакты местных племен с римской периферией. Именно на этой стадии в упомянутом регионе появились вельбарско-пшеворские племена, которые, взаимодействуя с местными группами населения, приняли участие в формировании черняховской культуры. Это и определяет вклад носителей вельбарских древностей в историю черняховской культуры.

Естественно, что, обитая в чужой среде, пришлые племена не могли не воспринять некоторые культурные особенности местного населения, иногда смешивались с ним. В свою очередь, население Днестро-Днепровского междуречья заимствовало вельбарские элементы, в основном формы керамики, элементы домостроительства, украшения. Примером сочетания двух культур могут служить могильники в Баеве, Деревянном на Воляни, Ружичанке, Касанове — Шершнях, в Подолии, Журовке, Привольном, Рыжевке, Компаневке в Поднепровье, которые возникли не ранее второй половины III в.

На протяжении III — конца IV в. некоторые группы пшеворско-вельбарского населения утратили свои этнографические черты, полностью растворившись в черняховской культуре, другие сохранили их, позаимствовав лишь некоторые элементы этой культуры, преимущественно гончарную керамику. Подтверждением служат материалы поселения у с. Великая Слободка I в Среднем Поднестровье. Жилые постройки и лепная керамика этого поселения имеют выразительные черты вельбарской культуры, хотя преобладает гончарная керамика черняховской культуры, среди которой много пифосов. Поселение датируется III—IV вв. [Козак,

Журко, 1983, с. 64—70]. Еще одним примером могут служить материалы поселения у с. Шершни на Южном Побужье, которое, судя по находке поздней рамчатой пряжки к поясу, а также железного узкого гребня с плечиками, функционировало не только в III, но и в IV в. [Магомедов, 1983, с. 289]. Среди керамического материала также преобладают гончарные сосуды черняховского типа. Что касается лепной посуды, то она аналогична керамике из вельбарских памятников Воляни III в. н. э.*

Таким образом, новые материалы не подтверждают мнения о полной трансформации вельбарской культуры в черняховскую, как это попытался представить в последнее время М. Б. Щукин [Szczukin, 1981, s. 9]. Памятники вельбарской культуры или ее элементы выделяются среди черняховских древностей во всех регионах и на всем протяжении существования последних.

В IV в. вельбарские памятники исчезают повсеместно, не оставив какого-либо следа в культуре славян ранне-средневекового времени.

Вопрос о генезисе вельбарской культуры и этническом составе ее носителей очень сложен. На раннем этапе развития на территории Польши в ней наблюдаются черты, связывающие ее с оксывской культурой. Ряд элементов сближает ее также со Скандинавией и более широким кругом западных и северо-западных культур. В ходе продвижения на восток, в частности на территории Мазовии и Полесья, эта культура смешивается еще с пшеворскими элементами. Последнее хорошо изучено польскими исследователями [Prahistoria..., 1981, s. 143—190]. Очевидно, именно такие разнокультурные, а следовательно, разноэтнические группы западного населения продвигались в Бугско-Днепровское междуречье. Анализ материальной культуры вельбарских племен Воляни и Подолии позволяет достаточно четко выделить в них вельбарские, пшеворские, а на более поздних памятниках и сарматские элементы. Их взаимоотношения под влиянием провин-

* Сообщение о памятнике представлено Б. В. Магомедовым.

циально-римской культуры и отражает своеобразие вельбарских памятников на территории УССР.

Что касается вельбарских древностей второй хронологической группы (Дитиничи — Ромош), то они возникли в период, когда черняховская культура уже существовала. Для этих памятников не характерна гончарная керамика черняховской культуры, а пшеворские элементы проявляются крайне слабо. Учитывая незначительное количество памятников этой группы, их узкое локальное распространение, мы склонны пред-

положить, что второй переселенческий поток вельбарцев не был массовым и не сыграл какой-либо существенной роли в истории племен Лесостепного Правобережья второй четверти I тыс. н. э.

Большинство советских и зарубежных исследователей, занимающихся изучением вельбарских древностей, называют в числе их носителей готов и другие восточногерманские племена. Очевидно, в состав этой крайне гетерогенной культуры входили и другие этносы, вовлеченные в общий миграционный поток.

III. ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР

1. Пражская культура

Впервые памятники пражской культуры были выделены среди других древностей раннего средневековья Центральной Европы И. Борковским в 40-х годах XX в. под названием «керамика пражского типа» [Borkovski, 1940]. Первые поселения этой культуры на территории Украины (Волинь) были открыты С. С. Гамченко еще на рубеже XIX/XX вв. [Гамченко, 1901, с. 357].

Планомерные исследования памятников пражской культуры как на территории СССР, так и в ряде стран Центральной Европы — Чехословакии, ГДР, Румынии, Польши, Болгарии, начались в 50-х годах. В настоящее время на территории Юго-Восточной и Центральной Европы известно около 500 памятников и местонахождений пражской культуры. Многие памятники подвергались широкому раскопкам: Корчак VII, Корчак IX, Зимнее, Репнев II, Городок, Глубокая, Лука-Каветчинская, Бакота, Кодын I, Шелиги, Могила, Бжезно, Пржитлуки, Дессау-Мозиккау, Серата Монтеору и др. Полностью исследовано большое поселение Рашков III, на котором открыто 92 жилища. Материалы большинства открытых памятников опубликованы и обобщены во многих статьях и монографиях [Кухаренко, 1961; Баран, 1972; Ауліх, 1972; Приходнюк, 1975; Русанова, 1976; Тимошук, 1976; Седов, 1982; Bialekova, 1962; Zeman, 1976; Herrmann, 1968; Donat, 1980, и др.].

Пражская культура занимает территорию от Днепра и Припяти на востоке до Эльбы и Дуная на юго-западе. Крайние пункты по Припяти и Днепру — Хорск, Хильчицы, Петриков, Киев,

Обухов, Мирополь; на Днестре — Рашков и Козлов; на Пруте и Серете — Кодын, Глубокая, Сучава, Серата Монтеору, Беняса, Чурел; на Дунае — Черна, Линц; на Эльбе и Заале — Дрезден, Штецш, Иена-Лобеда, Шартау (рис. 13; 14).

На северо-востоке она граничит с памятниками колочинской культуры, на юго-востоке — с пеньковской и населением кочевников, на юге и юго-западе — с фракийским, романским и германским населением, на западе и северо-западе — германскими и балтскими народами. Следует отметить, что в пограничных зонах пражские памятники нередко перемежаются с памятниками соседних культур, границы пражской культуры здесь очень нечеткие.

Настоящая глава посвящена памятникам пражской культуры, расположенным на территории УССР. Они представлены как поселениями, так и могильниками, но последние исследованы пока слабо. Кроме того, имеются укрепленные — городища.

Поселения, как правило, занимают низкие участки первых надпойменных террас больших рек, их притоков, небольших ручейков и водоемов или возвышенные места в их поймах. Лишь изредка они находятся на открытых местах высоких плато. В большинстве случаев поселения размещены группами на расстоянии 0,5—3 км друг от друга. Они небольшие, размером 0,5—1 га, количество жилищ в среднем 15—20, но известны селища как с меньшим, так и со значительно большим количеством построек. Так, на полностью исследованном В. Д. Бараном поселении Рашков III открыто 92 жилища. Кроме того, на уничтоженном участке поселе-

ния могло располагаться еще семь-восемь построек. Возможно, такое же количество жилищ было уничтожено при обвалах берега Днестра, подмываемого водой. Наблюдается определенная закономерность, указывающая на то, что в северных полесских районах Волыни поселения пражской культуры были в основном небольшими, в то время как на Днестре существовали селища значительных размеров, вмещавшие до ста и более построек. На поселениях они располагались большими нерегулярными группами. Изредка, особенно на позднем этапе культуры, кроме групповых жилищных построек выделяются и единичные. Групповое расположение жилищ четко прослеживается на поселениях Рашков III, Лука-Каветчинская, Бакота, Демьянов, Кодын I и др. Между группами жилищ имеются хозяйственные ямы, которыми пользовались коллективно большие патриархальные семьи. На Рашковском поселении хозяйственные ямы располагались рядом с определенными жилищами лишь в четырех случаях, что позволяет предположить их непосредственное к ним отношение.

На территории Украины, в междуречье Днепра и Вислы, основным типом жилища была квадратная полуземлянка с ровными стенками, углубленная в землю до 1 м и более, размерами от 5 до 20 м². Землянки имели столбовую (Кодын I) или срубную (Рашков III) конструкцию стен. Внутреннее устройство отличалось простотой. Пол обычно материковый, иногда подмазанный глиной. На поселении Рашков III в одном из жилищ со следами пожара четко прослежены остатки пола, выложенного деревянными плахами.

В земляном полу кроме ям от столбов, связанных с конструкцией самого жилища, имеются небольшие ямки, иногда заполненные обугленным деревом, возможно, от ножек мебели, а также ямки, в которые были поставлены большие сосуды с хозяйственными припасами. В некоторых жилищах вдоль стен открыты прилавки, вырезанные в материке или подсыпанные глиной, со следами облицовки деревом, служившие скамейками или лежанками (Репнев II, Рашков III). Известны жилища, в которых

имеются подпольные ямы, перекрытые на уровне пола, по-видимому, деревянным настилом.

Неотъемлемым атрибутом жилищ были печи, сложенные в подавляющем большинстве из камня. Лишь на нескольких поселениях в верховьях Западного Буга (три поселения у с. Репнева) печи были вырезаны в материковом остане, а их купол сделан из глины. В отдельных жилищах такие печи открыты на нескольких поселениях в Полесье (Подрожье, Городок, Зозов и др.). Вероятно, это объясняется тем, что в близких окрестностях этих поселений не было выходов камня. Глиняные печи на территории Украины становятся основным отопительным сооружением славян в более позднее время.

Печи ставились в одном из углов жилища, преимущественно в северной его части. Но нередко печь располагалась и в южной части полуземлянки. На поселении Рашков III 58 печей-каменок находились в северной части полуземлянки и 33 — в южной. Между печью и материковой стенкой имелось пространство, соответствующее толщине деревянной облицовки. Однако во многих полуземлянках каменные стенки печи плотно прилегали к ее материковым стенам. Внутренние размеры каменных и глинобитных печей, нижняя часть которых вырезана в материковом остане, приблизительно одинаковы — в среднем они составляют 0,4 X 0,6 м, высота доходит до 0,5 м от уровня пола.

Лишь в единичных жилищах вместо печи имелись открытые очаги, иногда сложенные из камня.

Такие же или очень близкие по характеру славянские жилища известны в большинстве регионов распространения пражской культуры. Они открыты на поселениях в междуречье Днестра и Дуная, на территории Словакии, Моравии и Чехии, а также в междуречье Эльбы и Заале.

На территории между Вислой и Одером домостроительство на поселениях пражского типа иное. В этом регионе преобладают жилища овальной удлиненной формы с глиняными или сложенными из камней очагами. Эти очевидные различия в конструкции и интерьере жилищ, несомненно, свидетельствуют

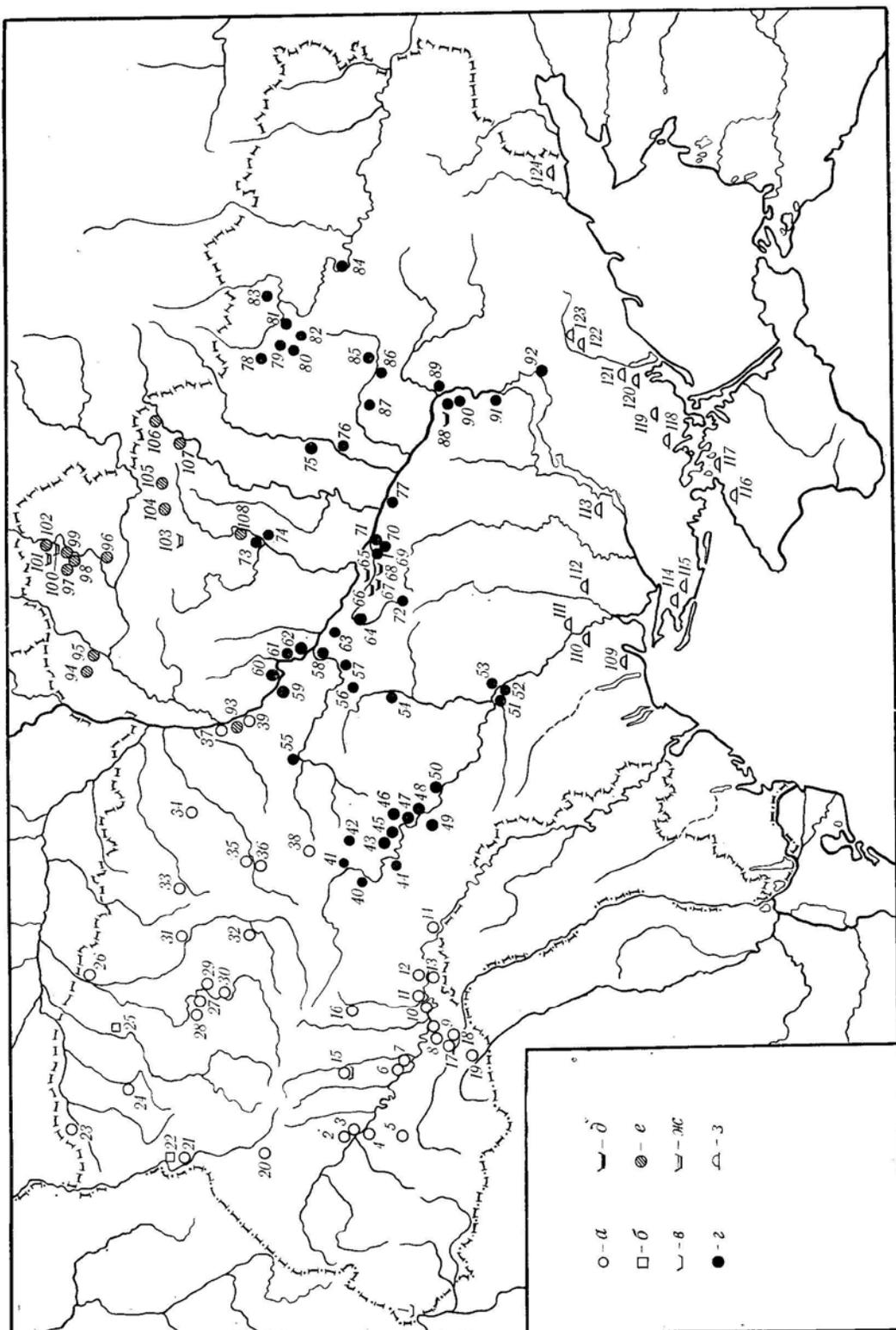

Рис. 13. Основные памятники третьей четверти I тыс. н. э. на территории УССР.

Условные обозначения: а — поселения, б — городища и в — могильники пражской культуры; г — поселения и д — могильники пеньковской культуры; е — поселения и ж — могильники колочинской культуры; з — поселения кочевников VI—VII вв.

Памятники пражской культуры: 1 — Ужгород, 2 — Бовшев I, II, III, 3 — Демьянов I, 4 — Крапос, 5 — Волосов, 6 — Зеленый Гай, 7 — Городница, 8 — Перебавцы, 9 — Рапков II, III, 10 — Кавечина, 11 — Устье, 12 — Баюта, 13 — Студеница, 14 — Козлов, 15 — Звнич I, II, 16 — Городок, 17 — Гореча I, II, 18 — Кодяч, 19 — Глыбокая I, 20 — Репч I, II, III, 21 — Лезница, 22 — Зимнее, 23 — Красти, 24 — Подожье, 25 — Бабка, 26 — Дибинко, 27 — Зозов, 28 — Городок I, 29 — Колесники I, 30 — Курчаны, 31 — Курчица, 32 — Глубочка, 33 — Рудня, 34 — Ризня, 35 — Корчак, 36 — Тетеревка, 37 — Киев, 38 — Райки, 39 — Обухов II.

Памятники пеньковской культуры: 40 — Якушин, 41 — Пинох, 42 — Глинское, 43 — Самчины, 44 — Семьки, 45 — Кисляк, 46 — Куна, 47 — Дадьяки, 48 — Скубины, 49 — Балашовка, 50 — Гайборон, 51, 52 — Иванька, 53 — Семьновка, 54 — Козубевна, 55 — Белая Церковь, 56 — Вильховчик, 57 — Гута-Михайлов

ская, 58 — Крепцаник, 59 — Гргорова, 60 — Цыбли, 61 — Домантово, 62 — Сушки, 63 — Будяще, 64 — Стецовка, 65—68 — Великая Андрусовка, 69—71 — Ценьковка (Луг I, Луг II, Молочарня), 72 — Белявка, 73 — Хитцы, 74 — Закулье, 75 — Прогресс, 76 — П олузорье, 77 — Деревна, 78 — Липцы, 79 — Сухая Гомольна, 80 — Занки, 81 — Задонцкое, 82 — Таранцево, 83 — Петровское, 84 — Студенок, 85 — Чернеччина, 86 — Богатое, 87 — Осиповка, 88 — Волосское, 89 — Игрень, 90 — Званецкое, 91 — Хортупа, 92 — Скелька.

Памятники колочинской культуры: 93 — Ходосовка, 94 — Рошице, 95 — Ровчак, 96 — Короп, 97 — Зярье, 98 — Левкив Бугор, 99 — Стрелица, 100 — Новгород-Северский, 101 — Смяч, 102 — Делив Бугор, 103 — Аргуховка, 104 — Рыкова Сечь, 105 — Большая Будки, 106 — Груновка, 107 — Курган Азак, 108 — Сечка. Памятники кочевников VI—VII вв.: 109 — Яблоня, 110 — Ковалевка, 111 — Новая Одесса, 112 — Христовоново, 113 — Костополье, 114 — Черноморское, 115 — Бехтеры, 116 — Поргонос, 117 — Рысово, 118 — Сивашовка, 119 — Сивашское, 120 — Родополовна, 121 — Малая Терновка, 122 — Аккермень, 123 — Большой Токмак, 124 — Октябрьское.

об иных, свойственных данному региону традициях. Квадратные жилища с печью-каменной и очень редко глиняной известны лишь на Правобережье Верхней Вислы, где они составляют одну региональную группу с памятниками междуречья Днепра и Вислы. Такие жилища известны еще на отдельных поселениях прибрежной части левого берега Вислы (Могилы), но в глубь Левобережья они не заходят.

На поселениях имеются хозяйственные постройки, но их, как правило, меньше, чем жилищ. В большинстве хозяйственные постройки расположены группами на свободных от жилищ участках. Это ямы, овальные в плане, близкие к округлым, с преимущественно коническим профилем. Встречаются и цилиндрические, с ровными вертикальными стенками или несколько выпуклыми посередине, а также грушевидной формы. Глубина ям колеблется в пределах 1—1,8 м от современной поверхности.

Среди памятников пражской культуры известны и городища. Среди них на территории Украины особое место занимает городище у с. Зимнее Волинской обл., исследованное В. В. Аулихом [Аулих, 1972]. Оно расположено на останце высокого коренного берега р. Луги, правого притока Западного Буга. Мыс длиной 135 и шириной 14 м поднимается над окружающей низменностью на 15—16 м. Городище занимает наивысшую центральную часть мыса. Юго-западный склон городища был укреплен валом и частоколом. Под деревянной стеной с внутренней стороны выявлены ямы от столбов, а между ними — очаги, скопления обожженной глины, множество фрагментов лепной керамики, кости животных, изделия из металла. Все это свидетельствует, что вдоль деревянной стены располагалась длинная деревянная постройка, разделенная на отдельные камеры. Она тянется вдоль всей юго-западной части городища и конструктивно связана с деревянной стеной. Горизонт раннеславянского городища стратиграфически четко отделяется от нижнего, более раннего, слоя с материалами моравской расписной, линейно-ленточной и поморской культур.

Па правом берегу Западного Буга у с. Лезница Волинской обл. близкий

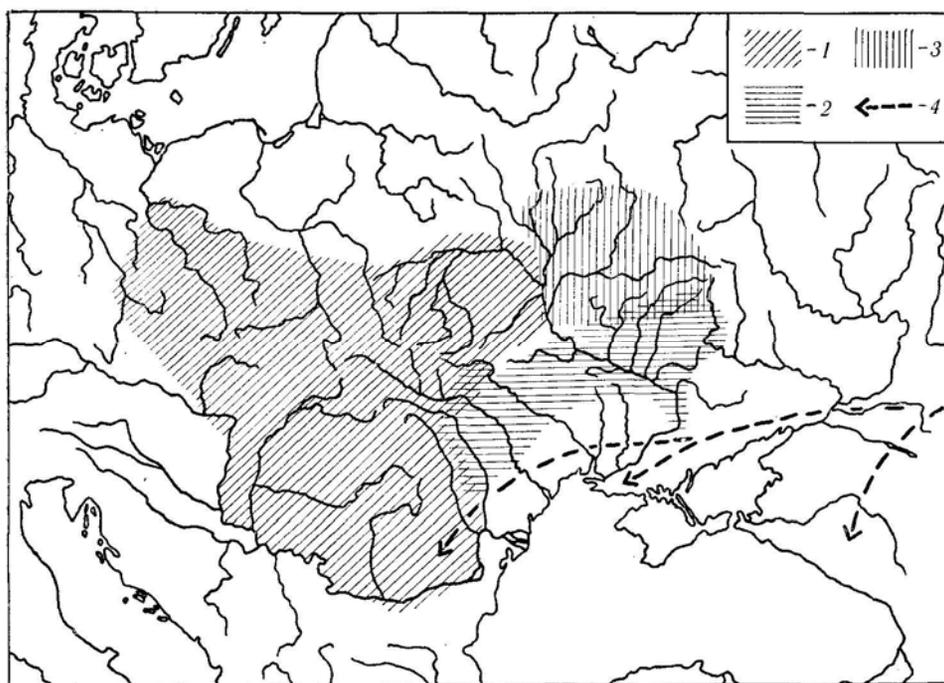

Рис. 14. Ареал археологических культур третьей четверти I тыс. н. э.
Условные обозначения: 1 — пражская, 2 — пеньковская, 3 — колочинская, 4 — направления миграции кочевников VI—VII вв.

по характеру мыс, возвышающийся над долиной на 15—20 м, занимало раннеславянское поселение. Собраный подземный материал, в частности лепная керамика VII в., свидетельствует, что поселение в какой-то мере синхронно Зимневскому городищу. Допустимо, что в процессе раскопок будут выявлены и следы искусственных укреплений.

На территории пражской культуры известны городища у с. Хотомель Брестской обл. [Кухаренко, 1961, с. 22—27], а в Польше — у с. Шелиги Плоцкого воеводства [Szymański, 1967, s. 7]. Эти городища в отличие от Зимнего могут быть датированы не ранее VII—VIII вв., хотя по своему характеру довольно близки к последнему.

Важной категорией памятников пражской культуры, как и любой другой, являются могильники. К сожалению, на территории Украины они исследованы в очень скромных масштабах. Могильники и единичные погребения открыты в Тетеревке и Бабке на Волыни, Звиняче Тернопольской обл., Ужгороде и др. Могильники пражской культуры более широко исследованы в

Румынии и Чехословакии, в частности в Серата Монтеору [Nestor, 1957], Вычепы-Опатовице, Пржитлуки [Budinski-Krička, 1947; Poulík, 1950], в также в ГДР и Польше [Hergmair, 1968; Krüger, 1967; Русанова, 1976].

Количество погребений на могильниках различное: во многих случаях оно не превышает и двух десятков, но имеются и большие поля погребений, насчитывающие сотни (Пржитлуки) и тысячи погребенных (Серата Монтеору — около 2 тыс. погребений).

Наиболее ранние погребения (VI—VII вв.) — грунтовые, без насыпей. Лишь на территории Восточной Волыни известны курганы. Но последние более характерны для VIII—IX вв. Бескурганские могильники расположены вблизи селищ и городищ. Для пражской культуры характерен обряд трупосожжения. Преобладают урновые погребения, но параллельно с ними на одних и тех же могильниках имеются и ямные. Сожжения производились на стороне. Кости, собранные в урны, очищены от погребального костра. Как в урновых, так и в ямных погребениях вещей очень

мало. Иногда встречаются железные ножи, пряжки, оплавленные стеклянные бусины и др. Курганные группы обычно находились на высоких берегах рек вдали от поселений (Мирополь, Корчак, Буда Шиецкая и др.) [Русанова, 1976]. Насыпи невысокие — до 1 м, диаметром 4—10 м. Они обычно округлые, окружены ровиком. Урны с пережженными костями стоят на небольших ритуальных кострищах на уровне древнего горизонта. Безурновые сожжения открыты в насыпи курганов, а также на горизонте и в ямках, вырытых в материке. Эти погребения сопровождаются отдельными сосудами или обломками нескольких разбитых сосудов.

В Городке Хмельницкой обл. открыты следы культового места, возможно, святилища.

Вещественный материал пражской культуры представлен керамикой, изделиями из металла, кости и камня. Керамика лепная, но на отдельных наиболее ранних поселениях, возникших в V в., встречаются серо глиняные гончарные сосуды, характерные для памятников римского времени. Основная форма лепной посуды — горшки, имеются сковороды и единичные миски. Отсутствие столовой керамики, возможно, компенсировалось деревянной посудой, которая не сохранилась. Некоторые сосуды орнаментированы по краю венчика насечками или зигзагом по корпусу, а также валиком с косыми насечками под венчиком или штампом в виде розетки.

На поселениях изделия из металла малочисленны. Наибольшее количество их найдено на городище у с. Зимнее. Это орудия земледелия (наральники, серпы, косы), кузнечные инструменты (наковальня, зубило, молотки), бытовые предметы (ножи, шилья) и оружие (наконечники копий и стрел).

Изделия из цветных металлов представлены фибулами, браслетами, пряжками, бляшками, кольцами и подвесками, костяные изделия — преимущественно проколками; встречались жерновые камни, оселки, стеклянные бусины.

Хронология и периодизация памятников пражской культуры в целом пока разработана недостаточно. Однако ее крайние даты, определенные в пре-

делах V—VII вв., вполне надежны. Они подтверждены находками фибул, браслетов, пряжек и другими четко датируемыми вещами, найденными в жилищах или хорошо стратифицированных слоях, а также типологией керамики (рис. 15).

Нижняя дата пражской культуры на территории Украины определяется жилищными комплексами, в которых сочетается лепная и гончарная сероглиняная посуда, многие формы которой восходят к более ранним культурам римского времени — черняховской и карпатских курганов. Такие поселения открыты в Поднестровье и в верховьях Прута [Баран, 1983]. На указанных поселениях в ряде жилищ с печами-каменками керамика пражского типа сочетается с гончарной черняховской посудой. На ряде поселений (Кодын I, Лука-Каветчинская, Бакота) такие комплексы датируются поздне римскими фибулами не позднее V в. н. э. [Тимошук, 1976; Приходнюк, 1983]. Фибула из Кодына (жилище № 10) аналогична такой же находке из могильника западнобалтийской культуры Осова в северо-восточной Польше, датированной в рамках середины IV — первой половины V в. [Русанова, 1976, с. 23, 25, рис. 11, 5]. Аналогичные фибулы известны и из восточнолитовских курганов Немана [Гуревич, 1962, с. 67, рис. 54, 2, 8]. Фибула из Луки-Каветчинской найдена в полуземлянке № 27 с печью-каменкой, датированной археомагнитным методом концом V в. н. э. [Приходнюк, 1983]. По стилистическим и конструктивным особенностям она является переходной от черняховских подвзванных к византийским со сплошным приемником. О. М. Приходнюк датирует ее второй половиной V — началом VI в. н. э. [Приходнюк, 1983]. Этим же временем она датируется и другими исследователями. Еще более ранней является крупная железная фибула с широкой прямоугольной в сечении спинкой из жилища № 65 на поселении Бакота. На этом поселении кроме жилищ пражской культуры имеется Черняховский слой. Однако жилище № 65 представляет собой подквадратную полуземлянку с печкой-каменкой, более характерную для славян раннего средневековья. Это под-

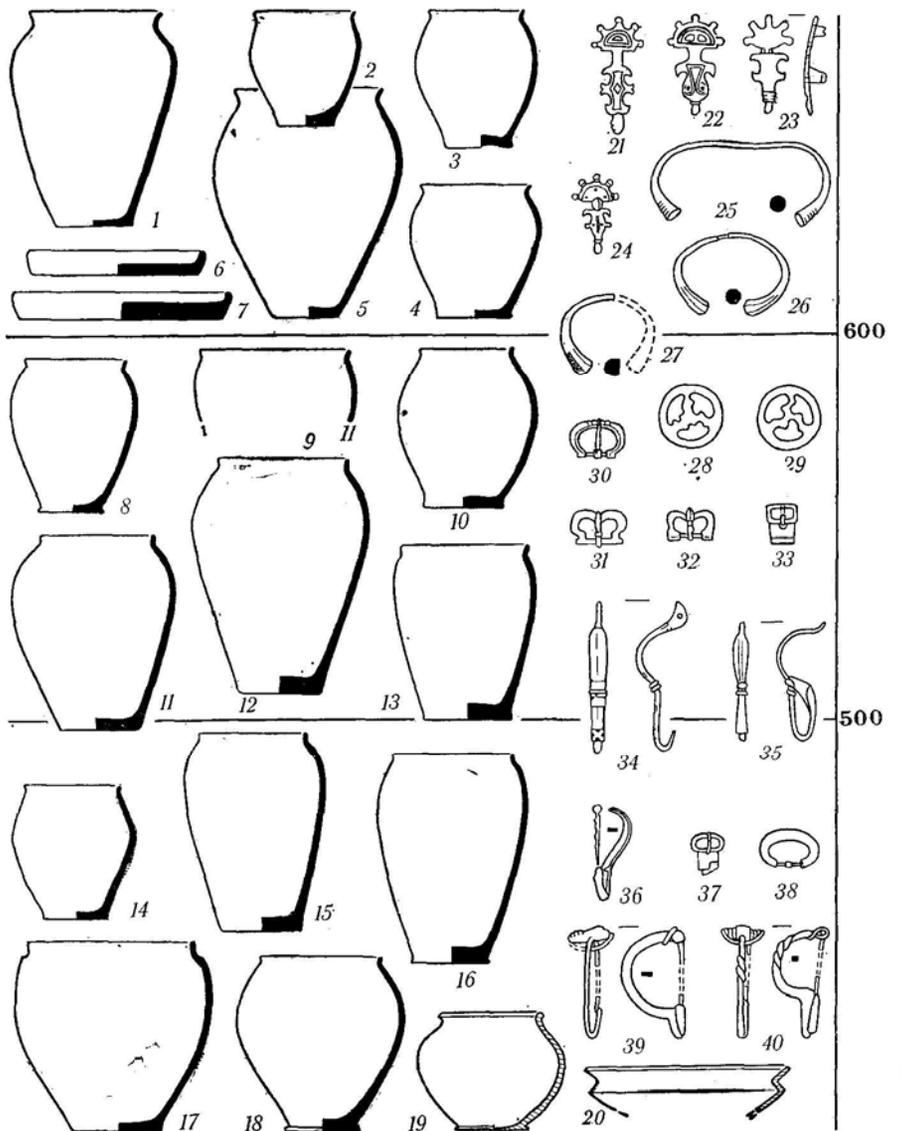

Рис. 15. Пражская культура. Основные этапы развития:

1, 6—8, 11, 13—16, 18, 20, 24, 27, 28—Рашков III; 2—4, 12, 17—Репнев II; 5—Звняч; 9—Корчак IX, 19—Устье; 21—Демьянов I; 23—Черновка I; 22, 35—Горошова; 25, 26, 20—33, 37, 38—Зимнее; 34—Лука-Каветчинская, 36—Бакота; 10, 39, 40—Кодын I.

тверждает и комплекс керамики, в котором сочетается гончарная посуда с лепной пражских форм. А. К. Амброз датирует такие фибулы концом IV — началом V в. н. э. [Амброз, 1966, с. 66], так же датирует их И. С. Винокур. Эталонным памятником для датировки пражской культуры является городище у с. Зимнее на Западной Вольни, которое наиболее полно представлено датированными находками на территории Украи-

ны: 33 серебряные, бронзовые и железные пряжки, 16 серебряных и бронзовых браслетов, 8 бляшек поясного набора, 5 перстней, в том числе один с камнем, подвески, спирали, железные стрелы и другие предметы вооружения. Все они, а также византийская медная позолоченная монета (Юстина или Юстиниана — установить более точно не удалось) найдены в горелом слое городища при расчистке остатков большой

деревянной постройки, расположенной вдоль укреплений по краю городища. Там же найдено около 20 тыс. фрагментов лепной керамики пражского типа. Лишь четыре сосуда были орнаментированы — нарезы по краю венчика, валик под венчиком с косыми насечками, Х-видные насечки и насечки типа елки [Аулих, 1972, с. 30—86]. На городище полностью отсутствует посуда с пальцевыми вдавлениями, характерная для славянских памятников VIII—IX вв.

Автор исследований городища В. В. Аулих на основании четко датированных аналогов, преимущественно из закрытых комплексов из Подунавья, Прибалтики, Поднепровья, Крыма, а также более отдаленных европейских находок датирует его VI — первой половиной VII в. [Аулих, 1972, с. 89].

Наиболее ранней находкой является овальная пряжка, аналоги которой известны в позднечерняховских комплексах конца IV — начала V в. (Малаештский, Гавриловский могильники и др.) [Федоров, 1960, с. 282—294] и в памятниках аламанов в Вюртемберге, датированных второй половиной V—VI в. [Veeck, 1931, S. 64-65, tab. 50A, 20].

Большинство находок — пряжки, браслеты, бляшки поясного набора — датируются VII в., захватывая VI в. [Рыбаков, 1953, с. 78; Fettich, 1937, s. 129; Амброз, 1971, с. 113].

Датирующие находки из Зимневского городища коррелируются с типами лепной посуды, которые не выходят за рамки VII в.

Позднюю дату пражской культуры, как и раннюю, подтверждают материалы поселения Рашков III. На этом поселении в одном из жилищ (№ 76) выявлена бронзовая пятипальчатая фибула. Пальчатые фибулы известны также из поселений пражской культуры в Демьянове [Баран, 1972, рис. 8; 9], Горошовой [Баран, Пачкова, 1975, рис. 8], Черновке I [Тимошук, Русанова, Михайлина, 1981, рис. 7]. А. К. Амброз и И. Вернер такие фибулы датируют не ранее середины VII в. н. э. [Амброз, 1970, с. 74; Werner, 1950]. Первой половиной VII в. или концом VI—первой половиной VII в. можно датировать бронзовый браслет и миниатюрную пряжку из Рашкова III [Uenze, 1966,

S. 142-146, ill. 31; Амброз, 1971, с. 113]. На Рашковском поселении девять жилищ имеют позднюю археомагнитную датировку. Из них № 31 датируется началом VII в., № 22, 23 — серединой VII, № 26 — второй половиной VII и № 34, 39-42 — концом VII в. Посуда в них представлена третьим — пятым типом лепных сосудов, по классификации автора. Датировка этих опорных памятников, несомненно, определяет время существования всех древностей пражской культуры на территории Украины. Этот вывод вытекает из близости типов и вариантов лепных сосудов на памятниках пражской культуры и их количественных сочетаний в жилищных комплексах.

В. Д. Барач, И. П. Русанова и Б. А. Тимошук разделяют памятники пражской культуры на три хронологических этапа. Ранний этап определяется комплексами с преобладанием ранних форм лепной посуды, часто в сочетании с гончарной сероглиняной керамикой. Их датировка — вторая половина V в. — подтверждается стратиграфией и планиграфией, находками фибул в Кодыне (жилище № 10), Луке-Каветчиной (жилище № 27), Бакоте (жилище № 65), а в Рашкове — археомагнитными датировками (жилища № 29, 35, 44 и др.). Третий хронологический этап датируется VII в. В комплексах жилищ третьего этапа не встречается гончарная керамика, преобладают поздние формы лепных сосудов с хорошо развитым высоким и отогнутым венчиком, сковородки с высокими бортиками. Некоторые из них датируются бронзовыми пальчатыми фибулами VII в. или археомагнитным методом. Второй этап, исходя из датировки I и II этапов, относится к VI в.

Локальные варианты в пражской культуре определены пока не очень четко. По характеру керамики выделяются памятники типа Корчак на территории Вольни, днестровско-прикарпатские, включая Словакию и Моравию, между речья Одры — Эльбы и Заале. По характеру жилищ выделяется регион в междуречье Вислы и Одера.

В Поднепровье и верховье Прута открыты датированные фибулами поселения, относящиеся к V в. н. э. В дру-

гах регионах, в том числе и в Повисленье, они пока неизвестны. Памятники пражской культуры за пределами Прутско-Днестровского региона датируются не ранее VI в. Датировка их более ранним временем на территории Польши и Словакии базируется на типологии керамики и еще требует обоснования.

Определение региона наиболее ранних пражских памятников имеет принципиальное значение для выяснения территории ее сложения. В настоящее время существует несколько направлений в поисках истоков пражской культуры. Одна группа исследователей, отдавая предпочтение социально-экономической модели, видит ее подоснову на северо-востоке, в верховьях Днепра, в районе распространения памятников киевской культуры III—V вв. [Третьяков, 1970; Даниленко, 1976; Вернер, 1972], другие, исходя из морфологических признаков самой материальной культуры, главным образом из близости или идентичности определенных форм керамики и погребального обряда, связывают памятники пражской культуры с пшеворскими древностями [Русанова, 1976; Седов, 1979, с. 101-133].

Соответственно исследователи первой группы отрицают участие в сложении пражской культуры населения черняховской и пшеворской культур, связывая их с германцами, а второй — носителей киевской культуры, считая их балтами. В. В. Седов и И. П. Русанова соотносят с балтами и более поздние памятники V—VII вв. Верхнего Поднепровья типа Колочина. П. Н. Третьяков не исключал возможности присутствия в пшеворской или черняховской культуре славянских элементов и их участия в процессах формирования славянских раннесредневековых древностей, но отводил им очень незначительное место. Б. А. Рыбаков, сопоставляя территорию сложения памятников пражского типа и более ранних культур в междуречье Днепра и Одра, пришел к выводу, что памятники зарубинецкой, пшеворской и черняховской культур, а также ряд более ранних, связанных с ними типологически, принимали участие в процессах, приведших к сложению славянских древностей раннего средневековья [Рыбаков, 1981].

Значительное внимание вопросам сложения раннеславянских культур раннего средневековья уделяет автор настоящего раздела. Он считает, что пражская культура сложилась на основании синтеза нескольких культур римского времени междуречья Днепра, Днестра и верхней Вислы. В ее сложении приняли участие правобережная часть населения, оставившего памятники киевской культуры, и определенные группы славянского населения черняховской культуры Поднестровья [Баран, 1978, с. 5—33]. Эта точка зрения учитывает как социально-экономическую структуру славянского общества раннего средневековья, так и морфологические признаки пражской культуры. Она подтверждается новыми открытиями на территории Украины — с одной стороны, славянских памятников с четко датируемыми фибулами V в. н. э., о чем говорилось выше, с другой — поселений черняховской культуры (Черепин, Сокол, Теремцы, Бакота, Рогозна), на которых выявлены типичные для славян четырехугольные жилища с печами-каменками, также датирующиеся фибулами конца IV — V в. н. э. В отличие от раннесредневековых поселений, в которых объекты V в. определяют начало их становления, последние представляют завершающий этап существования той славянской части Черняховских селищ, которые доживают до V в. н. э. Все вместе они представляют славянские древности V в., являющиеся еще недавно отсутствующим звеном, которое связывает типологически пражские древности с культурами римского времени. Их сравнительное изучение показало, что погребальный обряд славянского населения V — VI вв. (трупосожжение в урне или яме), жилищное строительство (подквадратные полуземлянки с печами-каменками), ряд других категорий материальной культуры (формы лепной и гончарной керамики, фибулы, пряжки, браслеты и др.) на территории Правобережной Украины восходят к памятникам черняховской и киевской культур. В социально-экономическом развитии населения пражской культуры стоит ближе к социальной структуре киевской культуры, чем пшеворской и черняховской.

Славянские памятники VI—VII вв. на территории между Вислой и Одером при наличии единства погребального обряда и многих общих черт в керамике со славянскими древностями пражского типа междуречья Днестра и Днепра уже на самом раннем этапе имели свои отличия в домостроительстве (неправильные или овальные узкие ямы с очагом или без него при отсутствии печей), которые сохранялись долгое время, и лишь в VII—VIII вв. наряду с неправильными появились квадратные полуземлянки с печкой-каменкой или глинобитной печкой. Такие памятники представляют собой отдельную локальную группу, восходящую к пшеворским древностям Юго-Восточной Польши. Это обстоятельство приводит к принципиально важному выводу о самостоятельном развитии данной группы памятников независимо от продвижения на запад славянского населения из междуречья Днепра и Верхней Вислы, и наоборот. Ни верхнеднепровские памятники киевской культуры, ни пшеворские сами по себе не могли стать основой славянской раннесредневековой культуры. Попытки показать расселение уже полностью сложившейся раннесредневековой пражской культуры на запад, в междуречье Вислы и Одры, или на восток, в междуречье Вислы и Днепра, не подтверждаются археологически. В Среднее и Верхнее Подунавье, а оттуда в междуречье Одры, Эльбы и Заале памятники пражской культуры распространились в процессе расселения славянского населения Юго-Восточной Европы — междуречья Днепра, Днестра и верхней Вислы, где найдены наиболее ранние, датированные фибулами, пражские комплексы V в. н. э.

Сложению славянской культуры раннего средневековья предшествовали глубокие и сложные этнокультурные и социально-экономические процессы, втянувшие в свой круг, кроме памятников второй четверти I тыс. н. э. Верхнего Поднепровья (киевская культура), определенные группы Черняховской и пшеворской культур, а также другие культурные группы, в римское время не связанные со славянами.

В своем дальнейшем развитии пражская культура на территории между

Днепром и Верхней Вислой становится основой восточнославянских древностей VIII—X вв. — этапа Луки-Райковецкой, а на территории Средней Европы — древностей многих культурно-племенных групп западного славянства.

2. Пеньковская культура

Пеньковские памятники были открыты в середине 50-х годов в Потясминье [Березовец, 1963, с. 145—208; Петров, 1963, с. 209—233], позднее они стали объектом пристального внимания со стороны археологов-славистов. Начались интенсивные полевые работы по их исследованию в Среднем Поднепровье [Приходнюк, 1980], на территории Днепровского лесостепного Левобережья, [Горюнов, 1981], в Южном Побужье [Хавлюк, 1963; 1974], в Прутско-Днепровском междуречье [Рафалович, 1972]. Раннесредневековые памятники с пеньковскими чертами известны в Карпато-Дунайских землях на территории Румынии [Teodor, 1978] и в междуречье верховий Южного Буга и Среднего Поднепровья [Приходнюк, 1975].

В результате полевых и теоретических изысканий сформировались две основные точки зрения на пеньковский археологический комплекс. Одни исследователи вслед за Д. Т. Березовцом рассматривают его как звенья единого эволюционного развития культуры второй половины I тыс. н. э., включающие как ранние памятники с лепным керамическим набором, так и поздние — с посудой, сформованной на медленном круге [Рутковская, 1974, с. 32—39; Сміленко, 1975, с. 71—103]. Другие склонны считать пеньковскими только древности третьей четверти I тыс. н. э. с характерным лепным керамическим набором [Третьяков, 1966, с. 244—247; Седов, 1975, с. 19—28. Приходнюк, 1980, с. 11—112; Горюнов, 1981, с. 48—82].

Пеньковскую культуру связывают с антами письменных источников [Седов, 1982, с. 19—28]. М. И. Артамонов считал, что она была оставлена болгарамикутригурами [Артамонов, 1969, с. 7—8]. Как разнородный конгломерат рассматривает пеньковские древности И. П. Русанова [Русанова, 1976, с. 85—1123].

В результате многолетних работ в настоящее время более или менее четко очерчен ареал пеньковских древностей. Картографированием памятников установлено, что эта культура охватывает довольно обширную территорию лесостепного пограничья от Северского Донца на востоке до Нижнего Подунавья на западе.

По имеющимся данным, северную границу пеньковской культуры определяют поселения Хитцы в среднем течении Суды, Писаревщина в среднем течении Пела, Григоровка и Цибли в Среднем Поднепровье, Белая Церковь в верховьях Роси, Войтовцы, Гордиевка, Лука, Никифоровцы и другие селища возле г. Винницы в поречье Южного Буга; поселение Хуча в Молдавии и Ботошана в Румынии. С запада пеньковский массив примыкал к северным отрогам Румынских Карпат. В северном направлении, от верховий Прута до Правобережного Поднепровья, пеньковский ареал соприкасался с пражско-корчакской культурой, а далее на Левобережье Днепра — с памятниками колочинского типа.

Южная граница пеньковских древностей определяется селищами Задонецкое на Харьковщине, Богатое, Чернечина, Осиповка в Поорелье, Игрень-Подкова на Левобережье Днепра, откуда поселения спускаются по обоим берегам Днепра в район Надпорожья, где известны такие пеньковские памятники, как Волосское, Сурская Забора, Диброва, Запорожец, Хортица и др. Дал е на запад, в междуречье Днепра и Южного Буга, наиболее южные памятники — поселения Ивановка и Семеновка, поселение Ханска II в междуречье Днестра и Прута. В районах, непосредственно примыкающих к Дунаю, наиболее южным памятником с чертами пеньковской культуры является поселение Диногегия, где исследована пеньковская полуземлянка (см. рис. 13; 14).

Таким образом, пространство, которое занимала пеньковская культура, охватывает территорию, включающую Лесостепь и Степь, граница между которыми проходит по линии Котовск, КирОВОград, Кременчуг, Полтава, Харьков.

Сейчас известно более 300 пеньковских памятников. Наиболее распространены сельские поселения, занимавшие низкие участки первых надпойменных террас водоемов. Рядом находились легкие для обработки земли, пойменные луга, болота. Для поселений характерно расположение группами (по 5—7) на расстоянии 3—5 км друг от друга.

Культурный слой на селищах незначительный, лишь в отдельных случаях его мощность достигает 0,2—0,4 м. Площадь селищ в основном составляет 1,5 га, не превышая 2—3 га. На такой территории насчитывается не более 30 жилищ с подсобными постройками. Можно констатировать преобладание бессистемно расположенных жилищ, удаленных на 15—40 м друг от друга. Часто рядом с жилищами располагаются хозяйственные ямы и постройки хозяйственного назначения. В Будищах 19 хозяйственных ям концентрировались компактной группой и вместе с постройками хозяйственного назначения составляли хозяйственную юго-восточную периферию селища. Большой компактной группой располагались ямы на поселении Хитцы. Не все домохозяйства на пеньковских поселениях функционировали одновременно. На основании раннесредневековых славянских материалов мы пришли к заключению, что на большинстве поселений одновременно существовало 10—15 домохозяйств.

Стационарными раскопками исследовано около 150 пеньковских домов. Анализ полученного материала убеждает, что основным типом жилища в это время была четырехугольная полуземлянка площадью около 16 м². В некоторых котлованах прослежены входы в виде выступавших за периметр прямых шириной до 1 м. Для раннего пеньковского домостроительства типичны очаги открытого типа. Позднее на Правобережье Днепра вплоть до Подунавья получили распространение печи-каменки. Печи стояли в одном из углов, очаги располагались без определенной системы. Из других элементов внутреннего устройства жилищ встречаются припечные и хозяйственные ямы. По конструктивным особенностям стен полуземлянки делятся на каркасные и срубные. Постройки хозяйственного назначе-

ния и хозяйственные ямы располагались вблизи от жилищ (Ко-чубеевка, Сушки, Хуча и др.) либо концентрировались компактными группами (Будище, Хитцы). Хозяйственные постройки имели четырехугольные очертания с углубленной в грунт основной площадью до 30 м². Они использовались как амбары или как производственные мастерские. Для хранения припасов служили хозяйственные ямы. Чаще всего встречаются овальные в плане углубления с суженными к дну или цилиндрическими стенками или колоколовидные в вертикальном разрезе. Известны ямы глубиной от 0,4 до 1,8 м при диаметре 0,5—2 м. На поселениях встречались очаги и печи за пределами сооружений, использовавшиеся в летнее время как кухни.

Кроме поселений открытого типа в пеньковской культуре известны укрепленные городища. Прежде всего, пеньковский керамический материал имеется на Пастырском городище. Городище-убежище в Будищах расположено на одной из господствующих вершин Мошногогорья, возле пеньковского поселения Шриходнюк, 1979, с. 95, рис. 7, 17. Особый интерес вызывает городище возле с. Селиште в Молдавии, которое за археологические сезоны 1968—1973 гг. исследовано почти на всей площади [Рафалович, Лопушнян, 1974, с. 104—140]. Оно находится на мысу при впадении ручья Ватич в р. Реут, занимая возвышенный участок мыса размерами 130 X 60 м, отделенный с трех сторон крутыми обрывами, а с напольной южной стороны — оборонительной стеной и глубоким естественным каньоном.

Среди пеньковских древностей особо следует выделить Гайворонский металлургический центр, куда входят 21 сыродутный горн и 4 агломерационные печи [Бідзіля, 1963, с. 123—144]. Отдельную группу древностей составляют погребальные памятники.

Для основной территории распространения пеньковской, как и раннесредневековых славянских культур, характерен погребальный обряд кремации на стороне с последующим помещением кальцинированных костей в неглубоких цилиндрических ямках диаметром 0,4—0,6 м и глубиной 0,3—0,5 м от современной поверхности. Встречаются урновые

и ямные могилы, в которых встречаются ритуальные горшки, бусы, подвески, серьги, фибулы и т. д. Погребения с обрядом кремации обнаружены возле сел Большая Андрусовка — в Среднем Поднепровье; Васильевка, Волосское, Запорожец — на о-ве Сурском; в устье р. Вороной — в Надпорожье; в Селиште и Ханске III — в Молдавии.

Возле Селиште в Молдавии и Алексеевки в Надпорожье найдено несколько скелетов с металлическими украшениями пеньковского типа. Учитывая то обстоятельство, что Надпорожье и Молдавия были территориями стыков славян со степным населением, вполне возможно, что последние восприняли черты материальной культуры пеньковского населения, сохранив свой погребальный обряд — наиболее консервативную черту, связанную с идеологическими представлениями о потустороннем мире.

При раскопках пеньковских памятников встречаются изделия из железа. Это наральники из Селишт и Любимовской Заборы, мотыжки из Чернечины, Тягонской Заборы и Таранцево, серпы из Кочубеевки, Вельска, Зеленьки и Ханска II, наконечники копий и стрел из Сурской Заборы, Луги I, Чернечины, Селишт, Старого Орхея, Семенков и т. д. По сравнению с другими славянскими культурами здесь часто встречаются изделия из цветных металлов и серебра. В Молочарне, Сурской Заборе, Звонецком, Семенках, Данчанах, Майорке, Вельске, Протопоповке, Таранцево и Дежках найдены пальчатые и зооантропоморфные фибулы, в Куне, Звонецком, Ханске II, в балке Осоковке и Сурской Заборе — цельнолитые дунайского типа и двухчленные подвзанные фибулы. Повсеместно попадают при раскопках подвески, серьги, пронози, поясные накладки, а также железные ножи с плоским черенком, глиняные жерновидные, биконические и округлые прясла и т. д.

Однако наиболее массовым археологическим материалом, встречающимся при раскопках памятников пеньковской культуры, является керамика — лепная с примесью дресвы, шамота, песка, слюды в тесте. Наиболее распространенны биконические и округлобокие горш-

ки, миски, сковороды и т. д. На ранних памятниках встречаются фрагменты гончарной посуды Черняховского облика, а на более поздних — гончарная пастырская и канцерская посуда.

Сравнительно недавно из-за малоизвестных древностей третьей четверти I тыс. н. э. трудно было увязать клады типа Мартыновки с определенным кругом памятников. Впервые днепровские клады VI—VII вв. н. э. интерпретировал А. А. Спицын, определяя их как древности антов [Спицын, 1928, с. 492—495].

Клады третьей четверти I тыс. н. э. делятся на Харьковско-Курские (Козиевский, Новоодесский, Новосуджанский, Колосковский, Цышляевский) и Поросские (Мартыновский, Малоржавецкий, Вильховчикский), они близки между собой по вещевому комплексу, куда входят поясные гарнитуры, пальчатые фибулы и другие категории женских украшений. О связи кладов мартыновского типа с пеньковской культурой прямо свидетельствует клад из Вильховчика, найденный на территории пеньковского поселения.

Вместе с тем «область пальчатых фибул и других вещей VI—VII вв., выделенных А. А. Спицыным, настолько совпадает с Приднепровской Русью, — считает Б. А. Рыбаков, — что спицынские «древности антов» следует переименовать в «древности русов», признавая, что Русь — часть антов» [Рыбаков, 1953, с. 42].

При определении относительной хронологии пеньковской культуры важное место принадлежит стратиграфии многослойных поселений, таких, как Беляевка, Завадовка, Хитцы, Семенки и др. Так, на селищах с черняховским и пеньковским слоями из Беляевки и Завадовки известны случаи перерезания Черняховских жилищ пеньковскими полуземлянками, а в Семенках и Хитцах пеньковские жилища перекрывались объектами сахновского этапа [Бидзиля, Недопако, Воляник, 1979, с. 4—8; Приходнюк, 1980, с. 3—6; Хавлюк, 1974, с. 196—197; Горюнов, 1981, с. 122]. Эти факты свидетельствуют в пользу существования пеньковской культуры между черняховскими и сахновскими древностями. О том, что она

не была кратковременным явлением, говорят факты перерезания одних пеньковских объектов другими, что прослежено в Вильховчике, Хитцах и в других местах [Приходнюк, 1980, с. 22, рис. 4; Горюнов, 1981, с. 116—117].

Успехи полевой археологии позволяют ставить вопрос о выделении двух хронологических фаз пеньковской культуры. Отличительной особенностью первой является наличие в полуземлянках очагов. В заполнениях таких жилищ присутствует керамический материал с чертами архаичности. От более поздних комплексов он отличается наличием серой гончарной керамики черняховского облика и лепных горшков с загнутым внутрь краем. В ранних объектах попадаются сосуды ручной лепки со сглаженной или даже подлощенной поверхностью, на корпусе встречаются налесты в виде полумесяцев и шишечек. Характерной особенностью ранних комплексов являются диски с небольшой закраиной или без нее (рис. 16, 13, 16).

Вторая фаза, сохраняя облик материальной культуры предшествующего этапа, несколько видоизменяется в деталях археологических комплексов. Почти повсеместно произошла замена очагов на печи. Не встречаются подлощенные экземпляры посуды, полумесяцы и шишечки на корпусе. Биконические горшки потеряли стройность пропорций, появляются изделия с широким корпусом и округленным ребром. Совершенно отсутствуют во второй фазе гончарные Черняховские черепки и горшки с загнутым внутрь краем. Диски заменяются сковородами. Во второй фазе пеньковской культуры встречаются обломки кувшинов канцерского и шаровидной посуды пастырского типа (рис. 16, 1-12).

Первую фазу пеньковской культуры можно отнести к середине I тыс. н. э. По европейским аналогам V в. датируется серебряная массивная пряжка из погребения № 4 на потясминском могильнике Андрусовка III [Böhme, 1974, S. 81, tab. 79, 13] (рис. 16, 28), где обнаружена раннепеньковская биконическая и цилиндрико-коническая керамика. Большие железные арбалетные двухчленные фибулы, найденные на пеньков-

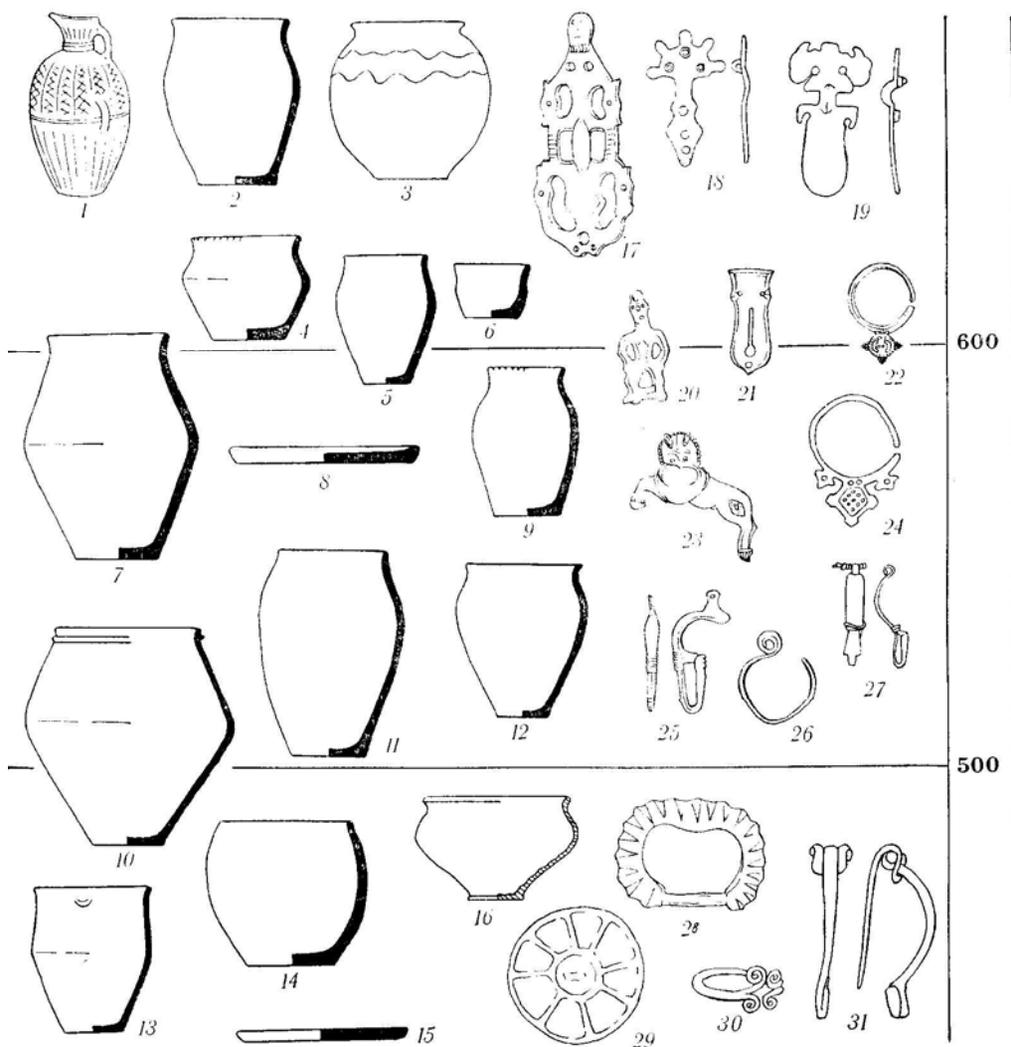

Рис. 16. Пеньковская культура. Основные этапы развития:

1, 8—Будище; 2—Хуча; 3, 7, 9, 11, 25, 29—Ханска II; 4, 18, 27—Волоское (Сурская Забора); 5, 6, 12, 23, 24, 26—Семенки; 10, 15, 16—Кочубеевка (реконструкция); 13—Хитцы; 14—Завадовка; 17, 28—Великая Андрусовка; 19—Пеньковка (Молочарня); 20—Требушены; 21—Майорка; 22—Гайворон; 30—Сушки; 31—Куня.

ских поселениях Куня, над Звонецким порогом и на балке Осокорогка, датируются IV—V вв. [Svoboda, 195, s. 229, tab. XXIV, 1] (рис. 16, 31). По аналогам из Чми — Бригеттио [Werner, 1956, S. 18, fig. 3] V в. н. э. датируется бронзовое зеркало из пеньковского поселения Ханска II. Зеркало представляет собой круглый диск, с тыльной стороны которого имеется солярный знак, а в центре видны следы ушка (рис. 16, 29). К концу V в. н.э. относится перстень с завитыми концами из Сугаков [Tejral, 1982, S. 90, tab. 28, 5] (рис. 16, 50).

Для датировки второй фазы пеньковской культуры также имеется необходимый материал. Ее нижний хронологический рубеж на основании цельнолитых и пластинчатых фибул из Сурской Заборы, Звонецкого, Ханска II относится к началу VI в. н. э. [Горюнов, Казанский, 1979, с. 28—29] (рис. 16, 25, 27). Вплоть до второй половины VII в. н. э. датируются пальчатые фибулы из Сурской Заборы, Звонецкого, Ханска II, Селишт и т. д. [Амброз, 1971, с. 116—122] (рис. 16, 18). Известен еще целый ряд находок, хронология которых

вписывается в VI—VII вв. Это зооморфные и зоантропоморфные фибулы (рис. 16, 17, 19), предметы поясных наборов мартыновского типа, браслеты с расширенными концами и т. д.

Таким образом, пеньковская культура в целом датируется V—VII вв. н. э., причем первая ее фаза относится к первой половине или к середине V в., а вторая — к началу VI — середине или второй половине VII в. н. э.

Несмотря на обширную территорию распространения, в среде пеньковских древностей четко прослеживается общность определяющих черт, которые вместе с культурно-специфическими признаками выделяют их среди синхронных культур. Вместе с тем в период раннего средневековья проходили процессы культурной интеграции и консолидации различных этнокультурных массивов, что вместе с некоторыми другими факторами привело к формированию локальных отличий внутри единого культурного массива. Это подтверждается наличием локальных признаков в пеньковской среде.

В настоящее время можно выделить четыре основных локальных варианта пеньковской культуры развитого этапа. Это зона Днепрового лесостепного Левобережья, Правобережья Среднего Днестра и Южного Побужья, Днепро-Полтавского Надпорожья и Поорелья, Прутско-Днестровского междуречья. Кроме того, наметились две инфильтрационные зоны пеньковской культуры, расположенные в Карпато-Дунайских землях и в междуречье верховий Южного Буга и Среднего Днестра.

Корреляцией локальных признаков, характеризующих отдельные регионы пеньковских древностей, установлено, что большинство из них возникло благодаря влияниям со стороны смежных синхронных культур, естественно географической среде и некоторым другим факторам. Обратимся к форме и размерам жилищ. Если для территории к западу от Днестра наиболее характерны подквадратные полуземлянки площадью 10—20 м², а прямоугольные котлованы площадью более 20 м² встречаются в исключительных случаях (4,3 %), то на Левобережье встречаются чаще большие постройки (21,5 %), а в Надпо-

рожье — прямоугольные жилища (50 %).

Для ранних пеньковских жилищ на всех территориях распространения типичными были очаги открытого типа. Позднее под влиянием пражско-корчакских древностей к западу от Днестра массовое распространение получили печи-каменки. В то же время на Левобережье Днестра они встречаются редко (21,4 %). Преобладание очагов и жилищ прямоугольных очертаний (85,7 %) в Надпорожье, изобилующем камнем, можно объяснить кочевническими влияниями.

Материалы Надпорожья и Поорелья фиксируют и более прямые контакты славянских племен с кочевниками. Речь идет о юртообразных полуземлянках овальных очертаний из Иосиповки, Чернечины, Богатого и о домах на каменных цоколях из Майорки и Игрени (24 %). В районах, непосредственно примыкавших к степи, иногда встречаются труположения с материалом, характерным для пеньковской культуры (Селиште, Алексеевка). Их появление в пеньковской среде связано с кочевническими влияниями.

На локальных территориях специфические черты прослеживаются и в керамическом материале. Это касается и подготовки глиняной массы к производству. На территориях Левобережья Днестра, Прутско-Днестровского междуречья основной примесью в тесте служит шамот, а на Правобережье Днестра и в Южном Побужье — дресва, песок и слюда. В Надпорожье в равной степени встречаются горшки с примесью шамота, дресвы и песка. В первых двух случаях выбор примесей был определен отсутствием сырьевой базы для изготовления дресвы. Высокий процент керамики с примесью шамота в Надпорожье можно объяснить кочевническими влияниями, для которых шамот и органические примеси в керамическом производстве являлись традиционными.

Внешними влияниями со стороны смежных массивов определено довольно значительное (10—15 %) присутствие атипичных для всего ареала распространения пеньковской культуры отдельных керамических форм и деталей оформления сосудов. Для Левобережья

Днепра такими являются тюльпановидные горшки, наличие которых в пеньковских комплексах объясняется не только смежным расположением пеньковской и колочинской культур, но ж единым корнем их происхождения, как-ким является культура киевского типа. На Правобережье Днепра и в Южном Побужье, в районах, граничащих с пражско-корчакской культурой, в пеньковских комплексах встречается керамика корчакского типа, В Прутско-Днестровском междуречье, где славянские памятники располагаются вблизи культуры Ипотешт — Кындешт — Чурел, с пеньковской керамикой сосуществуют горшки типа Чурел.

Археологическая локализация пеньковской культуры почти полностью совпадает с территорией расселения антов. Анты, по Иордану, «распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину» [Иордан, 1960, с. 72]. Прокопий, современник Иордана, размещает антов на левом берегу Дуная на западе, а на востоке, свидетельствует он, антские жилища располагались к северу от утригур, обитавших на побережье Азовского моря и поречья Дона [Прокопий, 1950, с. 156, 298, 384]. Таким образом, территория распространения, хронология пеньковских древностей и антов письменных источников настолько близки, что позволяют отождествлять их между собой.

Присутствие памятников киевского типа на одних территориях и на стыке с пеньковскими древностями дает новый материал для сопоставления этих культур второй и третьей четверти I тыс. н. э. Такие сопоставления обнаруживают много общих черт между ними. Это топография поселений, жилищное строительство, погребальный обряд, специфические формы керамики и некоторых категорий украшений.

Все поселения киевского типа, как и пеньковские, расположены на краях невысоких террас вблизи воды. Площадь их незначительна — 0,5—1 га. На селищах киевского типа в Козаровичах, Сушках, Роище, Долинском и в других местах раскопаны четырехугольные полуземлянки площадью 12—16 м². Когда жилища были лучшей сохранности, ближе к их центру прослежива-

лись очаги. Такие постройки типичны для раннепеньковского домостроительства. Прослеживается сходство погребальных обрядов этих двух культур. Это кремация умершего на стороне, помещение кальцинированных, перемешанных с остатками коетра костей в неглубоких круглых или овальных ямках, отсутствие внешних признаков над могилами. На пеньковских могильниках имеются и урновые погребения, отсутствующие в культуре киевского типа. Напротив, в погребальных ямах киевского типа, в верхних слоях их заполнений, встречаются следы тризн в виде разбитой посуды и других находок. Несмотря на незначительные отличия в деталях погребального обряда двух культур, вполне очевидно, что общих черт у них больше. Близки, хотя и не идентичны, керамические комплексы киевской и пеньковской культур. Своеобразие пеньковского керамического набора в значительной мере определяют биконические горшки с ребром на середине высоты. Аналогичные формы часто встречаются и в киевской культуре. Особено распространены они среди керамики киевского типа Среднего Поднепровья и Подесенья [Кравченко, Абашина, Гороховский, 1975, с. 64, рис. 33; Терпиловский, 1977, с. 135, рис. 5, 13, 16, 22]. Под венчиками пеньковских сосудов иногда имеется треугольный в сечении налпной валик. Такой же орнамент изредка встречается и на биконических изделиях киевского типа [Максимов, Орлов, 1974, с. 14, рис. 3, б]. Значительный процент пеньковской посуды составляют округлобокие горшки приземистых очертаний. У них четко выражены плечики и шейка, а венчик отогнут наружу. Такие формы широко представлены в киевском керамическом наборе. Хотя и меньше, но присутствуют в обоих керамических наборах горшки стройных пропорций с максимальным расширением на середине высоты. Диаметр дна у них почти равен диаметру венчика. В пеньковской культуре встречаются цилиндро-конические горшки. Поиски их аналогов в предшествующих культурах приводят к киевскому типу. В пеньковском и киевском наборах имеются плоские или с небольшой закраинкой диски. На пеньковских

памятниках встречаются миски самых разнообразных форм и профилировок, цилиндро-конические и округлобокие в культуре киевского типа. Однако большинство таких изделий в пеньковской культуре ближе стоит к лепным черняховским мискам [Русанова, 1976, с. 94, рис. 34]. Среди керамических наборов культуры киевского типа имеются как грубые изделия, так и с тщательно обработанной лощеной поверхностью. Последние почти полностью отсутствуют в пеньковских комплексах, что, по-видимому, объясняется упадком латенских и провинциально-римских традиций в гончарстве второй половины I тыс. н. э.

Исходя из сопоставлений, можно констатировать, что ни в одной из предшествующих культур, кроме киевского типа, нет такого близкого к пеньковскому археологического комплекса. Это касается жилищного строительства, погребального обряда, большинства форм керамики, некоторых категорий украшений (трапециевидные подвески, браслеты с утолщенными концами и т. д.). Трудно надеяться на полное соответствие этих разновременных культур, носители которых жили в различные исторические эпохи. Но близость большинства признаков настолько значительна, что позволяет усматривать в древностях киевского типа главный источник формирования пеньковской культуры.

В отличие от северных ареалов, среднеднепровские древности киевского типа были перекрыты черняховским массивом, что тем не менее не привело к отплыву носителей культуры киевского типа. Очень часто синхронные черняховские и киевские памятники располагаются рядом, в сходных топографических условиях. Не вызывает сомнений, что чересполосное обитание черняховского и киевского населения, иногда на одних и тех же поселениях, привело к взаимопроникновению элементов их культур. Вследствие этого в Киевском Приднепровье появились памятники, керамические наборы которых включали как гончарную черняховскую, так и лепную биконическую и округлобокую лепную керамику киевского типа, которые почти в равной мере выступают

в четырехугольных полуземлянках. Это поселения в Жуковцах, Черепине, Лесках, Ломоватом и в других местах. Именно их Э. А. Симонович и Н. М. Кравченко выделяют в особые черняховские древности Среднеднепровского региона [Симонович, 1973, с. 22; Кравченко, 1979, с. 74—92]. Эта группа Черняховских племен приняла заметное участие в становлении культуры пеньковского типа.

Таким образом, процесс формирования пеньковской культуры проходил в лесостепной полосе Среднего Поднепровья и Левобережья Днестра на базе памятников киевского типа и близких к ним черняховских древностей. В V в. и в последующее время шел интенсивный процесс расселения носителей пеньковской культуры в районы Южного Побужья, Нижнего Поднепровья и Подунавья. По-видимому, там происходили контакты между носителями пеньковской культуры и остатками черняховского населения. Это вносило и поддерживало «черняховскую струю» в пеньковской среде. Подтверждением этому служат археологические материалы. Так, на поселении Ханска III в Молдавии обнаружено захоронение человеческого черепа, сопровождавшееся тремя сосудами ребристых пеньковских форм. Ритуальные захоронения черепов хорошо известны по раскопкам черняховских могильников на территории Прутско-Днестровского междуречья [Рикман, 1975, с. 274—275]. Связи пеньковских древностей с черняховскими прослежены по находкам на раннепеньковских поселениях серолощеной гончарной керамики черняховского облика, лепных горшков с загнутым внутрь краем и т. д.

Последующие славянские древности этапа Сахновки, Луки-Райковецкой и Волицева по облику материальной культуры, при наличии присущих им отличительных черт, обладают признаками, сближающими их с пеньковской культурой. В последней четверти I тыс. н. э. основным типом жилища оставалась четырехугольная полуземлянка с печью-каменкой на территориях к западу от Днестра и глинобитной печью на Левобережье Днестра. Погребальные памятники этапа Сахновки, Луки-Райко-

вещкой и Волынцева представляли собой бескурганые поля погребений с кремациями на стороне и захоронением их остатков в неглубоких ямах и урнах. Иногда встречаются сосуды-приставки. Волынцевские погребения без исключения урновые.

Некоторая общность между пеньковским и последующими древностями намечалась в керамическом материале, хотя формы изделий динамически развивались. В послепеньковское время на Левобережье и Правобережье Днепра продолжают преобладать округлобкие, грубо обработанные горшки, венчик которых сильно отогнут наружу. Более разнообразными становятся пропорции и профилировка этих изделий. По краю венчика имеются пальцевые вмятины. Такие горшки занимают основное положение среди сахновского керамического комплекса и широко бытуют на этапе Волынцева и Луки-Райковецкой. В Луке-Райковецкой на их основе возникают примитивно кружальные сосуды, густо расписанные волнистым и линейным орнаментами. Находят продолжение на сахновском этапе и этапе Луки-Райковецкой цилиндрические горшки. У сковород закрайки вытягиваются до 3—4 см. Вместе с тем заметно уменьшается количество биконических горшков. Однако они не исчезают совсем, а существуют как примесь к основному керамическому набору сахновского этапа.

Если на этапе Сахновки на всех территориях предшествующего пеньковского ареала прослеживается общность материальных признаков, то в последующее время образовались две культурные зоны. Первая — расположенная к западу от Днепра с памятниками типа Луки-Райковецкой и вторая — на территории Днепровского лесостепного Левобережья, где утвердились древности типа Волынцево. В первом случае это объясняется сильными влияниями со стороны культуры Луки-Райковецкой, во втором — какого-то другого археологического массива. По-видимому, пришельцы ассимилировали местное население, воспринявшее культуру более сильных и более многочисленных пришельцев, дополнив ее своими элементами культуры.

3. Колочинская культура

Колочинскую культуру образуют раннесредневековые памятники южной части Верхнего Поднепровья, поречья Десны и Сейма и верховьев Сулы и Пела.

Несмотря на то что сравнительно небольшие по масштабам раскопки 50-х годов дали лишь самые общие представления об облике данной группы памятников, занимаемой ими территории, и хронологии, первые изученные колочинские памятники начали рассматриваться как особая культурная группа [Третьяков, 1966, с. 265—273; Седов, 1970, с. 48—53]. Естественно, что слабая изученность колочинских древностей на всех этапах исследования привела к тому, что культурно-хронологическую и этническую принадлежность, занимаемую территорию и комплекс колочинских древностей исследователи трактовали по-разному, в зависимости от тех или иных общих взглядов на историю населения лесной полосы Восточной Европы в I тыс. н. э. Так сложились основные теории генезиса и развития колочинских памятников, этнической принадлежности оставившего их населения и т. д., существующие в несколько измененном виде и в настоящее время. Например, в одну общую культуру, кроме памятников типа Колочина, включают также памятники типа верхних слоев Тушемли и Банцеровщины, иногда называя ее «верхнеднепровской» [Русанова, 1976, с. 81—82; Сымонович, 1975, с. 25]. Другие исследователи допускают, что эти группы древностей образуют различные, хотя во многом и родственные, археологические культуры [Поболь, 1973, с. 221—230; Седов, 1982, с. 29-34].

В последние годы в связи со значительным расширением источниковедческой базы, в частности благодаря исследованиям поселений и могильников типа Колочина в Белорусском Поднепровье, на Десне, Сейме и Псле, предприняты попытки проведения сравнительного анализа колочинской, банцеровской и тушемлинской культурных групп. При этом, сравнив степень распространения городищ, детали домостроительства и состав керамического

комплекса, исследователи пришли к выводу, что в своих основных ареалах эти группы достаточно четко обособляются, вероятно, составляя отдельные археологические культуры [Горюнов, 1981, с. 43—46; Третьяков, 1982, с. 69, 88—91]. Таким образом, колочинская культура представлена специфическим, лишь ей присущим, комплексом признаков, определенным территориально-хронологическим положением и, вероятно, особой группой этнических носителей.

Памятники колочинской культуры распространены в южных районах лесной полосы Восточной Европы, а также в пограничной лесостепной полосе Днепровского Левобережья (см. рис. 13; 14). Они известны от р. Друти и устья Припяти на западе до верховьев рек Сейма и Пела на востоке и от верховьев Ипути на севере до верховьев Суды на юге. Иногда в ареал колочинской культуры включают и ряд памятников Смоленского Поднепровья [Третьяков, 1982, рис. 15], обычно относимых к тушемлинской культуре [Шмидт, 1975, с. 12—15]. Данная территория по периметру ограничивается следующими колочинскими памятниками, начиная с северо-запада по часовой стрелке: Тайманово, Смольянь, Воробьевка 2, Шмырево, Артюховка, Роище, Колочин I.

Источниковедческая база из-за разрозненных сообщений в литературе может быть оценена весьма приблизительно. По нашим подсчетам, в настоящее время известно не менее 100 поселений, из которых на 15 проводились раскопки, выявившие свыше 30 построек.

Исследования проводились на 10 могильниках, при этом обнаружено около 400 погребений. На территории УССР колочинские памятники известны главным образом в Подесенье и смежных районах Лесостепи. Их известно около двух десятков, из них семь раскопаны. При этом исследовано семь построек и пять погребений на могильнике Смяч, не считая захоронений из Артюховки, информация о которых очень скудная.

Несмотря на неравномерность изучения колочинской культуры на различных территориях ее распространения, основные элементы могут быть охарактеризованы вполне четко, принимая во внимание сравнительно однообразный

характер колочинского культурного комплекса.

Неукрепленные поселения колочинской культуры расположены на краю первой надпойменной террасы, реже — на донных останках в пойме. Известно единственное мысовое городище Колочин I, служившее убежищем для обитателей расположенного рядом селища на случай военной опасности [Сымонович, 1963, с. 97—120]. Жилища колочинской культуры представлены небольшими однокамерными квадратными в плане полуземлянками площадью в среднем 11—24 м². В большинстве случаев конструкция стен была срубной или каркасной. В центре жилища обычно располагался опорный столб кровли, а недалеко от него — открытый очаг. Хозяйственные сооружения представлены ямами-погребями преимущественно колоколовидной формы в разрезе.

Погребальный обряд характеризуется захоронением остатков трупосожжения на стороне в грунтовых могильниках. Как правило, над урновыми погребениями преобладают ямные [Падин, 1974, с. 132—135; Поболь, 1974, с. 159—180; Липкинг, 1974, с. 136—152]. Погребения обоих типов совершались в неглубоких округлых ямах, куда кроме кальцинированных костей изредка клались личные вещи покойника, а также преднамеренно разбитая посуда.

Специфика колочинской культуры особенно ярко проявляется в керамическом комплексе. В нем доминируют горшковидные сосуды, значительно реже встречаются диски-крышки и сковородки с невысоким бортиком. Типология деснинской керамики колочинского типа, разработанная Е. Г. Горюновым [Горюнов, 1981, с. 19—21], включает следующие основные виды горшков: тюльпановидные с широкой горловиной, высокие и приземистые банковидные, биконические и цилиндро-конические. Реже встречаются горшки с загнутым внутрь краем и стройные сосуды, напоминающие керамику пражского типа.

В целом колочинский керамический комплекс по набору основных видов вполне отличается от посуды банцеровской и тушемлинской культур, с которыми его иногда сближают. Так, сосуды с реберчатым профилем (прежде

всего биконические и цилиндрико-конические) характерны исключительно для колочинской культуры. В керамике северных памятников преобладают в основном горшки «нерасчлененной формы» [Горюнов, 1981, с. 45—46].

подавляющее большинство орудий изготовлено из железа и стали. В первую очередь это относится к универсальным (ножи, шилья), деревообрабатывающим (топор, долота) и сельскохозяйственным (косы-горбуши, серпы) инструментам. Из кости изготавливались обычные типы орудий, необходимые при домашних ремеслах. Известны также глиняные пряслица, каменные оселки, зернотерки и т. д. Оружие — железные наконечники копий и стрел — известно мало, преимущественно по материалам могильников и городища Колочин I. Предметы убора и украшения, чаще изготовленные из цветных металлов, имеют особое значение для датировки культуры и будут охарактеризованы ниже.

Хронология колочинской культуры ввиду незначительного числа раскопанных памятников и содержащихся в комплексах датирующих вещей разработана слабо. В связи с этим в литературе известны следующие датировки культуры: VI—VII вв. [Русанова, 1976, с. 73], V—VII вв. [Горюнов, 1981, с. 63; Третьяков, 1982, с. 71] и V—VIII вв. [Сымонович, 1975, с. 23].

Попытка «опустить» дату возникновения колочинской культуры с VI на IV—V вв. была предпринята В. Н. Даниленко на основании материалов, полученных при раскопках нескольких жилищ в уроч. Диброва близ Ходосовки у Киева [Даниленко, Дудкин, Круц, 1967, с. 212—215]. Эту точку зрения поддержали Э. А. Сымонович [Сымонович, 1983, с. 91—102] и Е. А. Горюнов [Горюнов, 1981, с. 63]. Другие исследователи [Кравченко, Гороховский, 1979, с. 66—67; Максимов, Терпиловский, 1979, с. 35—36] считают, что в этот период на поздних памятниках киевского типа появляются лишь отдельные формы сосудов, близкие к колочинским, и говорить о собственно колочинском керамическом комплексе и соответственно культуре еще нельзя. Указанные памятники с определенным основанием можно

считать переходными от киевской культуры к колочинской. К ним, кроме Ходосовки, можно отнести материалы поселений Сенча в верховьях Суды и Курган Азак на Среднем Пеле, а также некоторые другие [Сухобоков, 1975, с. 26—37; Горюнов, 1981, с. 54—58]. Кроме характерной лепной керамики в Сенче и Кургане Азаке обнаружены единичные фрагменты черняховской гончарной керамики и (в последнем памятнике) обломок ручки светлоглиняной амфоры (инкерманского типа?). В «колочинских» комплексах Ходосовки черняховская керамика отсутствует, однако здесь найдена своеобразная железная фибула с короткой пружиной, арочной спинкой и сплошным приемником, изготовленная из круглого стержня [Даниленко, 1976, с. 88].

Эти материалы, вероятно, можно отнести, принимая во внимание малочисленность черняховских находок в данных памятниках, расположенных, за исключением Ходосовки, непосредственно на черняховской территории, к заключительной стадии существования черняховских древностей, т. е. к концу IV — первой половине V в., или, учитывая типологическую близость фибулы из Ходосовки к изделиям из Куни и Кодына [Хавлюк, 1974, рис. 2, 2; Русанова, 1976, рис. 11, 5], — к V в. н. э.

Таким образом, переходные от киевских к колочинским, или «раннеколочинские», по Е. А. Горюнову, комплексы фактически дают *Terminus post quem* собственно колочинских памятников.

К наиболее ранним из них можно отнести некоторые памятники в районе Новгорода-Северского, известные по работам П. Н. Третьякова и Е. А. Горюнова. Это поселение Заярье у с. Кудлаевки, могильник Смяч у с. Лесконоги [Горюнов, 1974, с. 119—125] и расположенное рядом поселение Целиков Бур, жилище 1 [Горюнов, 1972, с. 42—46]. Отметим, что керамика из рассматриваемых комплексов уже вполне колочинская, но типологически очень ранняя по сравнению с другими колочинскими памятниками. При этом в жилище поселения Заярье обнаружен фрагмент днища Черняховского гончарного сосуда, хотя сам памятник расположен вне пределов распространения черняхов-

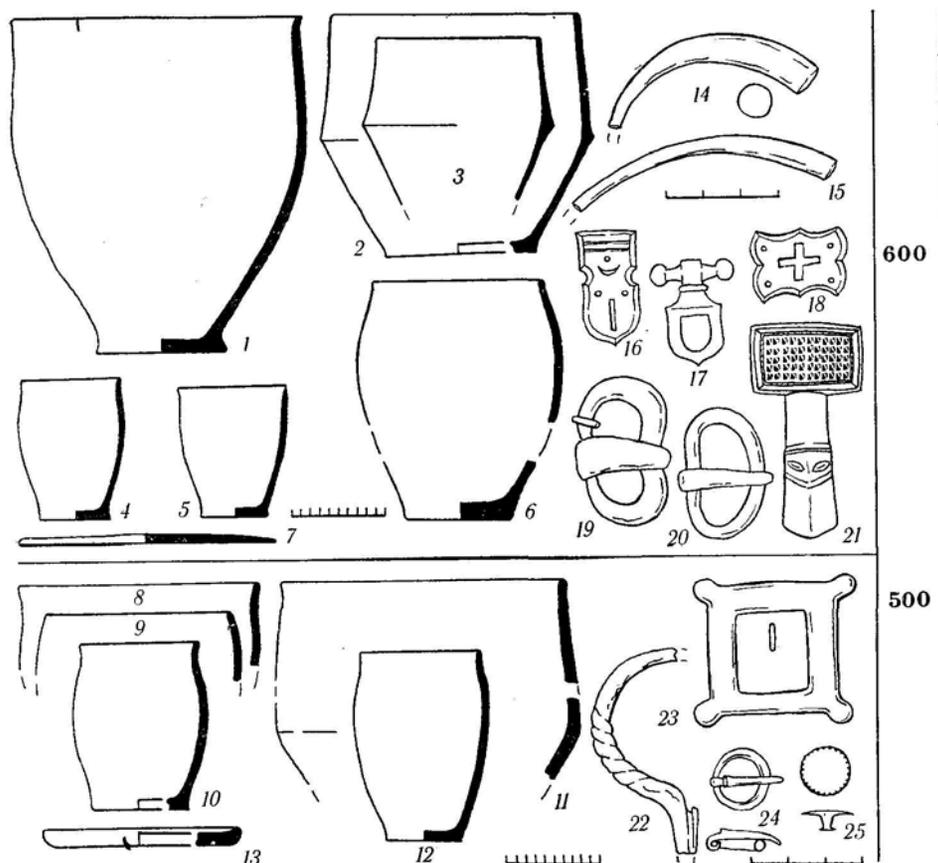

Рис. 17. Колочинская культура. Основные этапы развития:

1, 5 — Кветунь; 2—4, 6—7 — Колонии I; 8, 11—13 — Заярье; 9, 10, 23 — Целиков Бугор, жилище JMS 1; 14—19 Лебяжье 1; 20 — Княжий; 21 — Картамышево 2; 22 — Колодезный Бугор; 24, 25 — Смяч.

ских древностей. Миниатюрная бронзовая пряжка с хоботовидным язычком и бляшка в виде розетки из могильника Смяч имеют прямые аналоги в памятниках гуннского времени [Горюнов, 1974, с. 120—121; Генинг, 1976, рис. 29, 5]. К этому же периоду принадлежит квадратная бронзовая пряжка с округлыми выступами на углах из жилища 1 поселения Целиков Бугор, вероятно, связанного с могильником Смяч [Балаев, Виноградов, 1972, с. 80—86]. Недалеко, на той же дюне, в культурном слое поселения Колодезный Бугор встречены отдельные колочинские черепки и арочная спинка железной фибулы, скрученная в несколько оборотов [Третьяков, 1974, рис. 16, 17]. Судя по профилировке спинки, она ближе к фибуле из Ходосовки и фибулам из самых архаичных славянских памятников Южного Побужья и Попрутья, чем к дозднезаруби-

нецким «почепским» фибулам поздне-латенской схемы, как предполагал П. Н. Третьяков [Третьяков, 1974, с. 96].

Таким образом, на наш взгляд, самые ранние колочинские памятники появляются в середине — второй половине V в. н. э. (рис. 17, 8—13, 22—25).

Дальнейший период существования культуры представлен сравнительно большим количеством датирующих находок, прежде всего из могильников, которые неплохо изучены по сравнению с другими культурами лесной полосы и Лесостепи Восточной Европы третьей четверти I тыс. н. э. Поскольку памятники эти расположены за пределами территории УССР, ограничимся кратким перечнем датирующего материала. Это железная пряжка с обоймой (погребение 9), обломок бронзового браслета с утолщенными концами и фрагменти-

рованная пальчатая фибула (погребение 4) из могильника Усох в Верхнем Подесенье [Падин, 1974, с. 134]; обломки браслетов с утолщенными концами, а также височные кольца того же типа, бляшки наборных мужских поясов (погребения 3, 12, 67, 68), пряжка с прорезным щитком (погребение 3), пирамидальная подвеска с колечком, наконечник ремня, железные В-образные пряжки из могильника Лебяжье I на р. Сейм под Курском [Липкинг, 1974, с. 145—147].

К находкам из могильников в верховьях Псла относятся браслет с массивными концами, имеющими нечеткие грани, наконечники копий или дротиков (Княжий) [Липкинг, 1974, с. 139], ажурный наконечник ремня и массивная бронзовая фибула (Картамышево 2) [Горюнов, 1980, с. 50—51].

Ряд таких вещей (браслеты с утолщенными концами, В-образные пряжки, наконечники копий и др.) датируются в пределах V—VII вв., однако предметы, принадлежащие к так называемым древностям антов, судя по многочисленным аналогам в древностях раннесредневековой Евразии, относятся главным образом к периоду от середины VI до середины VII в. [Приходнюк, 1980, с. 109—110]. Вероятно, колочинской культуре принадлежит большинство кладов и изолированных находок того же круга, обнаруженных вне комплексов на территории, где известны колочинские памятники. К ним, например, можно отнести предметы Новосуджанского клада (пальчатая фибула, гривны, подвески и разнообразные накладки ремня в виде геральдических щитов), находки в Мене (крупная пальчатая фибула и три браслета с утолщенными концами) и др. Свообразным решетчатым орнаментом отличается прямоугольная бляшка из Посудичей и фибула из погребения 16 могильника Картамышево 2, возможно, выполненные в традициях местной школы [Амброз, 1970, с. 70-74].

Судя по отсутствию в колочинских комплексах материалов, типологически более поздних, чем «древности антов», можно предположить, что эта культура исчезает в середине или второй половине VII в. (рис. 17, 1—7, 14—21). В зна-

чительной мере на колочинском и пеньковском субстратах около рубежа VII/VIII вв. возникает новое культурное явление — памятники типа Волынцево.

Незначительная степень изученности колочинской культуры затрудняет выделение основных этапов ее развития. Речь может идти только о наиболее ранних из колочинских памятников и о материалах, представляющих последующий период ее существования — VI—VII вв.

Говоря о территории распространения колочинской культуры, необходимо отметить, что наиболее архаичные памятники, поддающиеся датировке, выявлены на территории УССР, в районе Новгорода-Северского, и их находки, вероятно, подтверждают мысль о «южном» происхождении колочинской культуры из памятников киевского типа. В целом граница, отделяющая колочинскую от соседних культур, является крайне условной, что неоднократно отмечалось в литературе [Горюнов, 1981, с. 63; Третьяков, 1982, с. 91]. Между этими культурами, в значительной степени связанными общностью происхождения, существуют весьма обширные контактные зоны. С юго-запада колочинская культура граничит с припятскими группировками пражской культуры. Значительно более условны северо-западная и северо-восточная границы, отделяющие колочинские памятники от банцеровской культуры Средней Белоруссии и тушемлинской Смоленского Поднепровья. Восточные соседи культуры пока не вполне выяснены. Очевидно, это памятники мощинской культуры. На юге памятники типа Колочина граничат с пеньковской культурой. Локальные особенности культуры на данном этапе исследований выявляются прежде всего по особенностям керамического комплекса. При этом определенным своеобразием отличаются контактные зоны с соседними археологическими культурами. Рассмотрим этот вопрос применительно к территории УССР, где колочинская культура граничит с пеньковской. Е. А. Горюнов полагал, что рубеж между ними проходит по среднему течению левых притоков Днепра —

Суды, Псла, Ворсклы [Горюнов, 1973, с. 48—49]. Дальнейшие исследования показали, что таким образом можно определить только южную часть обширной маргинальной зоны, достигающей на севере поречья Десны на участке между Черниговом и Новгородом-Северским [Терпиловский, 1980, с. 19—20]. Ряд колочинских памятников в этом ареале (Роище, жилища 10 и 17; Левкин Бугор) содержит приземистые округлобкие горшки с резко отогнутыми шейками и некоторыми другими формами, ассоциирующимися прежде всего с пеньковской посудой. Отметим, что, в свою очередь, северные пеньковские памятники Левобережья имеют немало колочинских керамических форм [Горюнов, 1981, с. 75, 78].

Таким образом, локальные особенности колочинской культуры наиболее четко проявляются в контактной зоне с соседними северными (лесными) и южными (лесостепными) культурами.

Свое происхождение колочинская культура ведет от памятников киевской культуры III—V вв. [Даниленко, 1976, с. 87—88; Третьяков, 1982, с. 66—68; Горюнов, 1981, с. 63; Терпиловский, 1980, с. 18], что подтверждается почти полным совпадением их ареалов, а также значительным сходством элементов материальной культуры, особенностей социально-экономического развития и наличием ряда переходных памятников, о которых шла речь выше. В настоящее время такая точка зрения может считаться вполне доказанной.

Сложнее обстоит дело с установлением этнической принадлежности носителей колочинской культуры. Некоторые исследователи, считающие эту культуру балтской [Русанова, 1976, с. 197—198; Седов, 1982, с. 29], подчеркивают тот факт, что памятники колочинского типа не связаны непосредственно с местными древнерусскими, а в Верхнем Поднепровье распространена балтская гидронимия. При этом не учитывается, что слои гидронимии могут относиться к гораздо более отдаленному периоду, чем раннее средневековье. Не проводится также сколько-нибудь подробный анализ особенностей материальной культуры и ее взаимосвязи с другими культурами.

Между тем исследование памятников киевского типа позволило установить, что они являются подосновой не только колочинской, но и пеньковской культуры, в носителях которой практически единодушно усматривают родственных славянам антов. Из этого следовало бы, что колочинская культура также является славянской. Многие общие черты пражской, пеньковской и колочинской культур, которые отмечал П. Н. Третьяков [Третьяков, 1966, с. 242 — 272], также свидетельствуют об их родстве.

Такая гипотеза во многом бы объяснила резкую смену облика археологических культур в Средней Белоруссии и Днепро-Двинском поречье в середине I тыс. н. э. [Шмидт, 1975, с. 17—18; Митрофанов, 1978, с. 117—118]. Скорее всего она произошла с продвижением около середины I тыс. н. э. в балтскую среду носителей культуры штрихованной керамики и днепро-двинской культуры киевских или колочинских племен, т. е. в результате первой волны славянской колонизации лесной полосы. Видимо, правы исследователи, усматривающие в носителях колочинской культуры славян, а в днепро-двинских и банцеровских племенах — славянизированных в той или иной степени балтов [Третьяков, 1966, с. 279—281; Горюнов, 1981, с. 43—46, 90—92]. Добавим, что около VIII в. н. э. туда докатилась следующая волна славянской колонизации, сменившая местные (в том числе и колочинскую) культуры и создавшая условия для вхождения этих земель в состав Древнерусского государства.

4. Культура кочевников IV—VIII вв.

Культура кочевников раннего средневековья известна по степным памятникам IV — первой половины VIII в. Северного Причерноморья, Приазовья и Крыма. Комплексы гуннской эпохи IV — V вв. (на территории УССР (см. рис. 13) их известно 15) выделены в отдельную группу памятников, близких по культурной принадлежности [Засецкая, 1978, с. 53]. А. К. Амброз приводит данные о восьми погребениях средневекового периода, исследованных ар-

хеологами на изучаемой территории [Амброз, 1981]. Это единичные погребения, впущенные в насыпь курганов. Могильники не обнаружены, что характеризует первую или начальный этап второй стадии кочевания [Плетнева, 1982, с. 15—35]. От стойбищ следы летовок сохранились лишь вдоль восточного берега Азовского моря [Плетнева, 1967, с. 13—19]. Из ранее опубликованных памятников наиболее важны комплексы у Новофилипповки (Аккермень), Большого Токмана (Троицкого) на р. Молочной в Приазовье [Вязьмитина, Іллінська, Покровська и др., 1960, с. 129; Смирнов, 1960, с. 176], на городище Беляус в Юго-Западном Крыму [Дашевская, 1969, с. 52—61], Рисовое под Красноперекопском [Щепинский, Черепанова, 1969, с. 135, 218], Ковалевки на Южном Буге [Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк, 1978, с. 53—55], из-под Феодосии [Высотская, Черепанова, 1966, с. 195]. В разделе приведены также данные о 18 неопубликованных погребениях (см. табл. 2). Большая их часть стала известной в результате исследования курганов экспедициями Института археологии АН УССР в 70-х — начале 80-х годов в Николаевской, Херсонской, Запорожской и Ворошиловградской областях.

Из-за отсутствия достаточного количества погребений с документальной фиксацией И. П. Засецкая и А. К. Амброз предложили классификацию памятников по сочетанию вещей и их вариантов единого назначения и декора по группам. Вопросы хронологии памятников рассматривались в связи с разработкой типологии отдельных категорий вещей [Засецкая, 1978, с. 54; Амброз, 1981, с. 12]. Историческую и хронологическую интерпретацию степных памятников давали и зарубежные исследователи: А. Алфелди, Н. Феттих, И. Бона, Г. Ласло и др. [Амброз, 1981, с. 10—11]. Учитывая достоверно известные погребения V—VIII вв., ареал памятников культуры кочевников не выходит за пределы степной полосы вблизи моря. Не выяснен характер памятников Нижнего Подунавья, где встречены элементы разных культур: степной, римско-византийской и славянской [Горю-

нов, Казанский, 1983, с. 191—205]. Северная граница на Днепровском Правобережье и в Побужье, по-видимому, совпадает с границей Лесостепи и распространения памятников пеньковской культуры [Смиленко, 1975, с. 82]. Археологическим свидетельством контакта славян с кочевниками служат юртоподобные жилища из поселений Стецовка и Луг I, а также поясные наборы из Мартыновки, Малого Ржавца, Вильховчика, которые О. М. Приходнюк относит к середине VI — середине VII в. [Приходнюк, 1980, с. 11, 110].

На Левобережье культурное размежевание прослежено на пеньковских поселениях Поорелья, где найдена салтоидная керамика [Сухобоков, Юренко, 1978, с. 134]. Близко от предполагаемой границы культуры кочевников были расположены поминальные комплексы тюркских каганов, известные по «кладам» второй половины VII — первой половины VIII в. в Перещепино, Глодосах, Вознесенке [Амброз, 1982, с. 204-222].

И. П. Засецкая предложила деление гуннских памятников IV—V вв. на две группы и пять подгрупп [Засецкая, 1978], А. К. Амброз те же памятники — на три группы [Амброз, 1981, с. 12]. Объединяет данные комплексы общность технико-стилистических признаков: тиснение золотой фольги и инкрустация из вставок красного цвета.

Погребальный обряд гуннского времени представлен как погребениями с сожжением (могилы VII—IX у Новогригорьевки), так и труположением в Беляусе. Последнее совершено в полусклепа I в. н. э. в грунтовой яме прямоугольной формы и ориентировано головой на север. В погребении в ногах на перекрытии из камня находились части конского скелета — череп и ноги, а также многочисленный инвентарь, в том числе вещи с инкрустацией и конская сбруя (рис. 18, 28—40). Трупосожжения в Новогригорьевке совершены в материковых ямах с наброской из камней. Поверх камней отмечены остатки тризны. Кроме пережженных костей найдены части сбруи, оружие и посуда.

Погребения гуннского времени сопровождается инвентарь: уздечные и поясные наборы, оружие[^] части сбруи.

Таблица 2. Сравнительная характеристика погребений VI—VII вв. по важнейшим деталям

Погребение	Наличие деталей обряда								
	Яма с за- плечика- ми	Подбой	Конское захоро- нение	Сбруя	Оружие			Поясной набор	Пряж- ка
					Лук	Стрелы	Палаш		
Сигашовка	×		×	×	×	×	×	×	
Сивашское	×		×	×	×	×		×	
Черноморское	×		×					×	
Костогрызово		×	×			×		×	
Ковалевка	×		×	×				×	
Христофоровка, 7/7	×							×	
» 7/12		×			×	×		×	
» 8/1		×							×
Новая Одесса, 1/3		×							×
» 7/4	×	×							×
Родионовка		×							×
Малая Терновка, 3/1	×								×
» 2/1	×	—							×
» 19/1	—	—			×			×	
» 24/3	—	—						×	
» 1/3	—	—					×		
Аккермень	×								×
Рисовое, 2/10	×	?							×
» 13/12		×			×			×	
Большой Токмак	×								×
Яблоня		×	×				×		×
Бехтеры		×							×
Портовое		×	×	×	×	×	×		

Удила состоят из колец, грызл, псалий, иногда обтянутых золотым листом и украшенных каменными вставками. Псалий — в виде толстого кольца, прямые стержневые или Г-образные. Уздечные ремни украшены накладками геометрических форм: кресто- и ромбовидными, прямоугольными, лунницами и др. Они изготавливались из медной пластины и обтянуты золотым или электровым листом с зернью и гнездами инкрустации [Засецкая, 1978, с. 55] (рис. 18). На Боспоре известна и сплошная перегородчатая орнаментация.

В особые подгруппы выделены комплексы с полихромными диадемами и с прямоугольными или овальными бляхами, украшенными геометрическими фигурами или изображениями мужского лица. Из оружия больше всего найдено железных наконечников стрел, трехперых и черешковых. Известны двулезвийные мечи длиной 70—80, шириной 4—4,5 см с подвеской из бусины. Высокие перекрестья иногда инкрустированы гранатовыми вставками. В мужских погребениях найдены золотые шейные гривны, пряжки с утолщенной рам-

кой. У пряжек обойма, кольцо и язычок хоботовидной формы соединены петлями. Техника исполнения пряжек близка уздечным наборам. От седел сохранились золотые обкладки луки со штампованными или пуансонными орнаментальными чешуйками.

Сведений о посуде мало: глиняные горшки найдены в Новоиванковцах и под Мелитополем, медные котлы (казаны) — под Мелитополем, Макарте, на р. Молочной. Выделены богато украшенные литые котлы, характерные только для Восточной Европы [Амброз, 1981]. В разрушенном погребении (?) из Новофилипповки (под Мелитополем) обнаружен кузнечно-литейный инвентарь для производства клепаных котлов, а также сырье, полуфабрикаты, производственные отходы, инструментари [Михайлов, 1977, с. 74].

А. К. Амброз считает возможным отнести выделенную им третью группу комплексов гуннской эпохи (подгруппа В, по И. П. Засецкой) к наследию I каганата (вторая половина VI — начало VII в.), а две первые — к наследию гуннской эпохи. Вероятно, рассматри-

и инвентаря				
Нож	Посуда	Бусы	Кости животного	Ориентация
×	×		×	СВ
×			×	С
×	×			СВ
×			×	СВ
×	×			СВ
×	×			В
×	×			СВ
×	×			СВ
×	×	×		С — СВ
×			×	СВ
				С
				С
	×			СВ
	×	×		СВ
	×			С — СВ
	×			СЗ
×	×			СВ
×	×		×	С
				СВ

вать материалы этих комплексов как близкие по времени и складывающиеся в единую археологическую культуру памятники степей эпохи господства гуннов более обоснованно [Засецкая, 1978, с. 69]. Сравнительный анализ материалов керченских склепов и степных памятников показывает, что рассмотренные комплексы относятся к концу IV — первой половине V в. [Засецкая, 1979, с. 15].

Памятники периода распада гуннского объединения после смерти Атиллы в 445 г. не выделены. Некоторые представления о характере материальной культуры дают погребения второй половины V — первой половины VI в. в Крыму [Айбабин, 1979, с. 22—34].

Памятники второй половины VI—VIII в. А. К. Амброз относит к IV—VI группам. В VI группу включены погребения «рядового населения» с пряжками и накладками ремня в так называемом геральдическом стиле (Большой Токмак, Аккермень, Белозерка), датируемые второй половиной VI—VII в. В V группу входят одновременные IV группе погребения

высшей знати — Малое Перещепино, Келегея, Глодосы. Памятники типа поминального комплекса у с. Вознесенки VIII в. составляют VI группу [Амброз, 1981, с. 10]. Отметим, что комплексы VI группы вызвали у исследователей разногласия по поводу их этнической принадлежности. Так, первый исследователь военного лагеря у с. Вознесенки (территория современного Запорожья) В. А. Гринченко связывал находки в двух ямах деталей конского снаряжения, оружия, фигурки льва и орла византийского происхождения с погребальным комплексом славян или хазар [Гринченко, 1950, с. 61]. Б. А. Рыбаков отнес памятник к конным русским дружинникам [Рыбаков, 1951, с. И]. Г. Ф. Корзухина, В. В. Кропоткин и О. М. Приходнюк — к кочевникам [Корзухина, 1955; Кропоткин, 1962; Приходнюк, 1980, с. 90], С. А. Плетнева — к тюркоязычной группе, а Д. Т. Березовец — к салтовской культуре [Плетнева, 1967, с. 102; Березовец, 1965, с. 57]. М. И. Артамонов полагал, что Вознесенский комплекс представляет собой остатки сожжения группы воинов или вождя тюркского этноса, сохранившегося в правящей верхушке Хазарского каганата, и не содержат вещей, специфически болгарских или хазарских [Артамонов, 1962, с. 175]; А. Т. Смиленко, датируя Вознесенский комплекс концом VII — началом VIII в., отмечает его близость к Глодосам и памятникам перещепинского типа (Малое Перещепино, Новые Санжары, Келегея, Макуховка) и полагает, что он является дружинным погребальным комплексом местных племен — болгар и славян, побежденных хазарами [Смиленко, 1975, с. 118]. А. К. Амброз относит комплекс у сел Перещепино, Глодос и Вознесенки к царским поминальным комплексам наподобие комплекса в честь Кюль-Тегина (732 г.) в Монголии [Амброз, 1982, с. 220].

Новые материалы, полученные в ходе раскопок последних лет, существенно расширили наше представление о культуре кочевников VI—VII вв. Наиболее ценные данные получены о погребальном обряде, детали которого были известны по погребениям Аккермень, Большой Токмак, Рисовое (группа IV,

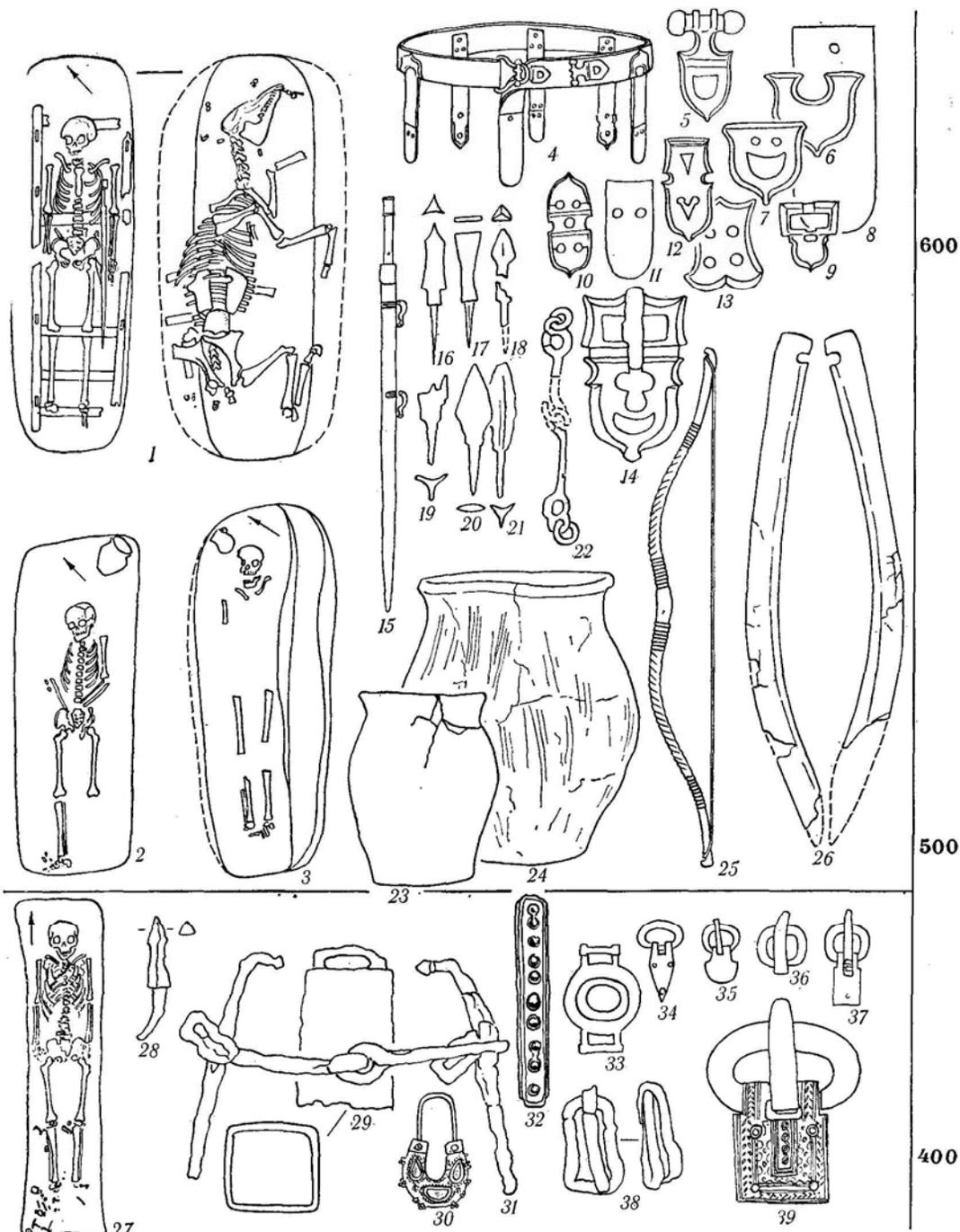

Рис. 18. Культура кочевников IV—VII вв. Основные этапы развития:
 1, 4—13; 15—19, 23 — Сивашовка; 2, 24 — черноморское; 3 — Христофоровка (курган 8, погребение 1);
 14 — Малая Терновка (курган 21, погребение 1); 20—22 — Сивашское; 25 — Большой Токмак; 26, 27—
 Христофоровка (курган 7, погребение 12); 28—40 — Беляус.

по А. К. Амброзу). Население степи использовало две основные конструкции погребального сооружения: грунтовые ямы овальной или прямоугольной формы с перекрытием на заплечиках и подбой, дно которого ниже пола входной ямы овальной формы (рис. 18).

Перекрытие на заплечиках бывает из каменных плит (Новая Одесса, курган 7, погребение 4), но преобладает деревянное (Черноморское, Сивашское, Сивашовка). Вход в подбой, как правило, закрыт деревом (Христофоровка, курган 7, погребение 12; курган 8, погребение 1; Костогрызово), хотя встречаются и каменные заклады (Новая Одесса, курган 1, погребение 3). Зависимость между конструкцией могилы, ее размерами и инвентарем не прослеживается. Так, наиболее «богатое» погребение из Сивашовки (курган 3, погребение 2) находилось в такой же узкой яме, как и «бедное» из Малой Терновки (курган 3, погребение 1).

Погребенные лежат на спине головой на северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища или, что встречено реже, кисти рук лежат на тазовых костях. Только в одном случае (Большой Токмак) погребенный ориентирован на северо-запад. Под скелетом на дне могильной ямы прослежены меловая подсыпка (Большой Токмак), травяная подстилка (Ковалевка), а также деревянные каркасные носилки или ложе (Большой Токмак, Сивашовка). Подобные носилки известны в погребениях Киргизии V—VII вв. [Амброз, 1981, рис. 10, 17].

Сопровождающее погребенного конское захоронение чаще представлено только черепом и длинными костями ног (Сивашское, Костогрызово, Ковалевка, Яблоня). По-видимому, в могилу помещали чучело коня. Его помещали на деревянное перекрытие могилы или во входной яме перед подбоем и ориентировали головой на северо-восток. В двух самых богатых погребениях {Сивашовка, Портовое} в могиле на перекрытии по заплечикам и на дне входной ямы перед подбоем находились останки целого коня.

По количеству и качеству инвентаря погребения можно разбить на две основные группы. Первая группа представлена погребениями как в ямах с

заплечиками, так и с подбоем. Отличительная черта — небольшое количество вещей: горшок (кувшин или кружка) у изголовья, одна-две пряжки, наконечник от пояса, нож, реже бусы (Христофоровка, курган 8, погребение 1; Новая Одесса, курган 7, погребение 4; Малая Терновка, курган 3, погребение 1; Яблоня). Оружие попадает исключительно редко. К этой же группе относятся Большой Токмак, Аккермень. Есть основания считать, что часть погребений первой группы женские. В Аккермене это подтверждается антропологическими данными.

Посуда обнаружена только в погребениях первой группы. Это грубые лепные приземистые горшки, у которых наибольший диаметр приходится на середину высоты (Черноморское, Бехтеры, Христофоровка, курган 7, погребение 7; Новая Одесса, Малая Терновка и др.). У горшков отогнутые венчики, иногда с защипами или отпечатками штампа и вертикальные расчески по корпусу (Большой Токмак). В погребении у с. Христофоровка (курган 8, погребение 1) найдена кружка или приземистый кувшин.

В двух случаях в погребениях с горшками был найден поясной набор (Христофоровка, курган 7, погребение 7; Черноморское), в погребении у Яблоня — палаш, в Рисовом под Красноперекопском — костяные обкладки лука. Следовательно, погребения первой группы не однородны в социальном, а, возможно, и в половозрастном отношении. В целом погребальный обряд данной группы близок к погребальному обряду населения, оставившего в более позднее время ямные и подбойные могильники в Подонье, Волжской и Дунайской Болгариях. Известны такие могильники и на территории распространения салтовской культуры. Некоторые черты (ориентация головой на северо-восток, отсутствие в могилах остатков жертвенного животного, горшок или кувшин у изголовья) сближают степные погребения с Нетайловским могильником. Степные памятники от погребений Зливкинского и Большетарханского могильников отличает ориентация, а от могильника Нови Пазаре (ориентация также головой на северо-

восток) — наличие жертвенных остатков [Станчев, Иванов, 1964; Генинг, Халиков, 1964; Иченская, 1981, с. 94]. Население, оставившее ямные и подкурганые ямные могильники, обычно определяют как болгар [Плетнева, 1981, с. 70].

Другая группа погребений выделяется богатством инвентаря, что не находит аналогов в выделенных ранее группах [Амброз, 1981, с. 18, 19]. Эти погребения совершены как в яме с заплечиками (Сивашовка, Сивашское, Черноморское, Ковалевка), так и в подбое (Костокрызово, Портовое). Для этой группы характерны находки оружия, деталей конской сбруи и захоронения самого коня. Значительно богаче представлены детали костюма: поясной набор, наборы для обуви, удила. Кроме того, найдены грызла с восьмеркообразными концами аналогичные вознесенским (Сивашовка). Хорошо сохранившиеся палаши (Сивашовка, Портовое, Малая Терновка, Яблоня) без перекрестия и с перекрестием и с навершием на рукоятке имеют клинок длиной 0,9 м (рис. 18). В нескольких погребениях (Сивашовка, Сивашское, Портовое) найдены обычные для этой эпохи трехлопастные наконечники стрел с черешком. Если аналоги палашам известны из Гатера и Шегвара [Вона, 1980, S. 52], то аналогами костяным обкладкам луков являются аварские из Кескемета [Tóth, 1980, S. 125].

У изголовья погребенных второй группы помещались куски туши жертвенного животного, а в Сивашовке остатки мяса лежали на деревянном блюде. Данный погребальный обряд близок могилам воинов-всадников позднеаварских могильников Кискорос, Житавской Тони [Laszló, 1955; Budinsky-Krićka, 1956].

Хронология обеих групп погребальных комплексов может быть определена на основе опорных работ А. К. Амброза, В. Ф. Генинга, В. Б. Ковалевской и др., выполненных на материалах хорошо исследованных могильников Прикамья, Башкирии [Амброз, 1971, с. 131; Генинг, 1979, с. 96; Ковалевская, 1972, с. 96]. Показательны костыльковые застежки (Сивашовка, Черноморское), датируемые по могильникам Прикамья первой половиной VII в., а также

квадратные и В-образные приемники у пряжек, часто с углубленным ложем для язычка. Данный период развития поясной гарнитуры в Причерноморье и в Крыму связан с появлением новых типов так называемых геральдических бляшек, изготовленных в технике литья. Бляшки часто имеют сердцевидные очертания, прорезные мотивы орнаментального декора, большие наконечники от этих же поясов из двух тонких пластин. Аналоги отдельным типам известны из Суук-Су и Чуфут-Кале, где по византийским монетам они датируются второй половиной VI в. Палаш из погребения в Сивашовке имеет ножны со скобами в виде «Р», которые со второй половины VII в. у авар сменяются полукруглыми, и клинок без перегибов [Амброз, 1981, с. 15] (рис. 18).

Во второй половине VII в. происходит быстрая смена технико-стилистической традиции наременной гарнитуры, и на материалах погребений конца VII в. наблюдается пережиточное бытование отдельных типов украшений [Айбабин, 1982, с. 165]. Возможно, погребение у Яблони на берегу Березанского лимана на основании берестяной обкладки и ножен палаша, которые имеют аналоги в декоре позднеаварских наконечников и пластин Вознесенского комплекса, датируется началом VIII в. и является самым поздним.

Этническая атрибуция выделенных групп кочевников должна учитывать очевидное сильное имущественное расслоение. В то же время инвентарь демонстрирует общие черты на гораздо большей территории, чем та, которая рассматривается вплоть до Сибири и Средней Азии. Сходство поясных и сбруйных наборов и быстрые изменения связаны с судьбой государственных объединений [Распопова, 1980, с. 108].

В качестве наследников гуннской эпохи, в которую произошло великое переселение народов, в степях Северного Причерноморья и Приазовья к рубежу V/VI вв. письменные источники фиксируют гуннов-акацир, теснимых с востока болгарами. Готский историк Иордан (середина VI в.) отождествлял болгар с оногурами в ряду других «гуннских» племен. В середине VI в. оногуры соседствовали с родственными им

кутригурами, границей между которыми Прокопий Кессарийский называет Танаис [Прокопий, 1950, с. 3—60]. Широко известны рассказы Прокопия о гуннах-утигурах, кутригурах, сабирах, правда, не всегда равноценные по точности сведений, но продолжающие традиции античной историографии [Удальцова, 1974, с. 195].

Болгары в последней четверти V в. принимали участие в войнах на стороне Византии и совместно с другими «варварами» опустошали Балканский п-ов [Артамонов, 1962, с. 80]. В 558 г. в степях Причерноморья появились авары, вскоре переселившиеся в Подунавье. Ценные сведения об аварах как о могущественном народе, об их отношениях со славянами и Византией дает Менандр Протиктор, у которого есть и рассказ об опустошении страны антов [Удальцова, 1974, с. 243]. Большую историческую ценность представляют данные Стратегикона псевдо-Маврикия, рисующие авар как кочевников, разделенных на роды, враждующие между собой, но под властью единого правителя — кагана [Маврикий, 1903].

Обосновавшись в Паннонии, аварский союз племен включал в себя болгар-кутригур и славян. Сведения о воинственных аварах сохранились в древнерусских летописях: «Си же обри воеваху на словенех, и врмучиша дулебы, сущая словены...» [ПВЛ, 1950, с. 14].

Представляется вероятным, что в период между появлением авар (558 г.) и до 30-х годов VII в.— периода объединения приазовских и причерноморских болгар в первое государственное образование, так называемую Великую Болгарию,— степи Причерноморья и Приазовья занимали кутригуры, сохранившие связи с аварами в Паннонии [Артамонов, 1962, с. 160]. В состав этого образования входили различные этнические группы, в том числе угры, или «угри белии», согласно древнерусскому летописцу [Плетнева, 1979, с. 21].

В 60—70-е годы VII в., т. е. после

разгрома основных сил приазовских болгар хазарами, через восточноевропейские степи за Дунай откочевала болгарская орда по главе с Аспарухом.

Сообщения древних авторов о расселении племен спорны и трудно соотносимы с археологическими данными. Материальная культура степных кочевников претерпела существенные изменения в середине VI в., что совпадает с гегемонией Г Тюркского каганата. Под его власть попали Боспор и область болгар-утигуров. Исследованные памятники не выходят за пределы середины VII в., а в 60-х годах степь была свидетелем создания Хазарского каганата. В период так называемого второго Аварского каганата распространяются уже салтовские поясные наборы. Следовательно, исходя из анализа погребального обряда, инвентаря и письменных источников население, оставившее памятники Сивашовки — Костогрызово, можно отнести по этносу к болгарам (см. рис. 14). Появление богатых погребений воинов с конями при определенном их сходстве с позднеаварскими погребениями Паннонии могло быть вызвано участием кутригурского союза племен в аварских войнах с Византией до 30-х годов VII в.

Единство территории рассмотренных памятников степных кочевников (Причерноморье, Приазовье и Степной Крым), определенные хронологические рамки (середина VI — вторая половина VII в.), близкие материальная культура и погребальный обряд позволяют рассматривать их в контексте культурно-исторической общности. Возможно и соотнесение памятников с одним этносом — болгарами, что не исключает вхождение в данную общность групп угров и аваров. Сказанное позволяет выделить эти памятники в новый археологический тип (культуру) и дать название по наиболее яркому погребальному комплексу из Сивашовки (тип или культура Сивашовки).

IV. КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ В ПРЕДГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД

1. Славянская культура Правобережья Днепра (типа Луки-Райковецкой)

В археологической литературе, посвященной исследованиям славянских древностей, памятники VIII — IX вв., а в отдельных районах — VIII—X вв., расположенные от Правобережья Днепра до Закарпатья, выделяются в особую группу, известную под названием «культура Луки-Райковецкой», или «памятники типа Луки-Райковецкой». При этом отмечается, что они представляют отдельный хронологический этап в развитии культуры Правобережья Днепра [Кухаренко, 1961; Мезенцева, 1965; Баран, 1972; Толочко, 1972; Русанова, 1973; Смиленко, 1975; Тимошук, 1976; Приходнюк, 1980; Пеняк, 1980].

На территории УССР известно свыше 200 памятников типа Луки-Райковецкой. Наиболее широко исследованы поселения Каневское и Сахновка на Среднем Поднепровье, Тетеревка и Шумск на Волыни, Рашков I на Среднем Днестре. Значительное количество комплексов этапа Луки-Райковецкой было открыто на городище у хут. Монастырек на Среднем Поднепровье и на поселениях в уроч. Кодын I, II вблизи г. Черновцы на Северной Буковине.

На юге памятники типа Луки-Райковецкой выходят за пределы УССР. Наиболее известными и широко исследованными из них являются поселение и могильник Попино в Болгарии и поселение Хлинча I у г. Яссы в Румынии [Выжарова, 1965; 1968; Chisvasi-Comsa, 1958; Teodor, 1978].

Восточной границей данной группы памятников является р. Днепр, восточнее которого расположена синхронная

и в культурном отношении близкая ей роменская культура (рис. 19; 20). Целый ряд памятников находится на правом берегу Днепра. Это поселения на территории современного Киева, к югу от них городище Монастырек, содержащее культурный слой периода VIII—X вв., в низовьях Роси — Сахновка и ряд других поселений. Далее, в нижней части Среднего Поднепровья, в низовьях Тясмина — поселение Макаров Остров и др., могильник Великая Андрусовка.

На севере памятники типа Луки-Райковецкой доходят до Припяти (Хотомель, Глинка, Рычево, Знаменка), заходя на территорию БССР, в ряде случаев переходя на левый берег Припяти (Демьянчицы, Молодово). На северо-западе памятники типа Луки-Райковецкой расположены по Западному Бугу (Репнев, Ракобуты, Литовеж, Скоморохи), на юго-западе — в Украинском Закарпатье (Зняцево, Чернево, Оросиево, Федорово).

Памятники типа Луки-Райковецкой родственны синхронным и смежным западнославянским древностям Центральной Европы, особенно Южного Повисленья и Словакии [Gardawski, 1970]. Однако западнославянские материалы наряду с родственными чертами содержат и определенные отличия.

Наиболее южные поселения с материалами типа Луки-Райковецкой в пределах УССР известны в Одесской обл. в районе Днестровского лимана (Шабо).

К югу от Северной Буковины, где обнаружено свыше 50 памятников типа Луки-Райковецкой, последние выходят за пределы УССР. Свыше 80 памятников данного типа открыто в Молдав-

ской ССР, в основном в Северной и Средней Молдавии.

Материалы типа Луки-Райковецкой известны в области, соседней с Молдавской ССР — на севере и в центре Молдовы СРР. Наиболее южные памятники с материалами типа Луки-Райковецкой представлены в НРБ: поселение и могильник Попино, поселения Гарван, Сребрна — в Северо-Восточной и поселения Вълчедрын, Врыв и др. — в Северо-Западной Болгарии. Распространение памятников типа Луки-Райковецкой в Нижнем Подунавье исследователи объясняют расселением части восточных славян в южном направлении.

Представление о памятниках типа Луки-Райковецкой дают различные категории источников — неукрепленные поселения, городища, могильники, отдельные находки.

Открытые неукрепленные поселения размещались в местах, удобных для земледелия, скотоводства и сельскохозяйственных промыслов, — на плодородных почвах, вблизи рек, лугов, лесов. Топография их различна: на береговых склонах и террасах, площадках коренного берега, пойменных возвышенностях. Площадь поселений не превышала 3 га. Исследовались большие поселения с числом построек около 100 и более. Известны и небольшие поселки с 10—20 постройками. Наблюдается гнездовое расположение поселений, отдельными группами, а также вокруг городищ. Имеются некоторые данные о планиграфии поселений. В одних случаях жилища располагались без определенной системы, в других — группами, в отдельных случаях прослеживаются элементы рядовой уличной планировки. Возле жилых построек нередко располагались хозяйственные сооружения, создавая вместе с ними отдельные жилищно-хозяйственные комплексы.

Наиболее распространенным типом построек были полужемляночные жилища, углубленные нижней частью в грунт на 0,3—1 м. Форма их обычно прямоугольная (квадратная), иногда — овальная, площадь — 6,5—30 м². Некоторые жилища были углублены в грунт более чем на 1 м. Редко сооружались наземные или почти наземные постройки, а также двухкамерные.

Широко применялась столбовая конструкция стен с деревянной обшивкой, при которой стены сооружались из плах или досок, уложенных горизонтально и закрепленных вертикальными столбами, вкопанными в углах, а иногда и вдоль стен постройки. Применялась также бесстолбовая срубная конструкция стен, реже встречалась столбовая с плетеным каркасом.

Обогревательными сооружениями, служившими и для приготовления пищи, были печи, иногда — очаги. В качестве материала использовали камень или глину, но преобладают печи, сложенные из камня. В некоторых жилищах использовались открытые очаги, расположенные в центре постройки или у стены. Прослеживаются и детали устройства жилых построек — земляные лежанки у стен, ступенчатые входы, хозяйственные ямы.

Известны различного типа хозяйственные сооружения: амбары с ямами, предназначенными для хранения зерна, мельничные постройки, разного назначения ремесленные мастерские, ямы-погребя.

В последнее время исследован целый ряд укрепленных поселений-городищ VIII—X вв. в различных областях от Среднего Поднепровья до Прикарпатья. Располагались городища на береговых мысах и возвышенностях, площадь их составляла от 0,5 до 5 га. Оборонительные сооружения представляли собой деревянные стены, реже — частоколы, земляные валы и рвы.

Городища VIII — IX вв. по их социальному значению составляли две группы: городища-убежища и городища, заселенные постоянно, в числе которых были ремесленные и административные центры [Толочко, 1972, с. 46—51; Тимошук, 1976, с. 60—92].

Погребальные памятники VIII — IX вв. менее изучены. Погребения совершались по обряду трупосожжения на стороне. Трупосожжения были бескурганые и подкурганые. Погребальный инвентарь представлен бронзовыми проволочными кольцами, астрагалами, оплавленными бусами.

Подкурганые трупосожжения составляют три типа: в ямках, на горизонте в виде ритуальных кострищ и в урпах.

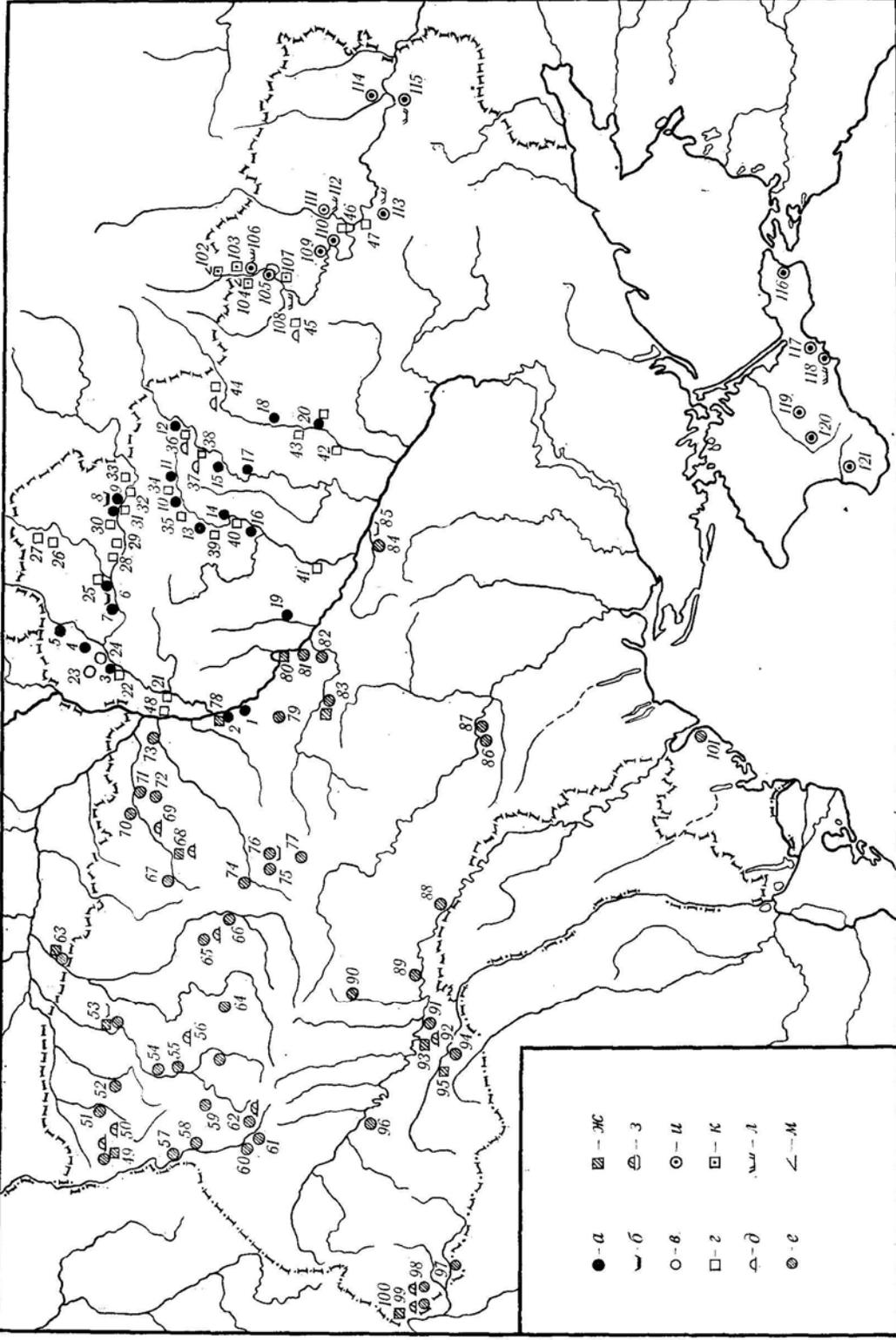

Рис. 19. Основные памятники последней четверти I тыс. н. э. на территории УССР.

Условные обозначения: а — поселения и б — могильники волынской культуры; в — поселения г — городища и д — могильники ромешенской культуры; е — поселения ж — городища и з — могильники типа Луки-Райковецкой; и — поселения к — городища, л — грунтовые и ж — каменные могильники салтовской культуры.

Памятники волынской культуры: 1 — Ходосовка, 2 — Киев, 3 — Шестовица (Уроч. Корюпель), 4 — Целиков Бугор, 5 — Чулатово, 6 — Сосница, 7 — Мена, 8 — Вольнцево (Уроч. Стан), 9 — Харьковка, 10 — Беселовка, 11 — Малые Будки, 12 — Бягича, 13 — Дергачевка, 14 — Засулье, 15 — Новотроицкое, 16 — Хатцы, 17 — Киселевка, 18 — Волки, 19 — Стоялы, 20 — Опощина.

Памятники ромешенской культуры: 21 — Чернигов, 22 — Шестовица, 23 — Малый Листев, 24 — Пушчари, 25 — Сосница, 26 — Горбово, 27 — Новгород-Северский, 28 — Червоный Ракоч, 29 — Боргод, 30 — Камень, 31 — Вольнцево (Уроч. Курган), 32 — Луцтовка, 33 — Басовка, 34 — Басовка, 35 — Шумск, 36 — Зеленый Гай (Уроч. Старое Крейдище), 37 — Опощина, 38 — Каменное, 39 — Ромны, 40 — Лубны, 41 — Воинская Гребля, 42 — Решетняк, 43 — Подтава, 44 — Цицаха, 45 — Городное, 46 — Харьков, 47 — Коробов, 48 — Любеч.

Памятники типа Луки-Райковецкой: 49 — Головно, 50 — Мелановичи, 51 — Комарово, 52 — Подржье, 53 — Бабка, 54 — Вольнянка, 55 — Липлянка, 56 — Пересопица, 57 — Литошик, 58 — Скорохи, 59 — Усовостав, 60 — Ракобуть, 61 — Репнев I, 62 — Подгорцы (Шписнек), 63 — Хотомель, 64 — Мости, 65 — Большие Горбашы, 66 — Рогачев, 67 — Ушица, 68 — Коростень, 69 — Межиречка, 70 — Христиньва, 71 — Полеское, 72 — Шишловка, 73 — Кружинька, 74 — Будки, 75 — Тетерева, 76 — Шумск, 77 — Райки (Лука-Райковецкая), 78 — Киев, 79 — Обухов, 80 — Монастырек, 81 — Канев, 82 — Саханька, 83 — Момоты, 84 — Макаров Остров, 85 — Великая Андрусовка, 86 — Грабовец, 87 — Семенчи II, 88 — Григоровка, 89 — Банота, 90 — Городок, 91 — Рацков I, 92 — Черновка, 93 — Добриновцы, 94 — Колыч, 95 — Ревное, 96 — Неависко, 97 — Федорово, 98 — Червенево, 99 — Знятево, 100 — Ужгород, 101 — Шабо, 102 — Памятники салтовской культуры: 102 — Дмитрівка, 103 — Волчак, 104 — Верхний Салтов, 105 — Печенги, 106 — Негайовка, 107 — Мознач, 108 — Сухая Гомольська, 109 — Савицы, 110 — Изгой, 111 — Жогтневос, 112 — Шейковка, 113 — Красный Лимач, 114 — Рогалци, 115 — Новолиманька, 116 — Героевца, 117 — Плелерское, 118 — Кордоп-Оба, 119 — Мелное, 120 — Тау-Кипчак, 121 — Инчерман.

Иногда прослеживались канавки, окружавшие захоронения, со следами ритуальных оградок. В состав инвентаря входили обломки сосудов и другие изделия — ножи, наконечники стрел, мелкие украшения.

На Вольни, в Прикарпатье и на Среднем Поднепровье открыты культовые сооружения в виде укрепленных и неукрепленных святилищ [Русанова, 1966; 1973, с. 24; Тимошук, 1976, с. 82—91].

В составе вещевого материала — керамика, орудия труда, оружие, конское снаряжение, украшения, монеты. Глиняные сосуды изготавливались большей частью вручную. Они грубые, толстостенные, с примесью крупнозернистой дровы и шмота. Для кухонной посуды, представляющей наиболее многочисленную группу сосудов, характерны конусовидная форма горшков, расширенных в верхней части, а также округлобокая, у которых по сравнению с конусовидными меньше разница диаметров горла и дна и выпуклые плечики расположены ниже.

Наиболее распространенные виды орнаментации: ямки, насечки, ногтевые вдавления и пальцевые вмятины по краю венчиков. Известны сосуды и без орнамента.

Вторую группу составляют мискообразные сосуды, миски-цедилки с отверстием в дне или стенке; третью — кружки. К четвертой группе относятся сковородки, к пятой — массивные жаровни, предназначенные для просушки зерна или выпекания хлеба.

Основная масса гончарной посуды, составляющей от 5 до 20 % общего количества материала, по технологическим качествам и форме близка к лепной посуде, что указывает на ее местное производство.

Гончарные горшки большей частью украшались линейно-волнистым орнаментом, покрывающим всю поверхность сосуда.

На наиболее поздних памятниках появляется посуда древнерусского, так называемого курганного, типа.

На поселениях типа Луки-Райковецкой, расположенных вблизи Днепра и Днестра, найдено небольшое количество привозной посуды — сероглиняной сал-

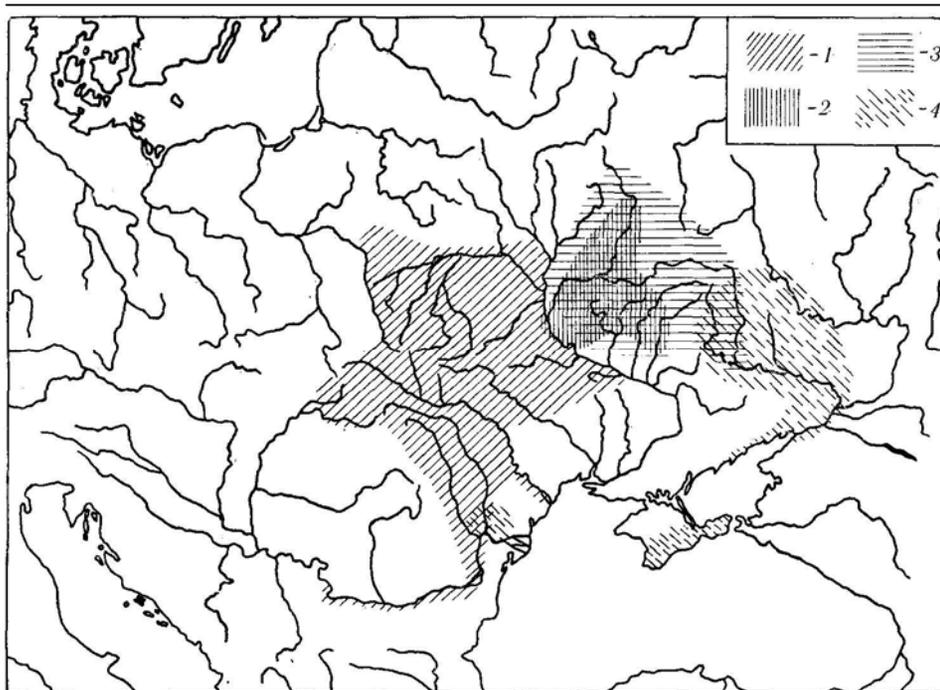

Рис. 20. Ареал археологических культур последней четверти I тыс. н. э.
Условные обозначения: 1 — памятники типа Луки-Райковецкой, 2 — волынцевская, 3 — роменская, 4 — салтовская.

товского типа, а также амфорной, импортируемой из Причерноморья.

Орудия труда связаны с сельским хозяйством и ремеслами. Это наральники, серпы, косы-горбуши, мотыги железные и костяные, жернова и растиральники, топоры, тесла, долота, резцы-ложжари, глиняные литейные формы прясла и др. Об оружии дают представление наконечники копий листовидной формы и наконечники стрел нескольких типов — листовидные и двухшипные втульчатые, ромбовидные с черенком. Частью снаряжения всадника являются шпоры. Украшениями служили височные проволочные кольца, подковообразные фибулы, серьги-лунницы, подвески-бубенчики, браслеты пластинчатые, литые и из граненой проволоки, перстни, стеклянные бусы и пронизи. К предметам личного убора относятся пряжки круглой и овальной форм, «гитаровидные» и др.

Многочисленны находки арабских дирхемов VIII—IX вв. Они встречены в составе кладов и в виде отдельных находок в Поднепровье и Поднестровье.

Время существования памятников типа Луки-Райковецкой установлено раз-

личными методами. Большое значение имели стратиграфические наблюдения. На городище у с. Хотомель в БССР было зафиксировано два культурных слоя, разделенных пожарищем. Верхний слой, содержащий керамику типа Луки-Райковецкой, датировался предметами VIII—X вв. На основании данных стратиграфии датированы и отдельные жилища на других поселениях (Подорожье, Гульск, Монастырек, Ревное и др.). В сочетании с радиоуглеродным и археомагнитным методами данные стратиграфии использованы для разработки эволюции керамики на территории от Правобережья Днепра до Закарпатья с V—VI по X в. Значительный вклад в разработку эволюции и датировки славянской культуры Правобережья Днепра и Северной Буковины внесли многие исследователи славянских древностей: И. П. Русанова, Б. А. Тимошук, О. М. Приходнюк, В. А. Петрашенко [Русанова, 1973; Тимошук, 1976; Приходнюк, 1980; Петрашенко, 1982].

Культура Правобережья Днепра VIII—X вв. может быть разделена на два этапа, различающиеся отсутствием на раннем этапе и присутствием на позд-

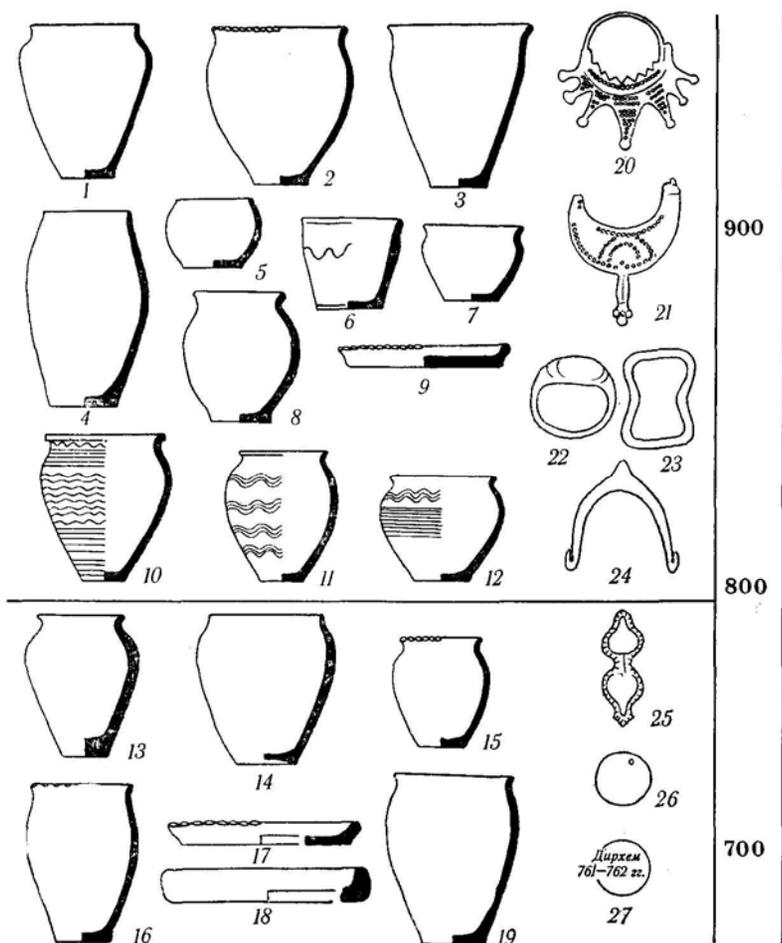

Рис. 21. Культура типа Луки-Райковецкой. Основные этапы развития:

1, 7 — Буки; 9 — Канев; 3, 10, 21, 27 — Монастырей; 4, 5, 22 — Шумск, Репнев I; 8 — Лука-Райковецкая; 11 — Радванка; 12 — Червенево; 13, 17, 18 — Бакота; 14 — Городок; 15 — Сахновка; 16, 24 — Ревное; 19, 26 — Кодын II; 20—2, 3 — Хотомель; 25 — Ханска.

нем местной гончарной посуды [Гончаров, 1963; Русанова, 1973]. Этой же точки зрения придерживается и Б. А. Тимощук, обозначивший ранний и поздний периоды этой группы памятников как фазы B_1 и B_2 [Тимощук, 1976]. О. М. Приходнюк выделил особый этап Сахновки — период формирования памятников типа Луки-Райковецкой [Приходнюк, 1980].

Известны объекты раннего этапа с лепной посудой типа Луки-Райковецкой, датированные концом VII—VIII в. (рис. 21, 13—19, 25—27). Ряд жилищ на поселениях Городок и Сахновка датирован археомагнитным методом концом VII — началом VIII в., а несколько построек на поселении Бакота — вто-

рой половиной VII — серединой VIII в. [Приходнюк, 1975, с. 46, 47; 1976, с. 117]. Одно из жилищ на поселении Подрожье датировано радиоуглеродным методом концом VII — началом VIII в. [Русанова, 1973, с. 21].

Некоторые постройки датируются по находкам в них определяющего материала: в жилище № 9 городища Монастырек найден арабский дирхем чеканки 761 — 762 гг. [Максимов, Петрашенко, 1980, с. 7]; в жилище № 20 и неподалеку от него на поселении Ханска II в МССР — две бронзовые литые антропоморфные фибулы VIII в. [Рафалович, 1972, с. 39]; жилища VIII в. поселений Кодын I, II датированы стратиграфическим методом, а также импортной провинциально-

византийской керамикой и серебряной монетовидной подвеской салтовского типа [Тимошук, Русанова, Михайлина, 1981, с. 91]. В названных объектах обнаружена лепная керамика — округлобокие и конусовидные горшки, большей частью с отогнутыми венчиками, часто украшенными ямками по краю. Жилища поселения Рашков I, в которых преобладала лепная посуда, а иногда встречалась и гончарная, датированы археоманитным методом концом VII — началом IX в. [Баран, Карчина, Некрасова, 1979, с. 296].

Вызывает разногласия датировка поселения Репнев I [Аулих, 1963, с. 378—380; Русанова, 1973, с. 20] в связи с находками в мусорных ямах на поселении двух шпор с крючкообразно загнутыми вовнутрь концами, относящихся, по Я. Жаку, к VI—VII вв. [Zak, 1959, s. 82]. Найдки их можно рассматривать как случайные либо связывать с наиболее ранними объектами поселения — постройками № 4 и 7, в которых найдена лепная посуда, типологически относящаяся к VII—VIII вв. (шпору западнославянских типов могли появиться на Волыни с некоторым опозданием). Остальные объекты поселения относятся к последующим периодам — IX—XI вв.

В комплексах позднего этапа памятников типа Луки-Райковецкой известна лепная и местная гончарная посуда, а в ряде случаев и датирующий материал характерный для IX в. (рис. 21, 1—12, 20—24). На Добриновском городище найдены две шпору: одна — VIII — IX вв., другая — IX—XII вв., что позволяет предположить одновременное их бытование в IX в. [Тимошук, 1976, с. 42; Кирпичников, 1973, с. 57, 64]. Из них шпора более раннего времени найдена на полу наземного общественного дома Добриновского городища.

Некоторые вещи аналогичны материалам Новотроицкого городища Левобережья Днепра, датированного IX в. [Ляпушкин, 1958, с. 185—188]. К ним относятся бронзовый пластинчатый браслет с небольшой продольной гранью и пунктирным орнаментом в виде зигзага из комплекса с поздней керамикой типа Луки-Райковецкой поселения Буки в Восточной Волыни; бронзовый ли-

той перстень с круглым щитком из заполнения землянки с печью-каменкой на поселении Шумск этой же области; семилучевое височное кольцо с ложной зернью и «гитаровидная» пряжка IX в. из верхнего горизонта культурного слоя городища Хотомель [Русанова, 1973, с. 18-19].

На поселении Григоровка на Среднем Днестре возле одного из металлургических горнов найден перстень с жуковиной, снабженной четырьмя лапками и выступами, образующими равноконечный крест; перстень аналогичен венгерским находкам IX в. [Артамонов, 1955, с. 110]. В культурном слое городища Монастырек обнаружена бронзовая серьга в виде лунницы, аналогичная великоморавским древностям IX в. [Максимов, Петрашенко, 1980, с. 14; Chropovsky, 1971, s. 233].

Известен ряд археологических комплексов IX в. в Северной Буковине, в частности на селище, примыкающем к городищу у с. Ревное (Ревное IA). Исследовано девять жилищ IX в., из них три перекрывались валами городища X в. и, следовательно, могут датироваться стратиграфически. В жилищах преобладала лепная керамика в сочетании с гончарной, близкой по форме лепной с линейно-волнистым орнаментом. В одном из жилищ найдена железная шпора с отогнутыми крючкообразными петлями, по форме характерная для времени до X в. [Тимошук, Русанова, Михайлина, 1981, с. 92; Кирпичников, 1973, с. 64].

Целый ряд находок с поселений Каневского, Макарова Острова, городищ Монастырек, Хотомель и других имеют более широкую дату — VIII—IX или VIII—X вв. Они подтверждают хронологические рамки памятников типа Луки-Райковецкой в целом. Это наконечники стрел и копий, топоры, некоторые серьги и др. Наконечники стрел — втульчатые листовидные и двухшипные, а также черенковые — ромбовидные и трехлопастные килевидные — имеют широкий хронологический диапазон, охватывающий VIII—X вв. [Медведев, 1966, с. 56—70]. Наконечники копий листовидной формы аналогичны наконечникам копий салтовских памятников VIII—IX вв. [Плетнева, 1967, с. 158—

159]. Наконечники копий с удлинённым треугольным пером и сильно скошенными плечиками относятся к VIII—X вв. [Кирпичников, 1966, с. 13]. В составе клада, найденного в жилище поселения в уроч. Макаров Остров, находились узколезвийные проушные, со щекавицами на обухе топоры, аналогичные топорам салтовской культуры VIII—IX вв. [Плетнева, 1967, с. 158—159]. Литейная формочка из ювелирной мастерской Каневского поселения предназначалась для отливки серьги с подвеской в виде столбика из трех шариков салтовского типа второй половины VIII—IX в. [Плетнева, 1967, с. 141].

На городище Монастырек в одной из хозяйственных ям найден костяной односторонний составной гребень, украшенный геометрическим орнаментом (сетка, ромбы), который может быть отнесен к периоду IX—XI вв. [Максимов, Петрашенко, 1981, с. 277; Давидан, 1962, с. 100—101]. Здесь же, в жилище № 2 обнаружен дирхем чеканки 814 г., а также значительное количество гончарной керамики.

Лепная и гончарная керамика типа Луки-Райковецкой продолжает бытовать и в X в., сосуществуя с древнерусской посудой так называемого курганного типа с манжетовидными венчиками. Подобное явление наблюдается на Каневском поселении, на городищах Монастырек в Среднем Поднепровье, Ревное IБ и Ревное IIIБ в Северной Буковине и на ряде других памятников. В этих случаях керамика типа Луки-Райковецкой является составным элементом древнерусской культуры. В крупных древнерусских центрах керамика этого типа прекращает свое существование раньше, в более периферийных областях существует на протяжении всего X в.

Таким образом, памятники типа Луки-Райковецкой могут быть датированы периодом конца VII — конца IX в., который подразделяется на два этапа. Первый, ранний этап датируется концом VII — VIII в., для него характерно бытование лепной керамики. Второй, поздний этап относится к IX в. и включает памятники, на которых сосуществует лепная и местная гончарная керамика. Последующий, X в. относится,

по существу, уже к древнерусской эпохе. В это время керамика типа Луки-Райковецкой еще существует, особенно

в периферийных районах Руси, как составной элемент древнерусской культуры.

По вопросу единства восточнославянской культуры VIII—IX вв. существуют различные точки зрения. И. И. Ляпушкин подчеркивал единство славянской культуры VIII—IX вв. Восточной Европы [Ляпушкин, 1968], И. П. Русанова в связи с отличиями правобережных памятников от роменских Левобережья Днепра и лесной полосы главным образом в керамическом материале предложила для древностей VIII—IX вв. Правобережья Днепра название «культура Лука-Райковецкая» [Русанова, 1958, с. 41]. В других работах отмечаются различия памятников типа Луки-Райковецкой в Поднепровье, Побужье и Поднепровье, прежде всего в их керамическом комплексе [Баран, 1978, с. 21]. Высказываются предположения о том, что в будущем в культуре Луки-Райковецкой возможно выделение локальных вариантов и даже самостоятельных культур VIII—IX вв. на землях от Среднего Днепра до Подунавья [Приходнюк, 1980, с. 123].

Анализ археологических материалов приводит к выводу, что материальная культура восточных славян в VIII—IX вв. в целом отличалась общностью и единством. Однако в ряде случаев наблюдаются локальные этнографические особенности и варианты культуры в ограниченных районах.

Местными особенностями поселений Киевщины и Каневщины являются сочетания в жилищах трех типов обогревательных сооружений — печей-каменок, глиняных каркасных печей и печей, сооруженных из камня и глины; обмазка бревенчатых стен глиной; в погребальном обряде — захоронение на горизонте по обряду сожжения с наличием глиняной подмазки.

Для курганных погребений Волины характерна ограда в виде ровиков и ряда столбиков. В этой области по сравнению с другими широко распространена конусовидная (расширенная в верхней части) форма кухонных горшков. Местные особенности в характере поселе-

Таблица 3. Общие черты и локальные особенности материальной культуры групп памятников

Союз племен	Область	Форма жилища		Конструкция стен	
		общие черты	локальные особенности	общие черты	локальные особенности
Поляне	Киевщина	Прямоугольные (квадратные) однокамерные		Срубные	
	Каневщина	Те же		Срубные Столбовые *	Глиняная обмазка
Уличи	Тясмин	» »		»	
	Южный Буг	» »		Срубные	
Древляне	Восточная Волянь	» »		Срубные Столбовые	
Воляняне, бужане, дулебы	Западная Волянь	» »		Столбовые	
	Верхний Днестр Северная Буковина	» » » »		» Срубные Столбовые	Глиняная обмазка
Хорваты	Закарпатье	» »	Овальные двухкамерные	Те же	Каркасно-плетневые с глиняной обмазкой
Тиверцы	Средний Днестр	» »		Срубные	
	Прутско-Днестровское междуречье	» »		Срубные Столбовые	

* С деревянной обшивкой плахами или досками.

ний прослеживаются лишь в Западной Воляни, где в жилищах сооружались печи, вырезанные в материковом останце.

В Северной Буковине отмечались такие местные особенности, как глиняная обмазка бревенчатых стен построек и обилие примесей в керамике крупной дресвы («посыпанная керамика»).

Ряд местных особенностей прослеживается в культуре Закарпатья. Здесь

встречаются овальной формы или двухкамерные жилища, обогревательные сооружения трех типов — печи-каменки, каркасно-глиняные и открытые очаги. В погребениях по обряду сожжения на Среднем Днестре отмечались глиняная обмазка под захоронением и окружающие погребение ровики. В керамике Прутско-Днестровского междуречья в качестве примеси обильно употреблялась слюда.

Отопительное устройство		Погребальный обряд (трупосожжение в стороне от захоронения)		Керамика (форма кухонных горшков)	
общие черты	локальные особенности	общие черты	локальные особенности	общие черты	локальные особенности
Печи-каменки	Сочетание печей-каменок, каменно-глиняных, глиняных (каркасных) Те же	Курганное, урновое, на горизонте	Глиняная подмазка	Конусовидная, округлобокая Те же	Биконическая »
»		Бескурганное, урновое, ямное		» »	»
»		Бескурганное, урновое, ямное Курганное, на горизонте, ямное	Курганы, окруженные ровиками, столбиками	Конусовидная, округлобокая	Биконическая
»	Глиняные, вырытые в материке	Бескурганное, урновое Курганное, на горизонте, в насыпи	Те же	Те же	
»		Бескурганное, урновое, ямное Курганное, на горизонте, ямное	» » » » » »	Округлобокая Конусовидная, округлобокая	
»	Сочетание печей-каменок, глиняных (каркасных) очагов	Курганное, урновое, на горизонте, ямное		Округлобокая	
»		Бескурганное, урновое Курганное, на горизонте	Глиняная подмазка, курганы, окруженные ровиками	Конусовидная, округлобокая	
»		Курганное, на горизонте		Те же	

Локальные проявления восточнославянской культуры относятся к вопросам, еще недостаточно изученным и нуждающимся в дальнейших исследованиях.

Общепринята точка зрения, что памятники типа Луки-Райковецкой в генетическом плане являются непосредственным продолжением пражско-корчакских древностей. Наиболее полно она была разработана И. П. Русановой

на основании эволюции керамических форм. Считая, что для обеих культур характерны конусовидные (расширенные в верхней части) сосуды, она прослеживает преемственность между обеими культурами, показывая эволюцию верхней части горшка — венчиков и плечиков [Русанова, 1973, с. 10—16]. Ее мнение разделяют В. В. Седов, Б. О. Тимошук и другие авторы {Седов, 1982, с. 91; Тимошук, 1976, с. 21}.

Вместе с тем в памятниках типа Луки-Райковецкой были распространены не только конусовидные сосуды, но и сосуды с наибольшим расширением в средней части (округлобокие). Эта форма не может быть выведена из керамики пражско-корчакских древностей. Она имеет прямые аналоги в пеньковской культуре V—VII вв. Поэтому следует признать, что подосновой памятников типа Луки-Райковецкой были не только памятники пражско-корчакского типа, но и памятники пеньковского типа. В областях распространения пеньковской культуры в V—VII в., в памятниках VIII—IX вв. типа Луки-Райковецкой преобладающей формой горшков была форма округлобокого сосуда, расширенного в средней части. Доживает до VIII—IX вв. и биконическая форма сосудов.

Этническая принадлежность памятников типа Луки-Райковецкой восточным славянам периода образования и ранней истории Руси сомнений не вызывает. Основным вопросом этнокультурной карты Восточной Европы периода образования древнерусского государства является определение особенностей культуры упоминаемых летописью группировок восточных славян, представляющих собой крупные союзы восточнославянских племен [Рыбаков, 1982, с. 25—28]. Проблема исторической географии летописных союзов племен и их увязки с данными археологии имеет обширную историографию, обобщенную в труде В. В. Седова [Седов, 1982].

Исследователями неоднократно отмечалась наибольшая трудность в определении особенностей культуры юго-западной группы восточнославянских племен. Материалов для его освещения пока недостаточно. Широкие исследования целого ряда поселений в 60—70-е годы расширили представление о восточнославянской культуре VIII—IX вв. Среднего Поднепровья, Волыни, Поднепровья и Прикарпатья, в то время как могильники в этих областях изучены пока еще в меньшей степени. Отдельные памятники или их группы исследователи связывали с летописными союзами племен.

К племенам полян, обитавшим, по летописи, в Киеве и вокруг него, были

отнесены поселения VIII—IX вв. Киева, Киевщины, Каневщины [Мезенцева, 1965; Максимов, Петрашенко, 1982, с. 18]. Южнее полян, «по Днепру вниз», летопись размещает уличей, впоследствии переселившихся, по Новгородской летописи, на земли между Бугом и Днестром. С улицами на Днепре были связаны поселения Потясминья [Березовец, 1963]. На северо-запад от Киева, на Восточной Волыни, находились земли древлян [Русанова, 1958]. В верховьях Западного Буга и Днестра предполагают древности дулебов, а позднее волынян и бужан [Баран, 1972, с. 130—136], обитавших, согласно летописи, по Бугу, С тиверцами, которые жили, как сообщает летопись, по Днестру и «приедаху к Дунаеви», связаны древности Среднего Днестра и Прутско-Днестровского междуречья [Тимошук, 1976, с. 137—139; Федоров, 1952]. В области Прикарпатья и Закарпатья расположены памятники племен хорватов [Тимошук, 1976, с. 137—139; Пеняк, 1980, с. 162—165]. Локальные особенности культуры памятников типа Луки-Райковецкой, прослеженные в отдельных районах и связанные, возможно, с определенными племенами или союзами племен, приводятся в табл. 3. Как видим, в памятниках типа Луки-Райковецкой VIII—IX вв. преобладали черты культурной общности, что во многом связано с образованием древнерусского государства и формированием древнерусской народности, единой на обширной территории Древней Руси.

2. Волынцевская культура

Выделение памятников волынцевского типа в особую группу раннеславянских древностей произошло после открытия их в начале XX в. [Макаренко, 1907; Березовец, 1953; Виноградский, 1952]. Первоначальная трактовка памятников в качестве «позднего варианта культуры полей погребальных урн», по терминологии А. А. Спицына, на долгое время завуалировала их конкретное содержание. Только лишь выявление аналогичных древностей в 1941 и 1948 гг. позволило поставить вопрос об их месте среди раннеславянских памятников Днепровского Левобережья [Виноград-

ский, 1952; Березовец, 1952; 1953]. С момента выделения памятники вызвали острую дискуссию между Д. Т. Березовцем и И. И. Ляпушкиным, противоречиво подходивших к их интерпретации. Дискутировались вопросы хронологической, этнокультурной и этнографической трактовки данных памятников.

Различные точки зрения объясняются, главным образом, недостаточностью источниковедческой базы в 50—60-х годах. Для примера приведем карту, опубликованную О. В. Сухобоковым, на которой количество памятников волынцевского типа не достигает и десяти [Сухобоков, 1971, с. 37—49]. В настоящее время мы уже располагаем несколькими десятками волынцевских памятников, из них на 15 производились раскопки (см. рис. 19).

Подавляющее большинство памятников волынцевской культуры находится в пределах территории Днепровского Левобережья, куда входят собственно Левобережная Украина и смежные области РСФСР. В рамки этой территории включены две большие физико-географические зоны: Восточное Полесье, охватывающее Брянскую и Черниговскую области, и Левобережная Лесостепь, занимающая частично Курскую, Белгородскую и Харьковскую области и полностью — Сумскую и Полтавскую.

Ареал памятников волынцевской культуры в общих чертах выглядит так. Северная и северо-западная границы их распространения находятся в районе г. Трубчевска (городище Макча); крайняя западная лежит на Правобережье Днепра под Киевом (Ходосовка); крайняя восточная проходит близ г. Курска (Авдево); южная граница — по-видимому, по линии Лубны — Сары — Решетняки [Сухобоков, Юренко, 1978, с. 134, рис. 2]. Таким образом, можно говорить о совпадении в целом ареалов волынцевской и роменской культур, хотя памятники последней отсутствуют в Киевском Поднепровье.

Наибольшее количество волынцевских древностей выявлено в Подесенье и в бассейне Сейма, где в последние годы обнаружен ряд поселений, в культурных отложениях которых наряду с волынцевскими содержатся материалы роменской и древнерусской культур. В

данном случае для нас важно наличие волынцевской керамики на таких поселениях, как Макча [Падин, 1969, с. 208—218], Посудичи [Заверняев, 1960, с. 190—193; Третьяков, 1974, с. 87—89], Полужье [Ляпушкин, 1959, с. 81—86], Целиков Бугор [Горюнов, 1972, с. 42—46], Роище [Максимов, Терпиловский, 1977, с. 351] и др., где фиксируются заметные волынцевские отложения.

Известны памятники волынцевской культуры в бассейнах Псла (6), Сулы (9), Ворсклы (4).

Заслуживает внимания Днепровское Правобережье в районе Киева, где на ряде раннеславянских поселений (Ходосовка, Обухов II, Монастырек) обнаружены материалы волынцевской культуры, что позволило значительно расширить ареал волынцевских памятников (см. рис. 20).

Среди них главное место занимает комплекс археологических памятников у с. Волынцево Путивльского р-на Сумской обл., открытых Д. Т. Березовцом, посвятившим их изучению много лет (1948—1949, 1953, 1965—1966 гг.). В последние годы (1980—1981 гг.) раскопки памятника продолжил Волынцевский отряд Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР (рук. С. П. Юренко), в ходе которых поселение было полностью исследовано на площади 4500 м² (из 5000 м² доступной для раскопок площади). Бескурганый могильник был полностью уничтожен в результате многолетней распашки и выкорчевки сада в конце 60-х годов [Юренко, 1981, с. 327—328; 1983, с. 77—78].

Другим важным по значению волынцевским памятником является Битицкое городище [Ляпушкин, 1959, с. 58—83]. Однако более информативными оказались результаты раскопок Новотроицкого и Опошнянского поселений [Ляпушкин, 1961, с. 288—304; Сухобоков, Иченская, Юренко, 1976, с. 395]. Тщательное изучение материалов считавшегося ведущим памятником роменской культуры Новотроицкого городища методом планиграфии и корреляции типов керамики дало основание для выделения волынцевского горизонта в его культурных отложениях. Это, а также анализ материалов Опошнянского поселения позволили

выявить завершающий — поздневолынцевский — период развития культуры.

В массе своей волынцевские памятники представлены неукрепленными поселениями и бескурганными могильниками с трупосожжением на стороне, а также кладами.

По местоположению и общему облику волынцевские поселения сходны с поселениями предшествующего времени. На относительно высоких точках рельефа расположены Ходосовка, Обухов II, Битица, Опошня, но все они относятся к позднему периоду волынцевской культуры.

Нехарактерны для волынцевских поселений оборонительные сооружения: двойная линия валов и рвов на Битицком городище относится к концу I тыс. до н. э., а незначительные укрепления на Опошнянском поселении, скорее всего, более позднего времени. При самом тщательном обследовании местности ни на одном этапе не удалось обнаружить следов искусственных оборонительных сооружений на поселении у с. Волынцево. Следовательно, мы вправе квалифицировать его и большинство других (Сосница, Вовки, Васильки и др.), как неукрепленное поселение. Исходя из этого можно говорить об ошибочности точки зрения И. И. Ляпушкина, рассматривавшего Волынцевское поселение в качестве «болотного» городища [Ляпушкин, 1968, с. 61], с одной стороны, и о справедливости мнения Д. Т. Березовца, который именно в топографии волынцевских поселений и их неукрепленном характере видел одну из важнейших черт данных памятников, — с другой.

Представление о планировке и характере застройки поселений волынцевской культуры, в первую очередь, дает Волынцево, где открыты остатки 51 жилого и хозяйственного сооружения. Постройки располагались несколькими компактными группами, в которых трудно усматривать элементы двухрядной (уличной) планировки, как считал Д. Т. Березовец. Нет оснований говорить также о группировке построек по их назначению.

Анализ различных конструктивных особенностей, организации интерьера, характера отопительных сооружений позволил выделить типологию жилых

построек (94 жилища с 15 поселений), причем преобладали жилища полужемляночного типа (84 %), что отвечает традициям домостроительства на территории Днепровского Левобережья как в I, так и во II тыс. н. э. Жилища каркасно-столбовой конструкции составили большую часть (94 %).

Доступные анализу волынцевские жилища являются однокамерными, в плане квадратной или прямоугольной формы, ориентированы углами или стенами по сторонам света. Их размеры, отвечая потребностям индивидуальной семьи, колеблются от 12 до 18 м².

Основным типом отопительных сооружений были глиняные печи, составляющие стойкий элемент организации внутреннего пространства жилища. Печи вырезались в материковых останках либо в массивах специально принесенной и сбитой спондиловой глины в том случае, если материк для этих целей не мог употребляться.

Кроме того, встречаются печи в подбоях, а также очаги (Битица, Опошня). Однако они немногочисленны и на общий облик культуры не влияют.

В устройство волынцевских жилищ входили ямы-хранилища, вырезанные в полу и частично уходящие подбоем в стену. Ямы вне жилищ встречаются в единичных случаях.

Количество погребальных памятников волынцевской культуры незначительно: в настоящее время известно три могильника (между селами Малые Будки и Константинов, открытый еще в начале XX в. Н. Е. Макаренко; близ с. Волынцево, открытый и исследованный Д. Т. Березовцом в 1948—1949, 1953 гг., случайно открытый в 1941 г. и исследованный в 1948 г. разрушенный могильник близ г. Сосницы). При этом наиболее полно изучен могильник у с. Волынцево, на котором было исследовано 17 погребений по обряду трупосожжения на стороне с последующим захоронением результатов кремации в урнах, куда ссыпались очищенные от золы и угля пережженные кости с предметами личного убора покойного. Урны сопровождались стравницами, иногда гончарного производства. Сопровождающий ИНВЕРТАРЬ имел символическое значение. Урны и стравницы устанавливались на по-

верхности и прикапывались дерновым слоем.

Д. Т. Березовец исследовал площадки для трупосожжения на могильнике близ Сосницы. Подобные площадки в последние годы обнаружены в районе г. Курска на Лебяжбинском могильнике Ю. А. Липкингом [Липкинг, 1974, с. 136-152].

Во всех случаях на волынцевских могильниках не прослежено остатков погребальных сооружений. Тем не менее И. И. Ляпушкин, ссылаясь на неполную и не всегда четкую документацию Д. Т. Березовца, считал погребения Волынцевского могильника подкурганными [Ляпушкин, 1968, с. 61—63].

Могильные древности волынцевской культуры в основных чертах сближают ее с погребальными обычаями населения памятников пеньковско-колочинского круга, с одной стороны, и памятниками роменской культуры — с другой. В последней дальнейшее развитие волынцевских традиций погребального обряда прослеживается довольно четко.

До настоящего времени детальная классификация и типология волынцевского керамического комплекса не проводилась; имеющиеся публикации в лучшем случае содержат описание керамики с указанием наличия посуды различной технологии. При этом основное внимание уделяется гончарной высококачественной и богато орнаментированной посуде, составляющей специфическую черту волынцевской культуры. Между тем такая посуда составляет всего 10 % всей керамики. Общее же «лицо» волынцевского керамического комплекса определяется лепной керамикой (89,3 %), что сближает волынцевскую культуру с памятниками других славянских культур второй половины I тыс. н. э.

Для анализа нами были использованы коллекции керамики, полученные при раскопках в 15 пунктах. Опорным служит керамический комплекс с поселения и могильника у с. Волынцево, в котором имеется около 40 целых форм, а также свыше 150 обломков верхних частей сосудов, поддающихся реставрации. Всего же мы располагаем 130 целыми сосудами и 253 реставрирован-

ными верхними частями, восстановленными от среза венчика до максимального расширения корпуса.

По своему функциональному назначению посуда волынцевской культуры подразделяется на несколько категорий (горшки, миски, кружки, сковородки и т. п.). Разнообразна посуда и по форме. Внутри категорий выделяются типы, при этом за основу приняты моделировка верхней части и соотношения основных параметров. Выделены восемь типов лепных и пять — гончарных горшков, четыре типа лепных и три — гончарных мисок, пять типов сковородок, два — амфор и редкие формы посуды различных категорий (рис. 22).

Ведущую категорию волынцевской посуды составляют горшки (60 %). Среди них преобладают сосуды I типа (40,4 % общего количества горшков) с ововидным корпусом, невысоким, слегка отогнутым наружу венчиком и высокими плечиками; их высота колеблется в пределах 12—30 см. По форме корпуса и соотношениям основных параметров выделяются четыре подтипа. Из них 90 % горшков всех типов орнаментированы пальцевыми вдавлениями по срезу венчика (рис. 22, 22).

Значительное распространение получили горшки III, IV и VII типов. При этом сосуды VII типа включают в себя черты явного подражания гончарным горшкам: как правило, их поверхность всегда подлощена и примеси в составе теста более тонкие (рис. 22; 24, 16, 17).

Орнаментация лепной керамики насчитывает 18 мотивов, в основном состоящих из оттисков пальца по венчику, круглой в сечении палочки, ногтя, а также довольно редко встречающихся отпечатков палочки, перевитой веревочкой или косыми наколами гребенчатого штампа по плечикам. В исключительных случаях встречаются орнаментальные композиции, несущие магическую смысловую нагрузку.

Характерной чертой волынцевских гончарных горшков являются высокий вертикальный венчик, четко выраженные высокие плечики и корчагообразный корпус; их размеры колеблются в пределах от 6—40 до 30—40 см. Среди них наиболее распространены горшки

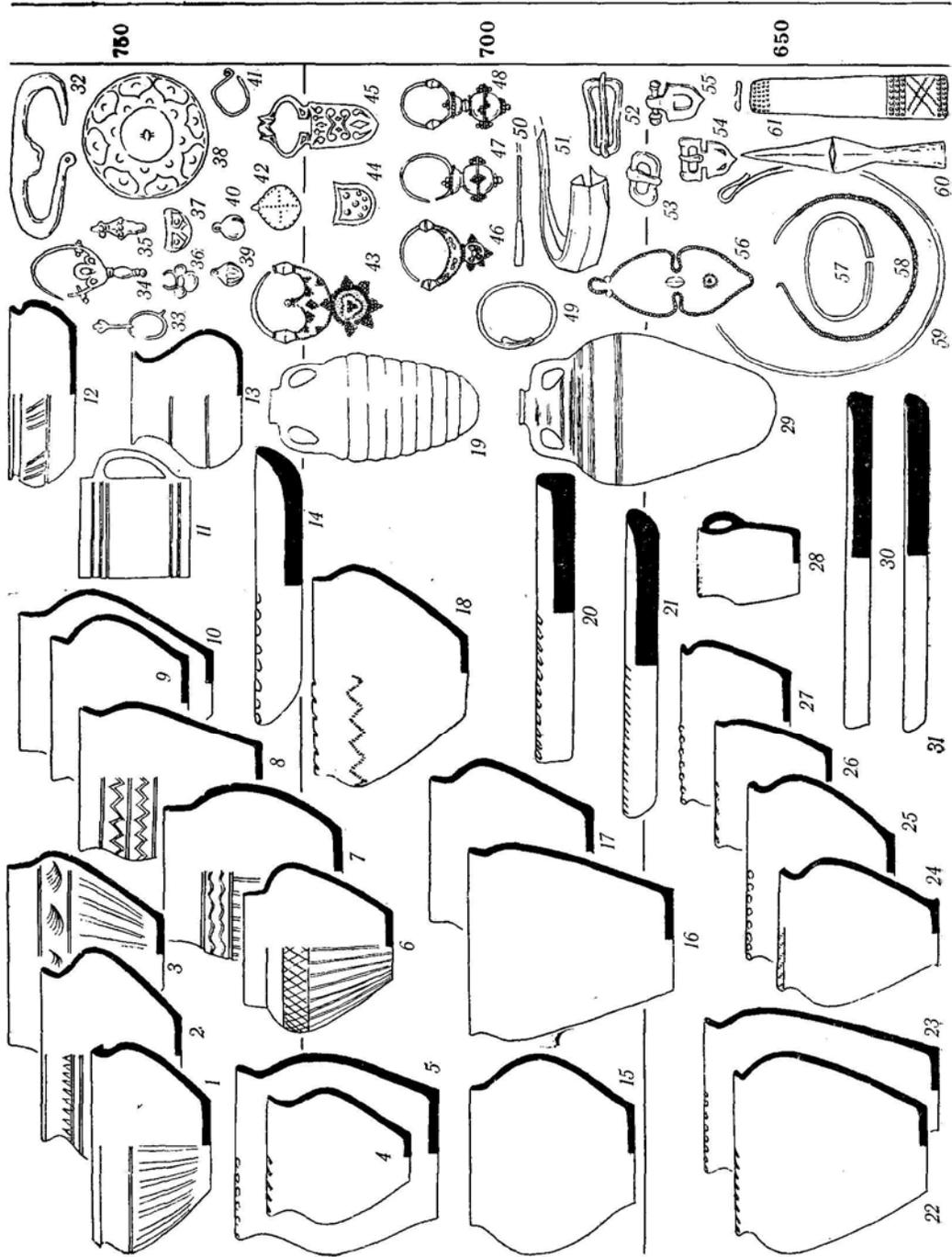

Рис. 22. Вольпес-
 скал культура.
 Основные этапы
 развития:
 1-3, 6-13, 19, 29 —
 гончарная керамика
 (1-3 — миски типов
 I-III, 6-10 — горш-
 ки типов I-V); 4,
 5, 14-18, 20-28, 30,
 31 — лещная керами-
 ка (4, 5, 15-17, 22-
 24 — горшки типов
 I-VIII, 18, 25-27 —
 миски типов I-IV,
 14, 20, 21, 30, 31 —
 сковородки типов
 I-V); 1-31 — Во-
 льпесово, Новогороди-
 цкое, Ходосовка, Обу-
 хов, П. Битца, Ки-
 ополь, Вовня, Ки-
 селька 2, Соснина,
 Баселья, Бесселов-
 ка; 32, 33 — Ополья;
 33, 34, 36, 37, 39,
 52 — Ходосовка; 40,
 41, 50, 60, 61 — Во-
 льпесово; 35-42 —
 Новогородицкое; 43 —
 49, 51, 56-59 —
 Харьвеня; 53-55 —
 Либяжье IV.

I типа с подтипами (45,8 %). Это сосуды с коническим корпусом, короткими и узкими плечиками, высоким вертикальным, иногда наклоненным вовнутрь венчиком (рис. 22, 6).

Поверхность большинства гончарных горшков и мисок лощеная, реже — лишь какая-то часть поверхности, часто лощение являлось одним из орнаментальных мотивов. Насчитывается 30 различных орнаментальных сюжетов, представленных сочетаниями гребенчатых наколов с широкими горизонтальными вдавленными пролощенными линиями, отпечатками веревочного штампа по плечикам, беглой волной, зигзагом из пролощенных или врезных линий, перекрестно-полосатым лощением и т. п.

Миски четырех типов в лепной керамике волынцевского керамического комплекса составляют 19,8 %. В большинстве случаев они орнаментированы пальцево-ногтевыми вдавлениями по срезу венчика, некоторые имеют частичное лощение поверхности (рис. 22, 25—27).

К специальной посуде относятся два типа кубковидных сосудов, цилиндрические и горшковидные кружки, тигельки.

Среди волынцевской керамики значительное место занимают сковородки пяти типов, составляющие 18,3 % всего комплекса. Обычно они орнаментировались, как и миски, пальцево-ногтевыми вдавлениями, оттисками палочки, в редких случаях — веревочным штампом (рис. 22, 14, 20, 21, 30, 31).

К гончарной керамике относятся амфорная тара (два типа) и небольшое количество сероглиняной посуды — салтовские кувшины с узким горлом и приземистым, расширяющимся ко дну корпусом.

Металлические предметы представлены орудиями труда (наральники, косы, серпы, ножи и т. д.), оружием (наконечники копий и стрел), доспехом (обрывки кольчуги), бытовыми предметами (туалетные пинцеты, пряжки, бритва).

Изделия из цветных металлов на памятниках волыньцевской культуры немногочисленны. Это, главным образом, украшения. К ним относятся литые и проволочные височные серебряные и

бронзовые кольца (Волынцево, Битица), проволочные круглые в сечении серебряные браслеты с расплюснутыми концами (Волынцево), железные перстни (погребение №10 Волынцевского могильника), серебряные антропоморфные и с растительным орнаментом бляшки (Ходосовка), серебряные и бронзовые бубенчики, зеркала (Сосница) (рис. 22, 32—60).

Наиболее полно комплекс украшений представлен в известном Харьевском кладе [Березовец, 1952, с. 109—119]. Это серьги (золотые и серебряные), подвески, шейные гривны, антропоморфные фибулы, поясные бляшки и т. п.

Количество изделий из стекла, кости и камня в общем невелико. Костяные предметы представлены проколками, кофедыками, амулетами. Среди стеклянных изделий, обнаруженных в погребениях, большинство составляют бусы, сильно пострадавшие от огня.

Топография волынцевских поселений указывает на преимущественно земледельческий характер занятий населения.

Определение хронологии древностей волынцевской культуры затруднено из-за отсутствия строго датирующих находок в составе материалов из раскопок как поселений, так и могильников. Именно это и вызвало острую дискуссию между И. И. Ляпушкиным и Д. Т. Березовцом. Если Д. Т. Березовец датировал памятники в рамках VII—VIII вв. [Березовец, 1952; 1953, с. 25—26; 1969, с. 18], то И. И. Ляпушкин считал их синхронными роменским (VIII—X вв.) [Ляпушкин, 1961, с. 215—217, 356—366; 1968, с. 62]. Мнение И. И. Ляпушкина поддержал Е. А. Горюнов, относивший волынцевские памятники к ранним этапам роменской культуры [Горюнов, 1981, с. 90].

В связи с этим особую важность приобретает относительная хронология, позволяющая установить место волынцевских памятников в ряду восточнославянских культур Днепровского Левобережья. Поэтому следует рассмотреть соотносимость волынцевской с роменской культур. Славянская принадлежность роменской культуры является общепризнанной, как и хронологические рамки (VIII—X вв.), на

вопрос о ее происхождении все еще остается дискуссионным: одни исследователи пытались искать ее истоки к северу и северо-западу от Левобережья Днепра [Третьяков, 1969, с. 78—90; 1982, с. 7], другие — вывести ее из памятников пражского (корчакского) типа [Русанова, 1976, с. 200]. Гипотеза П. Н. Третьякова, основанная на материалах раскопок позднедьяковских городищ и длинных курганов Смоленщины, встретила серьезные возражения [Сухобоков, 1971, с. 46—48; 1975, с. 138—140] и не может быть принята. Неубедительно также декларативное предположение И. П. Русановой, подкрепленное ссылкой на якобы широкое распространение аналогичной керамики с веревочным орнаментом на Правобережье, что, однако, не соответствует действительности [Винников, 1982, с. 177].

По-видимому, более справедлива другая точка зрения, согласно которой истоки роменской культуры следует искать на территории ее распространения, а именно в волынцевских памятниках (Д. Т. Березовец, О. В. Сухобоков).

Волынцевская культура с ее открытыми поселениями и бескурганскими могильниками с трупосожжениями и захоронением на стороне кремированных в урнах гораздо ближе стоит к древностям середины — третьей четверти I тыс., чем к роменской культуре. Для последней, как известно, характерны укрепленный тип поселений в пунктах, господствующих над местностью, и курганный тип могильников с трупосожжением на стороне. Уже поэтому неправильно считать однородными эти морфологически различные группы памятников. Исходя из этого нельзя считать их синхронными, поскольку первые типологически предшествуют вторым на рассматриваемой территории. Отсюда следует, что если нижняя граница роменской культуры определяется VIII в., то этим временем определяется и верхняя граница волынцевской культуры. Период VI — VII вв. на рассматриваемой территории представлен памятниками колочинского и пеньковского типов, в верхних горизонтах которых содержатся волынцевские материалы, что может

указывать на нижнюю границу волынцевской культуры в целом.

Е. А. Горюнов выделил ряд общих черт среди памятников раннего этапа пеньковской культуры и волынцевского типа, которые проявляются в характере и топографии поселений, однотипности жилищ, наличии сходных форм керамики, а также в присутствии в керамическом комплексе обеих групп древностей элементов салтовской культуры [Горюнов, 1981, с. 85]. Это явление отмечено как для лесостепной зоны, так и для Деснинского Полесья.

Кроме того, обращает на себя внимание сходство некоторых форм керамики колочинского типа с пеньковской раннего этапа в районах поречья Десны, что, конечно же, не является случайным и легко объясняется их общей подосновой, в качестве которой выступают памятники киевской культуры [Герпиловский, 1980, с. 18—21; Приходнюк, 1980, с. 113 — 126; Горюнов, 1981, с. 91].

В то же время не исключено и участие Черняховской культуры в сложении волынцевских древностей. Напротив, на некоторых раннесредневековых памятниках лесостепной зоны (Авдеево, Беседовка, Воробьевка и др.) фиксируются элементы Черняховской культуры в сочетании с основными чертами колочинской и пеньковской культур [Сымонович, 1971, с. 56 и сл.]. Материалы этих поселений опубликованы неполностью, но и их нельзя сбрасывать со счетов, говоря о проблемах этнокультурного развития населения Левобережного Поднепровья во второй половине I тыс. н. э.

Анализ керамических комплексов как самого Волынцевского поселения, так и других поселений типа волынцевского позволяет расчленить керамический комплекс на три горизонта: ранний, соотносимый по времени с раннеславянскими колочинскими и пеньковскими; средний, соотносимый с памятниками типа Сахновки; поздний, типологически близкий к Луке-Райковецкой. Последний, представленный поселениями Новотроицкое и Опошня, является связующим звеном между волынцевской и роменской культурами. Таким образом, можно утверждать, что керамический комплекс волынцевских памятни-

ков предшествует керамике роменской культуры.

Для раннего этапа волынцевской культуры характерно сочетание типов посуды с округлым корпусом и сосудов реберчатых форм (Волынцево, жилища № 6, 7, 12-14, 20, 21, 25, 35, 36, 41, 48, 49). Подобное сочетание отмечено и на наиболее близком к Волынцевскому могильнике у с. Лебяжье III, где прослежены тождественные первому детали погребального обряда. На нем представлены сосуды I, II, IV, V и VIII типов горшков по нашей типологии. Датировка этого горизонта керамического комплекса обоснована находками бронзовых и серебряных проволочных браслетов с расплюснутыми (Волынцево) или зооморфно оформленными концами (Хитцы), имеющих аналоги в ряде кладов (Колосково, Козиевка, Хацки, Первое Цыпляево), и определяется в пределах VII в. В рамках V—VII вв. датируются копия из Княжинского могильника. Аналогичный экземпляр копия был найден и на Волынцевском поселении. VI—VII вв. датируются железные почковидные пряжки [Ковалевская, 1979, табл. XVIII, 18; XIX, 15; Старостин, 1967, табл. 19, 13, 14, 24; 20, 22], первой половиной VII в. — костыльковые застежки [Генинг, 19/9, с. 101]. В силу этого ранний период может быть датирован серединой VII в., чему не противоречит датировка аналогичных предметов в могильниках Южной Таврики [Пудовин, 1961, с. 184; Амброз, 1971, с. 120—122] (рис. 22, 55—61).

Для среднего горизонта характерно наличие горшков IV, VI, VII и VIII типов, сковородок с более высоким бортиком и красноглиняных амфор с зональным рифлением верхней части по плечикам. Последнее, согласно новейшим разработкам, является отличительной деталью амфор второй половины VII—VIII в. [Баранов, 1977, с. 24]. Этот период волынцевской культуры датируется на основании ранних салтовских импортов и предметов из Харьковского клада, в состав которого входят двухщитковые антропоморфные фибулы и звездоподобные VII — VIII вв. [Рыбаков, 1949, с. 63; Айбабин, 1973, с. 69—70], лировидные с вытянутыми губами

пряжки [Ковалевская, 1979, табл. XV, 12], серебряные и бронзовые браслеты с расширенными трубчатыми концами, шаровидные пустотелые с гроздьями зерни подвески, послужившие прототипом для древнерусских височных колец [Корзухина, 1946, с. 48—51], входящие к рубежу VIII в. Такие предметы найдены в виде обломков на Волынцевском поселении. На Сосницком поселении обнаружен фрагмент раннесалтовского зеркала, которое по аналогии с северокавказскими могильниками датируется VII—VIII вв. [Мерперт, 1951, рис. 2]. Таким образом, средний горизонт волынцевской культуры вероятнее всего датировать рубежом VII/VIII — началом VIII в., тем более что время зарытия кладов в лесостепной зоне Левобережья определяется началом VIII в. [Корзухина, 1969; Айбабин, 1973, с. 71; Горюнов, 1981, с. 81; Приходнюк, 1980, с. 109—111] (рис. 22, 43—52).

Поздний горизонт волынцевской культуры характеризуется керамическим комплексом, в котором ведущими являются горшки IV—VII, VIII и миски II, III типов наряду с гончарными горшками I и V типов. Более широко представлена амфорная керамика, которая некоторыми специалистами датируется вплоть до XI в. [Якобсон, 1979, рис. 12, 3]. Абсолютная хронология позднего горизонта определяется литыми бронзовыми «салтовскими» серьгами (Ходосовка), датирующимися, по Н. Я. Мерперту, концом VII—VIII вв., а по С. А. Плетневой, — второй половиной VIII — началом IX в.; антропоморфными и с растительным орнаментом серебряными бляшками (Ходосовка), датировка которых по аналогии с северокавказскими могильниками лежит в пределах конца VII — начала IX в. [Ковалевская, 1972, рис. 3, 21] (рис. 22, 32—41). VIII — IX вв. датируются наконечники стрел с плоским ромбическим наконечником, обнаруженные в жилищах № 29, 30 Волынцевского поселения и в волынцевском горизонте Новотроицкого. В состав позднего волынцевского керамического комплекса входят горшки, кубышка и плоская миска гончарной технологии (Волынцево) (рис. 22, 12, 13), ближайшие аналогии которым известны в материалах Дмитриевского

катакомбного могильника [Плетнева, 1981, рис. 46, 9, 11, 12, 15; 47, 7). Вместе взятое дает основания определять границу позднего горизонта волынцевской культуры в рамках середины — второй половины VIII в.

Предложенная периодизация волынцевской культуры подтверждает точку зрения Д. Т. Березовца, определявшего ее хронологию в целом VII — VIII вв. При этом нельзя не отметить, что в настоящее время нижняя граница раннего периода представляется недостаточно четкой из-за немногочисленности узко датированных находок на стыке пеньковско-колочинских и волынцевских древностей. Нечеткой является и верхняя граница волынцевской культуры. Последнее объясняется коротким периодом ее существования с роменской в пределах второй половины VIII в., что проявляется в культурно-хронологическом промежутке таких поселений, как Новотроицкое и Опошня, причем на первом из них был выделен поздний пласт волынцевской культуры. Сохраняя определенную близость с волынцевскими памятниками, эти поселения по топографии и характеру стоят гораздо ближе к памятникам роменского типа благодаря расположению на возвышенных местах и наличию элементов оборонительных сооружений.

Сложнее обстоит дело с этнокультурной атрибуцией волынцевских памятников. В уже упоминавшейся полемике Д. Т. Березовца и И. И. Ляпушкина были высказаны различные мнения по этому вопросу. Так, Д. Т. Березовец определял их как безусловно славянские [Березовец, 1952, с. 250; 1953, с. 25—26; 1960, с. 18]. Основываясь на существовании различной технологии в производстве керамического комплекса, И. И. Ляпушкин считал эти памятники неоднородными в этническом отношении, но при этом воздерживался от конкретных суждений [Ляпушкин, 1961, с. 215—217, 356—366; 1968, с. 62].

М. И. Артамонов связывал волынцевские и синхронные им памятники пастырского типа с тюркскими племенами, занимавшими территорию Днепровского Левобережья в период, предшествовавший расселению славян [Артамонов, 1968, с. 60—62].

Работы О. В. Сухобокова лишь частично затрагивали вопрос об этнической принадлежности памятников волынцевской культуры, в которых он усматривая подоснову роменских древностей, развивая взгляды Д. Т. Березовца о славянской принадлежности первых [Сухобоков, 1975; 1977]. Присоединяясь к мнению И. И. Ляпушкина, Е. А. Горюнов считал волынцевские памятники раннероменскими и, следовательно, склонялся к мысли об их славянской принадлежности [Горюнов, 1981, с. 90]. Славянскими в своей основе считает их и В. В. Седов [Седов, 1970, с. 128-130; 1982, с. 138].

Совершенно особую позицию в этом вопросе занял М. Ю. Брайчевский: по его мнению, волынцевские памятники вместе с пастырскими являются «реликтом Черняховской культуры», что равнозначно понятию «подлинная культура начальной Руси» [Брайчевский, 1968, с. 169, 170]. Насколько для автора принадлежность Черняховской культуры славянам несомненна, настолько у него не вызывает сомнений и славянство волынцевских памятников.

Из приведенного выше перечня взглядов на этнокультурную атрибуцию волынцевской культуры можно видеть, что большинство авторов признают, что она уходит своими корнями в общеславянский мир.

С некоторыми оговорками можно принять точку зрения В. В. Седова, согласно которой волынцевские памятники оставлены славянизированным иранским компонентом, некогда входившим в состав населения Черняховской культуры. Это, по мнению автора, подтверждается данными антропологии и топонимики, в частности гидронимии, отражающей длительное пребывание иранского этнического элемента в Лесостепном Левобережье. К сожалению, в настоящее время не обнаружено никаких древностей, которые могли бы быть определенно связаны с этими иранскими элементами. Нам представляется, что к моменту сложения волынцевской культуры иранский элемент был настолько славянизирован, что только гончарная керамика (не более 10 % всего керамического комплекса) может свидетельствовать о его участии в формировании культуры.

Все остальные элементы волынцевской культуры находят свое соответствие в достоверно славянских памятниках широких территорий славянской ойкумены.

Исходя из положения, что для установления культурной принадлежности того или иного рода памятников определяющим является их отношение к памятникам последующего времени [Седов, 1979, с. 39], а соотношение волынцевской и роменской культур было рассмотрено выше — есть все основания говорить о славянской атрибуции волынцевской культуры. Племенная принадлежность роменской культуры северянам является общепризнанной. Поэтому мы вправе рассматривать памятники волынцевской культуры как археологический эквивалент культуры северян предромепского времени (VII — VIII вв.).

Таким образом, сопоставление материалов волынцевской и роменской культур показывает не только их культурную и генетическую близость, проявляющуюся в сходстве основных черт материальной культуры, но и иллюстрирует последовательность социально-экономического развития населения Днепровского Левобережья во второй половине I тыс. н. э.

Резюмируя изложенное, можно считать волынцевскую культуру безусловно славянской по принадлежности, но осложненной инокультурными влияниями субстратного характера, что говорит об этнической неоднородности населения Днепровского Левобережья во второй половине I тыс. н. э.

3. Роменская культура

Последние столетия I тыс. н. э. на территории Днепровского Левобережья представлены раннеславянскими памятниками роменской, или роменско-боршевской*, культуры. Свое название памятники получили по эпонимному городищу близ г. Ромны, которое

в начале XX в. открыл и в течение ряда лет исследовал Н. Е. Макаренко [Макаренко, 1907, с. 55; 1908; 1925, с. 323]. В дальнейшем роменские памятники исследовали П. Н. Третьяков [Третьяков, 1947, с. 123; 1953, с. 240; 1969, с. 18—80], И. И. Ляпушкин [Ляпушкин, 1946, с. 191; 1947, с. 121; 1958; 1961, с. 215—315; 1968, с. 56—88], Д. Т. Березовец [Березовец, 1952, с. 242; 1955, с. 49-66; 1969], В. И. Довженко [Довженко, 1952, с. 251—270], М. В. Воеводский, Ф. М. Заверняев, В. А. Падин, Б. А. Шрамко и др. В последние годы роменской проблематикой занимаются сотрудники ИА АН СССР и ИА АН УССР. В новейшей монографии В. В. Седова этим памятникам посвящен обширный раздел [Седов, 1982, с. 133-143].

Роменские памятники распространены исключительно на территории Днепровского Левобережья, под которым понимается Левобережная Украина с прилегающими районами РСФСР по бассейнам Десны и Сейма (см. рис. 19, 20). В пределах этого региона памятники роменской культуры занимают верхние и средние течения основных левых притоков (Сулы, Пела и Ворсклы), весь бассейн Сейма и Десны от впадения в нее Сейма и выше до северо-западной границы Брянской обл. (с. Тихая Пристань). Отдельные роменские поселения на западе выходят на Днепр (Любеч). На востоке границей роменской культуры является линия Шапулинка — Мохнач, в пределах которой роменские поселения расположены по Ворскле и Северному Донцу в районе Харькова (Городное, Донецкое, Коробов). Южная граница в целом совпадает с границей Лесостепи, проходя по линии крайних пунктов Коробов, Решетняки — Жовнин. Следует отметить, что в рамках очерченной территории поселения роменской культуры распределяются неравномерно: они многочисленнее в районах распространения подзолистых почв, указывающих на наличие здесь в древности лесных массивов, и их почти нет в болотистых безлесных поймах низовьев Десны и Сейма, на засоленных и песчаных почвах нижних течений Псла и Ворсклы, Переяславском Левобережье. Такие

* Этот термин был предложен И. И. Ляпушкиным [Ляпушкин, 1947, с. 126—127] и в настоящее время является общепотребительным в специальной литературе, хотя и ставится некоторыми авторами под сомнение.

особенности распространения роменских поселений согласуются с сообщением летописи о левобережных славянах, «иже в лѣсах живяху».

Большая часть роменских поселений располагается по берегам рек и других водоемов в точках, занимающих господствующее положение над местностью или же в труднодоступных местах. Для этой цели использовались крутые мысы, образованные поймой рек и впадающими в них балками. При этом наблюдается стремление максимально использовать рельеф местности для задач обороны. С такой же целью под поселения занимались дюны и всхолмления среди болотистой местности.

Таким образом, роменские поселения резко отличаются от поселений вольтынской и предшествующих ей культур на территории Днепровского Левобережья как по топографическим условиям, так и по характеру — это в основном укрепленные поселения. Городища являются ведущим типом поселения роменской культуры на большей части территории Лесостепи. В этом регионе селища часто сопутствуют городищам, составляя с ними единое целое. В зоне Деснинского Полесья открыто значительное количество поселений без следов какой-либо фортификационной системы, но хорошо защищенных естественными условиями. Интересно отметить, что в этом случае роменские отложения подстилались культурным слоем середины — третьей четверти I тыс. н. э.

В целом же роменские городища являются весьма стабильным типом поселения, что обусловлено внутренним укладом жизни населения, равно как и фактором внешней опасности. Характерно расположение роменских поселений своеобразными гнездами по 3—7—9 в 2—5 км одно от другого. В этом нетрудно усматривать определенные родственные связи внутри этих групп, с одной стороны, а также социально-экономические отношения между гнездами поселения — с другой.

Форма городищ всецело определялась их мысовым расположением и зависела от формы и конфигурации береговых выступов и останцев. Вместе с тем городища на дюнах и всхолмле-

ниях имели укрепления по периметру занятой поселением территории в виде кольцевой системы валов и рвов.

Оборонительная линия возводилась на земляном валу, образовавшемся при сооружении рва, и представляла собой стену из толстых бревен, закрепленных в горизонтальном положении между попарно стоящими вертикальными столбами. Такие конструкции прослежены в ранних слоях Донецкого городища [Шрамко, 1962, с. 308], а также на Коробовском и как будто на Мохначеском городищах. Следы аналогичных укреплений отмечены на поздневольтынецком поселении близ Опошни [Сухобоков, Иченская, Юренко, 1976, с. 396]. В ряде случаев на роменских городищах отмечено применение камня при строительстве укреплений (Коробовское). Остатки деревянных конструкций в виде столбовых ямок в промежутке между каменной облицовкой позволяют усматривать в них стену наподобие частокола. Такая же картина прослежена в ходе раскопок одного из городищ у с. Ницаха [Сухобоков, 1975], на городище Каменное [Сухобоков, Иченская, Орлов, 1978, с. 387—388; 1979, с. 407—408]. Это дает основания утверждать, что появление каменных конструкций относится к VIII—X вв., а не к древнерусскому периоду.

На поселениях роменской культуры отсутствует специальная планировка построек по их назначению. Жилища и хозяйственные ямы располагались очень кучно, но это относилось лишь к отдельным комплексам, отвечавшим потребностям семьи [Ляпушкин, 1958, с. 192—210; Сухобоков, 1975, с. 70—71; Седов, 1982, с. 135-136].

Жилища роменской культуры, как и других восточнославянских культур, представляют собой углубленные в грунт на 0,5—1,2 м четырехугольные в плане полуземлянки площадью от 9—12 до 20—30 м, ориентированные по сторонам света. Стены облицовывались плахами, укрепленными системой вертикальных стояков; применялись и срубные конструкции, например на Волокитинском городище. В жилище вел ступенчатый, облицованный деревом вход (Донецкое, Каменное), над кото-

рым сооружалась легкая пристройка вроде сеней; крыша ее поддерживалась столбами вне жилища (Каменное).

Внутреннее устройство жилищ составляли глинобитные или вырезанные из останцев печи с такими же останцами вдоль стен, служившими своеобразной мебелью. Свод печи монтировался из глиняных, предварительно обожженных вальков.

На позднем этапе существования роменской культуры на Донском поселении зафиксированы и определенные элементы уличной планировки [Шрамко, 1970, с. 105].

Погребальный обряд населения памятников роменской культуры почти в деталях соответствует сообщению летописца: «мертвеца сожизаху и посемь собравше кости вложаху в судину малу и поставяху на столпъ на путъх...» [ПВЛ, 1950, т. 1, с. 15]. Действительно, еще первые исследователи курганных древностей Днепровского Левобережья обратили внимание на могильники, содержавшие урновые захоронения сожженных на стороне в верхней части насыпей [Самоквасов, 1878, с. 175; 1908, с. 66—78; 1916]. Эти наблюдения подтвердились в ходе раскопок погребальных памятников населения рассматриваемой территории [Соловьева, 1956, с. 138—170; Березовец, 1955, с. 49—66; 1969, с. 11]. Однако известны курганные могильники с иным обрядом. Так, в одном и том же курганном могильнике отмечается сосуществование нескольких обрядов (трупосожжение на месте насыпи и в середине насыпи, с погребальными урнами и стравницами и с захоронением результатов кремации в ямке на месте кострища и т. п.). Эти различия принято объяснять этнографическими особенностями [Соловьева, 1956, с. 146—148]. Существует и другое мнение, согласно которому прослеживается эволюция погребальных обычаев: если предшествующие роменским грунтовые могильники вольницевской культуры содержат урновые захоронения кремированных на стороне в дерновом слое, то ранние роменские курганы — урны с прахом в самом верху насыпи, более поздние — на $\frac{1}{4}$ высоты, позднее — на $\frac{1}{2}$, самые поздние представляют собой сож-

жения на месте погребения [Березовец, 1959, с. 185]. Очевидно, это справедливо для основной территории роменской культуры; в пограничных же районах (каковыми являются между речью Днепра и Десны) при анализе могильников следует учитывать этнографические факторы, связанные с сосуществованием различных племенных групп.

Следует отметить также существование в роменской культуре беекуранных погребений с захоронением праха сожженного на стороне в неглубоких ямках, без каких-либо внешних признаков. Одно из таких погребений было обнаружено при раскопках Донецкого городища Б. А. Шрамко [1962, с. 314].

В целом же для роменской культуры характерны курганные могильники с погребениями урновых захоронений праха сожженных на стороне в насыпи, что отмечается у всех восточнославянских племен, как по сообщениям источников, так и по археологическим данным [Соловьева, 1956, с. 138—170; Ляпушкин, 1968, с. 158; Седов, 1982, с. 7-8, 136].

Керамический комплекс роменской культуры представлен посудой лепной и гончарной технологий, причем первая занимает преимущественное место. Впервые классификацию и типологию роменской керамики произвел И. И. Ляпушкин [1958, с. 32—46], но лишь на материалах Новотроицкого поселения. В основу предлагаемой типологии нами положены разработки И. И. Ляпушкина, скорректированные по материалам других памятников.

Посуда по назначению и технологии делится на две большие группы: кухонную (в основном лепную), а также столовую и тарную (преимущественно гончарную). Первую составляют горшки, миски и сковородки. Ко второй относятся импортная посуда салтовского происхождения и амфорная керамика городов Северного Причерноморья и Приазовья.

Посуда первой группы преимущественно грубого изготовления, с бугристой поверхностью, крупными примесями шамота и дресвы в тесте. Ее можно разделить на шесть категорий.

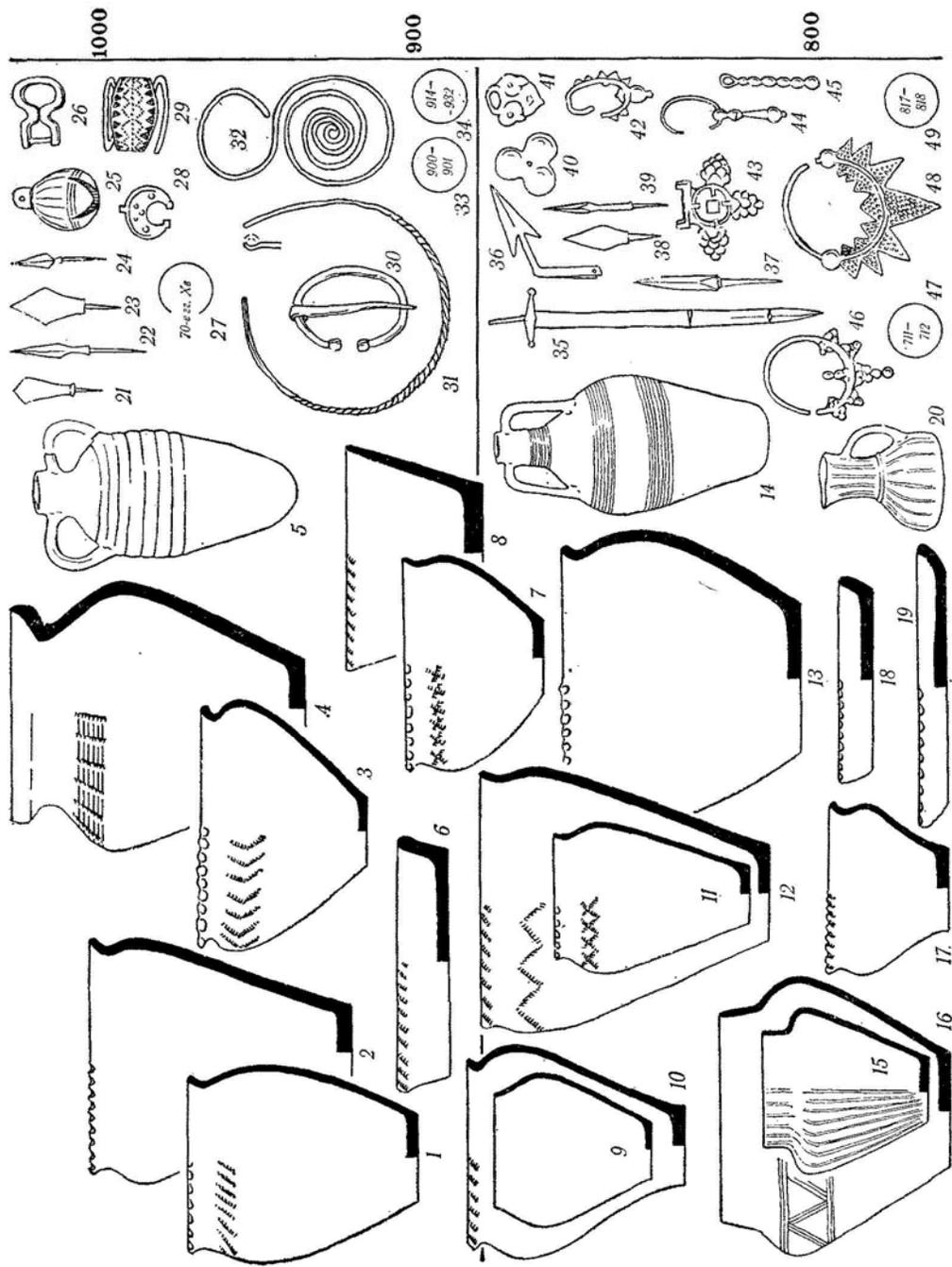

Рис. 23. Роменская культура. Основные этапы развития.

Горшки: 1 — тип I; 2, 9, 10 — тип II; 11, 12 — тип III; 13 — тип IV; 15, 16 — тип I; V. Миски: 3 — тип I; 7 — тип II; 17 — тип III; 8 — тип IV. Скородки: 18 — тип I; 19 — тип II. 1—20 — Новотроицкое, Битица, Каменное, Путивль, Донецкое, Лухтовка, Лухтовское, Латышевка; 21—24, 36, 37, 40, 42—49 — Новотроицкое; 5, 37—39 — Путивль; 25, 28, 33, 35 — Донецкое; 26 — 29, 31, 32 — Каменное; 27 — Путивль; 30 — Путивль;

Первая из них представлена горшками, которые составляют пять типов.

К I типу относятся горшки оvoidной формы с выпуклыми стенками, слегка отогнутым венчиком и слабо выраженной шейкой, невыраженными плечиками и узким дном ($\frac{1}{2}$ диаметра горловины) (рис. 23, 1).

II тип характеризуется широкой горловиной, слабо выраженной шейкой, высокими покатыми плечиками, коническим корпусом и узким дном ($\frac{1}{3}$ диаметра горловины) (рис. 23, 2).

Горшки III типа представлены стройными сосудами конической формы с открытой широкой горловиной, диаметр которой несколько меньше высоты горшка, едва намеченной шейкой со слабо отогнутым венчиком, невыраженными плечиками и узким дном ($\frac{1}{3}$ диаметра горловины) (рис. 23, 11, 12).

К горшкам IV типа относятся сосуды конической формы с широкой горловиной, примерно равной высоте корпуса, отогнутым венчиком, слабо намеченными плечиками и широким дном ($\frac{1}{2}$ диаметра горловины) (рис. 23, 13).

Горшки V типа отличаются цилиндрическим венчиком и четко выраженными, крутыми или плавными плечиками, переходящими в конический корпус средней высоты. Технология их изготовления более совершенна (рис. 23, 15, 16).

Миски являются второй ведущей категорией роменского керамического комплекса. Среди них выделяются четыре типа. К I относятся сосуды с широкой горловиной, диаметр которой значительно превышает высоту корпуса, четко смоделированным венчиком и шейкой, плавными выпуклыми плечиками и довольно узким дном ($\frac{1}{3}$ диаметра горловины). Поверхность относительно ровная и гладкая. II тип также представлен сосудами с широкой открытой горловиной, слегка отогнутым венчиком, слабо намеченной шейкой и S-видного профиля корпусом.

III тип включает в себя сосуды воронкообразной формы со слабо выраженными венчиком и непрофилированной шейкой, с перехватом в нижней части корпуса.

К IV типу относятся сосуды усечен-

но-конической формы с ровными стенками без профилировки отдельных частей (рис. 23, 3, 7, 8, 17).

Третьей категорией роменской посуды являются сковородки, среди которых можно выделить два типа, различающиеся высотой и моделировкой бортика (рис. 23, 18, 19).

Из числа «сковородкообразных сосудов», по И. И. Ляпушкину, выделяются отличающиеся от них по емкости тарелки, составляющие четвертую категорию роменской керамики. Их отличие состоит прежде всего в высоте вертикального или косо поставленного бортика (5—7 см), иногда имеющего некоторую моделировку верхнего края [Сухобоков, 1975, рис. 45, 5]. В составе теста посуды этой категории почти не заметно примесей, оно плотное, поверхность ровная, заглажена (рис. 23, 6).

К пятой категории роменского керамического комплекса следует отнести кружки, представленные в единичных экземплярах (Новотроицкое, Курган, Ницаха) и, видимо, поэтому не выделенные И. И. Ляпушкиным из группы кувшинообразных сосудов. Последние, представленные обломками небольших сосудиков (высотой от 10 до 18—22 см) с ручками, составляют шестую категорию роменской посуды.

Наиболее распространенные приемы орнаментации лепной керамики роменской культуры — зацепы и насечки по краю венчика, отпечатки веревочного и гребенчатого штампа; часть сосудов украшалась горизонтальными и волнистыми рельефными полосами, лощением (V тип).

На позднем этапе существования роменской культуры появляется посуда, изготовленная на примитивном гончарном круге [Бобринский, 1978] (рис. 23, 4).

Хронология роменской культуры в рамках VIII—X вв. определяется на основании салтовских импортных вещей и керамики, а также восточных монетных кладов и единичных монетных находок [Ляпушкин, 1947, с. 121—136]. В послевоенное время материалы для абсолютной хронологии были получены благодаря, главным образом, раскопкам Новотроицкого поселения,

где найден клад, состоящий из вещей и арабских монет VIII — IX вв. [Ляпушкин, 1958, рис. 13; 15]. Аналогичные находки обнаружены и на других поселениях: Донецкое [Шрамко, 1962, с. 310—311, рис. 125], Каменное [Сухобоков, Иченская, Орлов, 1977, с. 387], Лухтовка.

Таким образом, датировка роменской культуры VIII—X вв. общепринята [Ляпушкин, 1961, с. 234; Седов, 1982, с. 136].

Не все роменские памятники одновременны в этих широких рамках. Некоторые особенности поселений и обнаруженные на них материалы позволяют расчленить памятники роменской культуры на две хронологические группы: ранне- и позднероменскую, при этом верхняя граница позднего этапа лежит в пределах первой половины XI в.

К первой хронологической группе следует относить те ранние городища и поселения, которые имеют черты, сближающие их с памятниками предшествующего времени. Таковы поселения у поселка Опошня (Поворсклье) и близ с. Новотроицкое (бассейн Пела), выделяющиеся из числа собственно роменских укрепленных поселений незначительностью оборонительных сооружений (Опошня) либо полным отсутствием их (Новотроицкое). Данное обстоятельство роднит их с поселениями третьей четверти I тыс. н. э. Вместе с тем их местоположение на крутых останцах и мысах ничем не отличается от большинства роменских городищ.

Это подтверждается и некоторыми другими соображениями. Так, керамический комплекс Опошни имеет существенные отличия от типично роменского, которые проявляются в иных формах горшков, в наличии сковородок с особенно низким бортиком, отсутствии традиционного роменского «гусеничного» орнамента на плечиках сосудов и т. п. Кроме того, в керамическом комплексе Новотроицкого поселения выделен нижний горизонт, который может быть связан с вольынцевской культурой [Юренко, 1983, с. 16—17] и определяется как поздневольынцевский. Сосуды этого этапа обнаруживают свое сходство с горшками

III—V типов и мисками I — II типов по типологии роменской керамики, приведенной выше.

В дополнение следует назвать находку в одном из жилищ Опошнянского поселения зеркала салтовского типа [Ляпушкин, 1961, рис. 20], аналогу которому известен среди зеркал могильника Чми, датируемых до середины VIII в. [Мерперт, 1952, рис. 2]. Видимо, этим временем можно датировать и данное поселение.

Совокупность украшений и находок с Новотроицкого поселения указывает на начало VIII в. как на нижнюю дату его существования, в то время как монетные находки (дирхем 711/712—818/819 гг.) и салтовская керамика дают основания говорить о верхней границе поселения, которая может быть датирована концом IX—началом X в.

Вместе взятое позволяет установить хронологию раннероменского этапа с середины VIII до конца IX в. (рис. 23, 14—19).

Для выделения позднероменского этапа необходимо искать какие-то другие критерии. Одним из них может служить непрерывность существования роменского поселения на протяжении VIII — X вв. и в более позднее время, о чем свидетельствуют стратиграфические наблюдения, отмечающие отсутствие перемежающих стерильных прослоек или слоев пожарищ между роменскими и древнерусскими отложениями. В слое пожарища на Донецком городище было найдено грубое подражание куфическому дирхему начала X в. [Шрамко, 1962, рис. 125]. Аналогичная находка, но подражающая саманидскому дирхему 70-х годов X в., была обнаружена в верхнем слое Большого Горнальского городища [Куза, 1981, с. 29]. Там же был обнаружен саманидский дирхем, чеканенный при халифе Муктадире в первой трети X в. На наш взгляд, это крайне важно для выделения группы роменских поселений, продолжавших свое существование после рубежа IX/X вв. Кроме названных выше роменских поселений следует назвать археологические комплексы памятников у с. Ницаха (бассейн Ворсклы и у с. Каменное на Псле) [Сухобоков, 1978, с. 110; 1980, с. 160], а также у с. Лухтовка на Сейме.

Мнение И. И. Ляпушкина об отсутствии критериев для более дробного членения на хронологические отрезки роменской культуры [Ляпушкин, 1961, с. 224] не подтверждается новыми материалами.

Критерием членения позднероменского этапа может служить анализ керамического материала, среди которого имеется посуда переходной технологии, когда ручная лепка сосудов сменяется изготовлением их на круге. При этом они сохраняют традиции роменской культуры [Сухобоков, 1975, рис. 48], что проявляется в моделировке верхней части горшков по общерусским образцам, между тем как сами сосуды по-прежнему орнаментируются по плечикам характерным веревочным штампом, иногда в сочетании с линейно-волнистым орнаментом. Такая посуда обнаружена в ходе работ на городище у с. Волокитино и на городище близ с. Червоный Ранок в бассейне Сейма [Сухобоков, 1975, рис. 46]. Раннегончарная роменская керамика с веревочным штампом встречается на городище у с. Заречное (бывшее Петровское) на Ворскле [Третьяков, 1947, с. 123—139; Сухобоков, 1975, рис. 47]. Клейма на днищах роменских горшков обнаружены на Коробовском городище в бассейне Северского Донца [Шрамко, 1962, с. 308].

Наличие керамики, изготовленной в гончарной технологии, но имеющей линейно-волнистый орнамент в сочетании с оттисками веревочного штампа, отмечалось еще Н. Е. Макаренко при раскопках городища Монастырище, в одном из жилищ которого найдены лепные и гончарные сосуды древнерусского типа [Макаренко, 1925 а, с. 338]. Такая же совместная находка зафиксирована Б. А. Рыбаковым на Гочевском городище [Рыбаков, 1948, с. 76].

Исходя из перечисленных фактов можно говорить об определенном периоде сосуществования роменской и киеворусской керамики, что и является, на наш взгляд, индикатором позднего этапа роменской культуры. Этот период существования роменских и киеворусских традиций керамического производства отражает сложный и многогранный процесс вставания ро-

менской культуры в общерусскую, особенно интенсивно протекавший в конце X — первой половине XI в. Именно этим временем, видимо, и следует датировать поздний этап роменской культуры (рис. 23, 21—34).

Вместе с тем следует отметить и городища, занимающие промежуточное положение между ранне- и позднероменскими памятниками. Это, например, Донецкое городище, роменский слой которого датируется саблех раннего типа [Шрамко, 1970, рис. 2], время существования которого определяется А. Н. Кирпичниковым началом X в. [Кирпичников, 1966, с. 68]. Кроме того, верхняя граница жизни роменского поселения на этом городище хорошо документирована куфическим дирхемом конца IX в., что (с поправкой на время оседания монеты) может указывать на начало X в. [Шрамко, 1962, с. 313], а нижняя граница — табаристанской монетой 780 г. н. э., что свидетельствует о начале его жизнедеятельности до середины IX в.

Таким образом, датировка роменской культуры в целом должна определяться в рамках середины VIII — первой половины XI в., что в общем не совпадает с принятой хронологией этой культуры. Тем не менее последние полевые исследования дают новые материалы в подтверждение приведенного мнения. Так, в бассейне Десны на Горбовском городище в закрытом комплексе (в заполнении глинобитной печи) обнаружены лепные роменские сосуды совместно с горшками древнерусского типа, обычно датируемые первой половиной XI в. [Григорьев, 1983, с. 254-255].

Очевидно, на позднероменском этапе происходит смена трупосожжения труположением в насыпи или на горизонте. Характерно, что большинство таких курганов имеет канавку вокруг насыпи, а значительное количество скелетов частично обожжены или посыпаны угольками (Каменное) [Сухобоков, Юренко, 1976, с. 376; Сухобоков, Иченская, Орлов, 1977, с. 387].

С XI в. на территории Левобережья появляются и труположения в неглубоких подкурганых ямах, что прослежено при раскопках могильника

у с. Каменное, а также близ с. Городное в бассейне Ворсклы [Моруженко, 1977, с. 343-344].

Многолетнее изучение памятников роменской культуры показало, что, появляясь в результате длительного непрерывного развития оседлого населения, они хронологически и генетически увязываются с памятниками эпохи сложения древнерусского государства на территории Днепровского Левобережья. Вопрос о славянском происхождении роменской культуры в настоящее время сомнений не вызывает. Сложнее обстоит дело с вопросом о ее связях с памятниками предшествовавшего времени, которые и сейчас служат предметом существенных разногласий.

Так, по мнению некоторых специалистов, роменская культура на территории Днепровского Левобережья является пришлой (И. И. Ляпушкин, П. Н. Третьяков). И. И. Ляпушкин вообще отрицал наличие оседлого славянского населения на данной территории вплоть до VIII в. [Ляпушкин, 1968, с. 56]. Вместе с тем он не смог проследить генетические корни роменской керамики на территориях Правобережной Украины, Молдавии и даже Подунавья [Ляпушкин, 1956, с. 45—60]. Однако полученные в последние годы данные не подтверждают его мнение о едином историко-культурном развитии славян указанных регионов: можно лишь говорить о едином направлении социально-экономического развития восточнославянских племен. Культурная же нивелировка их относится только ко времени существования древнерусского государства.

Серьезные возражения вызывает и гипотеза П. Н. Третьякова об истоках роменской культуры из области верхнеднепровско-окского междуречья [Третьяков, 1969, с. 78—90], которая встретила обоснованную критику [Сухобок, 1975, с. 138—140], поддержанную другими исследователями [Седов, 1982, с. 137].

Между тем анализ волынцевских памятников и сопоставление их с памятниками роменской культуры показали их архаизм и наряду с этим гене-

тическую близость с последними, проявляющуюся в наличии однотипных форм лепной посуды, последовательном развитии специфической орнаментации оттисками веревочного штампа, погребальной обрядности, однотипности жилищ, в земледельческом характере занятий населения. С. П. Юренко разработана хронология волынцевских памятников (вторая половина VII — середина VIII в.) и установлены различия между ними и памятниками роменской культуры, которые заключаются в характере поселений и их топографии, наличии в волынцевском керамическом комплексе гончарной керамики салтовского облика [Юренко, 1983, с. 14—17]. При изучении материалов Новотроицкого поселения ей удалось выявить волынцевский горизонт жилищ с характерной волынцевской керамикой, что снимает возражения Е. А. Горюнова против более ранней датировки волынцевских памятников, чем собственно роменская культура. С. П. Юренко, установив отличительные признаки роменских и волынцевских памятников, обосновала вывод об опосредствованной связи между этими памятниками, которая выступает в памятниках типа Опшны, сочетающих в себе характерные черты обеих культурно-хронологических групп. Отсюда следует, что вряд ли можно признать правомерным мнение Д. Березовца о прямой «трансформации» волынцевских памятников в роменскую культуру [Березовец, 1969, с. 18]. Вместе с тем нельзя не видеть их культурной близости. Представляется несомненным, что волынцевские памятники являются культурной подосновой роменской культуры, которая увязывается с древнерусской культурой на рассматриваемой территории хронологически.

Этнокультурная атрибуция памятников роменской культуры в качестве безусловно славянских является общепризнанной. Иначе обстоит дело с определением их племенной принадлежности. Большинство исследователей связывают роменскую культуру с племенным союзом северян («Съверь», «Съверо») [ПВЛ, 1950, ч. 1, с. 13-15]. Такая точка зрения, опирающаяся на сообщения летописца, получила широкое

распространение в работах ведущих специалистов [Третьяков, 1953, с. 242; Рыбаков, 1947, с. 94, карта 4; Березовец, 1953, с. 28—44; 1968, с. 2, 10, 20].

И. И. Ляпушкин занимал в этом вопросе противоречивую позицию. Так, анализируя материалы Новотроицкого поселения и определяя его в качестве эталона роменских памятников, он считал их северянскими по племенной принадлежности [Ляпушкин, 1958, с. 225]. Позднее, исходя из ранее предложенного им объединения роменских и боршевских памятников в рамках единой роменско-боршевской культуры, он уже не считал возможным видеть в этих группах памятников различные этнографические образования восточного славянства, а именно северян и вятичей [Ляпушкин, 1968, с. 89].

На наш взгляд, такое мнение является чрезмерно осторожным. Прямые указания летописи, локализирующие северян по бассейнам левых притоков Днепра («...а другой съдоша по Дъснь, и по Семи, по Суле и нарекошася Сьверь...»), не допускают иных толкований. Памятники роменской культуры занимают, помимо указанных летописцем, бассейны Пела, Ворсклы и верховья Северского Донца. Но они ничем не отличаются от аналогичных памятников в бассейнах рек, названных в «Повести временных лет», и, следовательно, должны также считаться принадлежащими северянам. К этому следует добавить, что по мере дальнейшего изучения роменских и боршевских памятников возникает вопрос о неправомочности ставшего общеупотребительным термина «роменско-боршевская культура». Обе эти группы памятников существенно разнятся между собой морфологически и представляют две различные этнографические общности. На это обращали внимание многие специалисты, отмечая, что, несмотря на определенное сходство, роменские и боршевские памятники имеют значительные различия как в материальной культуре [Москаленко, 1965, с. 155; 1981; Винников, 1974, с. 25], так и в погребальных обычаях [Соловьева, 1956, с. 164—165; Москаленко, 1981, с. 114—131; Сухобоков, 1975, с. 144]. В силу этого мы

вправе рассматривать роменские и боршевские памятники как археологические эквиваленты соответственно северян и вятичей.

Северянской по принадлежности считает роменскую культуру и В. В. Седов. Вкратце его взгляд на этноисторический процесс на территории Днепровского Левобережья можно свести к следующим положениям: 1) славяне впервые появились на данной территории в середине I тыс. н. э.; 2) массовое расселение славян на Левобережье относится к VIII в.; 3) этноним «Сьвер» восходит к местному иранскому этническому компоненту; 4) славяне Днепровского Левобережья сформировались в северянский племенной союз в VIII—IX вв. и до этого времени не имели племенной организации [Седов, 1982, с. 133-140].

Нельзя не согласиться с тем, что этноним «Сьверь» действительно имеет иранское происхождение. В работах М. Фасмера, В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева достаточно убедительно дан ряд географических названий на территории Днепровского Левобережья, связываемых с иранским «seu» («черный») [Фасмер, 1973, т. 4, с. 262]. Иное дело, к какому времени относится контакт славянского и иранского населения на данной территории. По В. В. Седову, такой контакт имел место в первой половине I тыс. н. э., в рамках Черняховской культуры [Седов, 1979, с. 99—100; 1982, с. 133] или середине I тыс. н. э. Область Днепровского Левобережья в первой половине I тыс. н. э., согласно этой концепции, безоговорочно отводится балтам и сармато-аланам. Однако в пределах лесостепной зоны Левобережья Днепра известны лишь единичные погребения, связываемые с сармато-аланскими племенами. Поэтому не исключено, что славяно-иранский контакт в данной области имел место еще на заре раннего железного века [Рыбаков, 1982, с. 18—21, 26], что, в частности, подтверждается изысканиями языковедов.

Нельзя согласиться с В. В. Седовым и в том, что славяне, расселившиеся на Левобережье Днепра, получили имя «Сьверь» лишь в процессе своего расселения, т. е. не ранее VIII в. [Седов,

1982, с. 136]. В таком случае непонятно, как мог образоваться признаваемый В. В. Седовым союз русов и северян, который существовал в VI — VII вв. [Рыбаков, 1953, с. 101; Седов, 1982, с. 111] и принимал участие в освоении славянами Балканского п-ова в VI—VII вв. В этой связи интересно отметить, что именно в Добрудже, в северо-западном углу Северного Причерноморья, отмечается скопление гидро- и топонимической номенклатуры с корнем — «рос» — (Росава, Русе, Росница, До-рос-тол и др.) [Третьяков, 1948, рис. 1]. Появление этих названий, безусловно, увязывается со славянской колонизацией Балкан, начавшейся в первой половине I тыс. н. э. и наиболее активно протекавшей в VI — VII вв. В этом колонизационном потоке приняли участие и северяне — союзники русов [Рыбаков, 1947, с. 94, карта 5]. Если это так, то не удивительно, что болгарская орда Аспаруха первоначально расселилась в Добрудже среди племен северян, о которых говорится в летописи Феофана под 671 г. [Мишулин, 1941, с. 278], за семь лет до появления здесь болгар (678 г.). Не лишне привести высказывание П. Н. Третьякова о том, что «у себя на Родине (Левобережье Днепра.— О. С.) северяне являлись ближайшими соседями приазовских болгар, и, возможно, появление Аспаруха прежде всего в их среде отнюдь не является простой случайностью» [Третьяков, 1953, с. 198]. Не касаясь справедливости данного утверждения, подчеркнем, что у Феофана и в построениях П. Н. Третьякова речь идет о событиях VII в. и притом о славянских племенах северян, упоминание которых Феофаном наряду с другими семью славянскими племенами не допускает иных толкований.

Сказанное позволяет утверждать, что северяне получили свое название гораздо раньше, чем это представляется В. В. Седову, и что это были славянские племена, расселившиеся на территории Днепровского Левобережья задолго до VIII в.

Неубедительно и мнение В. В. Седова об отсутствии у славян Левобережья племенной организации до VIII в. В настоящее время племена, указан-

ные в «Повести временных лет», рассматриваются как племенные союзы, полугосударственные образования. В качестве такого полугосударственного образования северяне вступили в союз с племенным объединением Среднего Поднепровья по имени «Русь» и вместе с ним осуществляли в числе других славянских племен колонизацию Балкан и участвовали в Балканских войнах VI в. Именно в условиях племенной организации возможно было появление дружин, военных отрядов и руководство ими, равно как и заключение политических и военных союзов, каким и был возникший в VI в. союз русов и Сьверь [Рыбаков, 1982, с. 87—88].

В середине VIII в. ситуация в Восточной Европе изменилась благодаря образованию на юго-востоке Хазарского каганата, этнической основой которого был конгломерат болгарских, аланских и, вероятно, угро-финских племен. Среди них собственно хазары представляли собой незначительное и археологически неуловимое меньшинство, растворяясь в массе тюрко-аланских компонентов, носителей салтовской культуры. Экспансия Хазарского каганата на запад привела к тому, что некоторые восточнославянские племена (вятичи, северяне, радимичи) стали данниками хазар [ПВЛ, 1950, т. 1, с. 18, 20, 46-47]. В какой-то зависимости от хазар находились и поляне [Там же, с. 18]. Территориальная близость и экспансия Хазарского каганата не могли не сказаться на социальном, и прежде всего экономическом, развитии славянского населения, хотя следует заметить, что степень зависимости их от каганата определялась территориальной близостью к нему. Поэтому в наихудших условиях оказались вятичи (бассейн Дона) и северяне (Левобережье Днепра). Находясь в сфере влияния Хазарского каганата, эти племена подвергались угнетению, что и нашло свое отражение в известном архаизме боршевской и романской культур [Гапусенко, 1966, с. 41; Брайчевский, 1968, с. 175—176].

Вместе с тем западная часть северянского племенного союза еще в IX в. оказалась втянутой в процесс социально-экономической, политической и культурной интеграции, вызванной об-

разованием Киевской Руси. Этот процесс наиболее интенсивно протекал в районах зарождавшихся городов — Чернигова и Любеча, упоминаемых в первых договорах Руси с Византией. Возможно, что западная часть северян избежала участи своих восточных собратьев и не находилась под властью хазар, а если это и имело место, то, как и у полян, эпизодически. Присоединение северян к Древнерусскому государству было, по-видимому, добровольным, и между ними установились союзнические отношения. Поход Святослава на северян был скорее всего военной и политической демонстрацией Хазарскому каганату, что и вызвало присоединение восточных северян к другим восточнославянским племенам, группирующимся вокруг Киева. Вероятно, именно поэтому Святослав наложил на северян «дань легку».

С момента вхождения северян в состав Киевской Руси (884 г.) роменская культура некоторое время сосуществует с общерусской, оставаясь культурой населения отдаленных, преимущественно сельских, районов Днепровского Левобережья. Процесс вrastания роменской культуры в общерусскую не везде протекал столь интенсивно, как в междуречье Десны и Днепра. Имеющиеся археологические материалы дают основание считать этот процесс довольно длительным в отдельных районах Левобережья (бассейны Сейма, Сулы, Ворсклы, Псла и Северского Донца), где поселения и могильники сохраняют своеобразные роменские черты вплоть до XI в.

4. Салтовская культура

Салтовская, или салтово-маяцкая культура, вошла в научный обиход в начале XX в., когда в бассейнах Дона и Северского Донца начали исследоваться Маяцкое городище, Салтовский катакомбный и Зливкинский ямный могильники [Макаренко, 1906; Бабенко, 1905; Городцов, 1905]. Длительное время внимание исследователей концентрировалось на раскопках Салтовского могильника, дававшего богатые вещевые комплексы. Со временем были

обследованы большие территории бассейнов Дона, Северского Донца, Приазовья и Крыма, выявлены и изучены многочисленные поселения и могильники. Волго-Донская экспедиция исследовала памятники нижнего течения Дона, изучила Левобережное и Правобережное городища у ст. Цимлянской [Труды Волго-Донской экспедиции, 1958; 1959; 1963]. Более 10 лет разведотряд ИА АН СССР обследовал бассейны Северского Донца, Дона, Приазовья, в результате чего было выявлено около 120 новых памятников, обследованы ранее известные. Большие работы проведены на Дмитриевском городище и могильнике [Плетнева, 1967]. В 1959 г. возобновилось изучение Салтовского могильника и городища, были найдены и исследованы Нетайловское поселение и ямный могильник (Д. Т. Березовец). Имеется целый ряд обобщающих трудов по памятникам салтовской культуры [Артамонов, 1935; 1962; Ляпушкин, 1958; Березовец, 1975; Баранов, 1977 а; Красильников, 1980; Флеров, 1981].

В результате изучения памятников салтово-маяцкой культуры определены приблизительные границы ее распространения. Самые северные памятники верхнедонского варианта — Маяцкое городище и могильник, Урывский катакомбный могильник; на востоке памятники средневолжского варианта — Большие Тарханы, Кайбелы; на юге памятники крымского варианта — Тепсень, Кордон-Оба, Героевка; на западе дунайский вариант — Нови Пазар, Девня, Кюлевча, Бдинцы (см. рис. 19; 20).

Памятники салтово-маяцкой культуры представлены различными типами. Сохранились остатки многочисленных поселений, известны катакомбные и ямные могильники, случайные находки вещей.

Основную и наиболее многочисленную группу составляют поселения — на всей территории распространения их известно около 400. На основании накопленного материала все они разделены на несколько групп: кочевья, неукрепленные поселения, городища, укрепленные земляными валами, городища, укрепленные земляными валами и

каменными стенами, города [Плетнева, 1967, с. 13-50].

Кочевья являлись сезонными стойбищами, для них характерно незначительное количество находок. Неукрепленные поселения, как и кочевья, располагались по берегам рек, городища с земляными валами на высоких плато береговых террас. Городища, укрепленные земляными валами и каменными стенами, известны в основном на территории Лесостепи, на высоких труднодоступных мысах по берегам рек Дона, Северского Донца, Оскола.

Среди материалов, открытых при раскопках поселений и городищ, одно из основных мест занимают жилые и хозяйственные постройки. Салтовские жилища, изученные на огромной территории распространения культуры, разделены на три группы: юрты, полуземлянки, наземные жилища [Плетнева, 1967, с. 51].

Юрты — жилища степняков — исследованы в Подонье и Приазовье. При раскопках по краям углубленного основания обычно прослеживаются ямки от деревянного каркаса, поддерживавшего свод юрты, в центре юрты находился очаг. Полуземлянки, открытые на поселениях Лесостепи и Нижнего Дона, площадью 6—20 м² углублены до 1,0 м, стены плетневые, дощатые или глинобитные; для обогрева и приготовления пищи служили очаги и печи. Наземные жилища — прямоугольные в плане площадью 20—40 м², имели столбовую конструкцию, тростниковые стены, отапливались одним-двумя очагами.

Кроме жилищ, на поселениях исследованы многочисленные хозяйственные ямы различных форм и размеров, погребя.

Большой материал, характеризующий культуру, обнаружен при исследовании могильников. Для салтово-маяцкой культуры характерны катакомбные и ямные могильники. Катакомбные могильники известны в основном в районе Лесостепи в верховьях Дона и Северского Донца. Из них наиболее изучены Салтовский и Дмитриевский могильники [Березовец, 1975; Плетнева, 1967]. Погребальное сооружение состоит из дромоса, в передней стенке

которого вырыт вход в камеру, за ним камера размерами 1—2 X 1—3 м, высотой от 0,4 до 2,5 м. Погребения в катакомбах разделены на одиночные и коллективные, некоторые скелеты находились не в анатомическом порядке. Обычно погребенных сопровождал инвентарь.

Ямные могильники исследованы на всей территории распространения культуры: в Подонье — Зливкинский [Городцов, 1905], Нетайловский [Березовец, 1975; Иченская, 1981], Волоконовский [Плетнева, Николаенко, 1976], на Волге — Большеетарханский, Кайбелы [Генинг, Халиков, 1964], в Болгарии — Нови-Пазарский, Девня 1, Девня 3, Бдинцы, Кюлевча [Въжарова, 1976]. Кроме того, изучен ряд ямных могильников Среднедонечья и Крыма [Красильников, 1980; Баранов, 1977 а]. Погребения совершены в неглубоких простых (Зливки) или в узких глубоких дромосовидных (Нетайловка) ямах, иногда с заплечиками (Большие Тарханы, Новолиमारевка). Погребенные вытянуты на спине головой на восток (Нетайловка, Девня 3), север (Кюлевча, Бдинцы) или запад (Зливки, Волоконовка). Погребения совершены в каменных ящиках или в гробах (Крым, Волоконовка), они, как правило, одиночные, иногда сопровождаются захоронением коней. На Нетайловском могильнике погребения совершены по обряду повторного захоронения.

При исследовании салтово-маяцких памятников получен значительный вещественный материал. Наиболее многочисленную группу находок составляет керамика, которая разделена на следующие группы: кухонную, столовую, тарную [Плетнева, 1967, с. 103]. Состав керамического комплекса на поселениях довольно разнообразен, но преобладает кухонная керамика. Кухонные горшки средних размеров, по форме округлобокие, с ровным широким дном. Венчики простые, без сложной профилировки. Отличительной чертой горшков этой группы является линейный орнамент, покрывающий почти всю их поверхность. Кроме линейного, на многих горшках по основанию шейки и плечикам нанесена волна.

Вторая группа керамики — столовая

или лощеная — отличается большим разнообразием форм. Для нее характерны глиняное тесто с примесью очень мелкого шамота или песка, лощеная поверхность серого или черного цвета. Столовая лощеная керамика в свою очередь разделена на следующие группы: кувшины, кружки, миски и блюда, кубышки, горшки с петлевидными ручками, кувшины дву- и трехручные, пифосы, корчаги [Флеров, 1981, с. 5—7]. Поверхность столовых сосудов полностью покрыта лощением. В большинстве случаев сосуды украшают различные комбинации из пролощенных линий, полос, косой сетки, вдавленных желобков по основанию шейки и корпусу.

Третья группа — тарная — включает горшки-пифосы для хранения сыпучих продуктов и амфоры. Горшки-пифосы по форме и орнаментации повторяют кухонные рифленые горшки, однако отличаются большой массивностью (толщина стенок 15—20 мм). На всей территории распространения культуры найдено большое количество фрагментов амфор. Судя по технологии изготовления, они доставлялись салтовцам из Крыма и Приазовья.

Большое место среди материалов салтово-маяцкой культуры занимают изделия из железа: земледельческие орудия, орудия обработки дерева, рыбных промыслов, оружие, конское снаряжение. Из орудий труда на поселениях найдены косы-горбуши, тесла-мотыжки, кузнечные инструменты. Наиболее распространенными орудиями были ножи, довольно часто встречаются пряслица, жернова из песчаника, сланца, гранита, изделия из кости.

Из предметов вооружения известны сабли, боевые топоры, кистени, наконечники стрел и копий, предметы конского снаряжения (удила, стремяна, пряжки).

Украшения, характерные для салтово-маяцкой культуры, очень разнообразны: это кольца, перстни, серьги, браслеты, подвески, пряжки, бубенчики, декоративные бляшки, бусы. Довольно распространенными были предметы туалета. Часто в могилах встречаются амулеты из костей животных и амулеты-подвески с соляной симво-

ликой. В качестве украшений использовались также монеты.

Основным источником, позволяющим датировать памятники салтово-маяцкой культуры, служат восточные монеты VII—X вв., которые найдены на Салтовском могильнике в количестве около 100 монет, в основном это — арабские дирхемы, использовавшиеся в качестве украшений [Иченская, 1983, табл. 5]. Кроме Салтова, единичные монетные находки известны в Нетайловском и Дмитриевском могильниках. Наиболее ранние монеты датируются VI—VII вв., наиболее поздние — X в. Большинство монет датируется VIII—IX вв. Монетные находки, а также аналоги салтовскому инвентарю в северо-кавказских материалах позволили определить основной период существования салтовской культуры в пределах VIII—IX вв., что признано всеми ее исследователями.

В последние годы пересматривались, крайние даты культуры. Нижняя — середина VII — начало VIII в. — подтверждена исследованиями И. А. Баранова и В. С. Флерова [Баранов, 1977а; Флеров, 1981]. Пересмотрена и верхняя дата культуры — конец IX — начало X в. До конца X в. существовали, видимо, памятники верховий Донца, а также южные города — Саркел, Таматарха [Плетнева, 1981, с. 64].

На протяжении многих лет ученые стремятся разделить салтово-маяцкие древности на определенные периоды. С. А. Плетнева выделяет в культуре три периода: ранний — середина VIII — середина IX в., средний — середина IX в., поздний — вторая половина X в. [Плетнева, 1981, с. 64]. Картографирование монетных находок на Салтовском могильнике показало, что некоторые его участки использовались для захоронения в X в. [Иченская, 1983, с. 147].

Крымские памятники салтово-маяцкой культуры И. А. Баранов разделил на две хронологические группы: памятники периода сложения салтовской культуры — середина VII — середина VIII в. и памятники VIII—X вв. [Баранов, 1977а, с. 41].

Изучая памятники Среднедонечья, К. И. Красильников выделил три

периода в развитии данного региона: вторая половина VIII в., конец VIII — первая половина IX в., вторая половина IX — начало X в. [Красильников, 1980, с. 21—22].

В. С. Флеров, исследовавший лощеную керамику, выделил типохронологические группы кувшинов и кружек и памятники, на которые они распространялись в разное время своего существования. Для кувшинов выделено три таких группы: до середины VIII в., середина VIII — начало IX в., начало IX—X в. Для кружек установлено два периода: VIII — начало IX в. и начало IX—X в. [Флеров, 1981, с. 10—11].

Таким образом, предположительно выделено несколько периодов в существовании салтовской культуры: период ее сложения (середина VII — середина VIII в.), ранний период (середина VIII — середина IX в.), средний (вторая половина IX в.) и поздний (конец IX—X в.).

Датирующим материалом для выделенных периодов являются определенные типы вещей: украшения, зеркала, предметы туалета, пряжки, амулеты (рис. 24). Дальнейшее исследование памятников салтовской культуры позволит уточнить хронологию и периодизацию ее материалов.

Салтово-маяцкая культура занимает обширную территорию. И. И. Ляпушкин делил ее на два варианта — северный и южный (аланский и праболгарский) [Ляпушкин, 1958]. К северному варианту он отнес городища с каменными стенами и катакомбные могильники, к южному — городища, укрепленные земляными валами, жилища-юрты и ямные могильники. Аналогичные варианты выделены и Н. Я. Мерпертом [Мерперт, 1957]. Выделение вариантов по этим признакам подтверждается дальнейшими исследованиями и значительным количеством памятников, открытых на территории бассейнов Дона и Северского Донца. Большой стабильностью отличаются памятники южного варианта, где исследованы ямные могильники, кочевья, неукрепленные поселения. В лесостепной зоне наряду с катакомбными могильниками изучены ямные могильники, свиде-

тельствующие о проникновении туда болгар.

Большой вклад в определение характеристики салтово-маяцких памятников внесла Г. А. Плетнева. Располагая большим материалом, С. А. Плетнева, кроме двух вариантов, выделяет приазовский, крымский, нижневолжский и дагестанский. Она считает, что через салтово-маяцкий этап прошли северокавказские аланы, дунайские и волжские болгары. Каждый из вариантов характеризуется определенными признаками [Плетнева, 1981, с. 64].

Для Украины характерны верхнедонской, приазовский, крымский варианты. Верхнедонской вариант изучается со времени открытия Салтовского катакомбного могильника и Маяцкого городища. В данном регионе открыты новые и исследованы известные памятники: Дмитриевка, Мохнач, Волчанск, Нетайловка, Сухая Гомольша и др. Для него характерны городища с земляными и каменными укреплениями, катакомбные и ямные могильники, жилища-полуземлянки.

Приазовский вариант начал изучаться в последние десятилетия [Плетнева, 1967; Гадло, 1968]. Исследованы в основном кочевья, слои салтово-маяцкой культуры в приазовских городах (Таматарха, Фанагория), одиночные ямные погребения.

Крымский вариант на основе поселений (Тау-Кипчак, Тепсень), грунтовых могильников (Тау-Кипчак, Кордон-Оба) изучен достаточно полно [Баранов, 1977]. Отличительным признаком крымского и приазовского вариантов являются наземные постройки на каменных цоколях [Плетнева, 1981, с. 69].

Вопрос о происхождении салтовской культуры еще не решен окончательно. Одни исследователи считают, что районом формирования и распространения культуры был Северный Кавказ (С. А. Плетнева, В. А. Кузнецов), другие называют район Ставрополя, Дагестана (А. В. Гадло, М. Г. Магомедов).

Переселение аланских и болгарских племен начиная с VI—VII вв. связано, скорее всего, с различными передвижениями народов, а также с экспансией

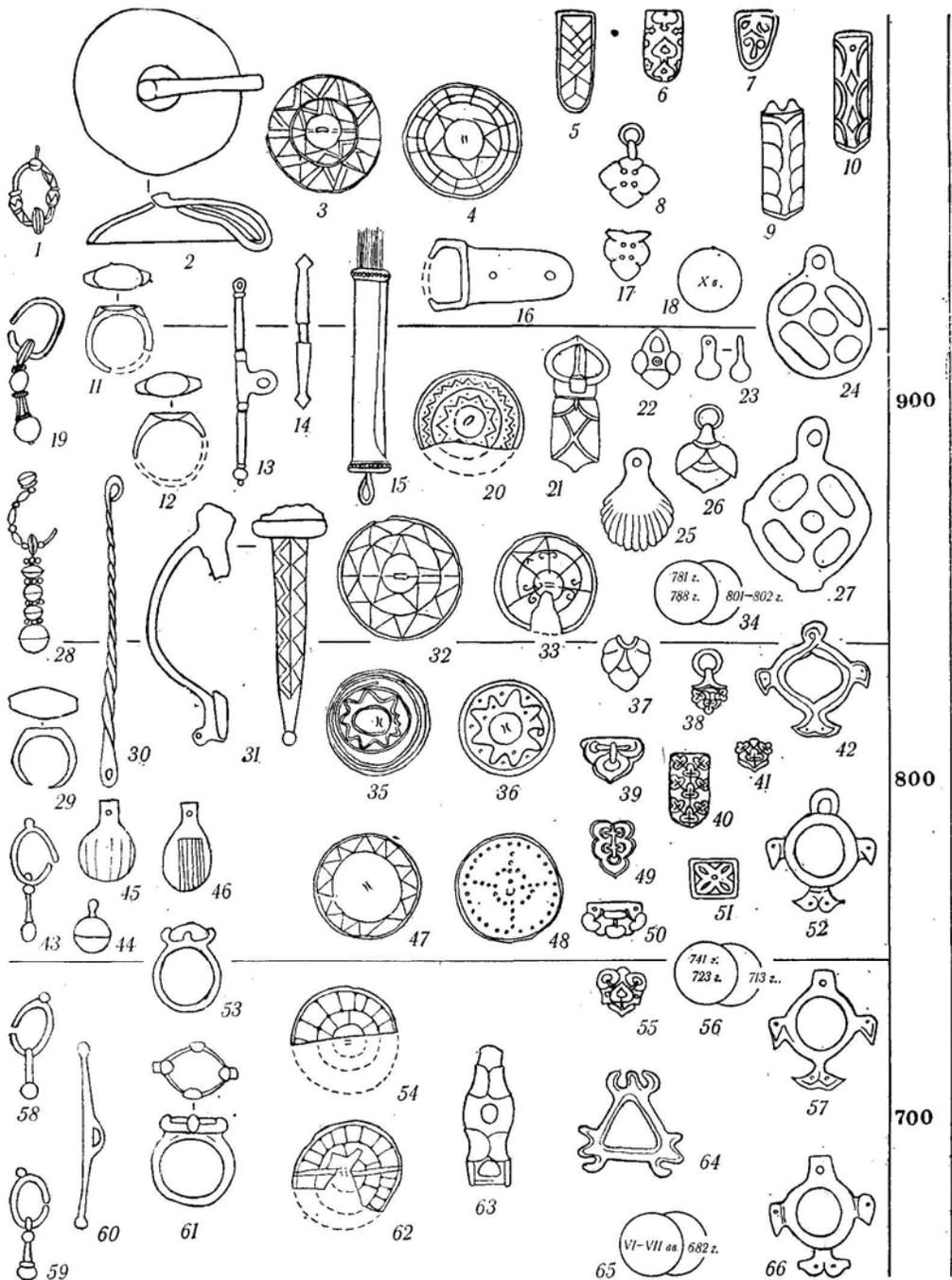

Рис. 24. Украшения салтовской культуры и их хронология.
 1—37, 39, 42—62, 64—66 — Верхний Салтов; 38, 40, 41, 63 — Нетайловка.

арабов, начавшейся против каганата в конце VII в.

Основной проблемой, которую пытались решить исследователи Салтовского могильника, был вопрос, кем

оставлен могильник и аналогичные ему памятники. А. А. Спицын первым связал материалы могильника с аланскими памятниками Кавказа [Спицын, 1909, с. 79]. На XII Археологическом

съезде Д. И. Баглей и Д. Я. Самоквасов высказали мнение, что Салтовский могильник следует считать хазарским [Самоквасов, 1908 б, с. 233]. В. А. Бабенко также полагал, что салтово-маяцкая культура могла принадлежать только господствующему в те века в степях народу — хазарам [Бабенко, 1914, с. 464-470].

Точка зрения А. А. Спицына об отнесении салтовских могильников к аланам была поддержана Ю. В. Готье. Исходя из сходства могильников Салтова и Чми, Ю. В. Готье считал, что в VI — IX вв. на Северном Кавказе и на берегах Донца одновременно существовала одна и та же культура [Готье, 1927, с. 68]. Точка зрения М. И. Артамонова об этносе носителей салтовской культуры заключалась в том, что народы, обитавшие в Подонье и Приазовье в VIII—IX вв., представляли собой конгломерат различных племенных групп, состоящих из ираноязычных аланов и тюркоязычных болгар [Артамонов, 1962, с. 365].

С. А. Плетнева считает, что варианты, распространенные в Юго-Восточной

Европе, были объединены Хазарским каганатом, а сама салтовская культура оставлена народами, входящими в каганат: аланами, болгарами, хазарами, причем преобладающее население составляли болгары [Плетнева, 1967, с. 188].

Таким образом, анализируя результаты исследований салтово-маяцкой культуры, можно сделать вывод, что основным населением ее были болгары, которые заселяли степные районы Донца, Нижнее Подонье, Приазовье, Крым и, кроме того, проникли также в лесостепной регион распространения культуры. Аланы занимали в основном территорию распространения катакомбных могильников — верховья Северского Донца и Дона, и составляли гораздо меньшую часть населения салтово-маяцкой культуры.

Памятники салтово-маяцкой культуры, исследованные на огромном пространстве Лесостепи и Степи Восточной Европы, прекратили свое существование в X в. Народы, создавшие культуру, были либо вытеснены с занимаемых территорий, либо ассимилированы.

V. СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ УКРАИНСКОЙ ССР В I тыс. н. э.

Изучение археологического материала позволяет реконструировать, прежде всего, основные направления хозяйственной деятельности племен, населявших территорию Украины. Что же касается особенностей их общественного развития, то собственно археологических данных для этого, как правило, недостаточно. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно сначала рассмотреть вопросы экономики и уже на этой основе попытаться восстановить направления социальной организации местных племен.

В первую очередь подробно рассмотрим культуры, которые занимали территорию лесостепной полосы Украины и Полесья, так как сарматские, гунские и раннесредневековые степные памятники принадлежали кочевому населению и представлены в основном погребениями. Необходимо напомнить, что для реконструкции хозяйственной деятельности пригодны прежде всего материалы поселений, дающие наиболее полную и объективную информацию о жизни их обитателей. Имеется достаточно письменных источников, характеризующих различные сарматские группировки, гуннов, аваров, протоболгар и других как кочевников, основу экономики которых составляло разведение мелкого рогатого скота и лошадей. Кочевники нуждались также в продуктах земледелия и в ремесленных изделиях. Поэтому войны с оседлыми соседями сменялись мирным союзом и экономическими связями. Развитие кочевнических обществ в восточноевропейских степях прошло различные стадии: от образования временных союзов для завоеваний до превращения этих союзов в кочевые государства.

Одним из наиболее крупных образований такого рода стала возникшая (правда, на сравнительно короткий период) в V в. «держава» Атиллы, по существу представляющая собой непрочный конгломерат различных племен под главенством гуннов. Спецификой сложения государств у кочевников являлся быстрый ход социальных процессов в условиях войн. Поэтому здесь не успела развиться глубокая социальная дифференциация за счет ограбления рядовой массы и общество в значительной мере сохранило свой варварский, доклассовый характер [Амброз, 1981, с. 22—23].

Перейдем к характеристике хозяйства оседлого населения — носителей культур III в. до н. э.— II в. н. э. (зарубинецкой, пшеворской, лукашевской и липицкой).

Жизнь этих племен базировалась на земледелии и приселищном животноводстве. Об этом свидетельствует, в частности, топография поселений, расположенных поблизости от наиболее плодородных почв, вдоль заливных пойм, богатых кормами для скота. Основной системой землепользования, очевидно, был перелог; в условиях Полесья, где обитали зарубинецкие племена, определенное развитие получила и подсека.

Распашка полей производилась деревянными ралами, лишь в редких случаях снабженных железными наконечниками. Наибольшие узкоколесные наральники встречены среди материалов лукашевской (Круглик, Лозна) и липицкой культур (Майдан-Го логорский), находившихся под наиболее сильным влиянием высоко развитых культур Подунавья. Пока-

зательно также, что в каждой из рассматриваемых культур кости крупного рогатого скота значительно преобладают над остальными. Как считают специалисты, это обстоятельство вполне определенно свидетельствует об использовании волов в качестве основной тягловой силы.

Судя по отпечаткам на керамике и обугленным зерновкам злаков, население зарубинецкой культуры применяло для посевов главным образом просо, затем пшеницу-двузернянку и пленчатый ячмень [Пачкова, 1974, с. 9—35]. Племена лукашевской культуры выращивали просо, голозерный и пленчатый ячмень, различные сорта пшеницы. Пшеворское население культивировало просо, рожь, ячмень [Пашкевич, Панібудьласка, 1982]. Этот ассортимент злаков иногда дополнялся огородными и техническими культурами: репой, горохом, чечевицей и коноплей.

Урожай убирался небольшими железными серпами, находки которых особенно многочисленны среди материалов зарубинецкой и лукашевской культуры. Без сомнения, аналогичные орудия использовались также племенами пшеворской и липицкой культур на территории Украины. Значительно более редки находки крупных кос латенского типа (Бабина Гора, Лозна).

Продукты земледелия хранились в ямах-погребах, в той или иной мере характерных для всех рассматриваемых культур. Стенки ям нередко обмазывались глиной, а устье прикрывалось крышкой или же над ним возводился шалаш. На поселениях пшеворской, лукашевской и зарубинецкой культур известны сферические каменные зернотерки. Не исключено, что в этот период зерно преимущественно перерабатывалось на крупу, а основной хлебной пищей была каша. Позднее, в первых веках н. э., на памятниках липицкой культуры появились ротационные жернова ручных мельниц, позволившие перерабатывать зерно на муку.

О составе стада говорят кости, найденные на поселениях, и в некоторых случаях — остатки ритуальной пищи из погребений. Преобладал крупный

рогатый скот, за ним следовали свиньи (в лукашевской культуре — мелкий рогатый скот), козы и овцы, а также лошади [Белан, 1977]. Состав стада четко свидетельствует о приселищном характере животноводства зарубинецкой, пшеворской, липицкой и лукашевской культур.

Такие промыслы, как охота и рыболовство, имели подсобное значение. Судя по остаткам костей, охота велась прежде всего на «мясные» виды животных, очевидно, добывали также пушных зверей, но шкурки сдирали на месте охоты, вдали от поселений.

Наиболее передовыми отраслями ремесла этого периода были металлургия и металлообработка, непосредственно связанные с изготовлением основных орудий труда. Добыча кричного железа производилась, как правило, из местных болотных руд в небольших сыродутных горнах. Кроме мелких мастерских на отдельных поселениях существовали и специальные центры по выплавке железа. Так, в Лютеже (зарубинецкая культура) добывалась и обогащалась руда, выжигался древесный уголь и в нескольких горнах выплавлялся металл [Пачкова, 1974, с. 61—85]. К более позднему времени, вероятно ко II в. н. э., относится крупное скопление оснований горнов близ Умани, напоминающее кельтские металлодобывающие центры в Карпатах. На поселении липицкой культуры в Ремезовцах обнаружены два сооружения с шестью железоплавильными горнами многоразового использования. Следы сыродутного горна открыты также на поселении в Водниках [Цигилик, 1975, с. 133-134].

Больше данных имеется о кузнечном деле рассматриваемых культур. В основном использовалось низкосортное кричное железо, однако, судя по проведенным металлографическим анализам, кузнецы достаточно хорошо знали и сталь, получаемую путем цементации железа, а также применяли различные виды кузнечной сварки и термообработки изделий [Гопак, 1980, с. 150]. Ювелирные изделия изготавливались преимущественно из бронзы путем переплавки пришедших в негодность предметов. В основном обработка

бронзы, видимо, производилась в обычных жилищах на очагах, однако на поселении Ульма лукашевской культуры обнаружены остатки горна и сопла, а также шлаки цветных металлов. Из слитков с применениемковки, протяжки и чеканки изготавливали фибулы, булавки, браслеты и т. д. Судя по всему, все операции от добычи металла до его обработки производились мастерами-универсалами. Можно предположить, что в целом уровень этих ремесел не выходил за рамки общины.

Высокого уровня мастерства достигло и гончарное ремесло. В латенизированных культурах получил распространение ручной, а в липицкой культуре — даже усовершенствованный высокооборотный гончарный круг. Керамическая посуда этих культур обычно четко делится на две группы: столовую (с лощеной поверхностью), а также кухонную и тарную (с шероховатой поверхностью). Кроме посуды из глины делались также грузила для ткацкого станка и пряслица, тигли и др. Судя по высокому качеству липицкой гончарной керамики, посуда изготавливалась мастерами-профессионалами. Что же касается зарубинецкой, пшеворской и лукашевской культур, то в их пределах гончарство, видимо, оставалось еще в системе домашнего ремесла.

О развитии таких ремесел, как деревообрабатывающее, камне- и костерезное, ткацкое и др., свидетельствуют находки железных топоров, ножей, тесел, долот, ложкорезов, костяные заготовки, проколки, рукояти ножей, отпечатки ткани, глиняные пряслица и грузила.

Существенное место в экономике занимали также торгово-меновые отношения как с племенами соседних культур, так и с античными центрами. К зарубинецким племенам Среднего Поднепровья поступали греческие амфоры с вином, бусы, предметы из стекла и бронзы. Снабжение этими товарами осуществлялось через транзитные пункты Малой Скифии — позднескифские городища Нижнего Днепра [Максимов, 1982, с. 70—78]. С запада поступали немногочисленные изделия из бронзы и железа латенского типа. Лукашевская

культура была связана, судя по находкам керамики, украшений и оружия, в первую очередь, с кельтскими племенами, а также с населением Дакии [Пачкова, Романовская, 1983, с. 61—64]. Особого внимания заслуживает взаимопроникновение зарубинецкой и пшеворской культур, происходившее в широкой контактной зоне, а также пшеворско-липицкие отношения в пределах Верхнего Поднепровья. Однако население липицкой культуры основными торговыми и политическими связями поддерживало прежде всего с дакийскими племенами, а через них — с Римской империей. О существовании таких связей говорят находки амфор, вещей из богатых погребений в Чижикове и Колоколине, своеобразных зеркал, монет, гемм, стеклянных кубков. Предполагают, что торговля велась также с причерноморскими городами, путь к которым проходил по Днестру [Цигилик, 1975, с. 137—139].

Неравномерность социально-экономического развития значительно возрастает во второй четверти I тыс. н. э. В этот период развивается черняховская культура, а также в той или иной мере близкие ей культуры карпатских курганов и вельбарская. Едва ли не основной особенностью этих культур (в первую очередь черняховской) являются тесные многосторонние связи с провинциями Римской империи. В то же время расположенная к северу от черняховской киевская культура значительно меньше испытала мощное воздействие провинциально-римской культуры, «отфильтрованное» через колоссальный Черняховский массив.

Прогресс по сравнению с предшествующим периодом выразился в появлении более разнообразных и совершенных орудий труда. Выделились новые виды ремесла, развивалась внешняя и внутренняя торговля. Росту общественного продукта сопутствовал рост населения Черняховской культуры, что нашло свое отражение в огромном количестве памятников III—V вв.

Основой социально-экономического прогресса племен черняховской культуры явился высокий уровень развития земледелия. Здесь железные наральники встречаются гораздо чаще,

чем в культурах латенского и раннеримского времен. Под поля распахивались прежде всего не легкие почвы вдоль речных террас, а сравнительно мощный чернозем на лессовых плато, что стало возможным с переходом пахотного земледелия на новый уровень. Состав злаков, возделывавшихся черняховскими земледельцами, довольно разнообразен. Наиболее распространена была пшеница-двузернянка [Пашкевич, 1981, с. 34—35]. Сеяли и другие ее виды: однозернянку, спелту, карликовую пшеницу. Несколько реже встречается ячмень, отмечены также следы проса, овса, ржи. Из бобовых возделывались чина, горох, чечевица, из технических культур — конопля. Близок и ассортимент злаков культуры карпатских курганов [Вакуленко, 1977, с. 45-53].

Урожай убирали главным образом серпами, размеры которых по сравнению с рубежом н. э. увеличились, а формы усовершенствовались. Среди племен Восточной Европы черняховские земледельцы первыми начали широко применять косы.

Зерно хранилось в специальных ямах или в наземных постройках с глиняной обмазкой стен и кровли. Во второй четверти I тыс. н. э. повсеместно широко распространяются ручные мельницы, повысившие производительность труда в 3—4 раза по сравнению с зернотерками. Остатки мельничных сооружений обнаружены на ряде памятников черняховской культуры, а также на поселении культуры карпатских курганов Глыбокая. Кроме того, появление ротационных жерновов косвенно указывает на существенное увеличение земледельческих продуктов.

Пахотное земледелие дополнялось развитым животноводством. Об этом говорит крайне незначительное место охоты в системе хозяйства: на поселениях Правобережной Украины к диким животным относится только 3,5 % определенных по костным остаткам особей [Белан, 1977, с. 30], но на некоторых памятниках Поднестровья их число достигает 16 % [Баран, 1981, с. 126]. Близ черняховских селищ пасся скот, традиционный для средней полосы: домашние быки, козы и овцы, свиньи,

лошади. Видовое распределение животных внутри стада имеет региональные отличия. Так, у причерноморских племен лошадей было в 2 раза больше, чем у лесостепных, зато свиней в 5 раз меньше. Значительна и доля костей коня в стаде культуры карпатских курганов [Вакуленко, 1977, с. 55]

Среди остеологического материала встречаются также кости домашней птицы, кошек и собак.

Вслед за резким увеличением прибавочного продукта на основе продуктивного сельского хозяйства, получили дальнейшее развитие известные ранее виды ремесла, а также выделились его новые отрасли. Очевидно, наряду с местными ремесленниками на юг Восточной Европы проникали и римские мастера, сбывавшие свою продукцию среди Черняховского населения. В руках выходцев из римских провинций, возможно, находились прежде всего технические слесарные отрасли, например такие, как изготовление стеклянной посуды и бус. Остатки стеклоделательной мастерской открыты в Комарове (Черновицкая обл.). Не исключено, что в руках пришлых мастеров сосредоточивалось и производство гончарной посуды [Баран, 1981, с. 128—129].

Судя по количеству железных изделий, в позднеимское время на территории Восточной Европы добывалось много черного металла. Хотя следы выплавки железа отмечены более чем на 40 черняховских поселениях, железнорудные горны исследованы только на некоторых из них (Лука-Врублевская, Иванковцы, некоторые памятники Молдавии). Видимо, обычно горны сооружались за пределами поселений. Крупные металлургические центры, подобные грандиозному скоплению горнов близ г. Нова Гута (Польша), на территории Восточной Европы в III—V вв. пока не известны.

Уровень кузнечного дела черняховской культуры значительно превосходил металлообработку культур рубежа н. э. Об этом свидетельствует прежде всего значительное количество изделий, их богатый ассортимент (57 наименований), а также широкое применение при их изготовлении стали [Вознесен-

ская, 1972, с. 8—33]. К отбору сырья черняховские кузнецы подходили дифференцированно: на памятниках Поднепровья в числе орудий труда стальные предметы составляют 61 %, а среди прочих изделий — только 3 % [Гопак, 1980, с. 150]. Кроме производства цельносталых изделий широко применялись кузнечная сварка железа со сталью (в том числе пакетный металл) и термическая обработка.

Черняховские мастера в изобилии вырабатывали также изделия из цветных металлов — преимущественно детали костюма и украшения. Установлено, что Черняховский комплекс медных сплавов является продуктом взаимодействия двух больших зон металлообработки: причерноморской (оловянистые бронзы) и прибалтийской (многокомпонентные сплавы). Первая из них оказала более заметное влияние на местный цветной металл. Сплавы прибалтийского типа чаще встречаются в западных областях Украины и в Молдавии [Черных, Барцева, 1972, с. 63-89].

У черняховских и карпатских племен использовалась преимущественно посуда, изготовленная на высокооборотном гончарном круге. Более чем на двух десятках черняховских поселений Украины, а также на ряде памятников Молдавии и Румынии найдены гончарные горны. Аналогичные печи исследованы и на поселениях культуры карпатских курганов (Гольнь, Печенежин). Реже встречаются остатки гончарных мастерских. Так, мастерская на Журовском поселении размещалась в наземной постройке рядом с горном для обжига керамики. Горны имели стандартную двухъярусную конструкцию, но отличались размерами. Например, в горне из Будешт (Молдавия) можно было обжигать до 150 сосудов одновременно, а в горне из Репнева II — не более 25. Установлено, что Черняховский гончар тратил на изготовление сосуда в среднем 8—10 мин, ежедневно производя 30—80 сосудов, что обеспечивало ими округу в радиусе десятков километров [Бобринский, 1978, с. 26—33].

Кроме металлургии, кузнечного дела и гончарного ремесла из домашнего

производства выделяется изготовление гребней из оленьего рога. О ремесленном уровне этой отрасли свидетельствуют массовость находок гребней, унификация их типов и сложная технология производства, требующая специальных навыков.

Высокого уровня достигло и производство жерновов, существовавшее, в частности, в бассейне Южного Буга на базе крупного туфового месторождения [Хавлюк, 1980]. Жернова из этого производственного центра распространялись на широкой территории от Днепра до Днестра и даже проникали в ареал соседней киевской культуры.

Выделка кож, прядение, ткачество, деревообработка и другие еще не достигли у черняховских племен уровня самостоятельных ремесел, а имели характер домашних промыслов.

Развитие различных видов производства у черняховских племен неизбежно стимулировало рост внутреннего и внешнего обмена, что отразилось на всех сторонах жизни общества. Во многом справедливо мнение, что черняховская культура «являлась продуктом ремесла и торговли» [Третьяков, 1970, с. 177].

Вероятно, здесь уже существовали зачатки товарного производства, однако и в этом случае взаимоотношения производителей и потребителей вряд ли выходили за рамки натурального обмена. При обмене с экономически слабо развитыми племенами киевской культуры, Прибалтики и других черняховский экспорт был представлен в основном ремесленными изделиями. Более сложный характер имела внешняя торговля с античным миром. О ее размахе свидетельствует многочисленный греко-римский импорт, в том числе находки монет. Черняховское население поставляло в центры Северного Причерноморья скорее всего сельскохозяйственную продукцию.

Одним из важнейших аспектов вопроса об уровне развития торговли у черняховских племен является проблема денежного обращения. На территории Восточной Европы известно свыше 1 тыс. кладов и отдельных находок монет, из которых часть связана с черняховскими или памятниками

культуры карпатских курганов [Брайчевский, 1959; Кропоткин, 1961; 1966, с. 74—102]. Большинство монет представлено полновесными серебряными денариями I—II вв., «порченных» монет III—IV вв. немного. Скорее всего, варвары хорошо понимали разницу между благородным металлом и дешевым сплавом. Это обстоятельство, вероятно, свидетельствует в пользу предположения, согласно которому в черняховском обществе монетное серебро выполняло прежде всего функцию сокровища. Сокращению поступления монет сопутствовал рост импорта греко-римских товаров, пик которого приходится на IV в. Основными предметами импорта были вино (судя по многочисленным находкам амфор), краснолаковая керамика, стеклянные кубки, разнообразных бусы и т. д.

Существенно отличающуюся картину социально-экономического развития дает киевская культура. Общий облик ее хозяйства значительно ближе к культурам рубежа н. э., чем к высокоразвитой Черняховской культуре и сопутствующим ей культурам карпатских курганов и вельбарской. Действительно, основой экономики киевской культуры также служило сельское хозяйство, однако уровень его был существенно ниже, чем у Черняховского земледелия. Впрочем, следует отметить сравнительно высокий уровень развития земледелия киевской культуры по сравнению с синхронными культурами лесной полосы Восточной Европы.

Как и в предыдущий период, под поля распахивались легкие плодородные почвы близости от речных пойм. Основной системой землепользования были перелог и, возможно, подсека в лесных районах. У племен киевской культуры впервые в лесной полосе Восточной Европы появляются железные наральники (Ульяновка). Земледельцы использовали характерный асортимент злаков: просо, рожь, режа — пшеницу, ячмень и другие культуры. Немаловажно, что первоначальное появление посевов ржи на территории Восточной Европы связано именно с киевской культурой [Пашкевич, Терпиловский, 1981, с. 93—113]. Возможно, наличие ржи указывает также на

выращивание в этот период не только яровых, но и озимых культур.

Уборка злаков производилась серпами, среди которых встречаются и изделия черняховского типа. Исключительно привозными были туфовые жернова ручных мельниц, получившие широкое распространение у населения киевской культуры в IV — начале V в.

Состав стада киевской культуры в целом также несколько отличался от черняховской культуры, приближаясь лишь к наиболее северным черняховским племенам. Как и в зарубинецкой культуре, здесь преобладали быки и свиньи, а уже затем шли мелкий рогатый скот и лошадь. Доля костей диких животных в несколько раз выше, чем в черняховской культуре, что свидетельствует о более заметной роли охоты в жизни общества.

О металлургии киевской культуры сведений практически нет, что, видимо, объясняется невысокой степенью ее изученности. Кузнечное дело находилось на уровне большинства культур лесостепной и лесной полос Восточной Европы, хотя и уступало черняховской металлообработке по использованию стали и разнообразию его приемов [Гопак, 1980, с. 151]. К мастерам-универсалам киевской культуры не часто попадал цветной металл, поэтому даже украшения и предметы убора обычно изготавливались из железа. Из бронзы производились не только украшения общеевропейских типов римского времени, но и оригинальные вещи с геометрическими гнездами, заполненными цветной эмалью.

Еще больше при сравнении с черняховской культурой проигрывает гончарство киевской культуры. Все сосуды лепились вручную, хотя изредка применялся и поворотный столик, а обжигались на открытом огне, что характеризует уровень керамического производства как доремесленный.

Племена киевской культуры подерживали разносторонние отношения с населением окружающих культур, о чем свидетельствуют находки отдельных украшений и орудий труда, а также фрагменты характерной керамики. Так, отмечены контакты с культурами штрихованной керамики и дьяковской.

Наиболее прочными были связи с черняховской культурой, что особенно заметно прослеживается на материалах поселений киевской культуры территории УССР. К ее населению попадали разнообразные изделия черняховских мастеров: гончарная керамика, украшения и предметы убора (особенно из цветного металла), орудия труда (в том числе и такие массивные, как туфовые жернова) и т. д. Видимо, под влиянием черняховской культуры произошли и прогрессивные изменения в земледельческих приемах киевской культуры — появились железные наральники, серпы совершенных типов и ручные мельницы [Терпиловский, 1981а, с. 46]. Очевидно, через посредство черняховских племен на север проникали и серебряные денарии. В свою очередь киевские племена поставляли Черняховским разнообразные сельскохозяйственные продукты и, несомненно, такие лесные богатства, как пушнина, воск, мед.

Описанные выше культуры второй четверти I тыс. н. э. в середине тысячелетия сменились культурами исторических славян — пражской, пеньковской, колочинской. Социально-экономический облик этих культур характеризуется архаичностью и значительной близостью между собой, определяющейся, видимо, в первую очередь их этническим единством [Баран, 1972, с. 69—79; Приходнюк, 1975, с. 59—68]. В связи с этим вполне целесообразно будет рассматривать хозяйственное развитие славянских культур V—VII вв. совместно.

Пражские, пеньковские и колочинские племена базировались на пахотном земледелии и приселищном скотоводстве. Поселения, как правило, располагались рядом с плодородными участками, удобными для земледелия, и с заливными лугами, пригодными для выпаса скота и заготовки фуража на зиму. Встречаются также железные наральники (Городок, Бакота и др.), хотя размеры их, как и прежде, невелики. Ручная обработка земли, на которую указывают находки железных мотыжек, применялась, очевидно, на огородах или небольших приусадебных участках.

Данные письменных источников VI в. свидетельствуют, что славянское население, широко расселившееся в Подунавье и на Балканах, обладало большим количеством «...плодов земных, ссыпанных в кучи, особенно проса и пшеницы» [Мишулин, 1941, с. 253]. На поселениях обнаружены отпечатки на керамике и обугленные зерновки злаков: пшеницы, проса, ячменя, ржи и овса. Характерно, что массовое распространение ржи на памятниках второй половины I тыс. н. э., расположенных на территории ГДР, исследователи связывают именно со славянской колонизацией этих областей. По-видимому, славяне-земледельцы чередовали посевы озимых и яровых культур, что говорит о существовании севооборота.

Зерновые культуры собирали с помощью железных серпов, ряд экземпляров которых приближается по форме к современным (Звиняч, Горошова, Рашков, Колочин I и др.). Косы известны по находкам из Устья, Городка, Зимнего. Размол зерна производился на ручных мельницах, однако наряду с ними (особенно в ареале колочинской культуры) встречаются и примитивные зернотерки.

Видное место в хозяйстве славян занимало и скотоводство. Византийский автор VI в. Маврикий Стратег свидетельствует, что славяне располагали большим количеством разнообразного скота. Анализ костных остатков из славянских поселений Поднестровья и Среднего Днепра указывает на то, что в стаде преобладал крупный рогатый скот, служивший тягловой силой при пахотном земледелии. Второе место занимали свиньи, затем идет мелкий рогатый скот и лошади. Такой состав стада типичен для зарубинецкой и киевской культур, а также для наиболее северных черняховских памятников.

Охота и промыслы в жизни ранне-средневековых славян играли значительно большую роль, чем у черняховских племен: костей диких животных здесь в несколько раз больше. Встречаются также рыболовные крючки, кочеды для плетения сетей и кости рыб.

Развитие пахотного земледелия и повышение его продуктивности созда-

вало условия для выделения ремесел в рамках примитивного натурального хозяйства славянских племен. На многих памятниках открыты следы плавки железа в виде кусков руды и шлаков. Реже встречаются остатки производственных сооружений. Лучшее всего сохранилась железодельная мастерская в Гайвороне на Южном Буге [Бідзіля, 1963, с. 123—144]. Она состояла из четырех агломерационных печей и 21 сыродутного горна, работавших на местной болотной руде. Видимо, здесь трудились несколько мастеров в течение двух-трех сезонов. Аналогичные горны, располагавшиеся также на окраинах пеньковских поселений вблизи от воды, обнаружены в Сушках, Губнике, Семенках. На пражском поселении Репнев II исследованы остатки мастерской, где кроме обычной бытовой печи находились три производственные печи с мощными сильно обожженными подами. Следы металлургического производства обнаружены и на поселениях в Зозове и Кодыне, а также на городище Зимнее.

Уровень металлообработки славянских племен, судя по многочисленным анализам готовых изделий, приближался к уровню зарубинецких и киевских племен, несколько отставая от черняховских. В целом раннеславянские кузнечные изделия отличаются несложной технологией и сравнительно низким качеством исходного сырья. Подавляющее большинство предметов выкованы из кричного железа и малоуглеродистой стали. Видимо, и металлодобыча и обработка черного металла находились в руках кузнецов-универсалов, а сами ремесла еще не вполне вышли из общинной стадии [Гопак, 1976, с. 46—56].

На славянских памятниках V—VII вв. встречаются также изделия из меди, бронзы и серебра. Значительное количество украшений, предметов личного убора и их заготовок найдены на Пастырском (пеньковская культура) и Зимневском городищах (пражская культура), что, очевидно, говорит о ведущей роли этих центров в обработке цветных металлов [Ауліх, 1972, с. 93—95]. Следы ювелирных мастерских (обломки тиглей и литейных форм, шлаки

цветных металлов) обнаружены также в Гуте-Михайловской, Хитцах, Скибинцах, Будищах и др. В этих случаях изготовлением ювелирных изделий занимались, очевидно, те же кузнецы-универсалы. На территорию Восточной Европы цветной металл поступал в виде слитков (обнаружены в Хитцах и Селиште), использовались также поломанные вещи и византийские монеты.

Техника изготовления глиняной посуды в третьей четверти I тыс. н. э. испытывает значительный спад по сравнению с гончарством провинциально-римских культур, но вполне соответствует производству керамики киевской культуры. Славянские мастера изготавливали горшки, сковороды и миски, пользуясь исключительно приемами ручной лепки, без гончарного круга. Керамика обжигалась, как правило, на открытом огне, а не в специальных горнах. Очевидно, невысокий уровень производства керамики в славянском обществе соответствовал господствовавшему здесь натурально-хозяйственным отношениям. Эти условия явно отставали от товарного керамического производства черняховской культуры.

Среди отраслей домашнего ремесла у носителей раннесредневековых славянских культур были распространены прядение и ткачество, обработка камня, кости, дерева и др., о чем свидетельствуют многочисленные находки глиняных пряслиц и грузил, проколов и игл, деревообрабатывающих инструментов и т. п.

Славянские племена V—VII вв., известные современникам под именами склавенов и антов, находились в сложных и далеко не всегда мирных отношениях с Восточнороманской империей. В первую очередь это замечание относится к группировкам, проживавшим в непосредственной близости к Подунавью. Однако и в Среднее Поднепровье попадали вещи дунайско-византийского происхождения, которые скорее всего являлись военной добычей, а не предметом торговли. В этом отношении особенно типичен ряд предметов из Мартыновского клада и некоторых других кладов «антских» вещей [Приходнюк, 1980, с. 91—101]. Такие изделия

характерны для ареала пеньковской культуры, расположенного особенно близко к византийским границам. Здесь встречаются также фрагменты красноглиняных амфор с глубоким рифлением (Будище, Стецовка, Семенки, Ханска II, Селиште и др.) и цельнолитые византийские фибулы (Сурская Забора, Ханска II). Вещи того же круга известны и среди памятников пражской культуры западных областей УССР (Рашков III, Зимнее и др.). Украшения и предметы убора круга «древностей антов» изредка встречаются и в ареале колочинской культуры (Лебяжье 1, Картамышево 2). Редкими находками на славянских памятниках являются монеты византийских императоров.

Дальнейшее развитие социально-экономических отношений у восточных славян произошло в последующий период, в VIII—X вв. На прогресс экономики и общественных явлений указывают рост числа поселений, массовое появление городищ, увеличение размеров части памятников, распространение многочисленных разнообразных и технически совершенных орудий [Сміленко, 1975, с. 86—89; Сухобоков, 1975, с. 87-102].

Несомненным свидетельством пахотного земледелия являются многочисленные находки на памятниках культур Луки-Райковецкой, волинцевской и роменской железных наральников, отличающихся от более ранних большими размерами и широким треугольным лезвием. На огородных участках почва обрабатывалась вручную при помощи мотыг. Очевидно, в этот период развивается паровая двухпольная система земледелия, о чем свидетельствуют находки зерновок яровых и озимых культур, а также сопутствующих им сорняков. Об ассортименте выращиваемых злаков дают представление палеоботанические исследования обугленного зерна и отпечатков на керамике. Кроме злаков среди выявленных культур оказались бобовые и технические: пшеница нескольких видов, рожь, ячмень, просо, овес, горох, лен, конопля [Пашкевич, Петрашенко, 1982]. Предполагается, что выращивались также бобы, репа и фруктовые деревья.

Орудия уборки урожая и сенокоса

представлены сильноизогнутыми серпами с черешковым креплением рукояти и косами-горбушами. В целом в VIII—X вв. в Восточной Европе, (в том числе и на юге лесной зоны) утверждается новый хозяйственно-бытовой комплекс, включающий кроме наконечников пахотных орудий, серпов и кос ротационные жернова, некоторые типы ножей и др. [Минасян, 1980]. В этот период формируются новые модификации орудий труда — изделия этих категорий встречаются гораздо чаще. Все шире распространяются ротационные жернова (изготавливаемые в основном из гранита), окончательно вытеснившие зернотерки. Известны специальные мельничные сооружения, хотя, очевидно, помол зерна осуществлялся и в обычных жилищах. В славянских жилищах VIII—X вв. нередко встречаются глиняные блюда-жаровни для сушки зерна. На поселениях обычно фиксируются крупные зерновые ямы, иногда наполненные обугленным зерном (Монастырек). Для этой же цели, видимо, служили и постройки-амбары (Новотроицкое).

Пахотное земледелие дополнялось приселищным скотоводством мясо-молочного направления с преобладанием крупного рогатого скота, служившего основной тягловой силой. Меньшее количество костей принадлежало свинье или мелкому рогатому скоту, а также лошади. Изредка встречаются кости собак и домашней птицы [Сухобоков, 1975, с. 102-107].

Существенную роль в экономике восточных славян VIII—X вв. играли сельские промыслы, под которыми следует понимать переработку продуктов земледелия и скотоводства в рамках натурального хозяйства, а также охоту, рыболовство и бортничество. Основными видами добываемых на охоте зверей были преимущественно крупные животные: лось, олень, кабан. Вероятно, промыслы являлись важным средством пополнения пищевых ресурсов, значение которого неизмеримо возросло в неурожайные годы.

Дальнейшее развитие ремесленного производства нашло отражение в разнообразных орудиях труда и ремесленной продукции, в существовании

ремесленных мастерских и центров с концентрацией нескольких видов ремесел. Скопление сыродутных горнов известно на Григоровском городище (Средний Днестр). Менее выразительные следы выплавки железа в виде остатков мастерских, производственных печей, скоплений руды или шлаков, обломков сопел встречались повсеместно на поселениях и городищах VIII—X вв. на территории от Днестра и Прута до Дона. Металлографические исследования изделий из черного металла показали, что в последней четверти I тыс. н. э. появились новые технологические схемы и изделия лучшего качества [Гопак, 1976]. Несмотря на невысокий в целом уровень стандартизации технологических схем, местные кузнецы изготавливали орудия земледелия и ремесла, бытовые предметы, удовлетворяющие в целом потребности славянского общества.

Изделия из цветных металлов в этот период все чаще вырабатывались не кузнецами-универсалами, а специалистами-ювелирами, на что указывают украшения, при производстве которых применялся ряд сложных операций [Сухобоков, 1975, с. 111—114]. Существенное развитие получило и керамическое производство. После длительного упадка в V—VII вв. гончарное дело испытывает новый подъем: входят в употребление гончарный круг (вначале ручной) и гончарный горн, появляются керамические мастерские (Хреновка). Высокий уровень гончарства отмечен на памятниках типа Луки-Райковецкой в IX—X вв. Керамическое производство вновь переживает в этот период стадию выделения ремесла в самостоятельную отрасль.

Камнерезное дело также испытало определенный прогресс. Особого искусства требовало изготовление языческих изваяний с символическими изображениями. По-прежнему бытовали орудия из камня: жернова, бруски, грузила и др. При изготовлении пряслиц из мергелистого мела пользовались токарным станком.

Процесс отделения ремесла от сельского хозяйства охватил, вероятно, наиболее развитые виды ремесленной деятельности — металлургию, куз-

нечное и ювелирное дело. Следствием обособления ремесла было зарождение товарного производства и внутреннего обмена, который мог осуществляться посредством меновой торговли. Более или менее регулярные торговые контакты связывали восточных славян последней четверти I тыс. н. э. с Великой Моравией, Болгарией и другими западно- и южнославянскими объединениями, а также с Хазарским каганатом и другими странами Востока. Материальными свидетельствами внешней торговли служат находки амфорной и некоторых типов столовой керамики, ракушек каури, своеобразных украшений из цветных металлов, бус и др. Многочисленные клады дирхемов и отдельные находки монет на славянских памятниках VIII—X вв. указывают на внешнеторговые связи не только с салтовскими племенами, но и с весьма удаленными государствами. По свидетельству различных источников, из Восточной Европы в Византию и арабские страны в большом количестве ввозились пушнина и другие продукты лесных промыслов (мед, воск и т. д.).

От хозяйства восточнославянских племен этого периода существенно отличается экономика племен салтовской культуры, базировавшаяся на иных традициях и, очевидно, развивавшаяся в системе одного политического объединения. Материалы салтовской культуры вполне определенно указывают, что часть населения от кочевничества перешла к оседлому образу жизни [Плетнева, 1981, с. 62—75]. Земледелие превращается в мощную отрасль обеспечения пищевыми ресурсами, создающую более устойчивую по сравнению с кочевым скотоводством экономическую базу. Пахотный характер земледелия засвидетельствован находками плужных лемехов и чересел на городище Маяки. Для ручной обработки почвы использовались тесла-мотыжки. Известны также находки различных злаковых культур, для уборки которых использовались серпы (обнаружено более 70 экземпляров). Сравнительно часто на салтовских памятниках встречаются косы. Зерно размалывалось на ротационных жерновах.

Животноводство салтовской куль-

туры имеет ряд черт, характерных для кочевого образа жизни. В первую очередь, это относится к степным районам. Костные остатки принадлежат здесь в основном мелкому рогатому скоту и лошади. Очевидно, в летний период кочевники выгоняли стада на пастбища, а с наступлением зимы возвращались к стойбищам или поселениям. Иной характер носило животноводство в лесостепной полосе. В этом плане показателен остеологический материал из Салтова. Преобладают кости крупного рогатого скота и свиньи, меньше остатков овец, коз, лошадей. Все это указывает на оседлый характер местного населения.

Высокого уровня развития в салтовском обществе достигли такие ремесла, как кузнечное, ювелирное, гончарное, обработка камня и кости. О сравнительно совершенной металлообработке свидетельствуют не только готовые изделия из черного и цветного металлов, но и находки кузнечных и ювелирных инструментов. Большое разнообразие керамики и наличие гончарных клейм говорят о возникновении центров гончарного ремесла (Салтов, Рогачик), мастера которых снабжали своей продукцией не только салтовские, но и соседние племена.

Развитие различных видов хозяйственной деятельности вело к совершенствованию обмена и торговли между группами населения, занятыми в разных областях экономики. Активные торговые связи племена салтовской культуры поддерживали также с восточными славянами, о чем красноречиво говорят характерные салтовские сосуды, кузнечные изделия и ювелирные украшения на памятниках типа Луки-Райковецкой и Волынцево. Особенно много импортных салтовских вещей встречено на роменских городищах. Торговля между славянскими племенами и Востоком до середины IX в. велась, главным образом, по Северскому Донцу, так называемым хазарским путем. При этом салтовские центры играли роль перевалочных пунктов. Об оживленных внешнеторговых связях свидетельствует огромное количество восточных монет в катакомбах Салтовского могильника. Ввозились также

различные украшения: бусы, серьги, браслеты, перстни. С Кавказа и Средней Азии поступали зеркала. Амфоры привозились из крымских и приазовских гончарных мастерских. Частично эти товары оседали на салтовских землях, другая часть поступала к соседним славянским племенам и другим восточноевропейским народам.

Рассмотрев основные стороны хозяйственной деятельности оседлого населения археологических культур, развивавшихся на территории УССР с рубежа н. э. до конца I тыс. н. э., можно перейти к определению главных тенденций общественного развития у этих племен. Названные культуры прямо или опосредствованно связаны с различными этапами развития славянского общества вплоть до сложения древнейшего восточнославянского государства — Киевской Руси. Однако по вопросам эволюции общинных связей ранних и восточных славян существуют различные, а нередко и взаимоисключающие мнения, что, прежде всего, объясняется отсутствием единых критериев при подходе к данному вопросу.

Дело осложняется также весьма бедным материалом славянских погребений с трупосождением, повсеместно распространенных во второй половине I тыс. н. э. В связи с этим при разработке археологических критериев для определения преемственности общественного развития у населения юга Восточной Европы необходимо опираться преимущественно на материалы поселений.

Безусловно, в этом плане наиболее перспективно полное изучение селищ как целостных организмов. Однако, поскольку пока такие данные единичны, приходится учитывать также участки поселений, исследованные крупными сплошными раскопами. Для реконструкции общественных отношений, на наш взгляд, особенно важно взаиморасположение жилых и хозяйственных сооружений (ям-погребов, построек, открытых очагов). При этом распространенные в описанных выше культурах (за исключением частично черняховской и вельбарской) небольшие однокамерные жилища, имеющие, как правило, одно отопительное сооруже-

ние, могут рассматриваться как места обитания малых или индивидуальных семей. Отметим также, что отрезок от рубежа н. э. до конца I тыс. н. э., согласно новейшим концепциям истории первобытного общества, охватывает период от ранних форм первобытной соседской общины до собственно соседской, или территориальной, общины классового общества [История первобытного общества, 1983, с. 24—251].

Такие культуры, как зарубинецкая, лукашевская и пшеворская, могут быть связаны, очевидно, с ранней стадией первобытной соседской общины. В качестве примера рассмотрим зарубинецкие поселения, поскольку пшеворские и лукашевские памятники на территории Украины сравнительно немногочисленны. Широкомасштабные раскопки городища Пилипенкова Гора в Каневе и поселения Оболонь в Киеве позволили установить, что в пределах крупных поселений жилища располагались более или менее компактными группами, причем на Пилипенковой Горе отмечено несколько случаев расположения пяти — семи синхронных жилищ по кругу [Максимов, 1982, с. 32—40, 92—97]. Вероятно, внутри такого круга находился общий для данной группы жилищ двор, а большинство хозяйственных ям располагались между отдельными жилищами.

В условиях повышения уровня развития производительных сил каждая община одновременно являлась хозяйственной ячейкой (единицей присущих данной формации производственных отношений и в то же время единицей функционирования производительных сил) и хозяйственным организмом. Парная семья в зарубинецком, пшеворском или лукашевском обществе, очевидно, самостоятельно выполняла основные производственные функции, часто выступая и в качестве потребительской ячейки.

Видимо, на таких поселениях проживало по несколько больших семей кровных родственников, что обусловило размещение жилищ малых семей группами. В свою очередь, упомянутые группы жилищ указывают на процесс сегментации общинной собственности на собственность отдельных коллективов,

что знаменует собой грядущие перемены общественной системы. Сегментацию общинной собственности можно усматривать и в распространении небольших поселений с рубежа н. э., состоящих обычно лишь из нескольких жилищ.

Невысокую степень имущественного расслоения племен демонстрируют и сравнительно однородные погребения с трупосожжением. Лишь в немногих случаях сопровождающий инвентарь несколько выделяется из общей массы. Так, группа военных предводителей формировалась у пшеворских племен, о чем свидетельствует богатое погребение из Гринева, содержавшее полный комплект воинского снаряжения I в. н. э. [Козак, Орлов, 1982].

Видимо, уровень общественного развития племен липицкой культуры был несколько выше. Об этом говорят зачатки товарного производства керамики, тесные связи с развитыми в социально-экономическом отношении дакийскими племенами Подунавья. Богатые погребения в КолокоLINE, Чижикове и Звенигороде, возможно, принадлежали местным племенным вождям.

Как отмечалось выше, неравномерность развития племен Восточной Европы еще более усиливается во второй четверти I тыс. н. э. Так, тенденция к выделению небольших поселков, отмеченная для зарубинецкой культуры, становится доминирующей в среде генетически связанной с ней киевской культуры. Число жилищ на киевских поселениях Среднего Поднепровья и Подесенья, видимо, не превышало десятка [Терпиловский, 1980, с. 7]. Ранние и поздние памятники киевской культуры различаются планировкой отдельных поселений. Если на ранних памятниках вся совокупность хозяйственных сооружений занимала отдельный от жилищ участок (Лавриков лес близ Новгорода-Северского и Глеваха близ Киева), то на поздних селищах четкой локализации ям-погребов не наблюдается, а крупные хозяйственные постройки расположены, как правило, по одной возле домов (Роище близ Чернигова). При этом число обитателей поздних поселений осталось примерно прежним — рост площади про-

исходил за счет более свободной бес- системной планировки селищ.

Вероятно, изменениям в планировке поселений в какой-то мере соответствовали перемены в общественной жизни — переход к очередному этапу первобытной соседской общины. Причиной таких перемен мог явиться рост уровня пахотного земледелия, повысившего степень хозяйственной самостоятельности отдельных семей, а также воздействие со стороны более развитой в социально-экономическом отношении черняховской культуры. Тенденция к индивидуализации малых семей, отмеченная для поздних памятников в виде соответствующих жилищам хозяйственных построек, видимо, указывает на наличие семейных коллективов, самостоятельно ведущих хозяйство и распоряжающихся произведенным продуктом. Составляющие первобытную соседскую общину семьи могли быть родственными или нет, но поскольку они были обособлены в хозяйственном отношении, это не имело особого значения.

Рассмотренный тип социальных организмов характеризуется подворно-трудовым распределением и дуализмом общей и обособленной собственности. Малая семья еще не была экономически независимой, хозяйственными ячейками являлись группы лиц, имевшие совместную собственность — так называемые ячейки обособленной собственности.

Уровень развития племен черняховской и вельбарской культур, а также культуры карпатских курганов был существенно выше, чем у населения киевской культуры, что в значительной степени объясняется провинциально-римским влиянием. Социальная структура черняховского общества характеризуется противоречивыми чертами. Здесь известны большие долговременные поселения с элементами уличной планировки, застроенные крупными наземными каменными или глинобитными домами, хозяйственными сооружениями и загонами для скота. Поселения, судя по наиболее исследованным участкам на территории Молдавии, сравнительно редко образуют «гнезда», связываемые обычно с племенной структурой. Чаще селища расположены по одному-

два. Богатые погребения, денежные и вещевые клады, развитое товарное производство дополняют картину. Все это указывает на господство в черняховском обществе соседской, или территориальной, общины. Ускоренное развитие черняховского (в меньшей степени — вельбарского и карпатского) населения, вероятно, объясняется вовлечением его в систему социально-экономических отношений римских провинций и политической консолидацией, объединившей этнически разнородные племена и способствовавшей разрушению моноэтнической племенной организации.

Вместе с тем в северо-западной части черняховского ареала известны и небольшие поселения (Бовшев II, Ракобуты, Сокол и др.), где углубленные небольшие жилища и хозяйственные ямы занимают различные участки [Баран, 1981, с. 164—165]. На этих поселениях много лепной посуды домашнего производства, иногда превышающей по количеству гончарную. Видимо, социально-экономические отношения в этих областях были достаточно архаичны по сравнению с юго-западным регионом черняховской культуры, расположенным ближе к римскому лимесу.

Таким образом, начало нового этапа первобытной соседской общины в пределах южной части Восточной Европы можно связывать с киевской культурой и некоторыми окраинными черняховскими группировками.

Интеграционные процессы внутри черняховской культуры так и не достигли того уровня развития, при котором этнические и социально-экономические различия и противоречия были бы ликвидированы. Черняховская этнокультурная общность сложилась на основе различных этнических групп и до конца своего существования оставалась в социально-экономическом отношении неоднородной.

К середине I тыс. н. э. у населения северного ареала черняховской территории резко усилились контакты с соседними этнически родственными племенами киевской культуры, сохранившимися на протяжении второй четверти I тыс. н. э. свою культурную и социально-экономическую самобытность. В ре-

зультате на территории УССР (и частично за ее пределами) возникают пражская, пеньковская и колочинская культуры, принадлежащие уже историческим славянам. Их этническое единство особенно четко проявляется в удивительно похожей картине хозяйственного и общественного развития, вытекающей из однородного характера археологических материалов. Целый ряд поселений этих культур раскопан полностью или широкими площадями. Примером могут служить поселения пражской культуры у с. Корчак на р. Тетерев [Русанова, 1973, с. 23—25].

На каждом из поселений одновременно функционировали пять — семь жилищ. Дома располагались компактно, а вокруг и между ними размещались небольшие хозяйственные ямы. Судя по всему, наиболее архаичные славянские группировки, к которым можно отнести и корчакскую, имели планировку, близкую к структуре большинства селищ киевской культуры, при которой хозяйственные ямы занимали отдельный участок. Планировка же пеньковских поселений [Приходнюк, 1980, с. 15—18; Горюнов, 1981, с. 64—65] приближается к поселению киевской культуры Роище, где ямы и жилища расположены смешанно, что связано с процессом хозяйственного обособления малых семей. В любом случае такие поселения с одновременно обитавшими на них 30—40 жителями можно интерпретировать как средоточие упомянутых выше ячеек обособленной собственности.

Ряд поселений Поднестровья представляют собой иную картину. Так, практически полностью раскопанное поселение Рашков III состояло более чем из ста жилищ, распадающихся на несколько периодов в рамках V—VII вв. На каждом из этапов существовало 20—30 домов, причем в основном они размещались группами по три—пять построек с соответствующими им ямами-погребам^{*}. Часть жилищ располагалась обособленно. Вероятно, поселения, подобные Рашкову III, отвечали не одной, а группе ячеек

обособленной собственности. Такое явление, очевидно, объясняется тенденцией переселения части славянских племен в юго-западном направлении и концентрацией их, в частности, в названном регионе. В целом, днестровские поселения, вероятно, соответствуют поздней стадии первобытной соседской общины с элементами перехода к собственно соседской. Последнее находит подтверждение в процессе выделения индивидуальных дворохозяйств.

В VI—VII вв. ускоряется ход имущественной и социальной дифференциации, чему способствовало массовое появление военных союзов. Наступает период военной демократии, о чем свидетельствует такой надежный критерий, как появление у славян рабства (для военнопленных) в ходе походов на Византию [Мишулин, 1941, с. 240]. В руках племенной верхушки и дружины концентрируются значительные богатства. Археологическим подтверждением этого являются многочисленные клады VI—VII вв. круга «древности антов».

В третьей четверти I тыс. н. э. у славян юга Восточной Европы повсеместно складывались союзы племен, в ареалах которых возникли такие центры сосредоточения институтов власти и ремесла, как Киев, Зимнее и др. [Рыбаков, 1982, с. 42; Баран, 1972, с. 78, 79; Ауліх, 1972, с. 119—121; Седов, 1982, с. 242—243]. Помимо немногочисленных вначале центров племенных союзов возрастающая военная опасность со стороны кочевников заставляет славян строить городища-убежища.

Дальнейшее развитие общины, тесно связанное с хозяйственным прогрессом славянского общества, наступившим вслед за широким расселением славян в пределах Европы, представлено переходом от первобытной соседской к соседской общине. Этим рубежом стало возникновение государства, что на Руси произошло в середине IX в. С этого времени, согласно письменным источникам, налоги взимаются с «дыма», «рала», «плуга», под которыми подразумевается индивидуальная семья — хозяйственная единица феодального общества. Памятники VIII—X вв. позволяют зафиксировать некоторые детали этого процесса. В разных районах

^{*} См. раздел «Пражская культура» настоящей монографии.

юга Восточной Европы, преимущественно в Днепровском Правобережье, отмечена смена бессистемной планировки поселений на рядовую при увеличении размеров населенных пунктов. Предполагают, что поселения культуры Луки-Райковецкой состояли из индивидуальных дворохозяйств и представляли собой соседские общины. Объединение в общины или «миры» индивидуальных домохозяйств имело своей социальной базой коллективную собственность на землю, обработка которой осуществлялась силами отдельных семей.

Вместе с тем не все восточнославянские общины развивались одинаковыми темпами. На значительной части Днепровского Левобережья бессистемная застройка поселений и городищ господствовала вплоть до IX—X вв. Это позволяет предположить сохранение в этих районах архаических форм общественных отношений — первобытной соседской общины [Сухобоков, 1975, с. 130—131]. Определенное отставание темпов общественного развития у племен роменской культуры можно объяснить относительной удаленностью от правобережных районов, где происходило становление основных институтов Древнерусского государства, и постоянной конфронтацией с Хазарским каганатом.

Развитие ремесла и торговли в последней четверти I тыс. н. э. было тесно связано с процессом образования городов. В этот период уже существовали предшествующие им укрепленные поселения, ремесленные, торговые и административно-политические центры. В ареале культуры Луки-Райковецкой известны Киев, Родень, Заруб (Поднепровье), ряд городищ Прикарпатья. Зафиксированы также группы роменских городищ, сконцентрированные вокруг пунктов, позднее выступающих в источниках как летописные города (Воргол, Рыльск, Путивль, Курск и др.). Племена этого периода объединялись в мощные «суперсоюзы», возглавляемые «великими князьями». На юге — это «Русская земля», включающая ряд среднеднепровских право- и левобережных образований. Как известно, следующим шагом явилось создание первого государственного объединения

восточных славян — феодального Древнерусского государства.

Особенностью социальной структуры салтовской культуры является пронизанный архаикой кочевнический феодализм. Причиной перехода к полуседлому хозяйству в социальном плане послужило обнищание части кочевников. К экономической зависимости обедневших кочевников от кагана, его дружинников, племенных вождей и родовой аристократии по мере прикрепления бедняков к земле добавлялось внешнеэкономическое принуждение. Пастбища, бывшую собственность родов, в этот период захватили аристократы, однако земля по-прежнему номинально считалась принадлежавшей роду. Это — типичная архаическая черта кочевнического общества. Вообще феодальная структура Хазарского каганата, при которой каган являлся верховным сюзереном, сохранила ряд особенностей, оставшихся от того времени, когда это политическое объединение еще было племенным союзом.

Материалы городищ, поселений и особенно могильников салтовской культуры свидетельствуют о существовании в ее среде двух основных классов. Один класс составляли земледельцы, ремесленники и беднейшие кочевники. Несмотря на зажиточность отдельных представителей, класс этот оставался бесправным. Другой, господствующий класс составляли всадники-воины. Среди них были более или менее обеспеченные, но все они с молодых лет получали право носить боевой пояс [Плетнева, 1981, с. 74—75]. Вероятно, всадники представляли родовую аристократию, превратившуюся в феодальную. Из них князья формировали свои дружины и набирали конницу во время походов.

Таким образом, на территории Украины в I тыс. н. э. можно отметить следующие основные направления социально-экономического развития.

Первую и основную линию наиболее ярко представляют славянские культуры V—VII вв. (пражская, пеньковская и колочинская). Хозяйственная деятельность и общественные отношения их носителей находились на сравнительно невысоком уровне: практически все отрасли хозяйства носили натуральный

характер, торговля играла незначительную роль, а процессы имущественного и социального расслоения находились в стадии зарождения. Дальнейшее развитие социально-экономических отношений славянских племен привело к созданию более совершенных структур право- и левобережных объединений, итогом которых явилось сложение Древнерусского государства. Истоки данной линии развития лежат в таких культурах рубежа н. э. — первой половины I тыс. н. э., как киевская и предшествующая ей зарубинецкая, а также в некоторых группировках пшеворской (ее восточные регионы) и черняховской культур (северная периферия). Хозяйственные и общественные отношения этих групп сближаются с раннесредневековыми славянскими культурами как по общему уровню развития, так и по отдельным специфическим чертам.

Другое направление социально-экономического развития представлено рядом культур с зачатками товарного производства, развитыми торговыми от-

ношениями, имущественной и общественной дифференциацией. Эти особенности кроются, прежде всего, в тесных контактах с провинциями Римской империи. Наиболее показательна в этом плане черняховская культура, во многом к ней приближаются и такие культуры римского времени, как липицкая и вельбарская, культура карпатских курганов. Третье направление развития представлено различными кочевническими обществами, о специфике социально-экономических отношений внутри которых речь шла в начале раздела. Несколько особняком среди культур территории Украины I тыс. н. э. стоит салтовская культура, оставленная осевшими на землю потомками кочевых племен и входившие в систему одного политического объединения — Хазарского каганата. Развитое товарное производство, активные торговые связи, высокая степень общественного расслоения и смешение традиций различных народов во многом сближают ее с «провинциально-римской» линией социально-экономического развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение археологических культур рубежа и I тыс. н. э. на территории Украины в их хронологической последовательности показало непрерывную заселяемость Юго-Восточной Европы в этот период. Создание синхронологических таблиц, основанных на надежно датированных комплексах (в основном из новых раскопок), начисто опровергает «теорию» хиатусов и полного запустения указанного региона в V в. н. э. Удалось показать культурный пласт II в. н. э., созданный в процессе интеграции зарубинецких, пшеворских и липицких элементов накануне возникновения двух больших культурных образований позднеримского времени — киевской и черняховской культур.

Результатом данной работы является определение, с одной стороны, тех этнокультурных черт, которые, несомненно, свидетельствуют о непрерывном развитии субстратного населения на протяжении всего I тыс. н. э., с другой — элементов, привнесенных извне ираноязычным, тюркским, фракийским, германским и балтским населением. Это явление, представляющее одну из важнейших закономерностей исторического развития Юго-Восточной Европы, проиллюстрировано картами археологических культур (см. рис. 2; 8; 14; 20).

Сложными и дискуссионными являются вопросы сложения раннесредневековых славянских культур. Разработка хронологии древностей I тыс. н. э. с привязкой их к определенной территории, а также типологическое изучение показали, что их корни следует искать в культурах римского времени на территории лесостепной зоны Восточной Европы, где в настоящее время открыты славянские раннесред-

невековые памятники с выразительными комплексами, датированными V в. н. э.

При этом установлено, что ни одна из культур римского времени сама по себе не составляет подосновы славянских раннесредневековых древностей. Они включают в себя элементы ряда культур Юго-Восточной Европы: киевской, определенной группы черняховской и юго-восточной группы пшеворской. В процессе сложнейших взаимоотношений субстратного и пришлого населения осуществлялись те этнокультурные и социально-экономические процессы, которые привели к образованию раннесредневековых союзов славян, а в дальнейшем и восточнославянского государства. Они ощутимы уже в слоях позднелатенского времени, а их начало уходит, по видимому, в более ранние эпохи. Поэтому для понимания процессов этнокультурного развития Юго-Восточной Европы в I тыс. н. э. и определения роли славян в этих процессах необходимо продолжение исследований древностей, рассматривающихся в данной книге.

В III в. до н. э. под натиском сарматов наступило крушение Великой Скифии — государственного образования, которое возникло еще в VI в. до н. э. Достигло огромного могущества и известности в V—IV вв. до н. э.; занимало территорию, превышающую по площади современную УССР.

На обломках этого колосса возникла Малая Скифия, существовавшая в III в. до н. э. — начале III в. н. э. Она занимала Крым и Нижнее Поднепровье и насчитывала несколько десятков крупных поселений-городищ. Скифия поддерживала оживленные торговые отношения с близлежащими античны-

ми городами-государствами Северного Причерноморья: Ольвией, Херсонесом и Боспорским царством, которые, однако, во II в. до н. э. перешли в военные столкновения.

На территории Украины в III в. до н. э. появляются новые многочисленные и воинственные племена североиранской языковой группы — сарматы, обитавшие до этого времени в Южном Поволжье и Западном Казахстане. В начале сарматы воевали со скифами — иранцами по своей языковой принадлежности, и греческими государствами Причерноморья. Античные источники, в частности Диодор Сицилийский, сообщают, что именно сарматы уничтожили Великую Скифию и всех скифов. Однако эта версия не подтверждается археологически. Наоборот, факты указывают на существование оживленной торговли сарматов с античным миром, особенно в I в. н. э., и на их постепенное проникновение вместе со скифами в состав населения античных городов, культура которых под их воздействием варваризировалась. В связи с общим кризисом рабовладельческой системы античного мира, в результате которого приходила в упадок его экономика, разрушались некогда прочные этнокультурные и экономические связи, в том числе греческой метрополии с северными городами на побережье Черного моря.

С другой стороны, сарматское и позднескифское население Северного Причерноморья, восприняв многие достижения высокоразвитой античной культуры, в свою очередь активно внедряло их в более северные культуры Восточной Европы.

III в. до н. э. знаменателен еще и фактом возникновения в глубинах страны местных латенизированных культур, из которых наибольшее значение для нашей истории имела зарубинецкая культура на Среднем Поднепровье. Одновременно с нею в конце III в. до н. э. в молдавской лесостепи, между Днестром и Серетом, появилась поенешти-лукашевская культура, а на Верхней Висле — пшеворская. Между тремя культурами была некоторая общность, поскольку в процессе своего становления у них был, по-видимому, общий элемент в виде позднепоморской культуры.

Однако этническое содержание культур было различным, так же, как и различными оказались их исторические судьбы.

Первой с исторической арены к рубежу н. э. сошла поенешти-лукашевская культура смешанного этнического состава (фрако-бастарнская), не устоявшая под давлением своих южных соседей — фракийских племен гетов и даков, у которых в середине I в. до н. э. возник мощный племенной союз, так называемое гетское царство Буребисты. Вслед за ним наступил упадок праславянской зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья, укрепленные поселения которой, очевидно, не смогли успешно противостоять сарматской экспансии, начавшейся в конце I в. до н. э. и достигшей своего апогея в середине I в. н. э. Под давлением сарматов основная масса зарубинецкого населения оставила берега Днепра и переселилась в отдаленные от сарматов глухие лесные места Верхнего Подесенья. В Лесостепном правобережном Поднепровье наряду с местным субстратом появляются сарматские племена, вероятно роксоланы, погребальные памятники которых известны на территории между Тясмином и Стугной.

Одновременно со среднеднепровскими прекращают существование памятники полесской группы зарубинецкой культуры.

Что касается пшеворской культуры, то именно на это время приходится период ее наибольшего расцвета. Существенно расширяются границы культуры. Пшеворские памятники появляются к югу и востоку от их основной территории, в частности на Полесье, Западной Волыни, в Верхнем Поднестровье. С середины I в. н. э. в эти районы продвигаются с севера отдельные группы варубинецких племен Полесья, а с юга — дакийское население липицкой культуры. Они смешиваются с пшеворскими племенами, образуя новую группу памятников. К концу I в. н. э. памятники этой группы распространяются в Среднем Поднестровье и Южном Побужье. Одновременно на памятниках Среднего Поднепровья возникает ряд черт, связанных с влиянием пшеворской культуры. Облик памятников этих ре-

гионов определяется прежде всего количественным соотношением тех или иных элементов, связанных с различной культурной подосновой. Так, на Волыни и в Верхнем Поднестровье отмечены пшеворские и зарубинецкие элементы, на Среднем Днестре наряду с ними заметен дакийский субстрат, в Южном Побужье и Среднем Поднестровье ощутимо преобладает зарубинецкий компонент, а также можно отметить отдельные сарматские, позднескифские и балтские элементы.

Зарубинецко-пшеворский регион, сформировавшийся во II в. до н. э., достаточно обширный. На севере, в лесной зоне, он ограничен территорией распространения балтских культур (культура штрихованной керамики, днепровско-двинская и верхнеокская), на западе, в верховьях Вислы и Западного Буга — пшеворскими памятниками, отличающимися от рассматриваемых выразительной германской «окраской». Восточная и южная границы в настоящее время могут быть определены приблизительно: восточная — в верховьях Сейма и Псла, южная — почти совпадает с границей лесостепной и степной зон.

Со второй половины II в. заметна тенденция к унификации культуры в пределах указанной территории. Однако развитие этой тенденции было нарушено появлением на территории Украины еще одной группировки.

В конце II — начале III в. на территории Волыни появляются могильники и поселения вельбарской культуры, что связывается с миграцией готы из Нижнего Повисленья в Северное Причерноморье. Это обстоятельство в значительной мере повлияло на развитие дальнейших политических и культурно-генетических процессов в междуречье Днепра и Вислы, хотя памятники, объединившие в разной степени элементы зарубинецкой, пшеворской и липицкой культур, остаются наиболее весомыми компонентами новых образований — черняховской и киевской культур. В Южном и Северном Прикарпатье возникает новая культура — культура карпатских курганов, основой которой остается местное фракийское население, ассимилирующееся славянами в середине и второй половине I тыс. н. э.

Этот период характеризуется исчезновением внутритропной замкнутости, усилением контактов с Причерноморьем, где наряду с провинциально-римскими городами важное место занимали екифо-сарматские группировки, и дунайскими провинциями. Интенсификация внутренних и внешних торговых связей привела к значительным социально-экономическим, а вместе с тем и культурным сдвигам, особенно на территории большей части Лесостепи и Степи Украины, Молдавии, а затем и на территории Румынии, где образуется черняховская культура. В определенной мере ее культурно-экономическое единство подкреплялось военно-политическим союзом во главе с причерноморскими готами, проводившими войны с Римской империей. Однако за этим единством прослеживаются элементы, присущие предшествующим культурам II в. н. э. На многих поселениях Украинской Лесостепи удерживаются тенденции, которые нашли свое развитие в славянских древностях раннего средневековья.

Черняховская общность распадается в результате событий, связанных с вторжением гуннов. Часть составляющих ее племен (по письменным источникам — готы и сармато-аланы) покидает Восточную Европу. Сохранившиеся черняховские поселения V в. проявляют уже довольно отчетливые черты зарождающихся славянских средневековых культур — пражской и пеньковской.

Открытые в последние годы позднеранневековские поселения на Среднем Днестре (Теремцы, Сокол, Бакота, Бернатовка) с квадратными полуземлянками, содержащими лепную и гончарную керамику в сочетании с датирующими вещами V в. н. э. (трехпальчатой фибулой, амфорным материалом), и наличие аналогичных находок в ранних слоях пражских поселений являются несомненным свидетельством их типологической и этнической преемственности. Они свидетельствуют о наличии в многоэтничной черняховской культуре славянского компонента.

Важную роль в формировании ранне-средневековых древностей сыграла киевская культура, сердцевину которой составляло местное зарубинецкое

население. Занимая Северное Поднепровье и прилегающие к нему районы, она осталась несколько в стороне от упомянутых событий, а также за пределами зоны интенсивных провинциально-римских влияний. Все это хотя и несколько отрицательно повлияло на социально-экономическое развитие носителей культуры, но предопределило «спокойное» эволюционное развитие и положительно сказалось на сохранении ее этнокультурного лица. Раннесредневековые славянские древности по своей социально-экономической структуре наиболее близки именно киевской культуре III—V вв. н. э.

В середине и третьей четверти I тыс. н. э. в истории Европы происходили очень важные политические и этнические сдвиги, связанные с разгромом готского объединения, сложением крупных союзов славянских племен, событиями «великого переселения народов» и кризисом рабовладельческого строя античного мира. Они активно влияли на ход раннесредневековой истории. В 476 г. под ударами «варваров» распалась Западноримская империя. В последующее время славяне и другие народы вели упорную борьбу против Византии, в процессе которой произошло расселение славян по всей Восточной и Центральной Европе, а несколько позже — и на Балканы. Эти события в какой-то мере отражены в письменных источниках, но последние сравнительно немногочисленны, отрывочны и неполны, а иногда содержат фактические неточности. В этой ситуации археология сохраняет свое важное, а во многом и первоочередное значение в изучении ранних этапов средневековой истории славян. Картографирование славянских поселений отражает процессы их расселения. Источниковедческая база пополняется из года в год. Это в полной мере касается славянских древностей Восточной Европы V—VII вв. В послевоенные годы значительно расширились исследования пражских древностей, открыты многие новые памятники пеньковской и колочинской культуры.

Названные выше три раннесредневековых славянских ареала по комплексу археологических находок довольно

близки между собой, что, по-видимому, объясняется наличием общих подоснов и процессами консолидации славянского мира.

Близки топография и планиграфия поселений, жилищное строительство, погребальный обряд, керамический комплекс и т. д. По деталям строительных и погребальных комплексов, количественному соотношению ведущих и второстепенных керамических форм они подразделяются на три отдельные культуры.

Кроме трех основных славянских ареалов, представленных древностями пражского, пеньковского и колочинского типов, на территории Румынии в Добрудже, Молдове и северо-восточной Мунтении выделяется группа памятников, на которых почти в равной мере выступают пеньковские, пражские и гето-дакийские черты. В структурном отношении они представляют собой конгломератное явление — результат интенсивного внедрения в гето-дакийскую среду славян. Поскольку среди взаимодействующих компонентов невозможно выделить единый или хотя бы преобладающий культурный стержень, то Карпато-Дунайский массив древностей нельзя отнести к определенной славянской археологической культуре. Однако у исследователей не возникает сомнений в том, что пражские и пеньковские элементы являются здесь ведущими.

Во второй половине VII в. н. э. племена пражской, пеньковской и колочинской культур участвовали в образовании славянских культур последней четверти I тыс. н. э. На базе пражской культуры на территории Днепро-Правобережья формируются памятники типа Луки-Райковецкой, а в Средней Европе — других культурных групп. На Левобережье Днепра племена пеньковской и колочинской культур участвуют в сложении волынской культуры, предшествующей роменской.

В материальной культуре различных областей восточнославянских земель последней четверти I тыс. н. э. находим много общих черт, отражающих продолжение процесса консолидации восточнославянских племен. Лишь в от-

дельных случаях наблюдаются локальные этнографические особенности культуры, проявляющиеся в характере отопительных сооружений в жилищах и керамических форм и в меньшей мере деталях устройства жилищ и погребального обряда.

Родственные черты наряду с локальными особенностями прослеживаются в памятниках типа Луки-Райковецкой на Правобережье Днепра и роменской культуры Днепровского Левобережья. Наиболее отчетливы они в характере застройки поселений и городищ. Обилие городищ считалось характерным признаком лишь для роменской культуры, однако, дальнейшие исследования показали их распространенность и к западу от Днепра. В обеих областях известны мысовые и пойменные городища. Во многом совпадает и характер оборонительных сооружений.

Относительной однородностью отличался и восточнославянский погребальный обряд. Его характерными особенностями можно считать трупосожжение на стороне от места погребения и урновые подкурганые захоронения. Наиболее характерны для Левобережья захоронения в насыпи курганов, хотя они иногда встречаются и на Правобережье. В целом, погребальный обряд Правобережья имеет больше вариантов, чем на Левобережье.

Различия памятников типа Луки-Райковецкой и роменских усматривают преимущественно в керамическом материале, хотя в последнем, кроме локальных особенностей, прослеживаются и общие черты.

Процесс консолидации восточных славян и их культуры в конце I тыс. охватил также северные области Восточной Европы. На широкой территории обитания восточных славян складываются сходные черты их материальной культуры, а развитие социально-экономических отношений приближается к одному уровню. Этот процесс в значительной мере был обусловлен общим экономическим подъемом, достижениями в области земледелия и ремесла, развитием обмена, а значит, и более тесных связей между удаленными восточнославянскими областями. Связанный с экономическим подъемом рост численности

населения содействовал расселению восточных славян в периферийные области. Распространение памятников типа Луки-Райковецкой в юго-западном направлении отражает повторные волны восточнославянского расселения в VIII—IX вв. в Прутско-Днестровском междуречье, направленные к низовьям Дуная, а частью за Прут и Дунай. Продолжительное время, до начала II тыс. н. э., имело место поэтапное заселение восточными славянами Прикарпатья и Закарпатья. К VIII—IX вв. восточные славяне продвинулись на северо-востоке на Верхнюю Оку, а также на Верхний и Средний Дон, где формируется культура, близкая роменской (боршевская культура Подонья).

Основным вопросом этнокультурной карты Восточной Европы конца I тыс. н. э. является определение культуры упоминаемых летописью группировок восточных славян, представлявших собой крупные союзы племен. При этом значительную трудность составляет определение культуры юго-западных групп восточнославянских племен, что неоднократно отмечалось в литературе. В результате широких исследований памятников VIII—IX вв. Среднего Поднепровья, Волыни, Поднестровья и Прикарпатья, проведенных в 60—70-х годах, значительно расширились наши знания о материальной культуре этого периода, что позволило связать определенные памятники и группы памятников с конкретными упоминаниями летописью союзами племен.

Так, очертилась группа поселения Киевщины и Каневщины, относящихся к полянам. Памятники Южного Поднепровья и Побужья связываются с уличами, группа памятников Восточной Волыни — с древлянами, памятники Прутско-Днестровского междуречья — с тиверцами, группа поселений и могильников Прикарпатья и Закарпатья — с хорватами. Древности Западной Волыни и Верхнего Днестра V—VII вв. относятся к дулебам, а более поздние — к бужанам и волынянам, учитывая хронологическое отличие названия (дулебы — как более древнего). Более четко удастся определить земли северянского союза Левобережья Днепра. Некоторые локальные проявления куль-

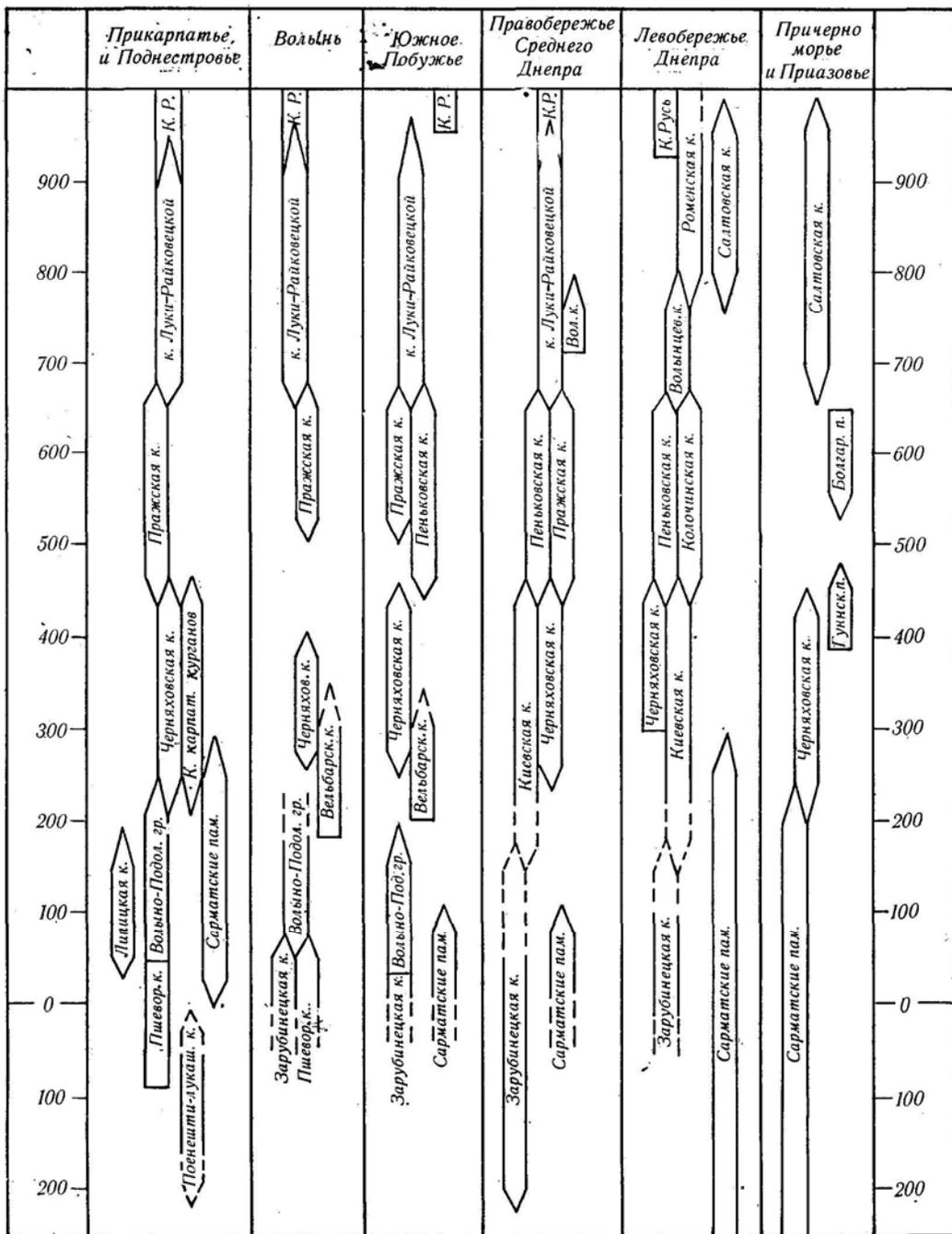

Рис. 25. Схема развития археологических культур рубежа—I тыс. н. э. на территории УССР.

тур летописных союзов племен продолжают существовать и в последующий древнерусский период (X—XI вв.).

Восточные славяне поддерживали экономические и культурные связи с соседними алано-болгарскими племенами,

создателями салтовской культуры Подонья и Приазовья, находившимися в политической зависимости от Хазарского каганата. О славяно-салтовских связях свидетельствует наличие у славян салтовской посуды и украшений, а у

салтовских племен — жилищ и посуды славянских типов. Наиболее тесные связи между обеими группами населения на территории УССР устанавливаются на Северском Донце и в степном Поднепровье, где аланы, славяне и болгары проживают на одной территории.

Основные черты материальной культуры восточных славян лесостепной полосы, сложившиеся во второй половине I тыс. н. э., продолжают существовать и в древнерусской культуре, отражая историческую последовательность развития восточного славянства (рис.25).

Важнейшим фактором, способствующим унификации восточнославянской

культуры и сложению древнерусской культуры, было образование в IX в. Древнерусского государства, в которое вошло большинство восточнославянских союзов племен. Количественный рост городов, бурное развитие в них ремесел и торговли, строительство пограничных крепостей, населявшихся выходцами из различных областей Руси, военные походы русских князей, в которых участвовали воины всех объединенных земель,— все это способствовало созданию единой древнерусской культуры и древнерусской народности, объединившей все восточнославянские племена, а также часть неславянского населения Восточной Европы.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 23—178.
- Абашина Н. С., Гороховський б. Л.* Кераміка пізньозарубинецького поселення Обухів III.— *Археологія*, 1975, вид. 18, с. 61—71.
- Айбабин, А. И.* К вопросу о происхождении сережек пастырского типа.— *СА*, 1973, № 3, с. 62—72.
- Айбабин А. И.* Погребение второй половины V — первой половины VI в. в Крыму.— *КСИА*, 1979, вып. 158, с. 22—34.
- Айбабин А. И.* Погребение конца VII—первой половины VIII в. в Крыму.— В кн.: Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М., 1982, с. 15—44.
- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— *САИ*, 1978, вып. Г1-12.— 105 с.
- Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— *САИ*, 1960, вып. Д1-30.—113 с.
- Амброз А. К.* Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. н. э.— *МИА*, 1970, № 176, с. 70—74.
- Амброз А. Л.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— *СА*, 1971, № 2, с. 96—123.
- Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья М., 1981, с. 38—42.
- Амброз А. К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре (вопрос интерпретации).— В кн.: Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М., 1982, с. 54—76.
- Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону.— *ИГАИМК*, 1935, вып. 131.— 118 с.
- Артамонов М. И.* Саркел и некоторые другие поселения северо-западной Хазарии.— *СА*, 1940, вып. 4, с. 130—167.
- Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подольи в 1952—1953 гг.— *КСИИМК*, 1955, вып. 59, с. 100—117.
- Артамонов М. И.* История хазар.— Л., 1962.—523 с.
- Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. М., 1967, с. 21—69.
- Артамонов М. И.* Етническата принадлежност и историческото значение на пастырската култура. — *Археологія*, София, 1969, № 3, с. 3—28.
- Аулих В. В.* Славянское поселение у с. Репнева (Репнев I) Львовской области.— *МИА*, 1963, № 108, с. 366—381.
- Аулих В. В.* Зимнівське городище.— К., 1972.— 123 с.
- Вабенко В. А.* Древнесалтовские окраины Южной России.— В кн.: Труды XII АС. М., 1905, т. 3, с. 434—464.
- Вабенко В. А.* Памятники хазарской культуры на юге России. Каменный город.— В кн.: Труды XV АС. М., 1914, т. 1, с. 464—470.
- Балаев М. Х., Виноградов В. Б.* Раскопки раннесредневекового могильника у с. Харачой.— *КСИА*, 1972, № 132, с. 80—86.
- Баран, В. Д.* Поселення перших століть н. е. у с. Черепин.— К., 1961.— 126 с.
- Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю.— К., 1972.—243 с
- Баран В. Д.* Славяне в середині I тисячелеття н. е.— В кн.: Проблеми етнології славян. Київ, 1978, с. 5—38.
- Баран В. Д.* Черняхівська культура : За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу.— К., 1981.— 262 с
- Баран В. Д.* Сложение славянской средневековой культуры и проблема расселения славян.— В кн.: Славяне на Днестре и Дунае. Київ, 1983, с. 5—48.
- Баран В. Д., Карчина Л. Я., Некрасова А. Н.* Раннеславянское поселение у с. Рашков.— *АО* 1978 г. М., 1979, с. 294—295.
- Баран В. Д., Цигилик В. Н.* Дослідження поселень I тисячоліття н. е. у верхів'ях Золотої Липи.— В кн.: Середні віки на Україні. К., 1971, с. 12—47.
- Баран В. Д., Пачкова С. П.* Поселення поблизу с. Горошеве на Середньому Дністрі.— *Археологія*, 1975, вип. 18, с. 87—95.
- Баранов И. А.* Средневековая литейная форма из Старого Крыма.— *СА*, 1977, № 2, с. 242—246.
- Баранов И. А.* Ранние болгары в Крыму (локальный вариант салтово-маяцкой культуры) : Автореф. дис.... канд. ист. наук.— Киев, 1977а.— 27 с.
- Блан И. Г.* До історії мисливства і тваринництва у племен Правобережної України у I тисячолітті н. е.— *Археологія*, 1977, вип. 24, с. 29—37.

- Беляшевский Н. Ф.* Ближайшие задачи археологии Юга России. — АЛЮР, 1903, № 1, с. 12—18.
- Березовець Д. Т.* Дослідження на території Путивльського району Сумської області.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 242—250.
- Березовець Д. Т.* Харівський скарб.— Археологія, 1952, т. 6, с. 109—119.
- Березовець Д. Т.* Археологические памятники летописных северян.— КСИА, 1953, вып. 2, с. 25—26.
- Березовець Д. Т.* Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр.— АПУРСР, 1955, т. 5, с. 49—66.
- Березовець Д. Т.* О датировке Черняховской культуры.— СА, 1963, № 3, с. 97—111.
- Березовець Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине.— МИА, 1963, № 108, с. 145—208.
- Березовець Д. Т.* Слов'яни і племена салтівської культури. — Археологія, 1965, т. 19, с. 47—67.
- Березовець Д. Т.* Северяне (перед образованием Киевской Руси) : Авто реф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1969.—27 с.
- Березовець Д. Т.* Салтівська культура.— В кн.: Археологія Української РСР. К., 1975, т. 3, с. 421—435.
- Беспальчев В. Ф.* Поля погребений в Роменском уезде Полтавской губернии.— В кн.: Труды XIV АС. М., 1911, с. 214—215.
- Б і ді з і л я В. І.* Залізоплавильні горни середини I тисячоліття н. е. на Південному Бузі.— Археологія, 1963, т. 14, с. 123—144.
- Бидзиля В. И., Недопако Д. П., Воляник В. К.* Отчет о работе историко-технической экспедиции за 1978 г. Арх. И А АН УССР, 1979.— 16 с.
- Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы.— М., 1978.— 272 с.
- Брайчевський М. Ю.* Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст.— Археологія, 1950, т. 4, с. 14—39.
- Брайчевський М. Ю.* Римська монета на території України.— К., 1959.— 244 с.
- Брайчевський М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності.— К., 1964.— 356 с.
- Брайчевский М. Ю.* Погребение в Горькой-Полонке на Вольни.— МИА, 1964, № 116, с. 173—175.
- Брайчевський М. Ю.* Походження Русі.— К., 1968.— 310 с.
- Вакуленко Л. В.* Памятники культуры карпатских курганов у с. Глубокое.— АИНУ 1967 г., 1968, вып. 2, с. 169—172.
- Вакуленко Л. В.* Пам'ятки підгір'я Карпат першої половини I тисячоліття н. е.— К., 1977.— 140 с.
- Вернер И. К.* Происхождению и распространению антов и склавинов.— СА, 1972, № 4, с. 102—115.
- Винников А. З.* Славяне Верхнего и Среднего Подонья VIII—X вв. (по керамическому материалу) : Авто реф. дис. канд. ист. наук.— М., 1974.— 24 с.
- Винников А. З.* Керамика Донских славян конца I тысячелетия н. э.— СА, 1982, № 3, с. 165—180.
- Виноградский Ю. С.* Раннеславянские памятники в окрестностях г. Сосницы.— КСИА, 1952, вып. 1, с. 50—52.
- Винокур И. С.* История та культура черняхівських племен Дністровсько-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е.— К., 1972.— 180 с.
- Винокур И. С.* Ружичанский могильник.— В кн.: Могильники Черняховской культуры. М., 1979, с. 112—135.
- Винокур И. С., Островский М. И.* Раковецкий могильник.— МИА, 1967, № 139, с. 144—159.
- Вознесенская Г. А.* Техника обработки железа и стали.— МИА, 1972, № 187, с. 8—33.
- Воронов Ю. П., Юшин В. А.* Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия).— СА, 1979, № 1, с. 181—198.
- Высотская Т. И., Черепанова Е. Н.* Находки из погребений IV—V вв. в Крыму.— СА, 1966, № 3, с. 53—74.
- Вязьмитина М. I.* Сарматський час.— В кн.: Археологія Української РСР. К., 1975, т. 2, с. 185—207.
- Вязьмитина М. I., Іллінська В. В., Покровська Е. Ф., Тереножкін О. I, Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень»,— АП УРСР, 1960, т. 8, с. 128—130.
- Вьжарова Ж. Н.* Памятники Болгарии конца VI—IX в. и их этническая принадлежность.— СА, 1968, № 3, с. 11—24.
- Вьжарова Ж. Н.* Славянські і славяно-българські селища в българските земи от края на VI—X век.— София, 1965.— 248 с.
- Вьжарова Ж. П.* Славяни і прабългари по дані на некрополите от VI—IX в. на територіята на България.— София, 1976.— 315 с.
- Гадло А. В.* Южное Приазовье в эпоху Хазарского каганата: Авто реф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1968.— 29 с.
- Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологического исследования 1948—1953 гг.— МИА, 1958, № 85, с. 9—149.
- Гамченко С. С.* Раскопки в бассейне р. Случи.— В кн.: Труды XL АС. М., 1901, т. 1, с. 357.
- Гапусенко Г. М.* Боротьба східних слов'ян за вихід до Чорного моря.— К., 1966.— 160 с.
- Генинг В. Ф.* Тураевский могильник V в. н. э. (захоронения военачальников).— В кн.: Из истории Волго-Камья. Казань, 1976, с. 55—108.
- Генинг В. Ф.* Проблема соотношения археологической культуры и этноса.— В кн.: Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976, с. 3—37.
- Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитур I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья).— КСИА, 1979, вып. 158, с. 96—106.
- Генинг В. Ф., Халиков А. X.* Ранние болгары на Волге.— М., 1964.— 202 с.
- Гончаров В. К.* Лука-Райковецкая. — МИА, 1963, № 108, с. 283—315.
- Гончаров В. К., Махно б. В.* Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. — Археологія, 1957, т. 11, с. 124—143.

- Гопак В. Д.* Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э. (Днепровско-Днестровское междуречье).— СА, 1976, № 2, с. 46—56.
- Гопак В. Д.* О тенденции развития древнего кузнечного ремесла в Поднепровье.— В кн.: Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980, с. 150—151.
- Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде в 1901 г.— В кн.: Труды XII АС. М., 1905, т. 1, с. 211—213.
- Гороховский Е. Л.* Хронология пряжек черняховской культуры (по материалам могильников территории Украины).— В кн.: Тез. докл. симпози. «Позднейшие судьбы Черняховской культуры». Каменец-Подольский, 1981, с. 14—16.
- Гороховский Е. Л.* Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья.— В кн.: Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982, с. 125—140.
- Горюнов Е. А.* Селище Целиков Бугор на Средней Десне.— КСИА, 1972, № 129, с. 42—46.
- Горюнов Е. А.* Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в V—начале VIII в.— СА, 1973, № 4, с. 99—112.
- Горюнов Е. А.* Некоторые древности I тысячелетия н. э. на Черниговщине.— РВД. Л., 1974, с. 119—125.
- Горюнов Е. А.* О памятниках волинцевского типа.— КСИА, 1975, вып. 4, с. 3—10.
- Горюнов Е. А.* Исследования в Курской области.— АО 1979 г., М., 1980, с. 50—51.
- Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья.— Л., 1981.— 135 с.
- Горюнов Е. А.* Исследования в Курской области.— АО 1980 г. М., 1981 а, с. 48—49.
- Горюнов Е. А., Казанский М. М.* О происхождении широкопластинчатых фибул.— КСИА, 1979, вып. 155, с. 25—31.
- Горюнов Е. А., Казанский М. М.* К изучению раннесредневековых древностей Нижнего Подунавья (VI—VII вв.).— В кн.: Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983, с. 191—205.
- Готье Ю. В.* Кто были обитатели Верхнего Салтова?— ИГАИМК, 1927, вып. 5, с. 65—84.
- Григорьев А. Ф.* Раскопки у с. Горбова.— АО 1981 г. М., 1983, с. 254—255.
- Грінченко В. А.* Памятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі.— Археологія, 1950, т. 3, с. 37—63.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Поселение и могильник римского времени Молога II.— В кн.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982, с. 55—113.
- Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Поманья.— М., Л., 1962.— 221 с.
- Давидан О. Н.* Гребни Старой Ладоги.— АСГЭ, 1962, вып. 4, с. 95—108.
- Даниленко В. Н.* Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра.— КСИА УССР, 1955, № 4, с. 27—29.
- Даниленко В. М.* Пізньюзарубинецькі пам'ятки київського типу.— Археологія, 1976, вип. 19, с. 65—92.
- Даниленко В. Н., Дудкин В. П., Круц В. А.* Археолого-магнитная разведка в Киевской области.— АИНУ 1965—1966 гг. К., 1967, с. 209—215.
- Дашевская О. Д.* Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма.— МИА, 1969, № 169, с. 52—61.
- Довженко В. Й.* Розкопки біля с. Волинцевого Сумської області.— АП УРСР, т. 3, с. 251—270.
- Заверняев Ф. М.* Селища бассейна р. Судосты.— СА, 1960, № 3, с. 180—194.
- Заверняев Ф. М.* Почепское селище.— МИА, 1969, № 160, с. 88—118.
- Засацкая И. П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса).— СА, 1978, № 1, с. 3—28.
- Засацкая И. П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей.— КСИА, 1979, вып. 158, с. 5—17.
- Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 69.— 178 с.
- Иордан.* О происхождении и деянии гетов.— М., 1960.— 435 с.
- История первобытного общества.*— М., 1983.— 432 с.
- Иченская О. В.* Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника.— В кн.: Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981, с. 80—96.
- Иченская О. В.* Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника.— В кн.: Вопросы хронологии и периодизации памятников Украины. Киев, 1983, с. 140—148.
- Калитинский А.* К вопросу о некоторых формах двухпластинчатых фибул из России.— In: Seminarium Kondakovianum. Prague, 1928, v. 11.
- Каспарова К. В.* О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья.— СА, 1976, № 3, с. 128—140.
- Каспарова К. В.* Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры.— СА, 1981, № 2, с. 57—79.
- Каспарова К. В., Щужин М. Б.* Могильник Могиляны-Хмельник в Ровенской области.— Труды ГЭ. Л., 1979, с. 160—163.
- Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Археология СССР.— САИ, вып. Е1-36, 1966.— 146 с.
- Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, 1973, вып. Е1-36.— 140 с.
- Книпович Т. Н.* Танаис.— М.; Л., 1949.— 176 с.
- Ковалевская В. Б.* Башкиры и евразийские степи IV—IX вв. (по материалам поясных наборов).— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 95—109.
- Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евра-

- зии VI—IX вв. Пряжки.— САИ, 1979, вып. Е1-2.— 58 с., 29 табл.
- Ковпаненко Т. Г., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Раскопки курганов у с. Ковалевки.— В кн.: Курганы на Южном Буге. Киев, 1978, с. 15—37.
- Козак Д. Н.* Могильник початку нашої ери у с. Звенигород на Львівщині.— Археологія, 1978, вип. 25, с. 96—107.
- Козак Д. Н.* Пшеворская культура в междуречье Днестра и Западного Буга.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 72—91.
- Козак Д. Н.* Пшеворська і черняхівська культури у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі.— Археологія, 1982, вип. 37, с. 31—48.
- Козак Д. Н., Журко О. П.* Поселення поблизу с. Велика Слобідка пізньоримського часу в Середньому Подністров'ї.— Археологія, 1983, вип. 43, с. 62—70.
- Козак Д. Н., Орлов Р. С.* Обкладка ножен меча из погребения № 3 в с. Гринев.— В кн.: Новые памятники древней и средневековой культуры. Киев, 1982, с. 104—115.
- Козак Д. Н., Терпиловский Р. В.* Этнокультурные связи племен Северной Украины в первой половине I тысячелетия н. э. (к выделению праславянской культурной области).— В кн.: Полесье и этногенез славян. М., 1983, с. 20—22.
- Козак Д. Н.* Памятники рубежа и первых веков нашей эры в Поднестровье и Западном Побужье.— В кн.: Славяне на Днестре и Дунае. К., 1983, с. 77—105.
- Кондукторова Т. С.* Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже н. э.— М., 1979.— 128 с.
- Корзухина Г. Ф.* О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X—XII вв.— КСИИМК, 1946, вып. 13, с. 45—54.
- Корзухина Г. Ф.* К истории Среднего Поднепровья в I тысячелетии н. э.— СА, 1955, вып. 22, с. 61—82.
- Котигорошко В. Г.* Курган первой половины III в. н. э. у с. Братово.— СА, 1979, № 2, с. 153—163.
- Котигорошко В. Г.* Итоги изучения могильника Иза I в Закарпатье.— СА, 1980, № 1, с. 229—247.
- Кравченко Н. М.* Косановский могильник (по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961—1964 гг.).— МИА, 1967, № 139, с. 77—135.
- Кравченко Н. М.* К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на Черняховских могильниках.— КСИА, 1970, вып. 121, с. 44—51.
- Кравченко Н. М.* Исследование славянских памятников на Стугне.— В кн.: Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 74—92.
- Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховский Б. Л.* Нові пам'ятки I тисячоліття н. е. в Київському Придніпров'ї.— Археологія, 1975, вип. 15, с. 87—98.
- Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л.* О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тыс. н. э.— СА, 1979, № 2, с. 51—69.
- Красильников К. И.* Население Среднедончья в VIII—начале X в. (салтовомаяцкая культура на Среднем Донце): Автореф. дис... канд. ист. наук.— М., 1980.— 23 с.
- Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР.— САИ, 1961, вып. Г4-4.— 135 с.
- Кропоткин В. В.* Новые находки римских монет в СССР.— НЭ, 1966, т. 6, с. 74—102.
- Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР: Археология СССР.— САИ, 1962, вып. Е4-4.— 134 с.
- Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры.— М., 1967.— 135 с.
- Кропоткин В. В.* К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен Черняховской культуры в III—IV вв. н. э.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 146—160.
- Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.).— САИ, 1970, вып. Д1-27.— 279 с.
- Круг О. Ю.* Датировка светлоглиняных амфор Лепесовки по данным петрографии.— В кн.: Матеріали XIII конф. ІА АН УРСР. К., 1972, с. 254-258.
- Круг О. Ю., Важанов Э.* Классификация и хронология светлоглиняных амфор II—IV вв. н. э.— СА, 1967, № 1, с. 52—59.
- Крушельницька Л. І., Оприск В. Г.* Поселення східноморсько-мазовецької культури у верхів'ях Західного Бугу.— Археологія, 1975, вип. 18, с. 75—80.
- Кубышев А. И., Максимов Е. В.* Пироговский могильник.— МИА, 1969, № 160, с. 25—38.
- Куза А. В.* Большое городище у с. Горналь.— В кн.: Древнерусские города. М., 1981, с. 6—39.
- Кухаренко Ю. В.* Волынская группа полей погребений и проблема так называемой гого-гепидской культуры.— КСИА, 1970, вып. 121, с. 57—60.
- Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья.— САИ, 1961, Е1-57.— 39 с., 14 табл.
- Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест — Тришин.— М., 1980.— 125 с.
- Кухаренко Ю. В.* О Качинской находке V в.— В кн.: Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М., 1982, с. 234—244.
- Кухарская Е. Н., Терпиловский Р. В.* Некоторые типы лунниц III—V вв. в Среднем Поднепровье.— В кн.: Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981, с. 69—79.
- Кучера М. Н., Юра Р. О.* Дослідження Зміювих валів у Середньому Подніпров'ї.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976, с. 198—216.
- Лапушнян В. А., Никулицз И. Т., Романовская М. А.* Памятники раннего железного века.— В кн.: Археологическая карта

- Молдавии. Кишинев, 1974, вып. 4, с. 74—86.
- Липпинг Ю. А.* Могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. в Курском Посеймье.— РВД, Л., 1974, с. 136—152.
- Ляпушкин И. И.* Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв.— КСИИМК, 1946, вып. 12, с. 191—246.
- Ляпушкин И. И.* О датировке городищ роменско-боршевской культуры.— С А, 1947, № 9, с. 121—136.
- Ляпушкин И. И.* Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей.— Вестн. ЛГУ, 1956, № 20, с. 45—60.
- Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, 1958, № 74.—328 с.
- Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона.— МИА, 1958, № 62, с. 85—150.
- Ляпушкин И. И.* К вопросу о памятниках вольтинцевского типа.— СА, 1956, т. 29/30, с. 58—83.
- Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— МИА, 1961, № 104.—383 с.
- Ляпушкин И. И.* Славянские памятники Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152.—325 с.
- Маврикий.* Тактика и стратегия / Пер. М. А. Цыбышева.— СПб., 1903.—360 с.
- Магомедов Б. В.* Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.).— В кн.: Могильники черняховской культуры. М., 1979, с. 24—62.
- Магомедов В. В.* О культурно-хронологическом соотношении Черняховских памятников Причерноморья и Лесостепи.— В кн.: Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983, с. 135—155.
- Макаренко Н. Е.* Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии.— ИАК, 1907, вып. 22, с. 142—144.
- Макаренко М. О.* Городище Монастирище.— Наук. зб. іст. секції УАН, 1925, вип. 29, с. 3—23.
- Максимов Е. В.* Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье.— МИА, 1969, № 160, с. 39—45.
- Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры.— Киев, 1972.—183 с.
- Максимов Е. В.* Хронология древностей зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье.— МИА, 1979, № 160, с. 17—24.
- Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР.— Киев, 1982.—185 с.
- Максимов Е. В., Орлов Р. С.* Поселение и могильник второй четверти I тысячелетия н. э. у с. Казаровичи близ Киева.— РВД, Л., 1974, с. 11—21.
- Максимов Е. В., Петрашенко В. О.* Городище Монастирьок VIII—XIII ст. на Середньому Дніпрі.— Археологія, 1980, вип. 33, с. 3—20.
- Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Раскопки поселения Монастырек.— АО 1980 г. М., 1981, с. 318.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Раскопки поселения у с. Роище.— АО 1977 г. М., 1978, с. 351—352.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Поселения киевского типа близ Чернигова.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 91—108.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Поселения киевского типа у с. Ульяновка на Десне.— В кн.: Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 21—37.
- Махно в. В.* Поселения культуры «полів поховань» на північно-західному Правобережжі.— АПУРСР, 1949, вип. 1, с. 153—176.
- Махно б. В.* Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули.— Там же, 1955, вип. 5, с. 79—85.
- Мачинский Д. А.* К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поенешти — Лукашевка.— В кн.: Археология Старого и Нового света. М., 1966, с. 82—96.
- Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие.— САИ, 1966, вып. Е1-36.—118 с.
- Мезенцева Г. Г.* Канівське поселення полян.— К., 1965.—123 с.
- Мерперт Н. Я.* О генезисе салтовской культуры.— КСИИМК, 1951, вып. 36, с. 14—30.
- Мерперт Н. Я.* К вопросу о древнейших болгарских племенах.— Казань, 1957.—37 с.
- Минасян Р. С.* Раннеславянский хозяйственно-бытовой инвентарь и его появление в лесной зоне Восточной Европы.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1980 г.—20 с.
- Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии.— Минск, 1978.—160 с.
- Михайлов Б. Д.* Поховання мідника гунського часу в Північному Приазов'ї.— Археологія, 1977, вип. 24, с. 74—82.
- Михеев В. К.* Основные ремесленные производства болгаро-аланского населения Подонья в VIII—IX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Харьков, 1968.—24 с.
- Михельбертас М.* Фибула с эмалью из Рудишкяй.— В кн.: Studia archeologica in memoriam Harri Moora. Тарту, 1970, с. 122—125.
- Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских авторов по VII в.— ВДИ, 1941, № 1, с. 253.
- Моруженко А. А.* Исследования в бассейне Ворсклы.— АО 1976 г. М., 1977.—376 с.
- Мосберг Г. М.* К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма.— СА, 1946, № 8, с. 113—119.
- Москаленко А. Н.* Городище Титчиха: Из истории древнерусских поселений на Дону.— Воронеж, 1965.—311 с.
- Москаленко А. Н.* Славяне на Дону (боршевская культура).— Воронеж, 1981.—125 с.
- Никитина Г. Ф.* Гребни Черняховской культуры.— СА, 1969, № 1, с. 147—159.
- Новосельцев А. П., Пауто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика).—М., 1972.—337 с.
- Обломский А. М.* О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры.— СА, 1983, № 1, с. 103—120.

- Падин В. А.* Древности VI—VII вв. в окрестностях Трубчевска. — РВД. Л., 1974, с. 132—135.
- Пачкова С. П.* Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери. — К., 1974. — 135 с.
- Пачкова С. П.* Поселення поблизу с. Круглик на Буковині. — Археологія, 1977, вип. 23, с. 24—35.
- Пачкова С. П.* К вопросу о памятниках позднелатенского времени на Среднем Днестре. — В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 57—72.
- Пачкова С. П.* Урнове поховання в с. Гринчук на Середньому Дністрі. — Археологія, 1979, вип. 29, с. 113—114.
- Пачкова С. П., Романовская М. А.* Памятники Карпато-Днепровского региона конца I тысячелетия до н. э. — В кн.: Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983, с. 48—77.
- Пашкевич Г. А.* Культурные растения из памятников Черняховской культуры территории Украины. — В кн.: Тез. докл. симпоз. «Позднейшие судьбы черняховской культуры». Каменец-Подольский, 1981, с. 34—35.
- Пашкевич Г. О., Панібудьлаєка Т. С.* Палеоботаничні дослідження поселень пшеворської культури. — В кн.: Матеріали V Поділ. конф. Кам'янець-Подільський, 1982, с. 125—126.
- Пашкевич Г. О., Петрашенко В. О.* Землеробство і скотарство в Середньому Подніпров'ї в VIII—X ст. — Археологія, 1982, № 41, с. 46—62.
- Пашкевич Г. А., Терпиловский Р. В.* Сельское хозяйство деснических племен III—V вв. — В кн.: Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1981, с. 93—113.
- Пеняк С. І.* Ранньослов'янське та давньоруське населення Закарпаття VI—XIII ст. — К., 1980. — 178 с.
- Петрашенко В. А.* Лесостепное Правобережное Поднепровье в VIII—X вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1982. — 27 с.
- Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. (по материалам раскопок 1956—1958 гг. в Потясминье). — МИА, 1963, № 108, с. 209—233.
- Плетнева С. А.* Ох кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142. — 198 с.
- Плетнева С. А.* Сведения русских летописей о восточноевропейских кочевниках эпохи раннего средневековья {VII—начало X в.}. — В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1979, с. 24—36.
- Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура. — В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981, с. 62—75.
- Плетнева С. А.* Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. — М., 1982. — 137 с.
- Плетнева С. А., Николаенко А. Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник. — СА, 1976, № 3, с. 279—298.
- Поболь Л. Д.* Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белоруссии. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 205—217.
- Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. — Минск, 1971. — Ч. 1. 232 с.
- Поболь Л. Д.* Черняховский импорт на территории Белоруссии. — В кн.: Тез. докл. посвящ. итогам археол. исслед. в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, с. 148—150.
- Поболь Л. Д.* О новых археологических памятниках БССР VI—IX вв. — В кн.: Славяните и средиземноморският свят VI—XI век. София, 1973, с. 221—230.
- Поболь Л. Д.* Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье. — РВД. Л., 1974, с. 159—180.
- Повесть* временных лет. Лаврентьевский список. — М.; Л., 1950. — Ч. 1. — 404 с.
- Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.). — К., 1975. — 154 с.
- Приходнюк О. М.* Ранньосередньовічне слов'янське поселення на р. Рось. — В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976, с. 101—119.
- Приходнюк О. М.* Археологічні розвідки в Пороссі. — Археологія, 1979, вин. 31, с. 83—96.
- Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. — К., 1980. — 152 с.
- Приходнюк О. М.* Формування слов'янських старожитностей раннього середньовіччя в Середньому Подністров'ї. — Археологія, 1983, вип. 42, с. 16—28.
- Прокопий.* Война с готами. — М., 1950. — 514 с.
- Пудовик В. К.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су. — СА, 1961, № 1, с. 177—185.
- Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище (VI—XIII вв. н. э.). — В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 104—155.
- Распопова В. И.* Металлические изделия раннее средневекового Согда. — Л., 1980. — 287 с.
- Рафалович И. А.* Славяне VI—IX вв. в Молдавии. — Кишинев, 1972. — 242 с.
- Рафалович И. А., Лопушняк В. Л.* Могильник и раннеславянское городище у с. Селиште. — АИМ 1973 г. Кишинев, 1974, с. 104—140.
- Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. — М., 1975. — 336 с.
- Романовская М. А.* Население Карпато-Днепровского района во II—I вв. до н. э. (по археологическим материалам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1968. — 24 с.
- Романовская М. А.* Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка. — МИА, 1969, № 150, с. 81—95.
- Русанова И. П.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. — СА, 1958, № 4, с. 33—46.
- Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, 1973, вып. Е1-25. — 100 с.
- Русанова И. П.* Языческое святилище на

- р. Гнилопять под Житомиром.— В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 233—237.
- Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв.— М., 1976.— 216 с.
- Русанова И. П.* Поселение Кодыи в бассейне Прута.— АО 1976 г. М., 1977.— 364 с.
- Рутковская Л. М.* О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовки на р. Тясмине.— РВД. Л., 1974, с. 32—39.
- Рыбаков Б. А.* Анты и Киевская Русь.— ВДИ, 1939, № 1, с. 319—337.
- Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне.— СЭ, 1947, вып. 5/6, с. 81—105.
- Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси.— М., 1948.— 792 с.
- Рыбаков Б. А.* Древние русы.— СА, 1953, вып. 17, с. 23—104.
- Рыбаков Б. А.* Календарь IV в. из земли полян.— СА, 1962, № 4, с. 66—90.
- Рыбаков Б. А.* Предпосылки образования Древнерусского государства.— В кн.: Очерки истории СССР. М., 1963, с. 733—831.
- Рыбаков Б. А.* Первые века русской истории.— М., 1964.— 239 с.
- Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники.— М., 1971.— 293 с.
- Рыбаков Б. А.* Новая концепция преемственности Киевской Руси.— История СССР, 1981, № 1, с. 55—75; № 2, с. 40—59.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М., 1982.— 591 с.
- Самоквасов Д. Я.* Северянские курганы и их значение для истории.— В кн.: Труды III АС. М., 1878, т. 1, с. 175—224.
- Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могильникам.— М., 1908а.— 153 с.
- Самоквасов Д. Я.* Могила Русской земли.— М., 1908б.— 271 с.
- Самоквасов Д. Я.* Могиленные древности северянской Черниговщины.— М., 1916.— 104 с.
- Свешников И. К.* Могильники липицкой культуры во Львовской области (раскопки у сел Звенигород и Болотное).— КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 63—74.
- Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, 1970, № 163.— 200 с.
- Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян.— М., 1979.— 155 с.
- Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— М., 1982.— 327 с.
- Симоненко А. В.* Сарматы в Среднем Поднепровье.— В кн.: Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981, с. 52—69.
- Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.).— К., 1975.— 209 с.
- Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов.— М., 1964.— 379 с.
- Смирнов К. Ф.* Курганы біля м. Великого Токмака.— АП УРСР, 1960, т. 8, с. 176—178.
- Смирнова Г. И.* Поселение у с. Незвиско в первые века н. э.— МИА, 1964, № 116, с. 196—212.
- Смирнова Г. И.* Куштановицкие курганы у села Черный Поток в Закарпатье.— АС, 20, 1979, с. 39—55.
- Смирнова Г. И.* Могильник типа Поенешти — Лукашевка у с. Долиняны на Буковине (раскопки 1977—1978 гг.).— СА, 1981, № 3, с. 193—207.
- Смішко М. Ю.* Селище доби полів поховань у Вікнінах Великих.— Археологія, 1949, т. 1, с. 111—112.
- Смішко М. Ю.* Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР в 1947 р.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 337—378.
- Смішко М. Ю.* Два курганні могильники в околицях с. Ізи Закарпатської області.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 315—336.
- Смішко М. Ю.* Карпатські кургани першої половини I тис. н. е.— К., 1960.— 186 с.
- Смішко М. Ю., Свешніков І. К.* Могильник III—IV ст. н. е. в с. Дитиничі.— МДАПВ, 1961, т. 3, с. 89—114.
- Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне).— СА, 1956, № 25, с. 138—170.
- Спицын А. С.* Предметы с выемчатой эмалью.— Спб., 1903.— 44 с.
- Спицын А. С.* Историко-археологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца.— ЖМНП, 1909, № 1, с. 67—83.
- Спицын А. С.* Древности антов.— В кн.: Сборник отделения русского языка и словесности АН УССР. М., 1928, с. 492—495.
- Стачев С, Иванов С.* Некропольт до Нови Пазар.— София, 1958.— 105 с.
- Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья.— Киев, 1975.— 167 с.
- Сухобоков О. В.* Некоторые итоги исследований на славянско-древнерусских памятниках Днепровского Левобережья.— В кн.: Тез. докл. XVII конф. Ин-та археологии АН УССР. Ужгород, 1978, с. 110—111.
- Сухобоков О. В., Иченская О. В., Юренко С. П.* Новые исследования раннеславянского поселения близ Опoшни.— АО 1975 г. М., 1976.— с. 372.
- Сухобоков О. В., Иченская О. В., Орлов Р. С.* Раскопки у с. Каменное.— АО 1977 г., М., 1978, с. 387—388.
- Сухобоков О. В., Юренко С. П.* Этнокультурные процессы на территории Левобережья Украины в I тысячелетии н. э.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 124—142.
- Сухобоков О. В., Орлов Р. С., Иченская О. В., Юренко С. П.* Работы Левобережной славяно-русской экспедиции.— АО 1978 г. М., 1979.— 318 с.
- Сухобоков О. В.* Про деякі проблеми вивчення роменської культури.— Археологія, 1971, вип. 3, с. 37—49.
- Сымонович Я. А.* Памятники Черняховской культуры степного Поднепровья.— СА, 1955, № 24, с. 282—316.
- Сымонович Э. А.* Раскопки поселения у с. Ломоватое 2.— КСИА, 1960, вып. 79, с. 21—26.
- Сымонович Э. А.* Городище Колочин I.— МИА, 1963, № 108, с. 97—137.
- Сымонович д. А.* Стекланные кубки из Журовки.— КСИА, 1964, вып. 102, с. 8—12,

- Симонович Е. О. Черняхівські племена Подніпров'я (культура і етнос).— Археологія, 1973, вип. 10, с. 9—22.
- Симонович д. А. Древности Скандинавии и Прибалтики на территории культуры полей погребений.— КСИА, 1973, № 133, с. 24—31.
- Симонович д. А. Раннесредневековая культура лесной полосы Поднепровья (типа Колонии — Акатово) и ее место в славянском этногенезе.— *Slavia antiqua*, 1975, t. 22, s. 17—28.
- Симонович 9. А. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов.— СА, 1983, № 1, с. 91—102.
- Симонович Э. А., Кравченко Н. М. Погребальные обряды племен Черняховской культуры.— САИ, 1983, вып. Д1-22.— 150 с.
- Телегин Д. Я., Беляева С. О. Пам'ятки ранньослов'янського часу на Орелі.— Археологія, 1975, вип. 18, с. 95—107.
- Терпиловский Р. В. Новые памятники III—IV вв. в Черниговском Подесенье.— В кн.: Новые исследования археологических памятников Украины. Киев, 1977, с. 123—141.
- Терпиловский Р. В. Памятники киевского типа Подесенья и Черняховская культура.— АИНУ 1976—1977 гг.: Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород, 1978, с. 88-89.
- Терпиловский Р. В. Население Нижнего и Среднего Подесенья III—V вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1980.— 22 с.
- Терпиловский Р. В. К сложению памятников киевского типа.— В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в УССР: Тез. докл. Республ. конф. молодых ученых. Киев, 1981, с. 94—95.
- Терпиловский Р. В. О характере контактов киевской и черняховской культур.— В кн.: Тез. докл. симпозиум. «Позднейшие судьбы черняховской культуры». Каменец-Подольский, 1981, с. 45—46.
- Тимошук В. А. Подкарпатские курганы III—V вв. н. э.— КСИИМК, 1953, вып. 52, с. 54—60.
- Тимошук В. О. Слов'яни Північної Буковини V—VI ст.— К., 1976.— 176 с.
- Тимошук В. А., Винокур И. С. Памятники эпохи полей погребений на Буковине.— КСИА, 1962, вып. 90, с. 73—76.
- Тимошук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П. Итоги изучения славянских памятников в Северной Буковине V—X вв.— СА, 1981, № 2, с. 80-93.
- Тиханова М. А. Раскопки поселения III—IV вв. у с. Лепесовки в 1957—1959 гг.— СА, 1963, № 2, с. 178-191.
- Тиханова М. А. Раскопки поселения у с. Лепесовки (к вопросу о происхождении черняховской культуры).— В кн.: Actes du VII Congres international des Sciences Prehistoriques Prague, 1971, t. 1, s. 210—212.
- Тиханова М. А. К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов римскими монетами.— КСИА, 1979, вып. 159, с. 37-43.
- Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва.— К., 1972.— 219 с.
- Третьяков П. Н. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г.— КСИИМК, 1941, вып. 10, с. 10—49.
- Третьяков П. Н. Стародавні слов'янські городища у верхній течії р. Ворскли.— Археологія, 1947, т. 1, с. 123—139.
- Третьяков П. И. Восточно-славянские черты в быту населения придунайской Болгарии.— СЭ, 1948, № 2, с. 170—183.
- Третьяков П. Н. Восточнославянские племена.— М., 1953.— 312 с.
- Третьяков П. Н. Чаплинское городище.— МИА, 1959, № 70, с. 119—154.
- Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— М.; Л., 1966.— 308 с.
- Третьяков П. Н. О древнейших русах и их земле.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 179—187.
- Третьяков П. Н. Об истоках культуры роменско-боршевской группировки.— СА, 1969, № 4, с. 18—80.
- Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности.— Л., 1970.— 156 с.
- Третьяков П. Н. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье.— В кн.: РВД, с. 40—118.
- Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен.— Л., 1982.— 142 с.
- Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины.— М., 1968.— 290 с.
- Труды Волго-Донской экспедиции. Т. 1—3.— МИА, 1958, № 62; 1959, № 75; 1963, № 109.
- Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков VI-VII вв.).— М., 1974.— 352 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.— М., 1973, т. 4.
- Федоров Г. В. Тиверцы.— ВДИ, 1952, № 2, с. 250-259.
- Федоров Г. Б. Лукашевский могильник.— КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 51—62.
- Федоров Г. Б. Население Прутско-Днепровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1960, № 89.— 378 с.
- Федоров Г. Б. Малаештский могильник.— МИА, 1960, № 82, с. 253-302.
- Фенін О. В. Знахідки римських монет у Прикарпатті.— Археологія, 1951, т. 5, с. 92—104.
- Флеров В. С. Лощеная керамика салтовомаяцкой культуры как исторический источник: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— М., 1981.— 23 с.
- Халюк П. И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга.— МИА, 1963, № 108, с. 320-350.
- Халюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга.— РВД. Л., 1974, с. 181—215.
- Халюк П. И. Зарубинецька культура Північного Побужжя та Лівобережжя Середнього Дністра.— Археологія, 1975, вип. 18, с. 7-19.
- Халюк П. И. Про виробництво жорен на черняхівських поселеннях Побужжя.— Археологія, 1980, № 34, с. 30—34.

- Хвойка В. В.* Поля погребений в Среднем Поднепровье.— ЗРАО, 1901, т. 12, вып. 1/2, с. 172-190.
- Хвойка В. В.* Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена.— Киев, 1913.— 101 с.
- Цигилик В. М.* Нові матеріали до вивчення культури карпатських курганів у Закарпатській області.— В кн.: МДАПВ, 1962, вип. 4, с. 71—79.
- Цигилик В. М.* Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери.— К., 1975.— 170 с.
- Циндровська Л. О.* Про деякі типи фібул перших століть нашої ери на Середньому Подніпров'ї.— Археологія, 1982, вип. 37, с. 86—94.
- Черных Е. И., Бараева Т. Б.* Сплавы цветных металлов.— МИА, 1972, № 187, с. 63—89.
- Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. : Классификация и хронология.— КСИА, 1978, № 156, с. 16—21.
- Шмидт Е. А.* Днепро-двинские племена в I тыс. н. э. : Авто реф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1975.—34 с.
- Шрамко Б. А.* Новые детали устройства древнеславянских жилищ.— СА, 1960, № 4, с. 319—321.
- Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца.— Харьков, 1962.— 402 с.
- Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Древности степного Крыма. Северное Присивашье в V—I тыс. до н. э.— Симферополь, 1969.— 97 с.
- Щукин М. Б.* О трех датировках черняховской культуры.— КСИА, 1967, № 112, с. 8—13.
- Щукин М. Б.* Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор.— СА, 1968, № 2, с. 41—51.
- Щукин М. Б.* К хронологии и стратиграфии поселения первых веков н. э. у с. Незвиско.— АСГЭ, 1972, вып. 35, с. 59—61.
- Щукин М. Б.* О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян.— СА, 1975, № 4, с. 57—70.
- Щукин М. Б.* О начальной дате черняховской культуры.— Prace archeologiczne, 1976, z. 22, s. 303—317.
- Щукин М. Б.* Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян.— In: Rapports du I^{er}le. Congres International d'Archeologie Slave, Bratislava, 1980, t. 2, s. 399—411.
- Юренко С. П.* Днепровское Лесостепное Левобережье в VII—VIII вв. н. э. (волынецовская культура) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1983.—24 с.
- Almgren O.* Nordeuropäische Fibelformen.— Leipzig, 1923.— 184 S.
- Alföldi A.* Zeleték a Hun Korszakkól es ethnikai szetvalasztásuk.— AH, 1932, t. 9.—90 s.
- Babeş M.* Moldova centrala ?i de nord in secolele II—I î. e. n. (cultura Poinesti — Lukasevka).—In: Rezultatul tezei de doktorat. Bucureşti, 1978, p. 1—25.
- Behm-Blanke* Gesellschaft und Kunst den germanen.— Leipzig, 1973.
- Bialekova D.* Nove vcasnoslovenske nalezy z Juno-Zapadneho Slovenska.— SA, 1962, s. 97—148.
- Böhme H. W.* Germanische Greberfund des 4 bis 5 Jahrhunderts.— München, 1974.— 384 S.
- Bona I.* Studien zur Frühhanarischen Reitergrab von Szegvar.— AAH, 1980, t. 32, S. 52.
- Borkovski I.* Staroslovanska keramika ve sredni Europe. Studie k počatkam slovanske kultury.— Praha, 1940.— 95 s.
- Budinsky-Kricka V.* Slovanske popelnicove pole z doby prahradistnej vo Wycapach — Opatovicach, okr. Nitra.— MS, 1947, 5, s. 135—144.
- Budinsky-Kricka V.* Pohrebicko z neskorej doby avarskej v Zitavskej Toni na Slovensku.— SA, 1956, 6—1, s. 61—69.
- Chisvasi-Comsa* Slavii de răsărit pe teritoriul RPR si pătrunderea elementului romanic in Moldova pe baza, datelor arheologice.— SCIV, 9, N 1, 1958, s. 73—89.
- Chropovsky B.* Vyvoi a stav archeologickeho vyskumu doby welkomoravskey.— SA, 1971, 9—2.
- Diaconu G.* Tiigior necropola din secolele III—IV n. e.—Bucureşti, 1965.—331 p.
- Dąbrowska T.* Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie latenskim i wczesnym okresie rzymskim.— MSW, 1973, t. 2, s. 127—254.
- Dąbrowska T.* Cmentarzysko kultury przeworskiej w Karczewcu pom. Węgrów.— MSW, 1973a, s. 256—310.
- Dąbrowski K.* Osadnictwo z okresów późnolatenckiego i rzymskiego na stan. I w Piwonicach, pow. Kulisz.— MS, 1958, t. 4.— 91 s.
- Dąbrowski K., Kozłowska R.* Dwie osady we wsi Piwonice.— MS, 1959, t. 5, s. 283—327.
- Domański G.* Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III—I wieku p. n. e. Ossolineum, 1975.— 275 s.
- Donat P.* Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa von 7 bis 12 Jahrhundert, Schriften zur nnH Pnihecschihte N 3, Berlin, 1980, S. 5-250.
- Eggers H.* Der römische Import im Frein Germanien.— Hamburg, 1951.— 212 S.
- Fettich N.* Die Metalkunst der Landschamenden Ungarn.— AH, 21, 1937.— 175 p.
- Gardawski A.* Chodlik, Wroctaw etc. Ossolineum, 1970.— 140 s.
- Godłowski K.* Materiały z cmentarzyska z późnego okresu wptywów rzymskich w Opotowie, pom., Kłobuck.— MA, 1959, t. 1, s. 173—275.
- Godłowski K.* Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna.— Okres lateński w Europie. Krakow, 1977, s. 58—61.
- Godtowski K.* The Chronology of Late Roman and Early Migration Period in Central Europe.— PA, 1970, p. 57—120.
- Hachmann R.* Die Chronologie der jünderen von römischen Eisenzeit.— In: Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. München, 1961, Bd 41.
- Hadaczek K.* Grabarka Niesiuchowska.— Teka Konserwatorska. Lwów, 1900.— 18 s.
- Haukemes B.* Römische Keramik aus Heidelberg — Materialien zur Römisch — Germanischen Keramik. Bonn, 1964, H. 8.

- Hagen J.* Ausgewählte römische Gräber aus Köln. — Bonner Jahrbücher. 1906, H. 114/115, S. 379—435.
- Herrmann J.* Siedlung, Hirtenschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder und Elbe. — Berlin, 1968.—250 S.
- Hilczzerowna L.* Dorzecze górnej i środkowej Odry od VI do początków XI w.— Wrocław, 1967.—195 s.
- Jahn M.* Die Bewaffnung der Germanen in älteren Eisenzeit.— MB, 1916, 16.—204 S.
- Jahn M.* Der Reitersporn seine Entstehung und früheste Entwicklung.— Lipsk, 1921.—191 S.
- Jamka R.* Ciałopalne cmentarzysko kultury przeworskiej w Ciosnach, pow. Łódz.— PA, 1962, z. 3, s. 112—128.
- Jamka R.* Fibule typu oczkowego w Europie Środkowej ze szczególnym uwzględnieniem ziem Polskich.— MS, 1964, t. 10, s. 30—93.
- Jobst W.* Die Römischen Fibeln aus Lauriacum.— Forschungen in Lauriacum, 1975, Bd. 10.—246 S.
- Jonița I.* Cultura Sîntana de Mureș — Cerneachov pe teritoriul Rominej.— Arheologia Moldovei, 1966, 4.
- Jonița I.* The social economic structure of society during the Goths migration in the Carpatho — Danubian area.— In: Relations between the autochthonous population and the migratory population on the territory of România. București, 1975, p. 77—89.
- Kisa A.* Das Glas in Altertums.— Leipzig, 1908, T. 3.—980 S.
- Rolnik T.* Pohrebisko v Besedove. Prispevok k studiu doby rimskej na Slovensku.— SA, 1961, 9—4, s. 84—86.
- Kolnik T.* K typologii a chronologii niektorých spon z mladšej doby rimskej na juhozápadnom Slovensku.— SA, 1965, sv. 13, N 1, s. 183—231.
- Kopernicki J.* Poszukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniestrem.— ZWAK, II, 1878, s. 55—59.
- Kopernicki J.* Mogiła w Strutyniu Niznym — WA, 1923.—sv. 8, s. 194—197.
- Kossak G.* Frühe römische Fibeln aus dem Alpenvorland und ihre Bedeutung für die germanischen Kultur Verhältnisse.— Aus Bauerns Frühzeit, 1962, S. 125—137.
- Kostrzewski J.* Die ostergermanische Kultur der Spätlatenezeit.— MB, 1919, nr. 18, S. 84—139.
- Kovrig I. L.* Hunnischen Kessel aus der Umgebung von Varpalota.— Folia archeologia, 1972, 23, S. 3—15.
- Kozak D.* Eine Bestattung aus ersten nachchristlichen Jahrhundert am Oberlaut des Dnjestr.— Germania, 1982, vol. 60—2, S. 534—545.
- Krüger B.* Dessau — Mosigkau.— Berlin, 1967.—54 S.
- Lamiova-Schmiedlova M.* Spony z doby rimskej na Slovensku.— SZ AUSAV, 1961.
- Lószló G.* Studes archeologues sur l'histoire de Societe des avars.— AH, s. n. 1955, 34, old. 80—150.
- Leahu V.* Săpăturile archeologice de la Catel-Nou, Cercetări în București, 1965, vol. 2.
- Liana T.* Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim.— WA, 1970, t. 35, z. 4, s. 429—490.
- Lindenschmidt L.* Handbuch der deutschen Altertumskunde.— Braunschweig, 1880.—Bd. 1.
- Macrea M.* Les daces à l'époque romaine a la lumiere des recentes fouilles archeologiques.— Dacia, 1957, vol. 1, p. 119—154.
- Macrea M.* Șantierul archeologic Casolt — Boila.— MCA, 1959, vol. 6, p. 407—445.
- Macrea M., Rusu I.* Der dakische Friedhof von Poralissum und das Problem der dakischen Bestattungsbräue in der Spätlatenezeit. 1960, 4, S. 226—229.
- Marciniak J.* Cmentarzysko ciałopalne z okresu późnolatenskiego w Wilanowie koło Warszawy.— MS, 1957, t. 2, s. 1—174.
- Mihailescu-Birliba V.* Un nouveau groupe culturel sur ee territoire de Roumanie Les fouilles de Bratiste — Nemtisor (Comm. de Vinători, dep. de Neamț).— Dacia, n. s. 1980, 24, p. 181—207.
- Mitrea B., Preda K.* Necropole diu secolul »1 IV n. e. in Muntenia.— București, 1966.—194 p.
- Morintz S.* Săpăturile de la Chilia.— MCA, 1962, t. 8.
- Navickaite-Kuncieni O.* Reketes kapininas.— LAP, Vilnius, 1968, s. 161—183.
- Nestor I.* La necropole slave de'époque ancienne de Serata Monteoru.— Dacia, București, 1957, 51, p. 289—295.
- Okulicz J.* Studia nad przemianami kulturowymi i osadniczymi w okresie rzymskim na Pomorzu Wschodnim, Mazowszu i Podlasiu.— AP, 1970, t. 15, s. 419—498.
- Okulicz J.* Cmentarzysko zokresów późnolatenskiego i rzymskiego w miejscowości Dobrzankowopow. Przasnysz.— MSW, 1971, t. 1, s. 127—168.
- Oelmann F.* Die Keramik des Kastelles Niederbieber.— In: Materialien zur romischgermanischen Keramik, Frankfurt, 1914.
- Parducz M.* Denkmäler der Sarmatzeit. Ungarns.— III-AH - XXVIII, Budapest, 1944.—856 old.
- Parvan F.* Getica.—București, 1926.—850 p.
- Pelichet E.* A propos des amfores romaines trouvees a Nyon.— Zeitschrift für Schweizerische archeologie und Kunstgeschichte, 1946, Bd. 8, H. 3.
- Perkins B.* Ward Roman Bas-relief Avignon.— Antiquity, 1937, 11.
- Pieta K.* Sidlisko z doby rimskej w Belusi.— SA, 1979, 22, s. 98—102.
- Poulik J.* Juzni Morava — Zeme davnych slovanu.— Brno, 1950.—169 s.
- Prahistoria* ziem Polskich, Późny okres lateński i okres rzymski.— Ossolineum, 1981, T. 5.—460 s.
- Raddatz K.* Der Thorsberger Moorfund. Gurtelteile und Körperschmuck.— Offa-Bücher, 1957, Bd. 13, S. 145—148.
- Reinecke P.* Aus der russischen archaeologische Literatur.— Meinzer Zeitschrift, 1906, 1, S. 42—51.

- Robinson H.* Pottery of the Roman Period Chronology.— In: Athenian Agora. Princeton; New Jersey, 1959, vol. 5, p. 83.
- Schindler R.* Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum auf Grund der Tongefasse.— Leipzig, 1940.— 64 S.
- Szombathy J.* Prähistorische Recognoscie rungenstour nach der Bukowina im Jahre 1893.— In: Jahrb. des Bukowiner Landes-Museums. Czernowitz, 1894, Bd 2.
- Silven U.* Pr-ovinsialromerska emalyspannen.— Töz, 1961, t. 7, S. 115—123.
- Umiszko M.* Kultury wczesnego okresu epoki zesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej.— Lwów, 1931.— 193 S.
- Smiszko M.* Znaleźisko wczesnorzymskie w Kolo-koline, pow., Rohatynski.— W A, 1935, t. 13, s. 159—161.
- Svoboda B.* Cechi vo dobe stehovani narodov.— Praha, 1965.— 165 s.
- Szczukin M.* Zabutki wielbarskie a kultura czerniachowska.— In: Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981, s. 143—160.
- Szymański W.* Scheligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza.— Wrocław ets., 1967.— 397 S.
- Tackenberg K.* Zu den Funden von Lukasche vka un Bezirk Kischenev Moldav Republik.— Alt — Thüringen Jahreschrift des Museums für Ur — Frühgeschichte Thüringens, 1962-1963, Bd. 6, S. 403-427.
- Tejral J.* Markomanske valky a otaaska rimskeho dovozu na Moravu v období po Kommodove miro.— AR, 1970, 22, 4, s. 389—411.
- Tejral J.* Morava na sklonku antiku. — Praha, 1982.— 152 s.
- Teodor D.* Teritoriul estcarpatic in ve curile V—XII v, p.: Contribuții archeologice ? i istorice la problema formarii populii roman.— Jasi, 1978.— 223 s.
- Thomas S.* Studien zu den germanischen Kämnen der romischen Kaiserzeit.— Arb. und Fors. zur sachsichen Bodendenkmalpflege, 1960, N 8, S. 54—215.
- Todorović J.* Kelti w jugoistochej Europi.— Beograd, 1968.— 180 s.
- Toth E. II.* Frühawarenzeitlichen Grabfund in Kaskemet.— AAH, III0, 31.
- Uenze S.* Schnellen mit Riemenschloufe aus dem 6 und 7 Jahrhundert: Baugerische Volgeschichtsblätter, 1966, S. 142—146.
- Veeck V.* Die Alamannen in Hürtenberg.— 1931.— 189 S.
- Vulpe R.* Săpăturile defa Poinesti din 1949.— Materiale archeologice privind istoria veche a RPR, 1953, voi. 1, p. 30—506.
- Vulpe R. et E.* Les touilles de Poiana.— Dacia, 3/4, 1927/29.
- Vulpe R.* Izv are. Săpăturile din 1938—1948.— București, 1957.— 186 p.
- Werner J.* Slawische Bügelfibeln des 7 Jahrhunderts — Reinecke Festschrift zum 77 Geburtstag von Paul Reinecke. Mainz, 1950, S. 157—159.
- Werner J.* Beiträge zur Archäologia des Attila Reiches.— München, 1956, S. 225—229.
- Werner J.* Zu einer eltgermanischen Fibel des 5 Jahrhunderts aus Gaukönigshofen.— Bayerische Vorgeschichte — Blätter, München, 1981, Jahrgang 46, S. 225—254.
- Wielowiejski J.* Kontakty Norieum i Panonii z ludami polnocznymi.— Warszawa etc., 1970, s. 35—43.
- Zak Y.* Najstarsze ostrogi zachodniosiowiãnskie.— Warszawa etc., 1959.— 271 s.
- Zeman J.* Severni Morava v mladi dobe rimske.— Praha, 1961.— 127 s.
- Zeman J.* Nejstarsi slovanske osidleni Cech.— PA, N 1, 1976, s. 115—235.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ	— Археологические исследования в Молдавии	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
АИНУ	— Археологические исследования на Украине	НА ІА АН УРСР	— Науковий архів Інституту археології АН УРСР
АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России	НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
АО	— Археологические открытия	РВД	— Раннесредневековые восточнославянские древности
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР	СА	— Советская археология
АС	— Археологический съезд	САИ	— Свод археологических источников
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа	СЭ	— Советская этнография
ВДИ	— Вестник древней истории	ААН	— Acta archaeologica Hungarica
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения	АН	— Archaeologia Hungarica
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества	AR	— Archeologieke Rozhledy
ИАК	— Известия Археологической комиссии	AP	— Archeologia Polski
ИГАИМК	— Известия государственной Академии истории материальной культуры	МА	— Materiały archeologiczne
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	МСА	— Materiale Cevcetari Archeologie
КСИА УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР	MS	— Materiały starożytne
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры	MSW	— Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет	SA	— Slovenska archeologia
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині	SCIV	— Studii si cercetări de istorie veche
		SZ AUSAV	— Studijné zvesti Archeologickeho Ostaya Slovenskej Akademie Ved v Nitre
		PA	— Prace archeologiczne
		LAP	— Lietuvos Archeologiniai Paminklai
		ZWAK	— Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej
		WA	— Wiadomości archeologiczne

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хронология памятников территории Украинской ССР рубежа — I тыс. н. э.

Хронология основных памятников конца III в. до к. з. — III в. н. э.

Памятники сармат

Памятник	Датировка						
	300	200	100	0	100	200	300
Яремовка	_____						
Старобельск	_____						
Балаклея	_____						
Аккермень	_____						
Нижние Серогозы	_____						
Вороная	_____						
Михайловка	_____						
Ушкалка	_____						
Кут	_____						
Грушевка	_____						
Битница	_____						
Янчекрак		_____					
Новофилипповка			_____				
Усть-Каменка			_____				
Колонтаево				_____			
Емчиха				_____			
Гришенцы				_____			
Кагарлык				_____			
Цветна				_____			
Петрик				_____			
Ружичанка				_____			
Райгород				_____			
Островец				_____			
Киселев				_____			
Богодар					_____		
Лихачевка					_____		
Ленковцы					_____		

Зарубинецкая культура

Памятник	Датировка					
	300	200	100	0	100	200
Пилипенкова		_____				
Гора		_____				
Козаровичи (уроч. Выгон)		_____				
Басовка		_____				
Харевка		_____				
Сахновка (уроч. Московка, Селище)		_____				

Памятник	Датировка					
	300	200	100	0	100	200
Суботов (поселение)						
Пирогов						
Монастырек						
Зарубинцы (поселение)						
Корчеватое						
Триполье						
Таценки						
Оболонь						
Лютеж						
Козаровичи (уроч. Цегельня)						
Бабина Гора,						
Дедов Шпиль						
Суботов (могильник)						
Марьяновка,						
Носовцы						
Рахны						
Грини						
Рудяки						
Трубеш						

Памятники Прутско-Днестровского междуречья

Памятник	Датировка			
	200	100	0	100
Поенешти (могильник)				
Лукашевка »				
Круглик (погребение)				
Гринчук »				
Лукашевка (поселение)				
Круглик »,				
Сокол »				
Горошова »				
Долиняны (могильник)				

Пшеворская культура

Памятник	Датировка				
	100	0	100	200	300
Подберезцы					
Пасеки-Зубрицкие					
Чишки					
Комарно					
Черепин					
Бендюга					
Гринев					

Памятник	Датировка				
	100	0	100	200	300
Остров-Варков	---	-----			
Подрожье	-----				
Боратин				-----	
Хоров				-----	
Подборцы				-----	
Звенигород				-----	
Лучка				-----	
Монастыриха				-----	
Хотимир				-----	
Зубра				-----	
Сокольники I					-----
Березец					-----
Переводов				-----	
Добростаны				-----	
Перепельники				-----	
Каменка-Великая					-----
Репужинцы					-----
Петрилов					-----
Капустянцы					-----
Иване-Золотое					-----

Липицкая культура

Памятник	Датировка		
	0	100	200
Верхняя Липица (могильник)		-----	
Верхняя Липица (поселение)		-----	
Гринев		-----	
Звенигород (могильник)	-----		
Звенигород 3	-----		
Звенигород 4	-----		
Болотня	-----		
Чижиков		-----	
Колоколин	-----		
Ремезовцы		-----	
Черепин		-----	
Незвиско		-----	

Хронология основных памятников конца II—V в. н. э.

Черняховская культура

Памятник	Датировка				
	100	200	300	400	500
Черепин		_____			
Ружичанка		_____			
Раковец		_____			
Каборга IV		_____			
Незвиско		_____			
Бовшев II		_____			
Репнев II		_____			
Привольное		_____			
Черняхов		_____			
Ромашки		_____			
Косаново		_____			
Журовка		_____			
Маслово		_____			
Гавриловка		_____			
Ранжево		_____			
Теремцы		_____			

Киевская культура

Памятник	Датировка			
	200	300	400	500
Сушки 2		_____		
Беседовка		_____		
Козаровичи		_____		
Новые Безрадичи		_____		
Мена 5		_____		
Глеваха		_____		
Обухов III (под 1)		_____		
Лавриков лес		_____		
Киреевка		_____		
Салтыкова Девица 2		_____		
Вишенки		_____		
Обухов II		_____		
Роище		_____		
Ульяновка		_____		

Культура карпатских курганов

Памятник	Датировка				
	100	200	300	400	500
Иза		_____			
Нижний		_____			
Струтинь		_____			
Грабовцы		_____			
Марковцы		_____			
Грушев		_____			
Каменка		_____			

Памятник	Датировка				
	100	200	300	400	500
Ганев			_____		
Волосов				_____	
Королевка				_____	
Глубокая (могильник)			_____		
Глубокая (поселение)		_____			
Бранешты- Немцишор			_____		
Стопчатов				_____	
Переросль				_____	
Мышин			_____		

Вельбарская культура

Памятник	Датировка			
	100	200	300	400
Любомль			_____	
Могиляны			_____	
Боратин			_____	
Лепесовка			_____	
Дитиничи			_____	
Ромош				_____
Горькая Полонка I				_____
Великая Слободка I				_____
Шершни				_____

Хронология основных памятников V—VII вв. н. э.

Пражская культура

Памятник	Датировка			
	400	500	600	700
Рашков II			_____	
Рашков III			_____	
Лука-Каветчинская			_____	
Зеленый Гай			_____	
Гореча			_____	
Устье			_____	
Кодын I		_____		
Городок			_____	
Бовшев I			_____	
Бовшев II			_____	
Репнев II			_____	
Корчак VII			_____	
Корчак IX			_____	
Зимнее			_____	
Незвиско			_____	

Пеньковская культура

Памятник	Датировка			
	400	500	600	700
Андрусовка I				
Андрусовка III				
Беляевка				
Будище				
Вильховчик				
Волосское (Сурская Забора)				
Гайворон				
Заньки				
Игрень-Подкова				
Кочубеевка				
Крещатик				
Куна				
Луг I				
Луг II				
Майорка				
Молочарня				
Осиповка				
Реча				
Семенки				
Селиште				
Скибинцы				
Стецовка				
Сухая Гомольша				
Сушки				
Ханска II				
Хитцы				
Хуча				

Колочинская культура

Памятник	Датировка				
	300	400	500	600	700
Ходосовка					
Сенча					
Курган Азак					
Заярье					
Колодезный Бугор					
Смяч					
Целиков Бугор					
Усох					
Княжий					
Картамышево 2					
Лебяжье 1					

Хронология основных памятников конца VII—X в. н. э.

Памятники типа Луки-Райковецкой

Памятник	Датировка				
	700	800	900	1000	1100
Сахновка		_____			
Подрожье		_____			
Городок		_____			
Бакота			_____		
Кодын			_____		
Ханска			_____		
Рашков I		_____			
Макаров Остров		_____			
Лука-Райковецкая			_____		
Буки			_____		
Шумск			_____		
Григоровка			_____		
Ревно I А			_____		
Добриновцы			_____		
Хотомель				_____	
Репнев I		_____			
Канев		_____			
Монастырек		_____			

Волынцевская культура

Памятник	Датировка		
	600	700	800
Беседовка		_____	
Битица		_____	
Васильки		_____	
Волки		_____	
Волынцево		_____	
Засулье		_____	
Киев (Детинка)		_____	
» (Киселевка)		_____	
» (Китаевка)		_____	
Киселевка 2		_____	
Латышевка I		_____	
Малые Будки		_____	
Монастырек		_____	
Новотроицкое		_____	
Обухов II		_____	
Опошня		_____	
Пески		_____	
Сосница		_____	
Стрелица		_____	
Харевка (уроч Трифон)		_____	
Хитцы		_____	
Ходосовка		_____	
Целиков Бугор		_____	
Шестовица (уроч. Коровель)		_____	

Роменская культура

Памятник	Датировка			
	700	800	900	1000
Новгород-Северский				
Пушкари				
Сосница				
Горбово				
Любеч				
Малый Листвен				
Чернигов				
Блистова				
Шестовица				
Червоный Ранок				
Лухтовка				
Латышевка 2				
Путивль				
Волынцево (уроч. Курган)				
Ромны (уроч. Монастырище)				
Воинская Гребля				
Лубны (уроч. Верхний Вал)				
Скоробогатьки (уроч. Гаивщина)				
Зеленый Гай (уроч. Старое Крейдище)				
Новотроицкое				
Каменное				
Ницаха (уроч. Малый Балкан)				
Полтава (Красная площадь)				
Опошня				
Харьков (уроч. Карачевка)				
Городное				

Салтовская культура

Памятник	Датировка			
	700	800	900	1000
Верхний Салтов				
Нетайловка				
Сухая Гомольша				
Мохнач				
Жовтневое				
Шейковка				
Новолимаревка				
Рогалик				
Тау-Кипчак				
Героевка (нижний слой)				
Тепсень				
Кордон-Оба				
Героевка (верхний слой)				

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	3	4. Культура кочевников VIII вв	IV—98
I. ПОЗДНЕЛАТЕНСКОЕ И РАННЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ НА УКРАИНЕ	5	IV. КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ В ПРЕДГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД	106
1. Сарматы на Украине	5	1. Славянская культура Правобережья Днепра (типа Луки-Райковецкой)	106
2. Зарубинецкая культура	10	2. Волынцевская культура	116
3. Культура Поенешти — Лукашевка	17	3. Роменская культура	125
4. Пшеворская культура и волыно-подольская группа	25	4. Салтовская культура	135
5. Лишцкая культура	34	V. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ УКРАИНСКОЙ сер в і тыс. н. э	141
II. ПОЗДНЕРИМСКИЙ ПЕРИОД И НАЧАЛО ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ	42	Заключение	157
1. Черняховская культура	42	Список литературы	164
2. Киевская культура	51	Список сокращений	175
3. Культура карпатских курганов	59	Приложение	178
4. Вельбарская культура	68	Хронология памятников территории Украинской ССР рубежа — I тыс. н. э	176
III. ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР	76		
1. Пражская культура	76		
2. Пеньковская культура	85		
3. Колочинская культура	93		

ВЛАДИМИР ДАНИЛОВИЧ БАРАН,
ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МАКСИМОВ,
АЛЛА ТРОФИМОВНА СМИЛЕНКО и др.

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ
КАРТА ТЕРРИТОРИИ
УКРАИНСКОЙ ССР
В I ТЫС. Н. Э.**

*Утверждена к печати
ученым советом
Института археологии
АН УССР*

Редактор
Т. Н. ТЕЛИЖЕНКО

Художественный редактор
И. М. ГАЛУШКА

Технические редакторы
Г. М. КОВАЛЕВА,
Г. Р. БОДНЕР

Корректоры
Л. И. НОУР,
В. Н. ВОЖОК,
Л. А. ПЕКУРОВСКАЯ

ИВ № 7284

Сдано в набор 19.03.85. Подписано в печ. 14.06.85. БФ 01076. Формат 70X100/16. Бум. тип. № 1. Обыкн. нов. гарн. Вые. печ. Усл. печ. л. 14,95. Усл. кр.-отг. 15,44 Уч.-изд. л. 17,01. Тираж 1000 экз. Заказ 5—913. Цена 2 Р. 80 коп.-

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полиграфкнига». 252057 Киев. ул. Довженко, 3 с Киевской книжной типографии научной книги* 2520114. Кивв 4. ул. Репина, 4, Зак. 5—567.